

3

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ЗВЕЗДНЫЙ ЛЕГИОН

Сборник фантастических произведений

Перевод с английского

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992

ББК 84.7 США
Б51

Составитель АО «ЭГОС»

Оформление художника
Н. ЗУБКОВА

Б $\frac{4703010100}{7183-92}$ без объявл.

ISBN 5-7183-0041-0

© Составитель АО «ЭГОС»
© Оформление Н. Зубков
© РТГИЦ «ТОКСИ», макет

АНДРЕ НОРТОН

ЗВЕЗДНЫЙ ЛЕГИОН

Перевод с английского

ВСТУПЛЕНИЕ

НАЕМНИКИ

«Когда господствующая раса одной из девяти планет, вращающихся вокруг желтой звезды, известной под названием Солнце и расположенной на краю Галактики, приобрела знания о космических полетах и появилась на наших трассах, возникла проблема, которую предстояло решить Центральному Контролю и решить быстро. Этим «людей», как они себя называют, объединяют любопытство, отвага, техническое искусство с недоверием к остальным расам и видам и врожденной склонностью к конфликтам. Их реакция на любую проблему агрессивна. Если бы это их свойство не было сразу понято и направлено в нужное русло, возможно, их влияние уничтожило бы мир на межзвездных линиях и повлекло бы весь сектор в войну.

Но немедленно были приняты соответствующие меры и землянам была предоставлена роль, которая не только соответствовала их природе, но и давала благополучный выход для воинственных представителей системы, образующих нашу великую конфедерацию.

После тщательного изучения и оценки психотехники Центрального Контроля землянам была отведена роль наемников Галактики, пока эти слишком независимые и агрессивные существа не станут менее опасными.

Так появились «орды» и «легионы», которые мы снова и снова встречаем в истории различных планет этого периода. Орды, состоящие из «арчей», и легионы «мехов» были к услугам любого правителя планеты, который с их помощью хотел усилить свое влияние.

Арчи должны были нести службу на примитивных планетах. Они были вооружены боевой техникой, но относились к войне, как к игре, задача которой — вынуждать противника признать себя побежденным без сражения.

Новорожденные «люди» с помощью специальных тестов делятся на арчей и мехов. После усиленного обу-

чения они получают назначение к одному из полевых командиров. Часть платы, получаемой командиром от нанимателя, переводится на Землю. Иными словами, Земля стала экспортером солдат и военных материалов. Спустя поколения земляне признали свою роль без всяких вопросов.

Триста лет спустя (прошу всех студентов обратиться к тому номер шесть, колонка 2, дата 3956 год соответствует земному летоисчислению, мы используем ее, поскольку изложение основано, главным образом, на записях самих землян) небольшая орда была нанята воспитавшим туземным правителем на Фронне. И изменила историю своей расы, и, может, всей Галактики. Пока еще не ясно, приведет ли это изменение к добру...

Из лекции по Галактической истории, прочитанной в Галактическом университете Закона в 4130 году по земному летоисчислению.

ГЛАВА I

МЕЧНИК, ТРЕТИЙ КЛАСС

Поскольку он никогда раньше не был в Прайме, Кану Карру, мечнику третьего класса, арчу, больше всего хотелось оставить свое узкое сидение и смотреть в иллюминатор на башни, возносившиеся в бледно-голубое утреннее небо. Но сделать это—значит показать себя зеленым новичком, и ему пришлось удовлетвориться беглыми взглядами. Больше чем когда-либо негодовал он на судьбу: он явился в штаб-квартиру на месяц позже своего класса и был, вероятно, единственным новичком среди ожидавших назначения в зале Найма.

Само пребывание в Прайме действовало возбуждающе. Это была цель, к которой они стремились десять лет. Кана Карр опустил походный мешок и вытер влажные руки о ткань брюк: хотя стоял прохладный весенний день, он потел. Жесткий воротник новой зелено-серой куртки резал горло, бока шлема терли, а личное снаряжение весило больше, чем когда-либо раньше.

Ему казалось, что все взгляды прикованы к простым ремням, скрещающимся на его плечах, к шлему без верхушки; он чувствовал себя «белой вороной» в этом окружении ветеранов, амуниция которых сверкала бесчисленными знаками отличия за успешно выполненные операции.

«Что ж,—про себя в который раз повторял он,—достичь такого положения—лишь вопрос времени. Каждая из этих сверкающих фигур когда-то тоже была лишена знаков отличия и пребывала в такой же неуверенности...»

Внимание Каны привлек другой, ослепительно яркий, цвет среди моря серо-зеленого и серебряного. Губы его сжались, голубые глаза, поразительно живые на смуглом лице, приобрели холодное выражение. У входа в здание приземлился мобиль. Из него выбрался приземистый человек, закутанный в ярко-алый плащ. За ним—еще двое в черном и белом. И, как будто их прибытие послужило сигналом, солдаты-земляне расступились, образуя широкий проход к двери.

«Но это не знак почета»,—яростно напомнил себе Кана Карр. Земляне на своей планете не оказывали почестей галактическим агентам, разве что в таком стиле, который подчеркивал их неприязнь. Обязательно наступит время, когда...

Сжимая кулаки следил он, как красный плащ и сопровождающие его галактические патрульные исчезли в зале Найма. Кана прежде не общался непосредственно с агентами. Негуманоидные существа, которые были его инструкторами после того, как выяснилось, что он способен усвоить чуждые знания, принадлежали совсем к другим классам. Может, потому что они были негуманоидами, он никогда не думал о них, как о членах Центрального Контроля, которые несколько поколений назад так жизнерадостно называли обитателей Солнечной системы «варварами», не пригодными для галактического гражданства, за исключением предоставленных им узких рамок. Он сознавал, что вовсе не все его товарищи так же негодуют из-за этого, как он. Большинство его соучеников, напротив, были вполне довольны уготованной им судьбой. Открытое неповиновение означало рабочие лагеря и никаких шансов на выход в космос. Только солдат, обученный военному делу, имел возможность отправиться к звездам. И как только Кана уяснил себе это, он решил стать образцовым арчем и даже находил в обучении утешение, которое смягчало его жгучую ненависть к тем, кто мешал ему занять достойное место.

Резкий звук военного свистка вернул его на землю к насущным проблемам. Кана надел на плечи мешок и поднялся по ступеням, по которым только что прошел агент. Оставив мешок на полке у двери, он занял место в ряду людей.

Мехи в своих серо-синих комбинезонах и пузырчатых шлемах превосходили по численности арчей в этой части зала. И немногие арчи поблизости от Каны были ветеранами. Поэтому, даже окруженный своими, Кана чувствовал себя здесь таким же одиноким, как и на улице.

— Они пытались прикрыть крышку, но Фальфа отказался от назначения для своего легиона, — говорил слева от него мех, человек лет тридцати, с десятью почетными нашивками, не делая усилий, чтобы приглушить свой громкий голос.

— Его занесут в список за отказ, — с сомнением ответил его собеседник. — В конце концов, не всегда ему будет везти.

— Везти? Два легиона не вернулись с этого задания, а ты говоришь о везении! Я слышал, что начато расследование. Знаешь ли ты, сколько легионов вычеркнуты за последние пять лет из состава? Двадцать! И похоже ли это на простое невезение?

Кана чуть не повторил изумленное восклицание слушателя. Двадцать легионов, пропавших за последние пять лет, — это уже слишком. Если современные вооруженные новейшими средствами легионы, действующие только на цивилизованных планетах, так уничтожаются, то что скажут об ордах, которые служат лишь на варварских мирах? Неужели и они столь же «удачливы»? Неудивительно, что в последнее время начались разговоры: плата, которую Земля отдаст Центральному Контролю, слишком уж велика. Человек перед ним неожиданно продвинулся, и Кана заторопился закрыть образовавшуюся щель. Они стояли у самого барьера. Кана подготовил свой браслет, чтобы показать его ожидавшему дежурному. Эта полоска гибкого металла, вставленная в щель рекордера, автоматически сообщит всю необходимую информацию относительно Каны Карра: происхождение — австрало-малайско-гавайское, возраст — восемнадцать лет и четыре месяца, подготовка — базисная, предыдущая служба — не проходил. И когда полоска браслета окажется в рекордере, возврата не будет. Дежурный взял браслет, взглянул на него с выражением скуки и пропустил Кана.

Внутри было множество пустых сидений — для мехов слева, для арчей справа. Он занял ближайшее и осмелился оглядеться. Прямо перед ним располагалось информационное табло, на котором все время загорались номера, и хотя Кана знал, что его номер не может появиться так быстро, он с напряжением всматривался в бегающие огоньки. Вызванные вставали и уходили в дальний конец зала.

Кана наклонился вперед, чтобы сосчитать людей на своей стороне. По крайней мере, двадцать мечников первого класса, среди них даже два мастера. И пятьдесят или больше солдат без крестов—он был единственный представитель третьего класса. Новобранцы, которые вместе с ним заканчивали обучение, должны быть, уже получили свои назначения. Минутку... красный свет.

Двое солдат второго класса встали, одергивая мундиры и подтягивая пояса. Но прежде чем они успели пройти в проход, произошло непредвиденное. Табло вспыхнуло белым цветом и совсем выключилось, когда на платформе в центре зала появилась небольшая группа людей. Вперед выступил офицер без скрещенных плечевых поясов полевого образца, но с четырьмя звездами на груди. Рядом с ним стоял галактический агент в красном плаще и патрульные. Кана узнал всех трех. Агент был с Веги-2, патрульные—с Капслы-2. Об этом безошибочно свидетельствовала длина их ног.

—Солдаты!—прозвучал натренированный на парадах голос офицера. Наступила тишина.—Недавние события делают необходимым это объявление. Мы провели расследование происшествия на Неверзе с помощью средств Центрального Контроля. Установлено, что наше поражение там—результат местных обстоятельств. Слухи об этом происшествии не должны повторяться никем в Корпусе под угрозой применения Главного кодекса.

Во имя неба! Удивление Кана, возможно, и не отразилось на маскоподобном лице, унаследованном от малайских предков, но мозг его напряженно работал. Сделать подобное объявление—значит просто напрашиваться на неприятности! Неужели офицер не понимает этого? Хмурое выражение лица галактического агента свидетельствовало о его неудовольствии. Происшествие на Неверзе—он впервые слышал об этом. Но он был готов заложить половину своей первой зарплаты, если через девять минут все в этом зале не будут усиленно выяснять, что это за слухи, которые так яростно опровергаются. Слухи будут распространяться, как масло по реке. Похоже, что агент не соглашался с офицером. Но он мог лишь посоветовать, а не отдавать прямые приказы. Да и поздно уже было что-то менять. Если офицер хотел уменьшить напряжение, то он, наоборот, усилил его.

С решительным жестом офицер двинулся по проходу, остальные последовали за ним. Но как только двери за ними закрылись, на табло снова вспыхнули огни, и в зале поднялась настоящая буря.

Кана вовремя успел взглянуть на табло. На его стороне зала встали еще три человека, и следом за их номерами появилась знакомая комбинация, на которую он отвечал последние десять лет и которая для него стала более привычной, чем имя, данное ему родителями.

За дверью он пошел медленно, скромно держась за солдатами, ответившими на тот же вызов. Третий класс есть третий класс, ниже его разве что кадет, еще не закончивший обучения. Он самый младший из всех. Кана скромно вошел в лифт вслед за одним из ветеранов.

Ветеран, судя по чертам лица, был афро-арабом, может быть, с небольшой примесью европейской крови от той горстки беглецов, что спаслись на юге от атомных войн. Он был очень высок, а на его безбородом темном лице виднелись старые шрамы. Множество знаков отличия сверкало на его шлеме и поясе, и среди них—Кана прищурился, чтобы разглядеть—не менее шести высшего ранга. А ведь ему не может быть больше тридцати лет.

Арчи, ответившие на вызов, выстроились в линию в верхнем зале. Ветераны являли собой блестящее зрелище. Арчи и мехи привыкли носить все знаки отличия. Успешно выполненное задание означало появление еще одной драгоценности на поясе или шлеме. В плохие времена эти драгоценности можно было продать или заложить. Такова была форма сбережений на всех планетах Галактики.

Спустя две минуты после двенадцати Кана Карр вступил в помещение офицера, ведающего назначением. Это был мастер-мечник с пластиковой рукой, объяснявшей его нынешнее занятие.

Кана доложил:

—Кана Карр, мечник, третий класс, первое назначение, сэр.

—Нет опыта...—пластиковые пальцы отбивали нетерпеливую дробь на столе,—но высшая степень подготовки—класс X-три. Далеко ли вы продвинулись?

—Четвертый уровень, контакты с чужими культурами, сэр,—Кана гордился этим. Он единственный в своей группе достиг этого уровня.

—Четвертый уровень,—повторил мастер. Тон его свидетельствовал, что на него сей факт не произвел впечатления.—Что ж, это уже кое-что. Мы набираем людей для орды Йорка. Полицейская акция на планете Фронн. Обычные условия. Сегодня вечером вылетите на базу Секундуса, оттуда на Фронн. В пути пробудете около месяца. Условия найма сохраняются на протяжении всей акции. Мо-

жете отказаться—это первый выбор,—он произнес официальную формулу усталым голосом человека, произносившего ее уже много раз.

Кана знал, что ему позволено отказаться дважды, но делать это без достаточно веской причины—значило заработать черную отметку. И полицейская акция—хотя эти слова могли означать что угодно—была отличным способом приобрести опыт.

—Я принимаю назначение, сэр!—он вторично снял браслет и проследил глазами, как мастер вложил его в блок перед собой и нажал клавишу. Когда он получит его обратно, на нем появится звездочка, означающая успешное выполнение задания.

—Корабль стартует в пятом доке в семнадцать часов. Свободны!

Кана отсалютовал и вышел. Он хотел есть. Столовая была открыта, и так как он теперь находился на службе, то мог позволить себе больше, чем обычно. Но нежелание тратить еще не заработанные деньги заставило его заказать обычную для арча пищу. Он склонился над едой, вслушиваясь в обрывки разговоров. Как он и ожидал, объявление в зале Найма породило немало невероятных историй.

—Потеряно пятьдесят легионов за пять лет!—провозглашал мастер-мех.—Нам больше не говорят правды. Я слышал, что Лонгмид и Грот отказались от назначения.

—«Шишки» суетятся,—подхватил мастер-мечник.—Видели, как разговаривал с нами старый Поалкен? Он с радостью вызвал бы патруль и прикончил бы всех. Говорю вам, что нам нужно делать... заняться планетой, которую я мог бы назвать. Это помогло бы...—наступило мгновение тишины. Говорящему не нужно было ничего произносить вслух. Вся ненависть человечества к Центральному Контролю угадывалась за этим напряженным молчанием.

Кана не мог оставаться дольше. Он покинул гудящую столовую. Орда Йорка была небольшой воинской частью. Фитч Йорк, ее начальник лезвия, был молод и командиром стал всего четыре года назад. Но при молодом командире легче выдвинуться. Фронн—этот мир Кана не известен. Но это легко исправить. Кана проделал через множество коридоров путь к тихой комнате с рядами будок у стены. В конце комнаты находился контрольный щит с рядами кнопок. Он набрал нужную комбинацию и стал ждать. Катушка с записью оказалась небольшой. Немногое известно о

Фронне. Кана прошел в ближайшую будку, вложил катушку в ожидающую машину и снял шлем, чтобы приладить к голове ленту передачи образов. Секунду спустя он погрузился в сон, а информация из катушки стала поступать в клетки его мозга.

Четверть часа спустя он очнулся. Так вот каков Фронн—не особенно гостеприимный мир. В катушке были только основные данные. Но он теперь обладал всеми знаниями, которые хранились в архиве.

Кана вздрогнул—предстоит провести месяц пути в камере давления. Офицер, нанявший его, не упоминал об этом. Камера давления и водная акклиматизация. Впрочем, какая разница? Кана надеялся лишь, что выдержит все и не заболит.

Возвращая катушку, Кана встретил стоящего у селектора меха—мех нетерпеливо насвистывал что-то сквозь зубы, поигрывая рукоятью своего бластера. Он был ненамного старше Кана, но держал себя с надменным высокомерием человека, выполнившего не менее двух заданий,—у настоящих ветеранов такого высокомерия не было.

Кана оглянулся на будки. Он был единственным посетителем. Чего же ждал мех? Кана положил катушку и пошел, но, выходя, увидел в полированной двери странное зрелище: мех схватил катушку с информацией о Фронне прежде чем она исчезла в щели.

Фронн—примитивный мир, планета пятого класса. Согласно правилам ЦК, здесь могут применяться только орды арчей, обученных для так называемой рукопашной: самое сильное их оружие—обычное ружье. На Фронне механизированный отряд с бластерами, краулерами, скуттерами—вне закона. Зачем же меху сведения об этой планете? Пустое любопытство относительно планет, на которых никогда не придется служить, не было распространено среди наемников. Требовалась лишь та информация, которую действительно можно было использовать.

Теперь Кана жалел, что не бросил более пристального взгляда на тонкое лицо, затененное пузырчатым шлемом. Удивленный и слегка встревоженный, он отправился добывать те предметы личного снаряжения, которые подсказывали новые сведения о Фронне. Он задумчиво осмотрел спальный мешок из шелка озакланского паука, выложенный особым мехом, и отказался от него. А также от перчаток из кожи караба, которые пытался всучить ему торговец. Такая роскошь—для ветеранов, у которых на поясе достаточно драгоценностей, чтобы позволить себе ор-

гию покупок. Кана бережливо отобрал второсортный камбирийский спальный мешок, короткую куртку из шерсти састи, отороченную мехом, с капюшоном и прикрепленными перчатками—все очень скромное и легкое, и без труда поместится в его тощем походном ранце. Когда он запла-тил за все это, у него оставалось еще четыре кредита.

Торговец небрежно завернул его покупки.

—Похоже, парень, ты отправляешься в холодные края,—заметил он.

—На Фронн.

—Никогда не слышал о таком месте. Для меня все равно что никуда. Смотри, чтобы в тебя не метнули копьё из-за кустов. Парни в таких далеких местах неласковы. Но и вы тоже, не так ли?—он задумчиво взглянул на мундир Кана.—Да уж, я предпочитаю бластер и форму меха.

—Но тогда вам противостоит противник, тоже вооруженный бластером,—Кана взялся за пакет.

—Пусть будет по-твоему, приятель,—торговец утратил к Кане всякий интерес: приближался сверкающий драгоценностями ветеран.

Кана узнал в нем человека, который перед ним вошел в помещение офицера по найму. Неужели и он тоже получил назначение в орду Йорка на Фронн? Когда на прилавке распростерся спальный мешок, сверкая паучьим шелком, и другие вещи, аналогичные выбранным Кана, но гораздо более роскошные, он понял, что его догадка верна.

В 16.30 новобранец стоял со своим мешком в секции ожидания пятого дока. Пока он был один, если не считать какого-то капрала в центре и двух космонавтов в дальнем конце, занятых работой. Прийти так рано мог только зеленый новичок но Кана был слишком возбужден, чтобы ждать где-то в другом месте. Без двадцати пять начали появляться его будущие товарищи по отряду. Еще девять минут спустя они заполнили подвижные платформы, которые доставили их на грузовой корабль. Сверившись со списком, судовой офицер пропустил Кана. Через пять минут он уже был в двухместной каюте, раздумывая, которая же койка принадлежит ему. За ним глухо прозвучало:

—Эй! Полезай вверх!—с нетерпеливым фырканьем его сосед по каюте забросил вещмешок Кана на верхнюю койку.—Убери свои вещи в шкаф! Вот туда!—и коричневый палец указал на стенку каюты.

Кана всмотрелся в стену. Конечно, вот маленькая кнопка. Кана нажал ее: отодвинулась секция стены, а за ней оказалось углубление. Здесь будут лежать его вещи.

Низкий звук гонга прервал его исследования. По этому сигналу ветеран снял шлем и пояс, отложив их в сторону, Кана торопливо последовал его примеру. Гонг—первое предупреждение... Он растянулся на полке и занялся пряжками креплений, под его весом матрац поддался. Он знал, как переносить ускорение—это был первый тест, которому подвергались рекруты на тренировках. И он был на полевых маневрах на Марсе и Луне. Но это его первый выход в глубокий космос. Он разгладил мундир и стал ждать третьего гонга, за которым последует взлет.

Уже давно земляне вышли в космос. Триста лет назад состоялся первый зарегистрированный полет в Галактику. Но существовали легенды о кораблях, задолго до этого улетевших от атомной войны и последовавших за ней веков политического и социального смятения. Они были либо очень отчаянными, либо очень смелыми, эти первые исследователи—посылая корабли в неведомое, сами спали, замороженные, и у них был, вероятно, один шанс из тысячи проснуться, когда корабль приблизится к другой планете. С использованием галактического сверхдрайва такой риск перестал быть необходимым. Но не слишком ли высокую цену заплатили люди за быстрые перелеты от звезды к звезде?

Хотя солдат не обсуждает открыто действия властей или существующее положение, Кана знал, что не он один недоволен ролью, отведенной землянам. Что было бы с его расой, если бы ее представители в первом историческом полете не встретились с высшей силой Центрального Контроля? В соответствии с решением хозяев Галактики, мозг, тело и темперамент землян соответствовал лишь одной роли в тщательно организованной структуре мира. Появляющиеся на свет с врожденным стремлением к борьбе люди должны были поставлять наемников на другие планеты. Психотехники ЦК считали, что земляне наилучшим образом подходят для схватки, и поэтому Земля была обречена на войны. И земляне приняли эту роль из-за обещания ЦК—исполнение которого отодвигалось с каждым годом—что, когда земляне будут готовы к вступлению в галактическое гражданство, то оно будет предоставлено им.

Но что, если бы ЦК не существовал? Неужели повторяющиеся утверждения агентов оказались бы справедливыми? Неужели земляне, никем не остановленные, захватывали бы планету за планетой в своей ожесточенной борьбе за власть? Кана был уверен, что это ложь. Но сейчас, если землянин хотел увидеть звезды, если в нем горе-

ло стремление к новому и неизведанному, у него был только один путь—меч солдата.

Огромная рука прижала грудную клетку к сопротивляющимся легким. Кана забыл все в отчаянной борьбе за плоток воздуха.

Они стартовали.

ГЛАВА II ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Должно быть, Кана потерял сознание, потому что, когда он вновь почувствовал, что осознает все происходящее вокруг, товарищ по каюте уже прикреплял «космические ноги», приспособленные к низкому тяготению жилых секций корабля. Без шлема, в полураспахнутой тунике, обнажавшей широкую грудь, ветеран утратил часть своего пугающего ореола. Теперь он мог бы быть одним из тех желтолицых инструкторов, которых Кана знал большую половину своей короткой жизни.

Космический загар на естественно смуглой коже делал его почти черным. Короткие волосы были пострижены кружком, как предпочитало большинство землян. Он двигался с кошачьей легкостью и Кана решил, что не стоит скрещивать с ним мечи в схватке. Вдруг ветеран повернулся, как будто почувствовал на себе взгляд Кана.

—Ваше первое назначение?—спросил он.

Кана с трудом выбрался из ремней, удерживающих его на койке, и перебросил ноги через край прежде чем ответить:

—Да, сэр. Я только что закончил обучение...

—Боже, каких молодых теперь посылают,—заметил ветеран.—Имя и ранг...

—Кана Карр, сэр, мечник, третий класс.

—А я Триг Хансу,—объявлять свой ранг ему не было нужно: двойная звезда мастера-мечника сверкала на тунике.—Назначены к Йорку?

—Да, сэр.

—Не слишком ли трудное начало, а?—Хансу извлек из стеной ниши пружинное сидение и сел. —Фронн—не райские куши.

—Начало как начало, сэр,—коротко ответил Кана и встал на пол, не отпуская края койки.

Хансу сардонически улыбнулся.

—Ну, мы все герои, когда заканчиваем обучение. Пришлось позубрить, чтобы попасть к Йорку, а?

У Кана был наготове ответ.

—Офицер по найму искал новобранцев, сэр.

—Это может означать несколько вещей, юноша, и ни одна из них не в вашу пользу. Ну, например, мечник третьего класса обходится гораздо дешевле первого или второго. Впрочем, не следует разрушать иллюзии молодых. Звонок на обед. Пошли?

Кана был рад, что ветеран пригласил его, потому что маленькая столовая буквально искрилась; глазам было больно от обилия драгоценностей на амуниции высших чинов. Тяготение было вполне достаточно для того, чтобы сидеть и есть цивилизованно, но желудок Кана совсем не радовался пище. А скоро это ощущение станет еще хуже, подумал он угрюмо, когда придется проходить адаптацию к условиям Фронна перед посадкой. С растущим отчаянием рассматривал он собравшихся.

Орда делилась на отряды, а отряды—на пары. Если человек сам не находил себе пару, а ему назначал напарника командир, немногие удовольствия и удобства полевой службы становились сомнительными. Твой напарник играет, сражается и живет рядом с тобой. Часто твоя жизнь зависит от его искусства и храбрости—и точно так же, как его—от твоей. Пары служили совместно годами, переходя из одной орды в другую. А кто в этой сверкающей толпе выберет в напарники к себе зеленого новичка? Очевидно, дело кончится тем, что его придадут ветерану, который будет недоволен его неопытностью и неумелостью, и начало у него будет действительно трудным. Уф, да у него появилась космическая хандра! Надо подумать о чем-нибудь другом.

Но неуверенность и беспокойство, преследовавшие его весь день, долгий и полный событиями, сохранились и дошли до предела в странном пугающем сне: он бежал изо всех сил по сумеречной местности, стараясь спастись от красного луча бластера меха. Кана проснулся в темной каюте со сжимающимся сердцем, весь мокрый от пота.

Его преследовал мех—но мехи не воюют с арчами. Но все же... прошло немало времени прежде чем он снова сумел заснуть.

Свет искусственного корабельного дня разбудил его поздно. Хансу не было, содержимое его полевого мешка валялось на пустой койке. Внимание Каны привлек игольный нож в ножнах, гладко отполированных от многолетнего ношения на теле. Его простая ручка была удобна. А присутствие его среди вещей означало, что Кана делит каюту

с человеком, владеющим самой смертоносной формой рукопашной схватки. Кана хотел взять оружие, взвесить его в руках, примерить к себе. Но он знал, что нельзя прикасаться к личному оружию без разрешения владельца. Это прямое оскорбление, ведущее к «встрече», с которой один из них не вернется. Кана слышал достаточно рассказов инструкторов, чтобы быть знакомым с неписанным казарменным кодексом.

Он опоздал в столовую и с виноватой быстротой ел под нетерпеливыми взглядами стюардов. Потом прошел на прогулочную палубу, где проводили время солдаты. Здесь играли в карты и обычная толпа нетерпеливых игроков окружала доску. Но Триг Хансу не включился ни в одну из групп. Он сидел на матраце, скрестив ноги и держа портативный аппарат для чтения, внимательно всматривался в проекцию.

Заинтересованный Кана миновал игроков, чтобы взглянуть на маленький экран. Он успел разглядеть какую-то местность, угрюмую, темную: поперек экрана двигались вячные животные. Хансу, не поворачивая головы, сказал:

—Если интересно, садись, новичок.

Покраснев, Кана хотел смешаться с толпой, но Хансу на самом деле подвинулся и освободил ему место.

—Видишь, наше будущее,—он ткнул пальцем в экран, когда Кана опустился рядом с ним.—Это Фронн.

Вячные животные фроннильских равнин были четвероногими, их длинные ноги, казалось, состояли из обтянутых кожей костей. С обеих сторон их спин свисали тюки, костистые чешуйки покрывала все их тело, из черепа торчали рога.

—Караван гуенов,—узнал Кана,—Должно быть, западные береговые равнины.

Хансу нажал кнопку и экран погас...

—Вы специально изучали Фронн?

—В архиве, сэр.

—Молодость полна энтузиазма. Вы ведь только что из обучения? Специализация? Нож, ружье?

—Всего понемногу, сэр. Но специализация Х-три. В основном, связь с чужими культурами.

—Гм. Это объясняет ваше присутствие здесь,—Хансу говорил не очень ясно.—Х-три... Интересно, чем они вас теперь начинают...—и он разразился целой серией вопросов, очень похожих на те, что слышал Кана прежде чем получил знак своей специальности. Когда он ответил на

стараясь изо всех сил—откровенно говоря, ему не раз приходилось отвечать: «Не знаю, сэр»—Хансу кивнул.

—Неплохо. Как только большая часть теории вылетит из вашей головы, а опыт научит тому, что действительно необходимо знать об этой игре, вы оправдаете, по крайней мере, половину своего жалования.

—Вы сказали, что специализация Х-три объясняет мое назначение, сэр?..

Но ветеран, по-видимому, потерял интерес к разговору. Карточная игра к этому времени кончилась шумным и не очень добродушным спором. Хансу хлопнул по плечу другой ветеран такого же ранга и увел в группу, образовавшуюся для нового кона. Не получив ответа на свой вопрос, Кана начал внимательно всматриваться в окружающих его людей. Здесь были не только ветераны, но и старослужащие, с большим количеством звезд. В разговорах упоминались знаменитые командиры орд.

Но Фитч Йорк был сравнительно новичком, не обладающим достаточной известностью, чтобы привлечь этих людей. Не нормальнее было бы, если бы они отказались от назначения? К чему такая концентрация опыта и искусства в небольшой орде на неизвестной планете? Кана, например, был уверен, что Хансу сам выдающийся Х-три специалист.

Но в течение следующих дней он редко видел ветерана. Время до посадки на Секундус из-за скуки тянулось очень долго.

В качестве временного помещения орде Йорка назначили длинный зал, в одном конце которого размещалась столовая, а в другом—расставили койки. И сотня мужчин, перетаскивающих свои пожитки и личное вооружение, приветствующих старых друзей, делящихся солдатскими слухами и новостями, превратили зал в шумную «толкучку». Кана, не зная куда идти, пошел за Хансу вдоль зала. Но когда мастер-мечник подошел к сверкающему кругу своих товарищей, новичок остался предоставленным самому себе и отправился в темный угол, больше соответствующий его неопытности.

Особого выбора у него не было. Третий класс располагался в самом неудобном месте у двери. И с чувством облегчения Кана заметил несколько мундиров, лишенных украшений, как и его собственный.

Бросив мешок на койку, он показал, что занимает ее.

—Видел, кто нанялся?—спросил один из его соседей.—Триг Хансу.

Низкий удивленный свист был ответом на его слова.

—Но он ведь высший класс. Что он делает в этой орде? Он вполне мог бы наняться к Загрелу Осмину или Франлану. Йорк из сил должен был выбиться, чтобы заполучить его хотя бы на один день!

—Да? Но я кое-что о нем слышал. Он готов отказаться от самого выгодного назначения, чтобы уйти с регулярных линий и попасть в новый мир. Давно мог иметь и собственную орду, если бы не выкидывал свои штучки. А не заметил ли ты, братец, кое-что странное в этой толпе? Здесь не только Хансу!—тут говорящий заметил мешок Кана и быстро повернулся, чтобы осмотреть его владельца.—Ага, кое-что новое на ракетном хвосте. Хорошенький новичок готов поймать удачу или умереть на поле славы. Как тебя зовут, новичок?—в его словах не было сарказма, да и сам говоривший не намного превосходил Кана возрастом и опытом.

—Кана Карр, третий класс...

—Мик Хамет, третий класс... а этот разиня, что там раскинул ноги, Рей Каласси, тоже нашего низшего ранга. Первое назначение?

Кана кивнул. Темно-рыжие волосы Мика Хамета были коротко подстрижены, его кожа скорее покраснела, чем потемнела от загара, а вокруг плоского носа разбегалась паутина веснушек. Его друг расправил свои длинные ноги и оказался ростом не менее шести футов двух дюймов. Лицо у него было сонное, но в маленьких серых глазках светился юмор и интерес.

—Нам не повезло. Пришлось отказаться от назначения в орду Остерберга четыре месяца назад. Так что мы с радостью согласились, хотя офицер, ведающий назначениями, смотрел на нас так, будто мы мучные черви.

—У вас есть пара, Карр?—хриплым голосом спросил Каласси.

—Нет, я задержался с окончанием обучения. А все, кто летел со мной с Прайма, были ветераны.

—Это плохо,—Мик перестал улыбаться.—Большинство из нас уже имеют пары, а тебе не захочется иметь парой Крософа или кого-либо еще.

—Я слышал, если приедешь в одиночку, то Йорк даст в пару ветерана,—вмешался Рей.—У него теория, что новичков надо ставить с ветеранами...

—А это очень плохо,—продолжал его товарищ.—Не следует вступать в пару с кем-нибудь, пока не узнаешь его. На твоём месте, Карр, я бы как можно дольше оста-

вался один. Если повезет, найдешь себе хорошего парня в партнеры. Держись с нами, пока не отыщешь себе пару...

—Хорошая возможность держаться подальше от этих разукрашенных...—Рей кивнул в сторону ветеранов. Он надел шлем и застегнул ремень.—До утра ничего не произойдет, можем провести ночь в городе. Ты не видел, парень, настоящего веселья, если не побывал в Секундусе.

Кана радовался, пока не вспомнил о своем скромном кошельке. Он был уверен, что четырех кредитов не хватит даже на хороший обед... Но когда он покачал головой, пальцы Мика сомкнулись на его руке.

—Не волнуйся, парень. Мы долго пробыли в захолустье и совсем не хотим улететь, зажав кредиты в пальцах. Заплатим за тебя, а когда получишь первую звезду, ответишь нам тем же. А теперь быстрее, пока кому-нибудь не пришлось в голову засадить молодое поколение за работу. За пределами казарм начинался типичный портовый город. Таверны, кафе, игорные дома, рассчитанные на все ранги и цены, от мастеров-лезвия и мастеров-мечников до новобранцев. Жмуря глаза от яркого света рекламы, Кана еще раз подумал, что сюда нечего соваться с четырьмя кредитами.

К его смущению, намерения его проводников были отнюдь не скромными. Они миновали кафе, которое выбрал Кана и втоптали его в широкую дверь. Башмаки их погрузились в толстый четырехдюймовый ковер, который мог быть соткан только на Саке. Стены были покрыты гобеленами с Сангсифара. Кана замешкался.

—Слишком роскошно,—запротестовал он. Но хватка Мика не ослабла, а Рей захихикал.

—Вне поля не существует рангов,—с улыбкой напомнил Мик.—Третий класс и мастер лезвия—все мы в одной шкуре. Только штатские заботятся об искусственных различиях.

—Конечно. Солдат имеет право идти куда ему угодно. А нам угодно идти сюда,—Рей принялся к ароматному ветерку, шевелившему занавеси и сообщавшему странное подобие жизни нарисованным на них фигуркам.—Клянусь раздвоенным хвостом Бламанда, я бы все отдал, чтобы оказаться за одной из этих завес. А вот и официант.

К ним приближалась скелетоподобная большеголовая фигура туземца с Вульфа-2. Он приветствовал их профессиональной улыбкой, обнажив двойной ряд клыков, отчего земляне слегка занервничали.

—Ничего чрезвычайного,—сказал Мик.—Мы завтра улетаем. Обойдемся сами, Фрихпальт.

Они провели Кана через анфиладу роскошных помещений с экзотической обстановкой, чрезвычайно отличающихся друг от друга, и, наконец, пришли в комнату, вид которой вызвал у него удивленное восклицание. Они как будто вошли в джунгли. Огромные папоротники возвышались по сторонам, опуская у них над головами длинные листья. Золотистое освещение окутывало мягкие сидения и резные столики. Среди зелени мелькали разноцветные огненные пятна, которые могли быть только легендарными кротандами с острова внутреннего мира Цефаса. Кана, ошеломленный этими ожившими картинами из рассказов путешественников, позволил товарищам посадить себя на скамью.

—Кротанды? Но как?..

Костяшки пальцев Мика ударились о ствол ближайшего папоротника, и в ответ послышался металлический звук. Кана протянул руку, которая вместо грубой коры, встретила гладкую металлическую поверхность. Все это было искусной подделкой.

—Все делается при помощи зеркал,—пояснил Мик.— Но это одна из лучших выдумок Слонала. За всем присматривает Фрихпальт, но придумал все—это его хозяин. А вот и еда.

На столе появились тарелки. Кана осторожно попробовал и принялся есть.

—Не скоро мы еще раз попробуем такую еду,—замечал Рей.—Я слышал, Фронн не очень приятная планета.

—Климат для нас холодный, а туземная культура—на феодальном уровне,—пояснил Кана.

—Полицейская акция,—протянул Мик. Полицейские акции не вяжутся с феодальным правительством. Кто там наверху—короли? Императоры?

—Короли—они называют их гатанусы—правят небольшими нациями. Но право наследства передается по женской линии. Наследником гатануса является сын его старшей сестры, а не собственный. Родственные связи с матерью и сестрами гораздо ближе, чем с отцом и братьями.

—Ты, должно быть, изучал все это...

—Я воспользовался записью на Прайме.

Рей казался довольным.

—Похоже, ты—неплохое приобретение. Мик, нам нужно держать его в лапах.

Мик проглотил огромный кусок.

—Конечно. Мне почему-то кажется, что этот перелет

будет нелегким и чем больше мы будем знать, тем лучше для нас.

Кана перевел взгляд с одного на другого, уловив тень беспокойства.

—Что случилось?

Мик покачал головой, а Рей пожал плечами.

—Пусть меня сожжет бластер, если я знаю. Но если побродить по свету и познакомиться поближе с «человеком», каким бы странным он ни был, начинаешь чувствовать. И мы чувствуем...

—Йорк?

Моральный дух любой орды зависит от характера ее мастера лезвия. Если Йорк не сумел внушить уверенность своим подчиненным...

Мик нахмурился.

—Нет, дело не во Фритче Йорке. По всем меркам он командир что надо. Много блестящих парней, кроме Хансу, подписали назначение—уже это говорит о том, как ценится мастер лезвия. Какое-то чувство... что-то неопределенное... внутри...—большой рот Мика раздвинулся в задумчивой улыбке.—Неплохие мы гадалышки, а? Читайте наше будущее—гадание в кредит! Фронн не хуже многих планет, которые мне известны. Покончим с этим? И покажем новичку тайну Фрихпальта. Единственный случай, когда старый волк проявил воображение. И, клянусь космическими летучими мышами, дело этого стоит!

Полет воображения Фрихпальта оказался игровым механизмом, который собрал вокруг себя большую группу солдат. В полу комнаты находился бассейн, разделенный на секции, окружающие центральную арену. В каждой из небольших, заполненных водой емкостей, находилась рыба около пяти дюймов длиной, две трети ее тела занимала пасть, усаженная острыми зубами. К ее хвостовому плавнику был прикреплен ярлычок. Рыбы были разного цвета. Они яростно кружили в своих клетках. Игроки собирались вокруг бассейна, изучая пленников. Когда двое или трое выбирали своих бойцов и опускали кредитные фишки в щель у борта, открывались дверцы клеток, выпуская рыб на арену. Далее следовала жестокая схватка, прекращающаяся лишь тогда, когда только один боец оставался в живых. И ставивший на победителя собирал плату с тех, кто ставил на побежденных. Невозможно было придумать более привлекательную игру, чтобы вытягивать у солдат кредиты.

Кана внимательно разглядывал плавающих бойцов, пока не выбрал дуэлянта с мощными челюстями и зеленым

хвостом. Он купил у держателя банка кредитную фишку и наклонился, чтобы опустить ее в щель.

Мощная волосатая лапа опустилась на его плечо, и он с трудом удержался на краю бассейна.

—Вон отсюда, мальчишка! Это мужская забава.

—Что та...—Кана захлебнулся кашлем, и Мик кулаком ударил его в спину, а кто-то еще легко оттащил его от бассейна и от человека, занявшего его место. Тот злобно усмехнулся. Затем, утратив всякий интерес к новичку, повернулся к бассейну. Боец, освобожденный фишкой Кана, выплыл на арену.

Все хорошее настроение Кана улетучилось. Рей старательно отводил взгляд, в то же время держа Кана хваткой, известной в борьбе без оружия. Кана знал, что лучше и не пытаться освободиться.

—Уходим... немедленно...—сказал Мик.

—Что такое?—снова начал Кана.—Почему...

—Парень, ты чуть не выкопал себе здесь могилу. Это Богат, Запан Богат. У него на мече 20 дуэльных зарубок, он ест новичков на завтрак, когда может их заполучить,—Мик говорил шутя, но голос его звучал серьезно.

—Вы думаете, я испугался?—вспылил Кана.

—Слушай, парень, можно быть гордым и все же не знать марсианскую песчаную крысу и не пинать ее в зубы. После этого героического поступка ты проживешь недолго. Ты слишком умен, чтобы связываться с Богатом. Когда-нибудь кто-то из больших—Хансу, Дик Милл или еще кто-то рассердится на Богата. И тогда—о, парни!—тогда вы сможете продать свое место возле места схватки и будете миллионерами! Богат—это внезапная и болезненная «смерть» на двух ногах.

—Кроме того, он лучший разведчик, когда-либо вынюхивавший след,—вмешался Рей.—Богат в игре и Богат на поле—это два разных человека. Мастера лезвия терпят одного ради другого.

Кана понял, что они правы. Было бы глупо возвращаться и задевать Богата. Но он еще протестовал, пока его не прервал Хансу. Ветеран в сопровождении двух полицейских подошел к ним.

—Люди Йорка?—спросил он.

—Да, сэр.

—Возвращайтесь в казармы и побыстрее. Получен приказ о взлете...—он прошел мимо, направляясь к следующей группе.

Троица быстрым шагом устремилась к казармам.

—Что теперь?—хотел знать Карр.—Я слышал, что мы отправимся завтра в полдень. Из-за чего эта спешка?

—Я тебе говорил,—заявил Мик,—что все это пахнет... не очень приятно. Мы только что пообедали... а тут взлет и камера повышенного давления! Мы очень пожалеем, что ели, очень!

Все еще слыша это ужасное пророчество, Кана взял с койки, которую он так и не успел испытать, свой мешок и вместе с Миком и Реем занял место на платформе, которая должна была отвезти их к транспорту. Когда их разделили на четверки, Кана обнаружил, что делит камеру давления со своими новыми знакомыми и солдатом, которому было явно скучно в молодежной компании. Они разделись до трусов и получили целый набор уколов. После чего не оставалось ничего иного, как лечь на койки и терпеливо переносить неприятные ощущения.

Следующие несколько дней были чем угодно, только не приятным времяпрепровождением. Они заставляли свои тела медленно привыкать к условиям Фронна, так как планета не собиралась подстраиваться под них. Это был болезненный процесс. Но высаживаясь в холодном мире, они были готовы ко многому.

Кана по-прежнему не имел пары. Он держался Мика и Рея, как они и советовали, но знал, что рано или поздно их троица будет разбита и он должен будет назвать своего партнера. Он сторонился ветеранов, а три или четыре солдата третьего класса, еще не имевшие пар, совсем ему не нравились. Это в большинстве были старослужащие с большим опытом, чье неисправимое поведение держало их в низшем ранге. Умелые в поле, они были источниками беспокойства в казармах и переходили из одной орды в другую. В конце каждого назначения их отпускали со вздохом облегчения. Кана все еще надеялся, что ему не придется быть парой одного из них.

Вид Фронна оказался для землян обескураживающим. Они высадились в сумерках и, поскольку Фронн не имел спутников, в темноте прошли к приземистому каменному зданию, которое должно было служить им временной казармой. В длинном помещении совсем не было мебели и троица уселась на свои мешки, раздумывая, доставать ли им спальные мешки или подождать указаний.

Длинный нос Рея сморщился от отвращения, когда он передвинул башмаки с подозрительного пятна на грязном полу.

—Я бы сказал, что условия здесь—второсортные.

—Второй сорт?—переспросил Мик.—Скорее пятый. А раньше обитателями этого дома были животные. Это фронтианский коровник, если нос меня не обманывает.

И вот прозвучал приказ, которого больше всего боялся Кана: у стола мастера-мечника в дальнем конце помещения началась регистрация пар. Рей и Мик, сказав ему что-то ободряющее, встали в очередь. Кана колебался, не зная, что делать, когда услышал резкий звук незнакомого голоса. Поблизости от него стоял Богат и еще один солдат того же типа. А третий их партнер улыбался, стоя рядом с Богатом.

—Вот и новичок не знает, что ему делать. Бедный маленький новичок. Иди, Сим, и возьми его за руку. Ему нужна нянька...

Кана ошестинился. Подбадриваемый Богатом, Сим двинулся к нему, его грубое лицо было искажено подобием улыбки.

—Бедный маленький новичок,—повторил Богат и половина очереди обернулась, чтобы посмотреть, что происходит.—Сим присмотрит за ним, верно?

—Конечно, Зап. Пошли, новичок,—и его волосатая рука ухватила Кана.

Последовавшее движение было чисто рефлекторным. Отвращение, которое Кана ощутил при этом прикосновении, заставило его резко выдернуть руку, и Сим пошатнулся. Богат вышел из очереди, его маленькие глазки сверкали садистской радостью.

—Похоже, ты не понравился новичку, Сим. Что мы делаем с новичками, которые не понимают своего счастья?

Кана считал, что он настороже, но Сим все же застал его врасплох. Кана не думал, что Сим станет следовать казарменному кодексу. Удар по лицу был так силен, что Кана чуть не упал, а в глазах его появились слезы боли. Стараясь восстановить положение, Кана размышлял. Казарменная друль—именно этого хотели забияки—вещь настолько законная, что остальные не вмешивались.

У него было единственное преимущество. Они ожидали, что он выберет обычное оружие—мечи с закрытыми остриями. Но благодаря особенностям своего земного обучения, у него была возможность избежать отвратительного избивания.

Теперь их с Симом окружала толпа зрителей. Кана ощутил вкус крови на губах.

—Встреча?—он автоматически задал соответствующий вопрос.

—Встреча.

—Дай мне твой меч, Сим. Я прикрою его кончик,—громко сказал Богат.

—Не так быстро,—Кана обрадовался, что его голос звучит спокойно.—Я не говорил о мечах.

—Ружья запрещены, мы не в поле, новичок,—глаза Богата сузились.

—Я выбираю дубину,—ответил Кана.

Наступило молчание.

ГЛАВА III

МАРШ ВПЕРЕД

Те арчи, которые дольше пробыли на Фронне, начали понимать, хотя Сим, очевидно, еще не сообразил. Когда он оглянулся на Богата в поисках указаний, в центр круга пробился Хансу. За ним шел другой человек, более молодой, но державшийся властно и уверенно.

—Ты слышал его слова,—сказал Хансу Симу.—Он выбрал дубины. И вы встретитесь здесь, и немедленно. Все должно кончиться до начала марша.

Сим по-прежнему недоумевал и, видя это, Кана начал надеяться. Мечи с прикрытыми концами—одно дело: человек может быть ранен или даже убит в такой схватке, если встретится с искусным противником. Но вооруженный дубинкой, сделанной из ядовитого дерева—его прикосновение к человеческому телу оставляет жгучий ожог, местные жители использовали их, чтобы подгонять своих упрямых животных,—он имеет шанс и, может, даже неплохой.

Кана расстегнул ремень шлема, Мик тут же протянул руку, чтобы взять у него шлем. Рей помог ему снять перекрещивающиеся пояса.

—Ты знаешь, что делаешь, парень?—спросил он полупрошептом, когда Кана снимал тунику.

—Надеюсь, лучше, чем Сим,—ответил Кана, стягивая рубашку.

Искра надежды постепенно перерастала в спокойную уверенность. Сим по-прежнему казался смущенным, а с отвратительного лица Богата исчезла наглая улыбка. Молодой человек, шедший за Хансу, исчез. Но прежде чем Кана успел ощутить холод неотопливаемого здания, тот вернулся, неся в перчатках две дубины алого цвета. Те, кто знал Фронн, быстро расступились.

Кана надел перчатки и взял одну из дубинок. Они бы-

ли одинаковы по длине и по весу. И, когда круг зрителей раздвинулся, давая им место, Кана с радостью убедился, что лицо Сима явно выражало неуверенность.

Они одновременно встали в позу, держа дубинки как мечи. Но если дуэлянт должен опасаться лишь заостренного конца меча, то тут малейшее прикосновение причиняло глущую боль. Они кружили, нападая и парирова удары.

После третьей стычки Кана понял, что имеет дело с первоклассным мечником, но он также предположил, что относительная легкость применения нового оружия беспокоит Сима и что его противник не вполне уверен в себе и опасается неизвестных возможностей оружия.

Достаточно одного удара, чтобы закончить дуэль. Кана гадал, понимал ли это Сим. Режущий удар по мышцам руки—и она на несколько минут станет беспомощной из-за мучительной боли. Он решил добиться этого, и весь мир для него сузился до дубинки, которой он сражался, и раскачивающегося, прыгающего тела противника. Сим не стал нападать, а ограничился защитой, очевидно, предоставив экспериментировать Кана и, тем самым, проявив больше ума, чем ожидал Кана.

Не потеряв уверенности, но более осторожно, Кана кружил, пользуясь традиционными выпадами и приемами парирования. Сим должен действовать открыто, поверив, что перед ним новичок.

Что-то коснулось его груди. Боль была почти такая же сильная, как ожог бластера. Кана стиснул зубы, а Сим, ободренный этим успехом, перешел от защиты к нападению. Его атаку отразить было трудно. Кана был вынужден пятиться, уступать, но в мозгу у него была единственная цель—добраться вот до этого места на мускулистой руке противника.

Дубинка Сима вновь достигла цели, задев челюсть Кана. Молодой человек ошеломленно крутил головой, но успел все же отскочить в сторону и уйти от второго удара. Резкое отступление, должно быть, показалось Симу признаком, что у Кана сдали нервы, и он разразился градом ударов. И тут наступил момент, которого ожидал Кана: его дубинка попала в руку противника как раз ниже плеча. Менее подготовленный, чем Кана думал, его противник закричал, схватился за красный ожог на руке, дубинка его покатилась по полу к ногам Кана. Кана поднял свое оружие в формальном приветствии.

—Удовлетворены?—задал он традиционный вопрос.

От боли Сим лишился дара речи, он лишь кивнул, но в его глазах ненависть боролась с болью. Но так как он не мог держать оружия, то вынужден был сдаться, хотя, конечно, далеко не был удовлетворен.

Кана услышал гул голосов. Из обрывков разговоров он понял, что эти знатоки обсуждали со всех сторон и возможных точек зрения его победу. Он уронил дубину на пол и поднял руку к горячей челюсти.

— Не трогайте, вы, юный глупец! — услышал он властный голос. Молодой человек, принесший дубины, отвел руку Кана и начал смазывать его ожог желтой мазью. Кана почувствовал, что огненная боль сменяется прокладой. Он терпеливо ждал, пока смазали и саднящий бок, а затем накинул протянутую Миком куртку.

— Ладно, ладно! — послышался сквозь гул густой бас Хансу. — Представление окончено.

Но когда остальные вернулись в очередь, мастер-мечник остался стоять между Каном и Симом, глядя на них обоих со стальным блеском в глазах.

— За ссору в казарме, — объявил он, — будет штраф в размере трехдневной полевой платы! А если у кого-нибудь из вас появится мысль продолжить ссору, будете иметь дело со мной!

Кана, неспособный надеть шлем из-за большой челюсти, с готовностью согласился на мир, и Сим тоже пробормотал что-то в знак согласия.

— Вы, Лоту, отправляйтесь к Дау, — Хансу ткнул пальцем в конец очереди. Сим, поддерживая больную руку, послушно прошел мимо Богата и занял место рядом со смуглым и жилистым ветераном. Кана остался на месте.

— Я отвечаю за него, — проговорил молодой ветеран, и Кана понял, что это уже было решено между ним и Хансу. Все еще не зная, кто его партнер, Кана пошел за ним.

— Миллз и Карр, — Хансу занес их в список отряда, которыми сам будет командовать.

Миллз... в этом имени было что-то знакомое. Сворачивая спальный мешок, Кана пытался вспомнить, где он слышал это имя раньше. Но тут на него налетели удивленные и возбужденные Мик и Рей.

— Позволь дотронуться до тебя, — приветствовал его Мик. — Может, и ко мне перейдет немного удачи. Мне она не помешала бы!

— Ты, должно быть, родился с мечом в руке и звездой во рту! — воскликнул Рей. — Как тебе нравится Дик Миллз в качестве пары, новичок?

Дик Миллз! Снова это имя прогремело, как гонг, но Кана по-прежнему не мог вспомнить его.

—Великие лезвия!—глаза и рот Мика стали круглыми от изумления.—Мне кажется, он не понимает, что с ним произошло. Кто-то должен учить новичков прежде чем они вступят в этот жестокий холодный мир. Дик Миллз, парень, это двойная звезда. Он теснит людей типа Хансу. Космос! Он мог бы выбрать себе в пару любого из отряда, из всей орды! Он мог бы быть партнером Хансу, если бы Йорк не настоял, чтобы Триг командовал отрядом.

Кана проглотил комок.

—Но почему...—во рту у него пересохло.

—Не из-за твоих прекрасных глаз,—ответил Мик.—У него не было пары, а тут вдруг подвернулся ты. Правило Йорка—делать пару из ветерана и новичка, если они до последней минуты сами не сделали выбор. Тебе повезло, что ты оказался на нужном месте и в нужное время.

—Я бы лучше остался с вами,—Кана говорил правду. Быть парой такого известного бойца, как Дик Миллз—этого он меньше всего хотел. Он все будет делать не так, и его ошибки будут казаться больше в такой великолепной компании. В этот момент он даже предпочел бы идти рядом с Симом.

—Веселей,—улыбнулся Мик.—Мы в том же отряде. А Миллз действует как помощник Хансу. Ты не очень часто будешь его видеть.

—Давайте кончим болтать,—предупредил Рей.—Вон там, у двери, стоит Миллз. Не следует заставлять его ждать.

Кана схватил мешок и посмотрел в указанном направлении. Да, молодой ветеран стоял у двери, разговаривая с несколькими солдатами высших рангов. Кана заторопился, начиная жалеть, что не воспользовался своим правом и не отказался от этого назначения.

Около полуночи по корабельному времени Кана присоединился к Миллзу. Снаружи виднелись тускло-голубоватые лучи, слабые и бледные для земного глаза. Кана понял, что вместо того, чтобы оставаться на ночь в вонючем коровнике, они выступают в полевой лагерь, разбитый первыми прибывшими на Фронн вблизи города.

Улица была грубо вымощена, посредине ее двигалась вереница легких двухколесных тележек. Каждую тащил гуен, животные злобно огрызались на чужаков. Когда Кана, следуя примеру Миллза, бросил свой мешок на одну из телег, он впервые увидел фроннианина во плоти.

Это был ллор, представитель господствующей расы на континенте. Гуманоидный туземец достигал добрых семи футов росту. В климате, где земляне кутались в зимнюю одежду, ллор был обнажен по пояс. Но природа снабдила его покровом густых выходящих волос, похожих по текстуре на овечью шерсть: от них исходил острый маслянистый запах. Волосяное покрытие на лице было тоньше, и вообще это лицо должно было казаться странным для любого, кто не был ллором: вместо носа—два отверстия, зато глаза выпучиваются из круглых глазниц, как будто упираясь во все пристальным немигающим взглядом. Рот был маленький и круглый, и если ллор и обладал какими-то зубами, то они не были видны. Единственной одеждой туземца, если не считать ремней, поддерживающих меч и ружье, была набедренная повязка. Голенища сапог доходили до колен, носки их увенчивались металлическими остриями.

Пока солдаты грузили свой багаж на телегу, ллор стоял, жуя конец своей дубинки и время от времени шумно сплевывая. Когда на телеге оказалось шесть мешков, он распрямился, ударил фыркающего гуена дубинкой, телега со скрипом покатилась, солдаты пошли за ней.

Синие лампы, укрепленные на стенах без окон, мимо которых они проходили, давали достаточно света, чтобы идти по улице, но мостовая была неровной и идти было нелегко.

—Это Тарк, главный город провинции Скоры,—голос Миллза перекрыл грохот металлических колес телеги.—Скора—правитель западных земель. А хочет быть гатанусом. Вот почему мы здесь.

—Офицер по найму сказал, что это будет полицейская акция,—заметил Кана.

Может, в этом и заключалось нечто тревожное, которое почувствовал Мик на Секундусе.

Существует большая разница между устранением беспорядков ради законного правителя и поддержкой мятежного вожда, который претендует на трон.

—Поскольку Скора заявляет, что он законный наследник, это можно назвать и полицейской акцией.

Но Кане показалось, что он уловил сухость в голосе Миллза. Неужели он допустил глупость, и его слова могут быть восприняты как критика Йорка и высших офицеров?

—Сестры гатануса Плоты были близнецами. Идет спор, кто из них старше. И у каждой из них есть сын. Следовательно, сейчас нет согласия в том, кто законный наследник. Плоты умирает от трясучки, он не проживет боль-

ше трех месяцев. Партия Скоры не пользуется влиянием при дворе, и в последний спокойный сезон Скора был отослан отсюда. Он скорее изгнанник, чем правитель. Но он заключил договор с «Интергалактиктрейдинг» относительно прав на разработку недр и собрал достаточно денег, чтобы иметь дело с Йорком. ИТ давно пытается проникнуть сюда: торговля с местными племенами—монополия центральной власти. Поэтому они были очень рады поддержать Скору. Конечно, это надувательство, но, если Скора станет гатанусом, он заплатит вдвое больше, чем Йорк смог бы получить за это время в другом месте.

—Против кого мы боремся?

—Против С'Торка, второго племянника. Он не так расчётлив, как Скора, и все консервативные дворяне и жрецы ветра на его стороне. Но он не боец, и у него нет собственных войск. Здесь армия набирается из отрядов дворян. И если лорд недостаточно популярен, чтобы привлечь войско, у него нет армии. Очень просто. Скора считает, что при поддержке орды дело даже не дойдет до битвы, и противник сбегит с поля боя.

За стенами Тарка мостовая внезапно оборвалась, и телега погрузилась в глубокую пыль на дороге, которая была, по существу, караванной тропой. Между зубьями спусковой решетки они вышли из столицы на открытую местность. Торговцы со своими гуенами ждали прохода в Тарк. Кана заметил, что эти путешественники меньше ростом, чем гигант-лдор. С ног до головы укутанные в плащи с капюшонами, молчаливые и безликие, они, как привидения, стояли в стороне, пропуская землян.

Лагерь орды располагался в миле от города, желтые лагерные огни приветливо манили к себе во тьме безлунной ночи. При их свете Кана отыскал свою палатку, развернул спальный мешок и заполз в него, чтобы поспать несколько часов.

Последовала неделя утомительной муштры, чтобы сплотить вновь прибывшую орду в боевой отряд. Все это время Кана был либо слишком занятым, либо слишком уставшим, чтобы размышлять о своем будущем. Но вот дней через десять они выстроились в походном порядке в пред-рассветных сумерках, которые на Фронне кажутся холоднее и мрачнее, чем на Земле. Орда должна была двигаться на восток, к отдаленному горному хребту, отделявшему западную провинцию от богатых центральных равнин, которые честолюбивый Скора тоже считал своими.

Кана должен был согласиться, что мятежный правитель

представлял собой прекрасный образчик полуварварского военного вождя. В сопровождении кавалерийского отряда на упрямых самцах-гуенах он не раз проезжал через лагерь землян. Популярность его была велика, о чем свидетельствовали все новые и новые дворяне, ежедневно пополнявшие своими отрядами туземную армию, расположенную рядом с лагерем землян. Каждый день приходили и караваны выючных гуенов с различными грузами.

В это утро Кана вместе с Роєм шел боковым на марше. И вот, поднимая густую пыль, появилась группа закутанных в плащи с капюшонами всадников. Встретившись с торговым караваном, орда свернула в поле, и только боковые оставались на дороге рядом с торговцами.

Кана закутал подбородок мягкой оторочкой воротника, радуясь, что выбрал подбитый мехом плащ с капюшоном, закрывавшим голову и уши. Утренний мороз на Фронне жесток.

—Вот и последний...—Рей поднял пистолет и выпустил в темноту красную ракету.

Положив ружья на сгиб руки, двое землян гибкой походкой солдат на марше двинулись по обочине дороги. Через несколько секунд они догнали последнего гуена, а, спустя некоторое время, были уже в голове каравана. Тут внимание Кана привлек один из закутанных всадников. Земляне никогда не видели этих торговцев без скрывающих фигуру одеяний, но знали, что те—представители иной расы, чем волосатые ллоры, правившие континентом.

Ллоры, возделывающие землю, жили в городах, подчиняясь феодальным правителям, и были бойцами. Но торговцы, державшие монополию как на доставку товаров, так и на продажу их, принадлежали к другому племени. Родом с далеких морских островов, замечательные моряки и путешественники, они все время проводили в пути, никогда не селясь постоянно. Вентури—так здесь их называли—держались на материке обособленно и все дела совершали через одного из своих представителей, который, очевидно, мирился с неизбежной ролью посредника. Что касается землян, то для них вентури в своих капюшонах оставались загадочными существами, не отличимыми друг от друга ни ростом, ни одинаково скользящей походкой. Но вот этот—он отличался от остальных. Все торговцы как будто скользили по земле, этот же шел большими шагами; шел в стороне ото всех и не вел гуена. Глаза Кана сузились, он замедлил шаг, держась за незнакомцем. Похо-

же, что это вовсе не вентури. Тут подошел Рей, и внезапно походка незнакомца изменилась и стала такой же, как и у остальных вентури. Кана заторопился, догоняя Рея. Они достигли вершины. Внизу тянулись заросли. Нужно было либо идти по дороге, либо сделать большой крюк. Кана еле слышно пробормотал:

—На север.

Рей удивленно взглянул на него, но ни о чем не спросил. Он послушно свернул в сторону, и вскоре заросли отделили их от каравана.

—Среди вентури—незнакомец,—объяснил Кана. Рей повесил ружье и, присев на влажный дерн, снял с пояса передатчик.

—Доложу.

Кана пошел быстрым шагом, намереваясь догнать караван и проследить за подозрительным туземцем. Он пересчитывал закутанные фигуры, чтобы убедиться, что незнакомец по-прежнему среди них, когда его догнал Рей.

—Сюда приближается кавалерия ллоров. И если что-нибудь не так, они сами займутся этим. Нам нужно держаться в стороне от вентури.

Они продолжали идти рядом с караваном. Наступил день и солнце окрасило небо в желтый цвет. Впереди всадники толпились у какого-то препятствия на дороге.

Кана и Рей пошли быстрее, чтобы посмотреть, что происходит. В пыли лежал гуен, лягаясь и лязгая зубами на солдат ллоров, которые совещались, стоя над ним.

Караван приблизился, и предводитель вентури один подошел к всадникам. На полпути его встретил командир отряда, и после недолгих переговоров торговец вернулся к своим, а другой вентури отделился от каравана и приблизился к лежащему животному. Ллоры разошлись, оставив у животного только своих офицеров. Некоторые, как заметил Кана, заняли такую позицию, чтобы находиться на одной линии с караваном. Должно быть, это была какая-то военная хитрость: открыто обыскивать караван и вентури они не решались.

Неожиданно послышался крик одного из солдат. Он спешил; его гуен, размахивая головой, вырвался и, брызгая слюной и зеленой пеной изо рта и ноздрей, понесся прямо к каравану. Всадник бежал следом, тщетно пытаясь схватить поводья.

Испугавшись ярости обезумевшего кавалерийского гуена, тяжело груженные гуены каравана тоже начали вырываться, таща за собой вентури. Одна из закутанных фигур

без гуена побежала прямо к тому месту, где стояли Кана и Рей. Кана испытывал искушение схватить беглеца, но приказ был ясен: это работа ллоров.

Всадники по обе стороны дороги поскакали, окружая бегущего торговца. Один из них взмахнул над головой блестящей петлей и набросил ее на беглеца. Несколько ллоров спешились и уверенно направились к нему, очевидно, не ожидая сопротивления. Торговец сел, и в следующее мгновение огненно-красный луч перерезал ближайшего солдата. Тот с криком упал и забился в агонии.

—Бластер!—закричал Рей.

Земляне сорвали с плечей ружья—два выстрела прозвучали одновременно. Сидящий дернулся и снова упал на землю, тяжело ударившись. Больше пуль не понадобилось.

Ллор с офицерским полукругом на плаще дубиной придвинул к себе оружие беглеца—тускло блестящую металлическую «игрушку», которой нечего было делать на Фронне. После этого два солдата сняли с мертвеца плащ. Это был ллор—выющая шерсть и выпученные глаза свидетельствовали об этом.

—Это...—офицер дубинкой снова коснулся оружия.—Вы знаете, что это такое?—медленно проговорил он на торговом космическом языке.

—Огнестрельное оружие... очень страшное,—ответил Кана.—Мы таким не пользуемся.

—Тогда откуда же оно?—вполне резонно задал вопрос офицер.

—Этот... он разве не из ваших?—спросил Кана.

Командир отряда пробился сквозь кольцо своих солдат и наклонился, всматриваясь в безжизненное лицо туземца. Потом сорвал с него пояс. На обратной стороне пояса был оранжево-красный знак.

—Разведчик С'Торка,—сказал он. И, перейдя на туземный язык, отдал серию приказов. Солдаты завернули тело в плащ и взвалили на спину протестующего гуена.

К удивлению землян, вентури ничего не было сказано. Дорогу расчистили, и караван двинулся дальше. Ни один из торговцев даже не взглянул на группу около шпиона... Бластер оставался в пыли, пока командир не подошел к землянам и не указал на него носком сапога.

—Возьмите...

Это был скорее приказ, чем просьба. Но он вполне устраивал Кана. Йорк должен был заняться этой проблемой. Что делает новейшее и самое смертельное оружие Галактического патруля на Фронне в руках туземца-шпиона?

ГЛАВА IV

КЛАССИЧЕСКИЙ ХОД К ГИБЕЛИ

На перевернутом ящике от провизии, служившим мастеру лезвия столом, лежало очевидное доказательство. Фитч Йорк сидел на скатанном спальном мешке, упираясь головой и плечами в узловатый ствол дерева. Его светлые волосы ярким пятном выделялись на фоне темной коры ствола. Он задумчиво жевал прутик и рассматривал бластер. Но Скоря не намерен был так же спокойно воспринимать это происшествие.

Он ходил взад и вперед по голубой глинистой почве, разбивая сапогами бороздки, как будто затаил злобу против самой земли.

—Что ты сейчас скажешь?—требовательно сказал он.— Это не ваше. Но и не наше. Откуда же оно тогда?

—Я тоже хотел бы это знать, ваше высочество. Это против наших законов. Но ведь оружие нашли не в наших руках—его принес шпион врага.

—Да-а-а!—вырвалось из волосатой пасти и скорее напоминало рев голодного хищника, чем согласие.—Зло исходит от С Торка—что еще можно было от него ожидать? Что против этого меча, друзья? Что могут сделать ваши хваленные мечники против огня, который обжигает и убивает? Мы не сражаемся с огнем. Когда я со своими сокровищами прилетел на Секундус и спросил, кто может помочь мне в битве, мне сказали: обратитесь к такому и такому лорду-воину, но не к такому и такому—на Фронне могут сражаться лишь некоторые из них. Я отдал сокровища и вы пришли. И что же? У С Торка оказываются среди воинов и такие, кто владеет огненным оружием! Это не честная сделка, землянин. Мы, ллоры, не любим двойных языков...—он остановился перед бластером и самим Йорком.—К тому же, когда шпион был уже в наших руках и его можно было допросить, что происходит? Пули землян лишают его речи и отправляют в страну теней. Ты не хотел, чтобы он отвечал на вопросы, мастер лезвия?

Йорк не принял вызова.

—Это,—он указал на бластер,—смертоносное оружие, ваше высочество. Если бы мои люди не убили шпиона, никто из ваших не выжил бы. Я сожалею, что мы не сможем допросить шпиона. Теперь ответ мы получим только в лагере С Торка...

—Я уже принял меры. Если у этого труса действительно есть такое оружие, мы это узнаем,—и не добавив ни

слова Скора сел на гуена и поехал из лагеря землян. Его личная охрана, как обычно, пустилась за ним вслед, прищипывая животных остриями сапог.

Как только Скора исчез в облаке голубоватой пыли, из ниоткуда материализовались Хансу и Миллз, а Йорк оставил свою вялую позу.

—Ну?—Йорк вопросительно поднял бровь.

—Лучше было выяснить это сейчас, чем позже,—ответил Хансу.—Кто-то действовал здесь не менее сезона и пользовался сильной поддержкой. Эта штука из Галактического патруля...

—Кто?—Йорк выплюнул кусочек прутика.

—Какой-нибудь невезучий мех или...—предположил Миллз.

—Или кто-нибудь, решивший соорудить собственную маленькую империю,—закончил за него Хансу.—Мы не узнаем, пока не вернутся шпионы Скоры.

—Оружие и люди—или только оружие? И это очень важно,—Йорк встал.—Но и то и другое—плохо.

Хансу пожал плечами.

—Для нас лучше, если только оружие.

—Вы думаете, это демонстрация? Что ж, может быть, может быть. Но если они думают испугать нас, им лучше пересмотреть свои планы. Возможно, что мы даже получим ответ на старый вопрос. Что будет, если арчи столкнутся с мехами? В таком мире, как этот, природа будет на нашей стороне. Легкое мобильное соединение против механизированного дивизиона... Ударить и уйти прежде чем они сдвинутся,—он был как будто даже рад.

—Ну, ладно,—Хансу подобрал бластер и тревожное выражение его лица контрастировало со вспышкой энтузиазма его командира.—Может, у нас и будет возможность проверить, насколько мы хороши. Но никто не может читать будущее.

Йорк отошел и Хансу начал собственное расследование. Рей и Кана должны были в мельчайших подробностях пересказать события последних нескольких часов с того момента, как Кана заметил шпиона в плаще.

—В следующий раз покажите, что вы умеете попадать в менее уязвимое место,—заметил он, когда они закончили.—Я отдал бы месячную плату за то, чтобы выудить несколько слов из этого шпиона. Вы свободны.

Бластер исчез, и в следующие дни не было упоминания об этом случае. Орда находилась у подножья гор, двигаясь по извилистым тропам, пробитым копытами гуенов. Гиган-

тские черно-белые скалы еще более сгущали сумрак: воздух, разряженный даже на равнинах, здесь становился еще разряженной. И хотя солдаты проходили усиленную подготовку к условиям Фронна во время перелета, каждый крутой подъем заставлял их долго отдыхать. Над головой небом приобретало желтоватый оттенок, а со снеговых полей на вершинах дул ледяной ветер.

Переход в семь фроннианских дней позволил им перевалить через вершину хребта. А впереди лежали склоны, ведущие к богатым восточным областям континента. Между вершинами гор и морем лежали только эти области—если повернешь к северу, то встретишь другой рукав хребта гор.

Было несколько мелких стычек с королевскими постами, зато три главенствующие здесь крепости были оставлены прежде чем мятежники подошли к ним—это настораживало землян. Долгие годы военной подготовки приучили их подозревать все и всех. И вдобавок шли бесконечные толки, что они могут попасть в западню. Случай со шпионом обростал слухами и превратился мало-помалу в столкновение с целым отрядом мехов. А в ночных лагерях начали распространяться и более дикие слухи. Йорк и офицеры делали вид, что ничего не замечают, а солдаты держались в стороне от своих туземных союзников. Назначение приобретало такие черты, что все они рады были бы скорее от него избавиться.

Однажды в полдень Кана сопровождал Дика Миллза в опасном подъеме на вершину утеса, откуда они могли бы рассмотреть дорогу впереди. Пока Миллз регулировал левой бинокль, Кана сложил руки в перчатках, защищая глаза и пытаясь рассмотреть что-нибудь невооруженным глазом. Впереди что-то блестело. Так может блестеть только металл. И это что-то двигалось.

—Они ждут нас там, внизу,—согласился с ним Миллз.—Два-три королевских штандарта. А вон там движутся всадники Скора. Погоди, они размахивают флагом! Переговоры?!

Кана видел лишь, как черные точки, движущиеся вдаль по склону, слились в черное пятно.

—Йорк должен знать о переговорах. Расскажи ему о попытках переговоров. Похоже, что Скора склонен сдаваться...

Кана соскользнул с утеса и обнаружил у его подножия Йорка. Тот изучал туземную карту, консультируясь с мастерами-мечниками. Услышав новость о переговорах, он сел

на подаренного ему Скорой туена и поехал к туземному авангарду, а Кана снова полез на скалу.

—Смотри!—Миллз сунул бинокль Кана.—Вон туда, налево. Как по-твоему, что это?

Кана взглянул. Небольшой отряд мятежных ллоров двигался навстречу горстке роялистов. Другая группа спешила и тайно продвигалась вперед, обходя место переговоров.

—Засада? Но они встречаются под знаком перемирия!

—Именно так,—голос Миллза звучал сухо.

Долгое время внизу не происходило никаких действий. Совещающиеся предводители, сидя на туенах, оставались под развевающимся флагом перемирия. И тут из засады ударили мятежники. Они стаскивали роялистов с туенов, оставляя одних неподвижно лежать на дороге, а других уводили за собой в горы. А когда враг попытался преследовать, находившиеся в засаде прикрыли похитителей огнем из своих воздушных ружей, так что роялисты вынуждены были в беспорядке отступить. И вот уже флаг перемирия развевается в воздухе над одними мертвецами. Подействовали не столько неожиданность, сколько коварство.

Двое землян, ошеломленных таким вопиющим нарушением кодекса, который они впитали в свою кровь с самого начала обучения, спустились со скалы.

—Что-то случилось?—спросил Мик, ощутивший их беспокойство.

Кана кивнул, но Миллз не остановился, чтобы объяснить. Никто не мог догадаться, что принесет землянам эта вспышка насилия. Может, последует даже полный разрыв со Скорой и быстрое возвращение на Секундус.

Они вернулись на командный пункт спустя несколько секунд после возвращения Йорка. Его лицо представляло собой бесчувственную маску, но сжатый рот и блестящие глаза выдавали тревогу. Миллз доложил, а когда он кончил, Йорк рассмеялся, хотя в его смехе не было веселья.

—Да,—голос его разорвал тишину,—это правда. Хансу, Блур,—он поманил двух старших офицеров.—Идемте. Время поговорить. Вы,—глаза его обежали круг мечников,—вы, вы и вы...—когда же Миллз толкнул его под ребро, Кана неожиданно понял, что он был среди избранных мастеров лезвия вместе с Диком и Богатом. И вслед за офицерами они спустились с холма.

Дик снял ружье с плеча, остальные повторили его жест. Хотя и у ллоров были хорошие воздушные ружья, они не могли сравниться в искусстве стрельбы с земля-

нами. И если Йорку во время встречи со Скорой понадобится помощь и демонстрация военной силы, он сможет сделать это.

Земляне нашли предводителя мятежников на скалистой площадке, где караванная тропа превращалась в настоящую дорогу. Верховые и пешие ллоры окружили группу на пыльной дороге. Три роялистских офицера, окровавленные, со связанными руками, стояли перед Скорой, который что-то говорил им на туземном языке. Увидев землян, он замолчал. Уловить выражение его волосатого лица было невозможно, но его явно не обрадовало появление землян.

Три мечника остановились, держа оружие на виду. Вполне возможно, что его придется использовать.

Йорк остановил своего гуена рядом со Скорой. Ллоры расступились. Они достаточно часто видели, как стреляют земляне, и не хотели стать мишенью.

—Ваше высочество, что я вижу... так же нельзя вести войну...—у Йорка не было ораторского голоса, но слышно его было хорошо.

—Я гатанус, а гатанус ведет войну как хочет. Они служили предателю С'Торку,—возразил Скора,—они убили моих людей, поэтому...— В его руке сверкнула сталь и три роялиста упали, забрызгав кровью сапоги Скора.

Рот Йорка был сжат в прямую линию.

—Это плохой поступок, ваше высочество. Зло порождает зло.

—Да? В своем мире можете поступать по своим обычаям. Здесь другие обычаи, чужеземец!

Предводитель ллоров был вправе так поступать. И Йорк не мог возразить. Одно из правил службы было не вмешиваться в споры туземцев между собой, ведущиеся по туземным обычаям. Возможно, на Фронне нарушения перемирия были обычными во время войны. Но Кана слышал, как Богат пробормотал:

—Нет нам здесь счастья, нет счастья там, где флаг перемирия запачкан кровью.

Йорк повернул и поехал назад. Группа землян вернулась в свой лагерь. Но к постоянным подозрениям добавились новые тревожные мысли. Война, как они знали, должна вестись по определенным обязательным правилам. Если ее законы, которые они считали незыблемыми, нарушаются, то к чему это приведет?

Состоялся военный совет, на котором присутствовали представители всех отрядов, а остальные приготовили оружие, теперь уже ожидая нападения не только со стороны

роялистов, но и со стороны так называемых союзников. К рассвету было принято решение. Поскольку Скоря сослался на обычай, их контракт оставался в силе, и они должны участвовать в сражении на стороне мятежников. Роялистов выкурили из предгорий, и войска мятежников длинными щупальцами охватили равнину. У Скоры была и пехота, но он предпочитал кавалерию, и немногие пехотные отряды образовывали фланги более сильно вооруженной земной орды. Им противостояла небольшая армия роялистов. Большинство знатных лордов равнин еще не сделали выбора. Быстрая победа над этой армией—по существу это были лишь домашние отряды С Торка—заставит большинство дворян перейти на сторону мятежников, и все равнины подпадут под власть Скоры. Останется лишь посылать экспедиции для подавления отдельных лордов, упрямо подерживающих двоюродного брата С Торка.

Резкие звуки боевых труб звучали над холмистой местностью. Мятежники казались уверенными в своей победе. Небольшие пехотные отряды сближались с ордой, а кавалерия выехала навстречу врагу. Орда приступила к военным действиям. Исчезли все украшения. Солдаты надели серо-зеленые полевые мундиры, сливающиеся с почвой.

Кана вытянул ноги вдоль небольшого пригорка и удобно устроил ружье на изогнутой ветке куста, прикрывавшей его. Над головой стая летающих существ металась в воздухе, выдавая криками свой страх и негодование.

План битвы был простой, но классический по ллорианской традиции. Кавалерия пытается окружить врага и погнать его в центр, под опустошительный огонь арчей. И поскольку С Торк был настолько глуп, что принимал сражение, то мятежники не видели, почему бы их маневру не увенчаться успехом. Единственным выходом для роялистов было отступление.

Кана оглянулся, когда к нему подполз Миллз. Ветеран критически оглядел выбранную новобранцем позицию, а потом одобрительно кивнул и начал сам устраиваться в листе. Сквозь трубы слышался глубокий и низкий звук: ллоры выкрикивали свой боевой клич. Миллз улыбнулся Кана.

—Флаг поднят—начинаем!

Поле их зрения было ограничено. И довольно долго лишь отдаленные крики свидетельствовали о том, что сражение идет. Потом из небольшой рощи появилась группа всадников. Они неуверенно топтались на месте. Но цвет их

обмундирования невозможно было спутать ни с чем: это были роялисты, попавшие в ловушку-челюсть, в которой зубами были земляне.

Появилась еще одна группа, и в ней несколько животных бежало без всадников, отчаянно лягаясь и увертываясь от туземцев, пытавшихся их схватить за узду. Пеший ллор выбежал из леса, за ним ковылял другой, используя в качестве костыля копыце. Колебавшиеся всадники разбились на две группы. Одна, меньшая, построилась и с обнаженными мечами двинулась назад в лес. Другая в беспорядке устремилась по равнине. Кана выбрал цель до того как всадники приблизились к зоне досягаемости. Не звучали трубы, не раздавались боевые кличи, но среди укрывавшихся стрелков чувствовалось напряжение. И когда всадники перевалили через пригорок, смертоносный шквал огня вырвал их из седла. Обезумевшие от страха гуены понесли. Несколько туземцев упало на землю. Ни один не приближался к землянам.

Кана не мог закрыть глаза, хотя внутренности у него выворачивало наизнанку. Действительность сильно отличалась от стрельбы по гуманоидным роботам, тщательно выстроенным на огневом рубеже. А ведь раньше ему не приходилось стрелять по живым существам. Секунду назад он стрелял по избранной цели. Ллор, на котором сосредоточился его взгляд, не напоминал ему живое существо. Но... Кана усиленно боролся с тошнотой. Ему было дано слишком мало времени, чтобы размышлять над своими эмоциями; потому что вторая волна роялистов выкатилась из леса. Но на этот раз они смешались со своими преследователями. В стремительном галопе смерти неслись они вперед, падая на землю, но дорого отдавая свои жизни: в рядах мятежников тоже виднелось немало животных без всадников.

—Скора!

Кана не нужно было это разъяснение Миллза. Он ошибочно узнал мятежного вождя, пробивавшего себе дорогу к предводителю роялистов. Этот офицер, столь же представительный внешне как и будущий гатанус, воспринял схватку с такой же готовностью. И пока их подчиненные сражались, предводители обменивались сабельными ударами. У роялиста шла кровь из раны на плече, но это ничуть не уменьшало его фехтовального искусства. А Скорра был невредим.

Сражающиеся приближались к землянам, но те не стреляли. Слишком велика была вероятность попасть в

своего. Гуен роялиста пытался укусить животное Скоры. И в одной из таких попыток лишил устойчивости своего всадника. Лезвие Скоры глубоко вонзилось в руку противника; из нее выпал бесполезный меч. Скоря уже поднял свое оружие, чтобы нанести смертельный удар, но сам пошатнулся и, перевалившись через голову гуена, упал в пыль.

Вероятно, только земляне увидели огненную полосу, вырвавшуюся из леса и поразившую вождя мятежников в момент его торжества. Ллоры, только что отчаянно сражавшиеся, застыли, глядя на Скору. Затем с диким воплем ужаса и отчаяния приверженцы Скоры набросились на своих противников, безжалостно убивая их. Два роялиста спаслись в лесу, а остальные были мертвы.

—Это был бластер!—голос Кана был едва слышен в криках ллоров.

Ллоры подняли тело Скоры и, положив его в седло, двинулись на север. Миллз, встав на колени, следил за ними.

—Это конец войны,—заметил он.

И как будто его слова послужили сигналом: послышался резкий свист, отрывающий солдат назад. В тревожном ожидании земляне ждали до полудня. Но слова Миллза оказались справедливыми. Смерть вождя деморализовала мятежников. Война подходила к концу, и ллоры избегали чужеземцев. Солдаты подозревали, что теперь мятежники попытаются вступить в переговоры с бывшими врагами. Будущее орды выглядело довольно мрачно. Но когда подобные происшествия случались в прошлом, ордам или легионам, поддерживающим побежденного, всегда давали свободный проход к транспортным кораблям и позволяли улететь с планеты.

Солдаты консервативны, ими правит обычай, и поскольку обычай был на их стороне, рискованное назначение окончилось. В лагере орды вечером царило чувство облегчения. Худшее позади. Патрули обходили окрестности и их количество не уменьшалось. Но смерть Скоры, не оставившего наследника, освобождала землян от обязательств. И вот в отпускном настроении они ждали скорого возвращения в Тарк, где их ожидали транспорты.

Единственное, что омрачало их настроение, было сознание того, что кратковременность компании отразится и на оплате. Но Кана и некоторые другие чувствовали, что будущее может оказаться не таким светлым.

Кана заметил, что Йорк, три мастера-мечника и некоторые ветераны, включая Миллза, не разворачивали на

ночь спальные мешки. А когда рано утром его разбудили на дежурство, он заметил, что в палатке, где собрались офицеры, все еще горел свет.

Скора был убит из бластера. Это означало, что, по крайней мере, еще один экземпляр незаконного оружия находился в руках врага. Кто принес это оружие на Фронн и зачем? Заняв пост, Кана принялся размышлять над этим. Тьма фроннианской ночи была наполнена звуками, которые могли означать что угодно, в том числе и опасность. Но кольцо сторожевых фонарей, установленных вокруг лагеря, создавало световой барьер.

Летающие существа, привлеченные и ослепленные светом, бились вокруг ламп, образуя воронку крылатых тел у самых линз. На охоту за этими оглушенными существами явились большие создания: одни на четырех лапах, другие на двух, а третьи — на крыльях. Начался кровавый пир и вопли жертв не прекращались.

Неожиданно низко нависшие ветки кустов раздвинулись в сторону, на освещенное место вышел человек и остановился, как бы желая чтобы его узнали. Он не был фроннианцем.

Мгновенно ружье Кана вздетело на уровень груди незнакомца. Мех — и в полной форме! Кана свистнул, вызывая караул, и выпалил:

— Не двигаться!

Незнакомец рассмеялся.

— Не собираюсь делать по-другому. У меня сообщение для Йорка.

ГЛАВА V

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

Несколько часов спустя Кану разбудил толчок в плечо. Над ним возвышался Миллз.

— Быстрее! — резко сказал он. — Мы выступаем.

Они действительно выступили, и с необычной поспешностью. Кана едва успел бросить свой мешок на телегу. На ходу он еще протирал глаза, прогоняя сон. Приказ гласил: «Марш по вражеской территории». С обеих сторон двигались разведчики. И гуенами, везущими багаж, правила не туземцы, а земляне. По существу, во всей извивающейся колонне не было видно ни одного туземца. И двигалась колонна не к Тарку, а под прямым углом к их прежнему пути. На север вдоль гор.

Новая дорога спустя мило превратилась в едва заметную тропу. Из разговоров окружающих Кана понял, что никто из солдат низших рангов не знает, куда они направляются и зачем. И снова до него доносились толки о неожиданных и загадочных происшествиях с другими ордами и легионами. Если—так будет продолжаться и дальше, моральное состояние наемников, несмотря на их обычный фатализм, может быть сильно подорвано.

Возможно, их новый поход был результатом неожиданного появления меха ранним утром. Но уверенность, которую чувствовали земляне после смерти Скоры, быстро сменялась растущим беспокойством.

Тропа стала такой узкой, что приходилось бросать повозки. Появились два разведчика и с ними туземец, ллор младшего офицерского ранга, с окровавленной повязкой на голове и с рукой на перевязи. По колонне пошли слухи.

—Впереди большая река... а моста нет...

Прежде чем эти слухи достигли хвоста колонны, послышался резкий торопливый голос Йорка.

—Солдаты! Ситуация угрожающая! Нам сообщили, что на службе С Торка находятся предатели-мехи. Сколько, мы пока не знаем. Разрешение на свободный проход нам не дали, а без него мы не можем двигаться к Тарку. Нужно выждать. Мы должны послать сообщение на Секундус...

—У кого же из нас вырастет ракетный хвост? Кто полетит в космос?—услышал Кана чей-то угрожающий голос.

—У нас имеется информация,—продолжал Йорк,—что к северу имеется еще один проход в горах. Мы можем пройти через него, если не придем к соглашению. Тем временем нельзя сейчас враждовать с роялистами, давать им повод заявить, что мы продолжаем сражаться и после смерти Скоры. Ни при каких провокациях ни один солдат не должен применять оружие против ллора, пока не получит противоположный приказ. До дальнейших указаний имеет силу положение: на вражеской территории, план три. Груз снять с телег и навьючить на гуенов. С этого пункта мы можем использовать три легких повозки. На ночь лагерь будет разбит у реки...

Использовать сопротивляющихся гуенов в качестве вьючных животных было нелегко. И лишь в сумерках отряд, в котором шел Кана, таща и подгоняя огрызающихся животных, увидел освещенный лагерь, разбитый авангардом на берегу реки. Лагерь землян расположился на крутом, почти отвесном берегу, нависающем над темной

маслянистой рекой с сильным течением. Можно было не опасаться нападения отсюда.

Кана пошел вдоль берега, глядя на поток. Судя по белым воротничкам пены вокруг торчавших из воды скал, он понял, что переправа будет нелегкой. Провожая взглядом пузыри, плывущие вниз по течению, он увидел в черноте ночи какие-то огоньки на берегу дальше к востоку. Еще один лагерь? Значит, параллельно орде шли отряды ллоров.

К счастью, орда несла с собой запас продовольствия. Туземцы, зависящие от природных продуктов своей земли, не могут сравниться в подвижности с армией, для которой проблема продовольствия решается небольшим количеством пищевых таблеток и других концентратов; недельный запас таких продуктов солдат легко носил в своем вещмешке. Древняя тактика выжженной земли не оправдалась бы против землян—разве что их удалось бы на несколько месяцев отрезать от баз.

—Тупоголовые придурки!—услышал Кана голос Сима, опускаясь на землю рядом с Миллзом и Миком.

—Неужели они думают, что могут...

—Это не волосатые морды,—отвечал Богат.—Не волосатая морда убила Скуру. Я там был. Говорю вам, парни, его пронзило насквозь—точно и аккуратно! Я уже десять лет мечник и знаю—не стоит плевать в дуло бластеру!

—Бластер?—переспросил кто-то.—Но если у них есть бластеры, они могли бы перебить нас на месте. А ведь мы побеждали, пока был жив Скура.

—Послушай,—голос Богата прозвучал громче.—Я видел то, что видел! Прошлой ночью к нам в лагерь приходил мех. И он не просто наблюдатель. А что, если у С'Торка целый легион изменников?

—Ерунда!—отозвался один из его собеседников.—Целый спятивший легион—да они не могли бы сесть в корабль без того, чтобы об этом не узнал Прайм!

Послышался саркастический смех Богата:

—Существует миллион уловок, чтобы обмануть шишек на базе—вы сами это знаете. Раньше такого никогда не было, но это не значит, что какой-нибудь хитрый парень не додумается до такого. Мастер-мех вполне может захотеть отвоевать этот мир. Верно я говорю, Миллз?

Миллз отмахнулся от насекомого, привлеченного светом лампы.

—Совершенно верно, Богат! И ты прав в том, что нас ожидает сейчас. И если это так...—он помолчал, а потом

продолжал:—Если это так, мы должны быть готовы с боем уходить с планеты.

Раздалось несколько протестующих голосов, но их перекрыл бас Богата:

—У вас в головах видно не хватает мозгов. Поймите: если парень нарушил закон, он делает все, чтобы никто не болтал об этом. Мы возвращаемся на Секундус, начинаем рассказывать о мехах и бластерах, и тут же полицейский корабль отправляется прямиком на Фронн посмотреть, что же тут происходит. Думайте сами. У кого могут быть бластеры, какую поддержку имеют эти изменники мехи?

Напряженная тишина свидетельствовала о том, что люди начали размышлять, и результат им не понравился.

Так как Хансу использовал Миллза как своего помощника, Кана все еще не очень хорошо знал своего напарника. Он держался Мика с Реем и встречался с Миллзом только когда их сводили обязанности. Но сейчас он решился задать своему напарнику вопрос.

—А можно что-нибудь выяснить на Прайме?

Миллз не повернул головы. Секундой позже он спросил:

—Объясни свой вопрос.

Кана описал свою встречу с мехом в информационной библиотеке, подчеркнув, что как ему кажется, мех ждал информационной катушки с Фронна.

—У него на шлеме не было значка легиона?

—Нет, сэр. Я думал, что он только что подписал назначение. Но почему...—он замолчал, но мысли роились в его голове.

Как может мех наняться для незаконной службы на Прайме? С Торка, должно быть, поддерживает не только горстка изменников.

—Да, почему и как,—шепот Миллза сделал более четкими опасения Кана.—Вот что значит идти в бой слепо.

Миллз встал и Кана пошел за ним.

Вскоре Кана понял, что они обходят местность вокруг лагеря. Когда привыкли глаза, Кана разглядел, что, вопреки обычаям, длоры жгли факелы. Но они не делали попыток приблизиться к землянам.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы удовлетворить Миллза. Он пошел на юг, время от времени останавливаясь, всматриваясь в темноту и прислушиваясь. Вскоре он увидел огни точно на дороге. Длоры отрезали им путь к отступлению.

К западу начиналась горная гряда. И там, наверху, ни одного огонька. Значит, лагерь землян еще не окружен—или ллоры считают, что зажали войско землян между горами, рекой и двумя своими лагерями.

Миллз достиг последнего поста, но не повернул к лагерю.

—Хансу говорит,—внезапно начал он,—что у тебя подготовка к контактам с другими культурами. Что ты думаешь о ллорах и об этой ситуации? Они должны знать, что не зажали нас. Если мы захотим применить силу, мы попробуем. Что-то в резерве у них должно быть?

—Ничего нельзя заранее сказать о туземных феодальных цивилизациях. Скоря склонен был переоценивать свою силу. Впервые наши войска заброшены на Фронн,—Кана пожал плечами.—Знаете, временами этот наш Х-3, контакт с туземцами, основан на сплошных догадках. Невозможно проникнуть в череп существа, у которого мысли развиваются совсем по иным законам. Мне кажется, что ллоры либо действительно то, чем кажутся—простые варвары, либо...

—Либо,—подхватил Миллз,—что-то настолько сложное, что мы никогда не сможем понять их. Или же они пользуются советами и помощью...

—От легиона мехов?

—Не понимаю, как это могло случиться! Взять хотя бы проблему транспортировки на Фронн! Ни один корабль в целой Галактике не может уйти без запечатанной катушки с указанием цели и маршрута. И все же мех на Прайме собирал сведения об этой планете, там, где малейший слух погубит операцию с самого начала. Но какая им выгода от этого?

—А какими правами на разработку заплатил Скоря за орду Йорка, сэр?

Миллз удивленно взглянул на Кана, будто обычный гуген обратился к нему на чистом космоязыке.

—Устами младенца... Права на разработку полезных ископаемых, на торговлю и, может быть, хороший шанс с помощью землян захватить все окрестности!.. Боже космический! Это, возможно, ответ на многие вопросы. Мехов можно было погрузить на торговые корабли, доставить бластеры, вообще все!—он задумчиво посмотрел на Кана.—Никогда не говори об этом, понятно? И так ходит достаточно слухов, нечего добавлять еще один, да к тому же такой логичный, что в него можно верить.

—Значит, вы думаете, сэр, что против нас не просто изменники?

—Поведение чужаков непредсказуемо—откуда нам знать, как работает их мозг. ЦК не понимает и не хочет понимать этого. Они там даже не хотят задуматься над нашей судьбой. Мы же для них слегка комические ребячливые наемники с сознанием, которое не соответствует установленным ими критериям. Они нас поместили в соответствующее место и постарались тут же о нас забыть. Мы заполнили отведенную нам ячейку, и они перестали о нас думать. Они видят нас не такими, каковы мы на самом деле, а такими, какими им хочется нас видеть, а это совершенно разные вещи. Знаешь...—Миллз помолчал, вдумываясь в пришедшую ему в голову мысль,—а ведь в некотором смысле это позволяет нам маскироваться. Мы знаем такое, что удивило бы галактических агентов. Эти парни-торговцы—не земляне конечно, земляне не торгуют—выпадают из аккуратной схемы, а ведь мы тоже принимаем в этом участие. Но о нашей роли никто и не думает. Мы лишь фигуры, которые можно передвигать по доске. Но что произойдет, если мы начнем ходить сами по себе? Можно попробовать...

Кана застыл. Неужели Миллз располагает какой-то реальной информацией? Неужели у землян есть способ борьбы с унижительным покровительством ЦК, который, если захочет, может навсегда привязать их к Земле? Странное шестое чувство, которое вырабатывалось у каждого специалиста по контактам, проявилось внезапно. Кана хотел задать вопрос, десять, двадцать вопросов. Но времени на это не было. В лагере меж палаток двигались мечники, седлая гуенов в том месте, где располагался штаб Йорка.

—Мы выступаем?—Кана поспешил вслед за Миллзом. Перед палаткой Йорка стояли три мастера-мечника и несколько других офицеров. Они горячо спорили. Наконец, Йорк нетерпеливым движением отвернулся от Хансу и натянул поводья своего гусна:

—До моего возвращения старшим остаетесь вы.

Невдалеке ждали три ллора, судя по одежде—дворяне высоких рангов. Свет лампы бросал на их мохнатые лица злобещие тени. Еще два мастера-мечника сели верхом, но ллорский вождь не торопился. Он указал на Хансу и задал какой-то вопрос. Йорк ответил. Ллор по-прежнему не двигался. Йорк перевел взгляд на Миллза и поманил его к себе.

Хансу кивнул и, отцепив свой значок мастера-мечника, протянул его Дику.

—Ты мой представитель. Ллор требует, чтобы присут-

ствовали все старшие офицеры. А тебя он видел на совете раньше, так что ты вполне сойдешь за офицера, — но, вероятно, лишь Кана заметил, как рука, передававшая Миллзу значок, крепко сжала его пальцы. — Будь осторожен.

Миллз взобрался на гуена и маленькая кавалькада двинулась в путь. Ее продвижение по местности было обозначено голубыми огнями фроннианских факелов. Всадники приближались к лагерю роялистов, расположенному ниже по реке.

После отъезда Йорка Хансу не тратил времени. Приказы негромко передавались от одного к другому, и вскоре все солдаты пришли в движение. Палатки остались стоять, но остальное снаряжение рассортировали, оставив каждому солдату лишь одну смену белья, одеяло и одежду на случай холода. Раздали продовольствие и аптечки. Затем по очереди отряды начали располагаться на недолгий сон. Когда Кана проснулся рано утром, лагерь как будто был разграблен. Всюду валялись солдатские мешки, их менее ценное содержимое было беспорядочно разбросано. По-видимому, Хансу ожидал осложнений.

При свете солнца земляне смогли разглядеть палатки роялистов на речном берегу к востоку, а также штандарты отрядов, следовавших за ними по предгорьям. Лампы выключили, но снимать не стали. И если орде придется уходить налегке, их тоже придется оставить.

Хансу расставил вдоль реки людей. Заняв восточный пост, Кана заметил, что эти люди бросали в реку кусочки дерева, изучая направление течения. После часа исследований они отправились с докладом. Но Кана знал, что пытаться преодолеть здесь реку, особенно если это делать под огнем, — самоубийство.

До этого не должно дойти. Ллоры просили о переговорах. Йорк вернется, и орда направится в Тарк. Если ллоры соблюдают правила войны, так оно и будет. Если...

По горным дорогам неторопливо проезжали ллоры. У всех были значки роялистов, но не один Кана подозревал, что большинство из них три дня назад участвовали в конфликте на противоположной стороне. Они были вооружены, но оружие находилось в чехлах и ножнах. Медленно проезжая мимо лагеря они что-то выкрикивали. Ни один солдат не находил их выкрики дружелюбными.

—Этот волосатилищный в голубом шарфе... — Мик присел рядом с Кана на передовом посту. — Я мог бы заставить его уважать землян...

Ллор с голубым шарфом жестикулировал и жесты его

были бы приняты за оскорбление на любой планете. Его сопровождала компания друзей. Своими одобрительными выкриками они побуждали его изощряться еще больше. Мик вздыхая вспоминал подробности анатомического строения ллоров, прикидывая, какие из мест на теле этого шутника было бы наиболее подходящей мишенью для его пули. Но, увы, стрелять было нельзя.

—Разве сейчас твое время?—спросил Кана.

—Приказ Хансу удвоить посты. Пахнет отвратительно, и не только от волосатых. Йорк ушел уже десять часов назад. Для переговоров столько времени не требуется. Ты принес с собой свой мешок?

—Конечно,—Кана пнул сверток у ноги.—Но Хансу не станет выступать, пока не получит приказ Йорка.

—Я так не думаю. погоди! Что это?

Солнце Фронна—тусклое и холодное в сравнении с Солнцем, согревающим Землю. Но вот где-то вдали, на краю небольшого леса у реки, его бледные лучи, отразившись от какой-то поверхности, ярко вспыхнули. Эти вспышки долетали до землян через правильные интервалы.

Три буквы их языка, крик о помощи, настолько древний, что его происхождение терялось в тумане земного прошлого, сигнал, который мог послать только землянин. Кана положил ружье.

—Займи мое место!—и он пополз, прежде чем Мик смог остановить его. Долгие часы дежурства на этом посту не прошли напрасно. Существовала возможность, правда, нелегкая, подобраться к рощице незаметно для разъезжавших ллоров.

Кана свесился с крутого берега, нащупывая опору ногами сапог. С трудом он мог сползти вниз. У основания утеса рядом с бегущей водой лежала узкая, шириной в фут, полоска песка и гравия. Прижимаясь спиной к стене утеса, закрытый от наблюдения сверху,—разве что кому-нибудь придет в голову наклониться,—Кана продвигался вдоль потока.

Раз или два его ноги погружались в кипящую воду, и он цеплялся пальцами в поисках опоры. Хуже всего была потеря чувства расстояния. Каждые несколько футов он останавливался и смотрел вверх, ожидая увидеть встви деревьев.

Ему показалось, что прошло не меньше часа прежде чем нависшая над берегом зеленая листва позволила повернуться ему лицом к утесу. В пределах досягаемости

находились корни и Кана начал подъем. Глиняная пыль покрывала лицо. Держась одной рукой, другой он протирал глаза. Ногти у него были сорваны, мундир покрылся пылью и грязью, но он, наконец, добрался до колючего кустарника.

—Земля?—негромко произнес он. Услышав ответ, он быстро пополз вперед. Такой стон могло вызвать только настоящее страдание.

Продвижение вперед привело его на западный край рожи. Под упавшим деревом, закрытый от ллорских всадников лишь тонким слоем листвы, лежал человек.

Увидев страшные ожоги, покрывавшие тело человека, Кана едва решился дотронуться до него. Раны от бластера! Кана знал, что прикосновение принесет раненому мучительную боль. Почерневшее, обгоревшее тело дрогнуло, раздался стон. Сжав губы, Кана притронулся второй раз, преодолевая слабое сопротивление раненого. Наконец, ему удалось повернуть его лицом к свету. Бластер не затронул лицо, и хотя оно было искажено, Кана узнал раненого.

—Дик! Что... что они с тобой сделали?

ГЛАВА VI

ЕСЛИ ВЕРА НАРУШЕНА...

Дик медленно открыл глаза, как будто, притягиваемый всеподчиняющим чувством долга, возвращался из небытия.

—Все мертвы... Харт Девайс... Скажи Хансу... Харт Девайс...

Кана кивнул.

—Я должен сказать Хансу, что виноват Харт Девайс?

По его глазам Кана понял, что прав.

—Не... не один... Галактический агент, скрытый... сжег нас,—отстатки былой силы прозвучали в его голосе.—Пытался... пытался добиться... чтобы Йорк присоединился к изменникам. Когда Йорк отказался, сжег нас сзади. Все мертвы... меня тоже сочли мертвым. Агент подошел... посмотрел. Я видел его ясно... агент... скажи Хансу: за Девайсом стоит ЦК. Полз... полз... часы и часы полз, у них только бластеры... тяжелого оружия нет. Скажи Хансу... бластеры...

—С ними галактический агент, и у них оружие ЦК,—повторил Кана с холодным ожесточением.

Несколько мгновений Миллз лежал неподвижно, собираясь с силами.

—Скажи Хансу... за всем этим ЦК... нас уничтожат, если смогут... Не должны застигнуть вас здесь. Назад к кораблям... доложить командованию... доложить...—одна из обгоревших рук вцепилась в рукав Кана. Тот торопливо пообещал:

—Я скажу ему, Дик.

—Сзади... ни одного шанса... Харт Девайс...—шепот Миллза затих. Затем он произнес ясно и отчетливо:—Окажи милосердие, товарищ!

Кана с трудом плотнул, во рту у него сразу пересохло. На мгновение он снова оказался в церкви на Земле, за полгалактики от Фронна. Его обучили ритуалу, он знал, что должен сделать. Но вопреки всем инструкциям он не верил, что ему придется когда-нибудь оказывать Последнее Милосердие.

Полные боли глаза Дика настойчиво смотрели на него. Выполнив свой долг, Миллз ждал, когда его отпустят из мира боли. Кана знал, что означают эти раны. Даже медики на Секундус ничего бы не смогли сделать для него. Да и переправить его туда невозможно. Медленно, стараясь не причинять Дику лишней боли, он опустил его на землю и достал свой нож, который все солдаты носят на груди. Это был «нож Милосердия», с ним не расстаются ни наяву, ни во сне, его носят с собой всю жизнь и применяют лишь для единственной цели.

Кана прижал крестообразную рукоятку к губам Миллза и произнес соответствующие слова. Собственный голос казался ему незнакомым. Искаженные болью губы Миллза пытались вторить ему.

—...И вот я посылаю тебя домой, брат по оружию!—закончил Кана и не мог тянуть дальше. Нож опустился точно в то место, куда указывала инструкция. Кана был один. Он сунул окровавленное оружие в ножны. Очистить его можно было только в земной почве. Оставалось еще одно: тело Дика Миллза нельзя оставлять ллорам, а нести его с собой в лагерь у Кана не было сил. Кана снял с пояса патрон. Осторожно отвинтил крышку и положил патрон на тело. Потом бросился к утесу. Он еще не успел спуститься, как раздался взрыв, и когда дым рассеялся, Дика Миллза найти было невозможно.

Обратный путь Кана проделал как можно быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме сообщения Дика Миллза. После смерти Йорка и остальных мастеров-мечников, ордой командовал Триг Хансу.

В районе его поста с утеса свешивалась веревка. С ее

помощью Кана поднялся в лагерь. Наверху его ждал не только Мик, но и сам Хансу. Ниже по реке поднимался в небо столб черного дыма, и на опушке леса собирались лоры. Кана сжато доложил.

—Йорк и остальные предательски сожжены с тыла после того, как отказались присоединиться к ним. Агент ЦК тайно следил за ходом переговоров. Мехаи командует Харт Девайс. Дик был смертельно ранен, но уполз в лес. Он сказал, что видел бластеры ЦК, но тяжелого оружия у них нет... Он считает, что они постараются уничтожить нас.

Выражение лица Хансу не изменилось при упоминании о командире изменников-мехов и об агенте. Не успел Кана закончить, как Хансу уже отдавал приказы стоявшим поблизости ветеранам.

—Дольф, примешь командование первым отрядом; Хорват—вторым. Приготовиться к маршу! И пришлите сюда Богата.

Кане Хансу тихим голосом задал лишь один вопрос:

—Миллз?

У Кана не нашлось слов для ответа. Он обнажил окровавленный нож Милосердия. А сзади послышалось тяжелое дыхание Мика. Но Хансу ничего не сказал. И ничего больше не спрашивал.

Мик помог Кана надеть ружье, взял его мешок и отвел товарища в лагерь. Имущество, оставленное прошлой ночью, теперь под руководством Богата складывалось в баррикаду от одной линии ламп до другой. Все солдаты, кроме тех, что были заняты на постройке этой стены, выстраивались лицом к горам.

—Готово, сэр!—доложил Богат Хансу.

Пятеро землян через равные промежутки выстроились у брошенных вещей, каждый держал в руках взрывной патрон. Хансу спросил:

—Животные готовы?

Взвод, гнавший вьючных животных в дальний угол лагеря, доложил о готовности.

—Солдаты!—Хансу повернулся лицом к отрядам.—Все вы знаете, что случилось. И если вера, нарушена, конец и связывающему нас контракту. Йорк и остальные убиты, сожжены сзади из бластера. Миллз прожил лишь столько, чтобы успеть предупредить нас. Вы знаете, что не превосходящая сила оружия и не численность выигрывает войны. Та сторона, у которой есть воля к победе, имеет преимущество. Нам придется пересечь враждебную планету. Лю-

бой туземец может оказаться враждебен нам. Но если мы не сумеем достичь Тарка, шансы очень невелики. Помните это: ставка—наши жизни. Но солдат, думающий только о сохранении жизни, обычно погибает в первой же схватке. Смерть—наш общий удел, ни один человек не избежит его. Но если мы погибнем в традициях орд—это будет прекрасный конец для всех нас. Они считают, что поймали нас, что мы не можем вырваться из клетки гор, реки и войск. Но мы покажем им, как опасно недооценивать меч-ника. Огонь прикроет наш отход. Мы двинемся на запад, в горы. До смерти Скоры туземцы говорили нам, что гор следует опасаться, что местные жители здесь никогда не подчинялись гатанусам и очень опасны. В таком случае мы можем найти союзников. По крайней мере, мы уходим в правильном направлении. Каждый, кто хочет выжить, должен стремиться к победе. Выигравший—убивает, проигравший бывает убит.

Орда встретила последнее утверждение одобрительным гулом, и Хансу дал сигнал солдатам у баррикады. Испуганные гуены понеслись к ллорам, неторопливо прогуливающимся по окраинам лагеря. Фроннианские воины были вынуждены разбежаться перед взбешенными животными, стараясь в то же время направлять их в сторону от своего лагеря. Но гуены с их дьявольским характером где только могли нападали на кавалерийских животных.

Орда в порядке «продвижения по враждебной территории» двинулась в путь. Столбы огня взметнулись вдоль стены оставленных припасов, и дым скрыл отступление землян. Огонь некоторое время будет держать ллоров на расстоянии.

Маршрут землян пролегал вдоль реки, где было много укрытий. Спустя полмили река ушла глубже, выступы черно-белых скал стали попадаться чаще. Кана по очереди с другими тащил небольшую телегу, на которой лежали самые необходимые припасы. У них было две таких тележки и от их содержимого, возможно, зависела жизнь всех солдат в недалеком будущем. Уже наступили сумерки, когда Кана со вздохом облегчения отошел от телеги и, растирая уставшие руки, занял свое место в линии. До сих пор Хансу не отдавал приказа разбить лагерь. Они поели на ходу и запили водой из фляжек. Никаких признаков преследования не было. Но, по-видимому, Хансу считал, что чем больше миль их отделит от прежнего лагеря, тем лучше. Их вторично остановила река. Ее глубокое русло пересекало тропу. Теперь нужно либо пересечь реку, либо

повернуть назад. В надвигающихся сумерках они разбили лагерь. Хансу вызвал к себе Кана.

—Вы спускались к самой воде—сильное ли течение?

—Очень, сэр. И я думаю, река очень глубокая. А здесь она даже глубже.

—Хм...—Хансу опустился на колени и свесился над обрывом. Достав карманный фонарик, он начал спускать его вниз на веревке. В круге света появилась поверхность утеса.

Река пробила это ущелье. Должно быть, раньше она была шире и полноводнее: утес представлял собой несколько уступов—гигантскую лестницу, ступени которой отмечали падение уровня реки. Не очень широкие и расположенные высоко друг от друга, это были все же ступени, и они давали возможность добраться до воды. Из нее торчали зловещие острые камни, вокруг которых вспухала пена. Оползни оставили свои следы—слишком тяжелые камни, которые не смогла унести река. Пытаться плыть здесь значило разбиться насмерть. И свет был слишком слаб, чтобы можно было разглядеть, что ждет на противоположном берегу. Хансу, сворачивая веревку, поднял фонарик.

—Придется ждать рассвета. Галактический агент...вы уверены, что Миллз так сказал?

Кана смог лишь повторить то, что говорил раньше, а потом добавил:

—Ллоры уверены в себе, сэр, чуть-чуть больше уверены, чем следовало бы. Они, должно быть, чувствуют мощную поддержку.

Хансу издал звук, который очень отдаленно напоминал смех.

—О, да, у нас есть репутация. Значит, у них есть советчики, для которых наша репутация ничего не значит. Ллоры—воинственный народ и, когда преимущество на их стороне, они поступают, как угодно. Скоря перебил своих врагов даже под знаком перемирия. Может, таковы фроннианские обычаи. Однако...—и губы Хансу раздвинулись, в львином оскале,—им не стоит строить слишком радужные планы на будущее, даже действуя по советам ЦК. Что вы знаете о косах?—мгновение спустя спросил он, оторвав Кана от мрачных мыслей.

—Это туземные жители гор. В катушке о них было очень мало. У меня создалось впечатление, что они не одной с ллорами расы и что они смертельные враги жителей равнин.

—Они пигмеи. По крайней мере, ллоры считают их пигмеями. И, действительно, смертельные враги всем, кто вторгается на их территорию. Используют отравленные стрелы и ловушки. Но я не знаю, вступаем ли мы сейчас на их территорию. Во всяком случае, у нас нет выбора, нужно идти вперед. Нам предстоит работа. Карр!

—Да, сэр.

—Отныне вы назначаетесь офицером по контактам. Подумайте, что нужно собрать в «тюк первого контакта» и соберите это сейчас же. Утром все должно быть готово к использованию. Богат!

Темным пятном на ночном фоне появился ветеран.

—Завтра пойдете в разведку. В вашем отряде пойдут Карр—специалист по контактам.

—Да, сэр,—ничто не говорило, что Запан Богат когда-нибудь раньше видел Карра.—Сколько человек?

—Не больше десяти. Широкая разведка на вражеской территории. Разведайте всю местность. Потом будете проводить.

—Да, сэр.

Лагерь освещался лишь вспышками карманных фонариков, но и этого слабого света Кана хватило, чтобы добраться до своего места рядом с Миком и Реем. Он свернулся в клубок, завернувшись в единственное одеяло, и постарался думать свободно и связно. Как специалист по контактам и участник передового разведотряда, он должен иметь с собой торговый набор: торговля, обычно, наиболее легкий способ достижения контакта с неизвестным племенем. Но он так мало знает о косах—пигмеях, постоянных врагах ллоров, использующих отравленные стрелы и ловушки, чтобы сохранить неприкосновенной свою территорию в горах. Наиболее обычные предложения—пища, украшения... Следовало подумать об этом раньше, до уничтожения лишнего багажа. Впрочем, солдаты по его требованию снимут с себя последнее, если к этому времени еще будут повиноваться приказам.

Почти для всех чужаков характерно врожденное любопытство к иноземной пище, особенно если они живут в суровой стране, постоянно на грани голодной смерти. Из земной пищи был один вид, который солдаты всегда берут с собой, вид, производимый только на их планете, но любимый всеми цивилизациями. Торговцы много лет пытаются экспортировать его. Но земляне направляют военным снабжением и, контролируют его производство и снабжают им только воинов и немногих избранных союзников. Земляне

слишком ценят этот продукт. Он не мог быть уничтожен с багажом. Должно быть, он находится в одной из телег, которые Кана помогал тащить. Надо спросить об этом у медиков.

Украшения—ветераны сняли их с мундиров. Теперь они размещены у каждого в специальном поясе. Нужно будет взять самые яркие. Ну, не будем терять времени. Ни у Мика, ни у Рея нет ничего достойного внимания. Но к его услугам весь лагерь.

Кана устало откинул одеяло и отправился выполнять задание. Первой его жертвой стал Крауфор, врач орды. Услышав просьбу, он достал с ближайшей телеги небольшой ящичек. Кана получил пакет размером с ладонь. Содержимое этого пакета равнялось полугодовому офицерскому жалованью на полудюжине планет. Услышав вторую просьбу, Крауфор расстегнул один из карманов пояса и достал сирианский «солнечный камень». В ладони доктора будто бы вспыхнул огонек.

—Можете взять это. Собственная шея стоит дороже. Просите не задумываясь: мы все знаем, чем рискуем. Тол, Канкон, Пейноу!—он созвал своих помощников и объяснил суть дела.

Когда Кана уходил от них, он нес пакет с сахаром, «солнечный камень», золотую цепь около фута длиной, кольцо в форме свернувшейся водяной змеи и небольшой кристалл, в котором был заключен фантастический по внешности потоманский омар. Полчаса спустя Кана вернулся на свое место. Карманы его мундира раздувались от сверкающих драгоценностей, пальцы были унизаны кольцами, а руки—браслетами. При свете лампы он рассортировал добычу. Вот это, это и это очень яркое внешне—нужно использовать в качестве приманки. А вот это сохранить в качестве даров для вождей или военачальников. Он подготовил три свертка в соответствии с их будущим использованием и отложил в сторону, а потом попытался уснуть. Лагерь окружала темнота ночи. Они находились будто в огромном ящике-ловушке и крышка его вот-вот должна была захлопнуться.

Кана видел крошечные светлые точки—звезды, обогревающие незнакомые миры. Где-то среди них и Солнце, вокруг которого вращается его родная планета. Зеленая Земля... Есть и другие зеленые планеты среди голубых, красных, белых, фиолетовых—но ни на одной нет такого оттенка какой есть у зелени, покрывающей земные холмы. Земля—родина человечества... Человек поздно вышел в

космос и оказался в стороне от главных дел. Всем заправлял ЦК. Но существовало множество миров, на которых туземная жизнь не достигла уровня разума. Что, если бы человеку позволили поселиться там, колонизировать эти миры?! Что если справедливы древние легенды, и существовали полеты к звездам, из которых не возвращались? Где эти миры, на которых могли основать свои колонии земляне? Где мог бы он найти своих отдаленных родичей, свободных от ярма ЦК, людей, собственными силами завоевавших звезды?

Думая об этом он уснул. И снова он сидел на поляне фроннианского леса, сжимая в руке окровавленный нож...

—... вставать!

Кана перевернулся. В сером рассвете над ним возвышался Богат. Первые лучи отражались в его шлеме.

Кана торопливо свернул спальный мешок. Потом пристроил свертки так, чтобы их было легко достать.

—Выступаем немедленно?

—Скоро. Захвати свой рацион.

Хансу и группа солдат, вооруженных веревками, собрались у края каньона. Три человека спускались по уступам к серебряному берегу далеко вниз. Они, пересвязавшись веревками, по очереди вступили в воду и где вброд, где вплавь добрались до булыжников и стали воздвигать между ними частокол из туземных копий и обломков дерева. Если человека собьет с ног, то этот частокол удержит его, не позволит течению унести вниз. Было ясно, что Хансу собирается переправляться через реку.

Когда Кана и разведчики Богата начали спуск, передовые уже прошли половину реки. Ружья, свертки и другие запасы были завернуты в водонепроницаемую ткань. Все это спустили на наспех сколоченной платформе. Кана висел на веревке между двумя уступами, когда резкий крик ударил его по нервам. Он даже не повернул голову—не посмел. Мгновение спустя туго натянутая под тяжестью разведчика веревка справа от него, свободно скользнула по скале. Разведчик исчез.

Даже коснувшись подошвами следующего уступа, Кана не посмотрел вниз. Он прижался к стене, цепляясь за нее пальцами, обливаясь потом.

Еще три уступа, и он добрался до полоски щебня. Люди на берегу все еще смотрели вниз по течению, в их глазах застыл ужас. Но печалиться не было времени, а спасать некого. Богат последним спустился с обрыва и выкрикнул распоряжения.

—Разберите груз, вы, лотурианские едоки листьев! Мы переправимся через реку и поднимемся на противоположный берег. И побыстрей.

И они сделали это, потеряв еще одного человека. Его унесло течением и ударило о скалы, а потом по какому-то капризу снова вынесло обезображенное, изломанное тело. Но, перевязавшись веревками, иногда сбиваясь с ног, с трудом перебираясь от одного булыжника к другому, они все же перебрались. На берегу остался один солдат, его сломанная рука висела плетью. Он должен был следить за состоянием веревки.

Вверх по утесу арчи поднимались от одного уступа к другому, дрожа от усилий, их пальцы были скользкими от пота, сердца и легкие работали на пределе. Соль жгла глаза и порезы на руках, но воины продолжали взбираться вверх. Кана концентрировал внимание на участке земли непосредственно перед глазами, потом на более высоком, на следующем и так далее. Так продолжалось часами—и, казалось, будет продолжаться бесконечно.

Вот он вытянул руку в поисках очередной опоры, но кто-то схватил его за запястье и потащил вверх. Скользнув лицом по скале, он перевалился через уступ и лег, тяжело дыща, бесконечно уставший, не в силах протянуть руку к фляжке, хотя в горле у него пересохло и он испытывал страшную жажду.

Кана сидел, когда подошел Богат. Вокруг его талии была обвязана веревка. Она послужит частью моста для всей орды.

Кана напился и смог встать на ноги, когда подняли ружья и свертки. Богат дал сигнал, и они двинулись навстречу неведомому будущему.

ГЛАВА VII

ЗЛЫЕ ЗЕМЛИ

Оставив реку позади, разведчики разошлись веером. Только Кана остался с Богатом. В этой операции он был на особом положении, его обязанности начнутся, когда будут найдены следы разумной жизни. К его удивлению, Богат, вместо того, чтобы полностью игнорировать его присутствие, подождал его и спросил:

—Что мы ищем?

—Хансу считает, что мы можем найти косов—это раса пигмеев, предположительно обитающих в горах. Они нена-

видят ллоров и чрезвычайно опасны, используют отравленные стрелы и ловушки.

Богат ответил на эту скудную информацию ворчанием. Поднялся ветер. Его порывы несли за собой массы колючих растений, типа земных «перекати-поле». Эти шары болезненно-бледного или желто-зеленого цвета были вооружены шестидюймовыми шилами, и земляне почти-точно уступали им дорогу. Так начиналась фроннианская зима. ❖ переходить в этот сезон горы означало встретиться с такими трудностями, которые не выдержал бы любой ллор.

Ветер, проносясь сквозь ущелье, дико завывал. Но разведчики большую часть пути были защищены от ветра. Почва представляла собой смесь гравия и глины. Стены ущелья приходилось освещать пылающей ветвью, чтобы разведчики могли держаться главной тропы. Они проходили мимо камней выше человеческого роста, и Кана начал удивляться, откуда в этом ущелье такое количество оползней. Неожиданная находка многое разъяснила ему.

Блеснуло солнце, отразившись от предмета, полупогребенного в почве. Кана наклонился, очищая землю. Из-под камня торчал ллорский меч. Его рукоять все еще сжимала рука мертвеца.

—Раздавлен, как таракан!—заметил Богат. Глаза ветерана сузились, когда он взглянул сначала вперед, на ущелье, по которому им предстояло идти, а потом уже вверх, на склоны. Он был слишком хорошо знаком со способами ведения войны на пяти десятках планет, чтобы не понять, что тут произошло.—Сбросили камни и поймали их в ловушку. Работа косов?

—Возможно,—согласился Кана.—Но это было давно...—его прервал крик, от которого Богат вздрогнул и бросился вперед.

Узкий каньон, по которому они шли, расширился, превратившись в арену—арену, где когда-то состоялась смертельная схватка. Все дно ее устилали кости. Среди них виднелось множество черепов ллоров, очень похожих на человеческие, и длинные клыкастые черепа гуенов. Ни один скелет не был цел. Кана поднял ребро. Кость оказалась очень легкой. Взгляд на нее подтвердил его худшие опасения. На кости виднелись следы зубов. Сначала убийство, а затем пир! Он отбросил кость.

Держась в стороне от останков, земляне двинулись вдоль стены ущелья. Среди обломков не было ни оружия, ни остатков ллорского обмундирования. Исчезла также уп-

ряж гуенов. Мертвых раздели совершенно. И поскольку они лежали непогребенные, убийство оставалось неотомщенным.

—Как вы думаете, давно это было?—в голосе Богата прозвучала тревога.

—Может десять лет назад, а может, сто,—ответил Кана.—Нужно знать климат, чтобы быть уверенным...

—Их застали сбившимися в кучу,—заметил Богат.—Ларсен!—обратился он к ближайшему разведчику.—Поднимитесь наверх и посмотрите в бинокль. Отныне будете прикрывать нас сверху. Остальным—передвигаться медленнее. Сунг, свяжитесь с нашими и доложите. Пока мы не видим ничего живого. Но я не хочу, чтобы наших товарищей захватили так же!

Медленно двинулись они к концу долины смерти, опасаясь каждую секунду услышать грохот лавины. Но Кана, глядя на суровую местность, подумал, что косы вряд ли обитают здесь. Сцена сзади могла быть следом какой-то войны, конечно, если ее причиной были косы. Его не оставляла мысль о следах зубов на кости. Некоторые примитивные племена поедали мертвецов, веря, что таким образом добродетели храброго врага переходят к его убийце. Но вряд ли эти зубы принадлежали гуманоидам.

На Фронне достаточно других пожирателей мяса. Тсор, огромное кошачье; хорк—птица или высокоразвитое насекомое (в информационной катушке не было уверенного утверждения) мелкие животные, которых приручили и использовали на охоте точно так же, как древние лорды его собственной планеты использовали для забавы соколов. Были еще дитеры, о природе которых трудно было сказать что-то определенное: они были ночными животными и выкапывали ямы, чтобы поймать добычу. Но эти загадочные существа обитали в болотистых джунглях южного континента. Оставался билл! На Кана считал, что эти смертельно опасные нелетающие птицы водятся только на равнинах, где скорость бега позволяет им уверенно настигать добычу. Более опасные, чем тсор, который редко нападает сам, биллы достигали двенадцати футов в высоту, у них был злобный характер и чудовищный аппетит.

Эта горная страна была почти лишена растительности, но колючек было очень много. Разведчики сделали часовой привал, поели таблеток из своего рациона, запили водой и пошли дальше. Местность вокруг напоминала лунный ландшафт их собственной системы, лишенный всякой жизни. Когда сухое русло ручья, по которому они шли, раздели-

лось надвое, Богат приказал остановиться. Оба новых каньона выглядели одинаково, но один поворачивал на юг, а другой—на север. Земляне, вздрагивая от резких порывов ветра со снежных вершин, остановились в нерешительности. Богат посмотрел на часы и сравнил их показания с длиной теней от скал.

—На четверть часа мы разделимся, а потом вернемся сюда же. Вы,—он указал на четырех разведчиков,—пойдете со мной, вы, Ларсен, с остальными пойдете на юг.

Кана с биноклем на шее карабкался на стену северного каньона. Сунг, поднимающийся перед Кана, часто соскальзывал, и ему приходилось начинать сначала.

По чистой случайности Кана уловил какое-то движение. Тень от скалы странно дернулась. Кана поднял ружье и крикнул, предупреждая об опасности. Сунг прижался к стене, и тем спас себе жизнь. Смерть, подстерегавшая его, на этот раз прошла стороной. Кана выстрелил, пытаясь попасть в стремительно приближающееся рыжее тело. Но существо двигалось невероятно быстро, его длинная чешуйчатая шея извивалась, как змея. Кана был уверен, что, по крайней мере, дважды попал, но животное продолжало двигаться к тому месту, где Сунг прижимался к скале, издавая дикие вопли.

Вспышка белого пламени остановила билла. Гигантская птица упала на землю уже без головы, но ее длинные ноги все еще угрожающе дергались.

—Богат!—закричал Кана.—Эти существа обычно охотятся стаями.

—Да? Гарн, сигнальте отход,—приказал Богат одному из оцепеневших солдат.—Нужно отозвать Ларсена. Двинемся вместе. Если здесь над поджидают еще такие звери, мы будем готовы. И не следует рассредотачиваться с наступлением темноты.

Сунг далеко обогнул тело билла, присоединяясь к остальным. Богат отдал приказ Кане:

—Следите за этим ответвлением.

Отныне они проверяли каждую тень, каждую щель в стене каньона. Встретив на развилке группу Ларсена, Богат приказал строить бруствер из камней.

—Они охотятся по ночам?—спросил Богат.

—Не знаю. В сущности они не должны находиться здесь, в горах. Это хищники и обычная их территория—центральные равнины.

—Значит, если они оказались здесь, у них есть на кого охотиться?

Кана лишь кивнул в знак согласия. Хотя местность казалась пустынной, она скрывала жизнь. И эта жизнь вполне могла привлечь внимание билла.

Поскольку огонь был под запретом, разведчики сгрудились у стены своего временного укрепления. Горы заслонили свет садящегося солнца и Кана обнаружил, что инстинктивно прислушивается в полутьме—но к чему, он не смог бы объяснить. Снова поднялся ветер. Но за долгие часы блужданий земляне так привыкли к нему, что уже не обращали внимания. В один из немногих перерывов, когда ветер стих, Кана снова прислушался. Слышал ли он? Но за стеной ничего не двигалось. Они спали урывками, по двое карауля лагерь. Кана дремал, когда в ребра ему ткнули локтем, и Сунг прошептал на ухо:

—Смотри!

Далеко вверх мигнул свет. Это не звезда. А слева еще одна вспышка. Кана схватил бинокль. Это огонь костров. Сигналы! Он насчитал их пять. А сигнальные огни в этих высотах означали лишь что кто-то следит за передвижениями землян. Не рожалисты—это не голубое пламя ллорских факелов. Вот один огонь мигнул и исчез, снова загорелся и погас—определенная последовательность. Ошибки не может быть—это сигнал. Приведет ли этот обмен информацией к такой же односторонней битве, следы которой они видели в долине?

—Сигналы!—Богат проснулся и тоже смотрел. Кана скорее слышал, чем видел, как ветеран вскарабкался на бруствер. Высоко над стеной утесов, ограждавших ущелье, тоже мелькнул огонь, но тут же исчез и больше не появлялся. Ответ на сигналы? Богат прокашлялся.

—Возможно, это значит «приказ получен»,—он пародировал официальную фразеологию.—Сунг, включи передатчик. Расскажи Хансу об этих сигналах. Ну,—добавил он спустя некоторое время,—на сегодня, должно быть, представление окончено.

Он был прав. Три из пяти огоньков впереди исчезли, а два медленно угасали. Кана вздрогнул от ледяного ветра. Что ожидает их впереди?

—Лагерь ответил,—доложил из темноты Сунг.—Они видели огонь немного впереди от себя, но лишь один. Я им рассказал и о билле. Они на том конце долины с костями.

—Хорошо, выключаю. Продолжим утром.

Утром Богат избрал для исследования южную развилку. Поскольку Тарк находился на юге, было логично двигаться в этом направлении. Повлияло ли на его решение

появление билла в северной развилке или то, что все огни размещались к северу, он не стал обсуждать это с подчиненными. Новая тропа оказалась шире и спустя полмили Кана заметил, что они поднимаются. Прошел еще час и им встретились первые следы горных жителей. К счастью, эпизод с биллом научил их осторожности и теперь они были крайне внимательны к любым необычностям. Ларсен, шедший впереди, вдруг резко остановился на краю широкой и гладкой песчаной дорожки. Когда подошел Богат, он указал на странное углубление в ее центре. Кана, вспомнив предупреждение Хансу о косах, заговорил первым:

—Возможно, ловушка...

Богат перевел взгляд от Кана к углублению. Потом отошел, подобрал тяжелый камень, и бросил на ровную поверхность.

Послышался шум. Камень вместе с песком провалился в открывшееся отверстие. Кана заглянул туда. Это была ловушка, коварная, смертоносная ловушка. И пленник, попавший в нее, умирал бы мучительно долго на искусно размещенных внизу кольях.

Земляне осторожно пробрались по краям ямы. На другой стороне Сунг сообщил о ловушке в орду.

С этого места их продвижение еще более замедлилось. Приходилось не только опасаться биллов. Теперь каждая ровная площадка становилась подозрительной. Они испытали еще три по методу Богата, и последняя открылась воткнутым, откуда донесся такой отвратительный запах, что никто не захотел рассматривать содержимое ловушки.

—Не идем ли мы прямо к чьему-то парадному входу?—Сунг переместил передатчик с одного бедра на другое.

—Если так, то этот кто-то не очень любит посетителей,—внимание Кана разделилось между стенами ущелья и его дном: смерть могла неожиданно появиться отовсюду. А он ведь специалист по контактам, единственный, кто может надеяться вступить в переговоры. Однако весь предыдущий опыт оказался бесполезным в нынешней ситуации. Невозможно вступить в контакт с врагом, который отсутствует... Косы, если, конечно, это были косы, явно полагались на свои ловушки, которые убивали задолго до того, как неприятель мог приблизиться. Если бы только он мог добиться встречи, если бы только сумел передать горцам мысль о том, что орда, идущая по этой ревностно охраняемой местности, не враждебна им. Напротив, она враждует с исконными противниками косов—ллорами. Он был уверен, что если косы и подглядывают за ними, то

только с высоты. И когда разведчики расположились на очередной часовой отдых, Кана направился к Богату со своим планом. Ветеран с беспокойством оглядел верхушки утесов, колеблясь.

— Не знаю... если они шпионят за нами, то оттуда. Но они могут быть за многие мили, а мы не можем ждать, пока вы будете искать кого-то, кого, может быть, вовсе и нет. Посмотрим позже...

Кана был вынужден удовлетвориться этим обещанием. Но несколько минут спустя его план получил подкрепление. Они обогнули поворот и обнаружили перед собой стену. Видимо, когда-то исчезнувшая река образовала здесь водопад. Богат поманил Кана.

— Ну, здесь кто-то должен подниматься. Попробуйте и посмотрите, что вы найдете. Возьмите с собой Сунга.

Они сняли мешки, взяли ружья и начали подъем — не вверх, по сглаженному водой руслу водопада, а по относительно неровному утесу слева. Передвигаясь по поверхности скалы от одной неровности к другой, Кана подумал, что когда это назначение закончится, ему можно будет служить в специализированной горной орде.

Добравшись до вершины, они увидели еще одно ущелье. Здесь снова было дно ручья, но гораздо более узкое. И недалеко впереди природная мрачность скалы нарушалась пятнами желто-зеленой растительности, которая обещала воду.

— Там что-то... — Сунг медленно поворачивался, изучая местность.

Кана понял что беспокоило его товарища. Он тоже чувствовал, что за ними наблюдают. Вместе они осмотрели каждый фут скалистой местности. Ничего не двигалось, лишь ветер нес пыль со склонов ущелья. Они были одни в мертвом мире... и все же за ними наблюдали! Кана знал это по мурашкам на коже спины, по холодному напряжению кончиков нервов. За ними наблюдали... со злобным, нечеловеческим любопытством.

— Где это? — голос Сунга с трудом пробился сквозь вой ветра.

Кана наклонился и достал свой набор для обмена и торговли. Он выбрал плоский камень и разложил на нем предметы, которые, как он считал, способны привлечь внимание любого туземца. Потом потащил Сунга влево, выбрав там укрытие.

Время шло, и Кана начал думать, что нервы подвели его.

—Боже космоса!—с присвистом произнес Сунг.

Что-то, наконец, шевельнулось. С кошачьей грацией скользнула тень меж двумя скалами и остановилась над камнем с образцами. Кана затаил дыхание. Тсор! Зеленоватая шерсть, так ценяемая ллорами, безошибочно указывала на него. Круглый череп с большим мозгом, острые уши, хвост, способный схватить и удержать. Тсор шевельнулся, ухватил золотую цепь и поднес к большим желтым глазам. Зверь обнюхал остальные предметы, лапой перевернул их и уронил цепь. То, что нельзя съесть, его не интересовало.

Кана перехватил ствол ружья Сунга.

—Он не нападет, не стреляй!

Тсор застыл, тело его напряглось и он, повернув голову, исчез в мгновение ока. Они увидели, как зверь большими прыжками поднимается вверх.

Сквозь вой ветра до них донесся какой-то непонятный звук, который Кана не мог опознать. Он посмотрел вперед. Потом повернулся и потащил Сунга подальше от дна ручья, превратившегося в смертельную ловушку. Они вместе подбежали к краю утеса. Кана увидел обращенные к нему лица товарищей. Сунг выстрелил три раза—сигнал тревоги, а Кана взмахами призвал всех бежать. Его поняли. Стоявшие внизу рассыпались и побежали, некоторые в одну сторону, остальные в другую. Потом черная стена воды обрушилась с уступа и закрыла сцену внизу облаком пены.

Вода дошла до сапога Кана, обрызгав его. Вместе с Сунгом они вцепились в скалы. Снова невидимые горцы использовали природу для защиты своей страны, высвободив воду, чтобы избавиться от вторжения. Сунг торопливо предупреждал орду, идущую навстречу гибели.

ГЛАВА VIII

СМЕРТЬ В ВОДЕ—СМЕРТЬ В ОГНЕ

Из пены внизу показалась голова и плечи человека, пробивающегося в безопасное место. Он тянул кого-то за собой. Они глотнули воздуха и вцепились в булыжники, пережидая вал покрывающей их воды. Кана показалось, что он увидел на другом берегу каньона еще одну темную фигурку. Неужели выжили только трое?

Вместе с Сунгом они спустились со стены и помогли выбраться Богату и почти потерявшему сознание Ларсену.

Дрожа, они вчетвером расположились на выступе утеса в фуге над водой. Богат покачал головой, глядя на беснующийся поток.

— Кто-то вытащил пробку, — между приступами кашля проговорил Ларсен.

— Кого-нибудь видели наверху? — спросил Богат.

— Только тсора. Он нас предупредил о наводнении. Если бы не это, нас бы захватило...

— И нас тоже, — Ларсен выжимал куртку. — Как остальные парни внизу по течению?

— Сообщили им, — ответил Сунг. — Получили ли они его вовремя...

Слабый крик послышался над каньоном и они увидели машущую руку. Богат осторожно встал.

— Эге-гей! — раздался его рев.

В ответ они услышали три выкрика. Но пересечь бурное течение и объединиться не было возможности. И вот они начали обратный путь к развилке по двум сторонам каньона. Кана и Сунг сберегли ружья, но их мешки пропали. Холодный ветер леденил мокрую одежду на дрожащих солдатах. Когда зашло солнце, они забились в узкую щель между думя скалами, куда не проникал ветер, и так провели ночь. Один раз с вершины раздался печальный низкий рев. Кана решил, что это охотничий рев тсора.

Присутствие этого похожего на льва существа говорило, что, несмотря на внешнюю пустынную, здесь есть жизнь. Тсоры питаются не только мясом, но и фруктами, и зерном — возможно, они совершают набеги на горные поселки косов.

Если солдаты и спали этой ночью, то только от крайнего утомления. И когда Кана проснулся, руки и ноги у него так затекли, что ему пришлось щипать их, чтобы восстановить кровообращение. На другой стороне каньона показалась группа уцелевших. И снова началось нелегкое продвижение по вершинам. Внизу текла река, журча по старым оползням. Вдруг часть утеса перед ними пошатнулась и обрушилась в поток. Получив это предупреждение, солдаты держались подальше от края. Все время приходилось обходить трещины и пики. Это было медленное и мучительное продвижение, на камнях оставались капли крови с израненных ладоней. Даже невероятно прочная кожа сирийских рептилий, из которых были изготовлены солдатские сапоги, поддалась и начала рваться.

И все время с ними был страх, о котором никто не упоминал. Когда наутро Сунг попытался связаться с ордой,

он не получил ответа. Каждый привал, пока остальные тяжело отдувались, он склонялся над проклятой машиной и с неустанной энергией нажимал на ключ, но ни разу не получил ответа.

Кане казалось, что он знает, что произошло. Воображение рисовало ему яркую картину. Орда двигалась по руслу реки, а навстречу ей—поток, набравший силу на пологом склоне. Отряд землян был пойман в ловушку и нашел тот же конец, что и длоры в «долине костей».

Пока они приближались к равнине, эта картина так ярко стояла перед глазами Кана, что он тащился последним, боясь увидеть следы катастрофы. Но тут его внимание привлек крик Сунга.

Как раз под ними между скалами была зажата одна из телег, изломанная и почти потерявшая форму. Богат опасно свесился над краем, разглядывая обломки. Они смотрели на доказательства катастрофы, убившие в них всякую надежду. И тут с другой стороны потока донесся громкий крик. Богат распрямился, уверенность вернулась к нему.

—Может, кто-нибудь спасся?

Два разведчика на другой стороне исчезли, но третий продолжал махать руками.

—Остается проблема перехода,—заметил Ларсен,—тут нельзя плыть...

—Но мы уже раз переправились через реку,—сказал Сунг.—То, что сделали один раз, можно повторить.

Сознание того, что кто-то в орде мог выжить, послужило стимулятором, который побудил их исследовать камни над водой. Богат рукоятью ружья ощупывал дно, но ружье почти вырвало течением у него из рук.

На другом берегу появилась группа людей, среди них был Хансу. Они были нагружены кольцами веревок и разделились на две части, одна из которых остановилась прямо против разведчиков. Хансу с другими пошел вверх по течению, разворачивая по мере удаления веревку.

Здесь ущелье, через которое вода проходила в более широкую часть, было глубже и уже, чем в любом другом месте от самого водопада. Люди Хансу смотрели веревку в большой моток и бросили его в воду. Сунг и Богат с ружьями наготове лежали на скале, чтобы перехватить веревку. На какое-то мгновение показалось, что моток пронесется мимо—но вот веревка поймана, и в крепких руках она превратится в «мост» через реку.

Преодоление этих нескольких футов потока потребовало кошмарных усилий. Кана ударило о торчащий из воды

камень с такой силой, что его голова закружилась от боли. Но тут чьи-то руки схватили его. Выплесывая воду, Кана лежал на полоске гравия, не в силах подняться на ноги. Остальная часть пути к другой долине была для него механическим исполнением приказов: он шел туда, куда его вели. И пришел в себя по-настоящему лишь лежа на спине, с мешком под головой. Мик и Рей осторожно снимали с него мокрую одежду и укутывали одеялом. Мик спросил:

—Что вы там сделали наверху? Взорвали бомбу?

—Попали в ловушку... я думал,—Кана говорил, глотая горячую жидкость, протянутую ему Реєм. Поблизости горел костер и ощущение теплоты в дрожащем теле было необыкновенно приятно.

—Ну, у нас есть один из тех, кто готовил эту ловушку.

Кана взглянул туда, куда показывал Мик. У огня скорчилась фигура—не ллора и не землянина. Около четырех футов ростом, это существо почти полностью было покрыто густой серо-белой шерстью. На пояснице у него был широкий пояс из шерсти тсора, на шее надето ожерелье, с которого свешивались когти того же животного. Еще более безликий и волосатый, чем ллоры, пленник не мигая смотрел в огонь и не обращал внимания на окружающее.

—Кос?

—Мы так думаем. Его поймали в предыдущую ночь. Он зажигал сигнальный огонь в скалах. Но пока ничего от него не получили. Не отвечает ни на какие вопросы, ничего не берет, не ест. Даже Хансу от него ничего не добился. Когда мы останавливаемся, садится...—разговаривая, Мик открыл свой мешок и достал запасную одежду. Рей тоже добавил кое-что. Кана с благодарностью принял их дар. Его собственная одежда парила у костра.

—Хорошо, что вы вовремя предупредили нас...—Мик поднял голову.—Поток захватил пятерых... телега наскочила на камень и они ее освобождали. Потом мы потеряли троих, когда пересекали первую реку... и еще нескольких, когда чуть позже меховые лица напали на нас...

—Ллоры следовали за вами?

—Часть пути. Они перешли реку, когда мы достигли долины костей. Я думаю, что они знали, чего следует ожидать. Во всяком случае, они закрыли нам отход... разве что пришлось бы сражаться с целой нацией. Повстанцы все превратились в роялистов и готовы в любое мгновение атаковать проклятых захватчиков-землян...—в его словах звучала горечь.

—Что там впереди?—спросил Рей.

Кана коротко описал виденное. По мере его рассказа их лица мрачнели. Не успел он закончить, как появился Хансу.

— Видели ли какие-нибудь следы косов у водопада до прихода воды? — хотел знать Хансу.

— Нет, сэр. Мы видели только тсора и он предупредил нас. Я разложил товары на камне, чувствуя, что за нами наблюдают. Тсор вышел посмотреть на них и тогда...

Но Хансу смотрел на пленного коса.

— Все, что нам нужно знать, заключено в этом круглом черепе... если бы мы только нашли общий язык. Но он не ест нашу пищу и не разговаривает. А мы не можем держать его, пока он не умрет с голоду. Тогда у косов будет хорошая причина напасть на нас, — Хансу обошел костер и встал рядом с пленником. Но волосатый пигмей не шевельнулся и ничем не показал, что заметил присутствие командира землян. Хансу опустился на колено, медленно повторяя слова на языке ллоров.

Кос даже не моргнул. Кана порылся в мешке с торговыми образцами, которые так долго носил, сделал торопливый выбор и протянул маленький пакет сахара и униженный камнями браслет.

Хансу повертел сверкающий при свете костра браслет перед угрюмым пленником. Кос никогда, должно быть, ничего подобного не видел. Но ни в этом случае, ни тогда, когда к нему поднесли сахар, он не сделал даже попытки получше рассмотреть подношение. Для него земляне и их дары как бы не существовали. Хансу сказал:

— Он как каменная стена. Мы можем только...

— Отпустить, сэр, и надеяться на лучшее? — знания по контактам подсказали Кане это предположение.

— Да, — Хансу встал и поднял коса. Используя свою силу, он отнес пигмю на сто ярдов от границы лагеря землян, опустил коса на землю и отошел от него.

Довольно долго кос оставался точно в таком же положении, в каком его оставил Хансу, он даже не повернул головы, чтобы проверить, следят ли за ним. Но вдруг неуловимым движением, с ошеломившей солдат скоростью, он исчез в дальней стороне каньона. Где-то стукнул камень, но земляне ничего не увидели. Орда провела на этом месте ночь, и хотя велось внимательное наблюдение за скалами, сигнальных огней больше не было.

— Может, река была их самым сильным оружием? — с надеждой предположил Мик. — И увидев, что оно не сработало, они укроются и позволят нам пройти.

—Мы не знаем образа их мышления,—заметил Кана.—Для некоторых рас—для нас, например, неудача лишь повод для повторения попытки с новыми силами. А для других неудача означала бы, что боги, в которых они верят, или судьба, или любые другие силы—против них и они тут же забыли бы обо всем этом деле. Наше будущее может зависеть от освобожденного нами коса и от того, что он им расскажет. Нужно быть готовыми ко всему.

На следующее утро, вскоре после выступления, они увидели место, где был убит билл. Тело его было разорвано и почти съедено за ночь невидимыми пожирателями падла. Но свирепая голова с оскаленной пастью все еще служила грозным предупреждением. В обязанности фланговых входило внимательно следить за возможным нападением хищных птиц.

Около полудня они увидели бассейн. В него, по-видимому, вода просачивалась через скалы из соседнего ущелья. Очистив воду, они наполнили фляги и смыли пыль и грязь с лиц и рук. Песок, приносимый ветром, скрипел на зубах, когда они ели, от него воспалялись глаза, он забивался под одежду, причиняя беспокойство.

Бдительные разведчики сумели предупредить и второе нападение, готовившееся сверху. Косы воспользовались тем же приемом, который хорошо послужил им тогда, когда они когда-то сбрасывали со склонов булыжники. Но ни один из камней не задел извивающуюся, как змея, колонну. Сидевших в засаде косов заметили разведчики на флангах—и несколько волосатых тел осталось лежать среди скал, остальные горцы бежали. Впереди, на вершине горы виднелась сложенная из грубо отесанных камней крепость. Она перекрывала путь, а приблизиться к ней земляне не решились. На этот раз косы не пытались скрыть своего присутствия. С наступлением вечера в крепости вспыхнули огни. Они создали почти такой же огненный барьер, как лампы земных лагерей на равнине. Нападать снизу было невозможно. Подъем к крепости был крут, а сверху наготове лежали огромные камни. Свисток Хансу созвал всех.

—Надо взять форт,—спокойно сказал он.—И для этого есть лишь один путь—сверху,—он снял шлем и бросил в него черные и белые камушки.—Будем тянуть жребий...

Каждый из них взял по камешку, а после команды разжал пальцы. У Кана на ладони, как и у Рея, лежал черный камень. У Мика—белый.

Хансу внимательно осмотрел отряд, которому предстояло подниматься. Солдаты сняли с себя все обмундирова-

ние, кроме поясов. Ружья они укрепили за плечами, у каждого был нож и по пять гранат.

Чтобы незаметно добраться до того места, откуда, по сообщениям разведчиков, можно было начать подъем, они двинулись по дну каньона, где лежала густая тень. И здесь, используя последние мгновения перед наступлением темноты, стали подниматься наверх. Лишь огни крепости немного освещали дорогу. Продвижение было медленным. Встреча с часовыми косов могла оказаться роковой, но землян выручало обоняние. К счастью, ветер дул навстречу. Маслянистый запах тел ллоров различался землянами за несколько футов, а запах косов был несравненно сильнее. Горцев можно было буквально вынюхивать в засаде. А они и сами об этом не подозревали. Кана почувствовал зловоние. Он подобрал ноги и, вытянувшись, слегка хлопнул Рея по плечу, зная, что это молчаливое предупреждение будет передано всей колонне землян. Впереди, слегка левее,—кос. Кана чуть повернул голову, определяя источник запаха. Пальцы Рея сжали его руку. Коса нужно обнаружить и устранить совершенно бесшумно.

Соседний выступ едва освещался огнями крепости. Запах подсказывал Кана, что кос должен быть здесь, к тому же с этой позиции удобно было следить и за утесом, и за ордой внизу.

И тут Кана увидел то, что искал—черную фигуру на фоне крепостных огней, согнутые голову и плечи горца. Кана застыл, потом осторожно снял петлю, удерживающую ружье за спиной. С точностью и аккуратностью, выработанными многолетней тренировкой, он накинул петлю на волосатую шею. Рывок—и кос безжизненно повис. Трясущимися руками Кана опустил тело на землю. Прием сработал—точно так, как учили его инструкторы. Но одно дело пробовать на манекене и совсем другое—на живом, существе. Он с отвращением снял петлю и вытер ладони, пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

—Все в порядке?—спросил его Рей.

—Да,—Кана взял протянутое ружье.

Больше часовых не было. И наконец земляне добрались до нужного им места западнее крепости. Она напоминала по форме огромное гнездо. Косы, захватив крепость, использовали сооружения ллоров. Несколько каменных хижин окружали полуразрушенную сторожевую башню, вокруг шла стена из нескрепленных камней. Все вместе свидетельствовало о плохих инженерных знаниях.

Снязу доносились резкие звуки боевых свистков зем-

лян. Сверху были видны фигуры косов на стенах. Они готовились встретить атаку. Кана выдернул чеку и бросил гранату в ближайшую хижину, остальные сделали то же самое.

Вся крепость превратилась в огненный ад. Ошеломленные косы, захваченные врасплох, металась в растерянности. Это мгновение нерешительности и погубило их. Но смерть настигла косов изнутри.

Среди огня возникла какая-то тень. Она поднялась над крепостью, и вниз обрушился поток огня. Косы, охваченные пламенем, с криками бежали навстречу смерти. Странная летающая конструкция поднялась еще выше и полетела над долиной, сбрасывая на орду бомбы.

Огнем из ружей земляне пытались поразить этот странный «бомбордировщик». Уже почти скрывшись из виду, машина вдруг задымилась и, резко снижаясь, упала где-то за горами.

ГЛАВА IX

ПОКАЗЫВАЙ ЗУБЫ И НАДЕЙСЯ

На рассвете земляне все-таки заняли крепость, но какой ценой! Четверть орды либо сразу умерла под градом бомб, либо из-за ужасных ран ей немногим позже оказали милосердие. Поэтому победа весьма походила на поражение.

—Откуда у косов эта крылатая штука?—поинтересовался Мик, покачивая левую перевязанную руку. И он был не единственным, кого это очень интересовало.

Судя по всему, в крепости были еще и чужаки, либо подбивавшие косов против землян, либо просто наблюдатели. Солдаты обыскали догоравшие руины в поисках летчиков, но ничего не нашли.

—Эта машина не могла упасть далеко,—говорил Рей каждому, кто согласен был его слушать.—Когда ее видели в последний раз, она снижалась.

—Там, где есть одна,—возразил Мик,—вероятно, есть и другие. Космические демоны! С этими машинами они могут уничтожить нас в любую минуту! Но почему они не сделали этого раньше?

Кана подложил Мику под спину мешок, устраивая его поудобнее.

—Наверное, у них не так много машин. Мы заставили их рассекретить одну, напав на крепость. И я думаю, Рей прав: она разбилась где-то поблизости. Во всяком случае,

отныне нам не стоит продвигаться по середине каньона, предоставляя им прекрасную возможность перестрелять нас, как зайцев.

Немного осмотревшись, земляне сделали важное открытие—точно на запад от крепости уходила прекрасная дорога. И Хансу собирался вести свое весьма поредевшее войско по ней, может быть, в ловушку. Солдаты залечивали раны и исследовали окрестности, отправив разведчиков вдоль дороги. Мертвых косов оказалось меньше, чем ожидали. И никаких признаков чужаков. В конце концов тела врагов сложили на маленькой центральной площади крепости и сожгли. В подземном помещении в скале обнаружили цистерну с водой и множество кувшинов с зерном и сухофруктами. Доктор Крауфор заявил, что зерно для землян несъедобно, а фрукты безвредны, и солдаты принялись жевать жесткие комочки, радуясь хотя бы такому разнообразию в своем рационе.

На третий день они реорганизовали сократившиеся отряды и в полном порядке двинулись по дороге. Но разговоров о быстром возвращении на Секундус больше не было. По молчаливому соглашению все споры о будущем ограничивались следующим днем.

—Показывай зубы и надейся...—так выразил Мик общее настроение, ковыляя между Кана и Реем.—Если бы только мы могли выбраться из этих скал!

Но конца скалам не было, и дорога от крепости поднималась все выше и выше. Когда настала его очередь, Кана сменил одного из идущих впереди разведчиков. Они карабкались по склону горы. На земле появились островки снега. Кана подозрительно осматривал пролом в вулканическом конусе—здесь их могла ожидать засада. Но дорога не охранялась. Сунг и Кана остановились, глядя на долину, расположенную глубоко внизу. До нее было не менее мили. Видно было озеро и желто-зеленая фроннианская растительность на маленьких прямоугольных полях. У воды теснились несоколко каменных домов. На полях ничего не двигалось, над деревней не было ни одного столба дыма. Может, ее покинули час назад, а может, сто лет.

Разведчики, готовые к любым неожиданностям, начали спуск. Но им встретился в густой траве только кхат—грызун, главное мясное блюдо фроннианцев. Миновав небольшие поля с неубранным зерном, они подошли к озеру. Сунг указал на борозды в прибрежной грязи:

—Лодки... и совсем недавно.

—Не вижу ни одной. Может, они ушли туда...

Длинный залив выгибался к югу, уходя за стену кратера. Разведчики не знали, омывает ли он и внешнюю стену. Но лодок не было видно. Дальнейшее исследование показало, что, кроме четырех небольших туенов, запертых в загоне, в деревне никого не было. Орда спускалась без происшествий. Залив, уходящий на юг, проходил сквозь конус вулкана, и земляне считали, что жители деревни ушли именно этим путем. Но самая интересная находка ожидала их сразу за деревней. Груда обломков—летающая машина! И никаких следов пилота. Но машина не принадлежала мехам, как они втайне подозревали.

Эл Кости, для которого более всего подходило определение «специалист по машинам», провел в сопровождении добровольцев много часов, разбираясь в путанице проводов и металла.

—Машина с Сириуса-П,—доложил он Хансу,—но в ней имеется модификация, которую я не смог определить. Первоначально это мог быть торговый разведчик, хотя окончательно я не уверен. Но он не земного происхождения.

И снова та же мысль: что-то за этим кроется, каким-то образом против землян действует ЦК. Почему? Потому что они наемники с Земли? Кана задумался. Неужели орда Йорка с ее обилием ветеранов получила в чьей-то книге пометку: «Подлежит уничтожению»? А большие потери вызовут беспорядки дома. Неужели человечество пытается совсем вытеснить из космоса? Кана следил, как Хансу внимательно осматривает обломки, а Кости указывает ему на те детали, по которым можно определить, откуда эта машина. Хансу собирает доказательства—но позволено ли ему будет предъявить их властям? И верит ли он сам, что кому-нибудь из них удастся достигнуть Секундуса и хоть одному стоять в зале справедливости Прайма и давать свидетельские показания о предательстве?

Дом за домом они обыскали деревню. В хижинах оставался лишь один хлам да такая громоздкая мебель, которую беглецам было трудно унести с собой. Было найдено три полевых исследовательских ранца. Следовательно, хотя бы один посетитель из другого мира был здесь недавно. Но ранцы были стандартные и ничего не говорили о том, кто ими пользовался—хозяин их мог происходить с любой из двадцати различных планет.

Без лодок или материалов для изготовления плота, земляне не могли воспользоваться выходом из долины кра-

тера. Но еще одна дорога вела на юго-запад, и они двинулись по ней. С этого дня марш превратился в кошмар. Начался сезон ветров, и бури нанесли горы снега, закрывавшие дорогу. В первую же бурю потерялось несколько человек. Они отошли от основной массы, и больше их никто не видел, хотя поиски были долгими. Некоторые сдавались. Никакими силами невозможно было поставить их на ноги после короткого отдыха. Они погружались в странный сон, переходящий в смерть. Если бы не их специальная подготовка, если бы не привычка с детства переносить жестокие физические испытания, ни один из них не выжил бы. И так они потеряли около пятидесяти человек прежде чем добрались до западных склонов холма. Но теперь уже сам факт, что они спускаются и что перед ними лежат равнины Тарка, давал им силы и заставлял передвигать спотыкающиеся ноги. Теперь им, по крайней мере, предстоит сражаться лишь с одним противником. После сражения за крепость они ни разу не встречали косов. Горцы, должно быть, ушли в укрытия на период бурь.

На пятый день после того, как они вышли из долины кратера, Кана, слегка пошатываясь, спускался с гор, довольный, что снег остался позади. Склоны неглубокого ущелья защищали от ветра, и он прислонился к стене, чтобы перевести дыхание. Небольшой ручеек тек рядом в юго-западном направлении.

—Вниз!—он произнес это вслух, наслаждаясь, радуясь значению этого слова. Горы теперь позади, перед солдатами открылась дорога на равнины.

Но они еще не покинули эти «злые земли», которые тянулись до самых оконечностей горных склонов. Среди путаницы гор и глубоких ущелий виднелись полосы разноцветной растительности. Не было видно ни дорог, ни других следов цивилизации. Солдаты могли лишь двигаться дальше на юг, направляясь к равнинам Тарка. Кана шел вдоль ручья, так как у него не было сил выбраться из углубления. Растения разворачивали листья навстречу солнцу.

—И-их!..

Кана, полупригнувшись и приготовив ружье, двинулся вперед. Из ручья выбирался Сунг. При виде Кана его широкое лицо озарилось улыбкой.

—Мы ушли от зимы! Теперь, думаю, мы живем.

—На некоторое время,—задумчиво уточнил Кана. Он устал, так устал, что готов был упасть на землю там где стоял.

—Да, мы живем. И, возможно, это кое-кого разочарует. Теперь к реке, настоящей реке!

Сунг был прав: ручей впадал в реку. Поток был чист, и земляне ясно видели лежащие на дне камни. Да и течение было спокойное, а не такое бурное, как в горных реках.

—Неглубоко, вполне можно перейти вброд. Фортуна начинает нам улыбаться!—Сунг присел на корточки, пальцем попробовал температуру воды и быстро отдернул руку.—Холодная...

Некоторое время они шли по берегу. Вдруг из прошлогодней высохшей травы выскочил кхат и метнулся к реке. Поскользнувшись на глинистом берегу, он упал в воду. От противоположного берега по воде потянулась какая-то рябь. Кхат дернулся, до людей донесся крик боли. Кровь окрасила воду.

Солдаты стояли ошеломленные. Но борьба длилась всего лишь несколько секунд. На камнях дна лежали чисто обглоданные кости.

Лениво проплыли три маленьких существа. Шестиногие, с головами лягушек, но челюстями хищников, с четырьмя глазами, посаженными двумя рядами над зубастыми пастьми. В этих глазах-бусинках светился яростный голодный разум.

—Тиф!—Кана облизнул губы.

—Что?—Сунг бросил в маленьких чудовищ камень. Они отплыли на фут, но не возвращались к противоположному берегу. Оставаясь вне пределов досягаемости, они сосредоточили свое внимание на землянах... смотрели... ждали...

—Плохие новости,—ответил Кана на невысказанный вопрос Сунга.—Вы видели, что случилось с кхатом. То же самое произойдет с любым живым существом, которое попытается перейти реку там, где живут тифы.

—Но их только трое и ни один из них не длиннее фута...

—Мы видим лишь трех. А там, где три, там и больше. Они держатся стаями. Их могут быть сотни, готовых напасть на любое животное.

Да, не время было исследовать, сколько лягушкоподобных дьяволов скрывается в реке. И не было возможности переправиться через реку, в которой они жили. Если бы только катушка на Прайме не была так ограничена в информации! Или у землян нашлись бы друзья среди туземцев, которые служили бы проводниками.

Река казалась такой мирной, но, когда солдаты двину-

лись вниз по течению, тифы поплыли параллельно. Время от времени к маленьким чудовищам присоединялись родичи, выплывая из тени своих укрытий.

—Нужно сообщить об этом,—сказал Кана.

Но вот маленькая река стала шире и в ней показались каменные островки, образующие подобие тропы... Переход? Может, существует какой-то способ обмануть бдительных тифов. Проблему придется решать Хансу с горсткой экспертов по выживанию—ветеранов, собравших свои знания на сотне различных миров. Может, эти знания помогут им выжить и теперь. Неожиданно ветер донес знакомый запах, и воины спрятались в кусты.

Прямо против них на другой берег выехал высокий ллор. У него не было копья, зато он держал духовое ружье, что указывало на его ранг: это был регулярный солдат королевской гвардии, а не какой-то приверженец провинциального дворянина. Он спешился, осторожно приблизился к воде и сунул туда рукоять ружья. Он явно знал о тифах.

Скрестив ноги, он сел на песке и стал ждать, жуя какую-то палочку. Земляне переставали дышать всякий раз, когда на их слишком ненадежное укрытие падал взгляд ллора. Отойти незаметно было невозможно.

Ллор слезывал кусочки палочки в воду и один или два раза швырнул камнем в собравшихся тифов. Все больше и больше рябила вода: у берега собирались маленькие хозяева реки. Ллор поглядывал на них и время от времени издавал фыркающий звук, который заменял смех. Но Кана заметил, что он благоразумно не приближается к воде.

Мяукающий крик заставил ллора вскочить. Из леса вышла группа всадников. Впереди скакал дворянин в коротком плаще, отороченном мехом тсора, у него на седле, на специальном наместе, сидела прирученная птица, похожая на земного ястреба. Среди всадников виднелась закутанная в плащ с капюшоном фигура вентури.

Дворянин остался на гуене, остальные спешили и стащили с седла торговца. К удивлению землян, вентури оказался пленником, и руки у него были связаны сзади. Ллоры посовещались, их предводитель осторожно подъехал к самому краю воды и с любопытством заглянул в нее, а солдаты подтащили пленника к берегу.

Потом, к ужасу наблюдавших землян, они спокойно подняли маленького торговца и бросили его в поток, где вода уже пенилась от множества собравшихся тифов.

Первый же выстрел Кана выбил из седла дворянина, тот головой упал в реку. Земляне принялись стрелять в убийц на том берегу. Пятеро из них упали, прежде чем оставшиеся побежали под укрытие деревьев. Но ни один из них не добрался до роши.

Вода так и кипела: тифы приветствовали редкое изобилие мяса. Кана не смел взглянуть туда, куда упал беспомощный вентури. Смерть в бою—обычное дело, наемники давно свыклись с ее незримым присутствием. Но бессердечная жестокость, свидетелем которой они только что стали, приводила в ужас.

—Клянусь Клемом и Колом!—Сунг дернул его за рукав и указал на реку.

Там, со связанными руками, бился вентури, намокший плащ тянул его ко дну. А по расширяющемуся кругу вокруг него плавали животом вверх тифы. Кана прыгнул на ближайший камень, оттуда на следующий. Из щели между камнями, на него пустыми глазами уставился череп ллора. Вентури уже встал на ноги и шел к песчаному берегу. Мгновение спустя к нему присоединились Кана и Сунг. Кана достал нож.

—Перережу...—сказал он на торговом языке, указывая на ремень, связывающий руки пленника.

Вентури отступил на шаг. В попытках выбраться на берег, он не сбросил маскирующий капюшон. Не видя выражения его лица, Кана не стал больше делать попыток приблизиться.

—Друг...—Кана произнес это слово с чувством. Он указал на то, что осталось от ллорского дворянина.—Наш враг—твой враг...

Должно быть, вентури понял. Неожиданно он повернулся к землянам спиной и протянул связанные руки. Кана перерезал влажный ремень... Свободными руками вентури схватил поводья гуся офицера. Отлично тренированное животное не убежало с остальными. Вентури неуклюже вскарабкался в седло. Его голова в капюшоне повернулась к реке.

Одну руку вентури сунул под плащ и вытащил маленький влажный мешочек. Серо-зеленый палец, указал на него, а затем на неподвижные тела тифов. Когда Кана кивнул, вентури бросил ему мешочек, и через мгновение его гуен галопом умчался в лес.

—Это средство от тифов?—спросил Сунг.—Как ты думаешь, ллоры знали о нем, когда бросили торговца в воду?

— Не думаю, иначе они отобрали бы у него мешочек. Может, эффект у этого средства постоянный, тифы все еще не пришли в себя?

Тифы, нападавшие на вентури, по-прежнему плавали вверх животами с раскрытыми пастьми. И Кана заметил, что другие тифы их избегали. Мешочек в его руке мог обеспечить орде безопасный проход. Так и получилось. Белый порошок, брошенный в воду выше по течению, держал тифов в стороне, пока не прошла вся орда. Солдаты так и не узнали, действует ли этот порошок постоянно: пока они переходили реку, поток бил о камни тела тифов.

Хансу узнал на мундирах мертвых ллоров знаки королевской гвардии. Но его больше заинтересовала ссора между вентури и гвардейцами. Та уважительность, которую войска Скоры проявляли к торговцам, подчеркивала желание ллоров не вызывать вражду у своих поставщиков. А теперь один из ллорских дворян кладнокровно обрек вентури на ужасную смерть. По-видимому, пока земляне пробивались через горы, соотношение сил изменилось настолько, что ллоры начали испытывать высокомерное презрение к тем, кого уважали в течение многих поколений. События свидетельствовали о том, что ллоры пользуются настолько сильной поддержкой, что считают себя полноправными правителями Фронна. Неужели их поддержка гораздо могущественней, чем изменивший легион мехов?

По мере продвижения по равнинам тревожное состояние землян усиливалось. Здесь тяжеловооруженные движущиеся крепости мехов получали большое преимущество. Разведчики часами наблюдали за окрестностями, высматривая вражескую технику. Но со времени встречи с отрядом ллоров у реки не появлялось и следа врага. Земля, казалось, была предоставлена только животным, которые охогились друг на друга.

На второй день после перехода через реку разведчики землян обнаружили деревню. Этот маленький поселок-крепость был окружен загонами, где содержали диких гуенов с равнин. Там их сортировали и через два года обучения отсылали дальше. Загоны были полины, а верхом продвигаться было быстрее. Хансу решил превратить пехоту в кавалерию, и солдаты, изменив направление движения, пошли к поселку.

ГЛАВА X К МОРЮ

Когда земляне, развернувшись полукругом, приблизились к восточной окраине поселка, они обнаружили, что поселок обитаем. Появилась группа ллоров, один верхом, другие пешие, и направилась к линии землян. Всадник держал в руке флаг переговоров.

Помня о судьбе Йорка и его офицеров, ни Хансу, ни его солдаты не выходили из укрытий, которые заняли при виде приближавшихся ллоров. Заметно недовольный этой встречей предводитель ллоров остановился и начал размахивать флагом, а сопровождающие робко сгрудились за ним, поглядывая во все стороны.

—Лорды... военные лорды с Земли...—крикнул в пустоту всадник.

Не показываясь, Хансу спросил:

—Что тебе нужно, корбан?— он назвал собеседника почетным титулом главы города.

—Что нужно вам, лорды с Земли?—поинтересовался ллор. Он передал флаг одному из своих людей, сел и скрестил руки, глядя в направлении Хансу.—Вы принесли нам войну?

—Мы воюем только когда нам ее навязывают. Тем, кто не держит в руках мечи, мы в ответ показываем открытые ладони. Мы хотим только свободного возвращения домой.

Ллор слез с седла и направился к линии землян. Один из его спутников пытался последовать за ним, но предводитель оттолкнул его и продолжал приближаться, держа перед собой вытянутые руки.

—Мои руки открыты, лорд. Я не закрываю вам пути.

Хансу встал ему навстречу, тоже показывая открытые ладони.

—Что тогда тебе нужно, корбан?

—Слова, что моя деревня не будет разрушена.

—Разве военное знамя не поднято против нас?—возразил Хансу.

—Лорд, какое дело нам, маленьким людям, до красивых слов гатануса и дворян? Сидящий на крылатом троне мало что значит для нас—его именем с нас лишь собирают налоги. Мы хотим просто жить и не удаляться преждевременно в Темные Туманы. Страшные вещи рассказывали о вас, чужеземцы. Будто вы сжигаете всех, кто препятствует вам брать то, что вам нужно. Поэтому я пришел на переговоры с вами, чтобы спасти свою деревню. Все будет

ваше: зерно и урожай с наших полей, и все, что вам нужно. И гуены—если вам нужны те молодые животные, что находятся в наших загонах. Берите все, что вам нужно, и уходите!

—Но ведь придут люди гатануса и скажут вам: «Вы кормили врага и дали ему гуенов. Значит, вы заодно с врагом?»

—Как они могут говорить так?—корбан покачал головой.—У вас армия, обученная незнакомым и ужасным способам войны. Нет, на Фронне все знают, что никто не может устоять против мощи ваших мечей. Ведь вы сражаетесь не только мечами, как принято у нас, но и огнем с большого расстояния, вы несете смерть с воздуха. Некоторые из вас передвигаются в мощных металлических крепостях, которые давят врага своим весом. Все это хорошо известно. Поэтому люди гатануса не поверят, что жители поселка посмели вам в чем-то отказать. Я говорю тебе, лорд: бери все, что угодно, оставь нам только жизни!

—Ты видел ползающие крепости и летающие машины землян?

—Не собственными глазами, лорд. Я не местный житель, хотя и корбан этих людей. Но на юге все видели эти чудеса и вести о них достигли нас.

—Значит, их можно увидеть под Тарком?

—Да, лорд, там теперь много ваших удивительных машин. Вы хотите присоединиться к ним? Хорошо. Но умоляю тебя: берите все, что вам нужно, и уходите.

Хансу опустил пустые руки.

—Хорошо. Мы не войдем в вашу деревню, корбан. Пришли нам продукты и сто гуенов. Мы поделимся с вами добычей и поблагодарим за помощь.

Отряд ллоров отправился назад, а Хансу обратился к потрясенной орде:

—Такова картина. По описанию этого парня у Тарка целый легион мехов. У них—тяжелое вооружение и самолеты.

—А как же насчет закона мирных переговоров?—послышался чей-то голос из толпы.

—Давайте смотреть в лицо фактам. Закон мирных переговоров был нарушен, когда сожгли Йорка и остальных. И тут не только изменники-мехи. Они не могли бы без посторонней помощи доставить сюда тяжелое вооружение. И теперь они считают, что могут легко расправиться с нами. Кто бы их не поддерживал, они не могут позволить нам

уйти с Фронна. Поэтому, самое первое их действие—отрезать нас от кораблей в Тарке.

Отрезать от Тарка, блокировать на Фронне, не дать возможности уйти... Кана видел, как на лицах окружающих появлялось выражение угрюмой решительности. В течение поколений слабые и трусливые отстранялись от солдатской службы. Наемники по самой природе своей службы были фаталистами. Мало кто доживал до пенсии или даже до вспомогательных служб на базе. Многие из них бывали во всяких переделках и выходили из них благополучно. Но это было нечто новое. Кодекс, считавшийся незыблемым, нарушен. И за это кому-то придется заплатить!

—Мы доберемся до них...—эти слова потонули в общем одобрительном гуле.

Но Хансу жестом заставил их замолчать.

—Мы не одни,—напомнил он.—Солдатский закон нарушен. Что дальше? Другие начнут натравливать мехов на арчей. Этому нужно положить конец раз и навсегда! Необходимо доставить сообщение в Солдатский Центр.

—Мы не можем противостоять тяжелому вооружению в поле!—крикнул кто-то.

—Не будем и пытаться. Но нам необходимо передать сообщение на Секундус или Прайм. А остальные должны держаться и ждать помощи.

—Оставаться в горах?—в вопросе не было энтузиазма.—Хватит с нас уже фроннианских гор.

—У нас нет другого выхода,—Хансу покачал головой.—Но вначале мы должны больше узнать о происходящем. Ну, а теперь—разбить лагерь в условиях враждебной территории. Мастера-мечники и разведчики—ко мне!

И все занялись своими делами. Кана присоединился к остальным у телеги, где их ждал Хансу. Командир растелил изношенную грязную карту и стал рассматривать голубые линии, пересекавшие ее. Он повернул голову к командиру разведчиков.

—Богат! Когда корбан вернется с припасами, приведите его сюда. Эти охотники за гуенами должны хорошо знать местность. Нужно выудить у них всю информацию. Мехи на могут воевать на пересеченной местности, поэтому нам придется держаться именно в таких местах.

—Но вокруг Тарка всюду равнины,—возразил один из мастеров-мечников.

—Мы и не собираемся идти в Тарк. От нас именно этого и ждут.

—Но единственный космопорт...

—Единственный военный космопорт находится в Тарке. Но вы забыли о вентури!

Кана беззвучно свистнул. Хансу был прав. Вентури! Как единственные торговцы на Фронна, они имели на материке собственные торговые центры. И недалеко от западного моря находился небольшой космопорт, использовавшийся несколькими чужеземными торговцами, пытавшимися наладить торговлю с вентури. Добраться до этого космопорта, завладеть торговым кораблем—это лучшая возможность из всех.

—Поблизости от вентурской крепости Поулт есть космопорт,—объяснил Хансу.—Регулярного расписания рейсов там нет, но торговцы из космоса прилетают. И если нам повезет, мы сможем найти убежище у вентури. Двинувшись прямо на запад, мы достигнем моря вблизи Поулта.

Корбан, горя желанием оказать любую помощь, чтобы отвести опасность со стороны землян от своей территории, склонился с двумя лучшими охотниками за гуенами над картой Хансу. Он задал вопрос, на который Хансу пришлось отвечать уклончиво.

—Но почему, лорд, вы ищете дороги в этих диких местах? На юг ведет широкая и ровная дорога, и там вас ждут братья.

—Мы хотим навестить вентури на берегу, причем пройти по неизвестным им дорогам.

Маленький круглый рот ллора тронуло подобие улыбки.

—Ха! Значит, правда то, что передавалось шепотом. Наступает день мести Этим. Не будут больше эти закутанные в капюшоны бродить по нашим землям, не будут они единственными торговцами. Хорошая новость, лорд. Уничтожьте крепости вентури на побережье—и все ллоры будут восхвалять вас перед лицом Правителя Ветров. К тому же, вас там ждет богатая добыча,—он охотно принялся комментировать карту.—Вот эта тропа, она проходит по западной части гор. Тут могут встретиться косы. Но что вам косы? Вы раздавите их так же, как мы давим жуков фас-фас на дороге. И эта тропа приведет вас прямо к морю у Поулта. Да будет удачной ваша охота, военный лорд!

—Да будет так!—торжественно ответил Хансу. И начертал знак огня, воды и воздуха—с этими духами на Фронне полагалось советоваться перед началом любого важного дела.

Корбан еще больше подобрел и стал придиричиво осматривать гуенов, которых жители деревни прогоняли перед

ним. Он забраковал десять животных, к удивлению соплеменников, которые собирались в полной мере воспользоваться невежеством иноземцев: Хансу настоял на том, чтобы заплатить за гуенов. Вечером корбан устроил роскошный пир. Он ни в чем не мог отказать будущим победителям вентури. Отряд наиболее сильных и опытных охотников за туенами должен был сопровождать землян до подножья западных гор.

Чтобы добраться туда, потребовалось полтора дня езды верхом. Хансу подгонял всех, желая выбраться из опасной равнинной местности, пока их не выследил какой-нибудь патруль мехов. На утро третьего дня, когда орда уже основательно углубилась в горы, земляне обнаружили, что ночью ллорские проводники исчезли. Далеко позади к небу поднялся дым. Охотники подожгли траву на равнине, чтобы загнать диких гуенов в ловушку.

Хансу с удовлетворением следил за этим. Огонь прекрасно скроет их следы. И снова начался кошмар карабканья и непрерывного тревожного ожидания нападения. Хотя охотники утверждали, что тропа проходит по самому краю территории косов и горцы редко тревожат здесь караваны, уверенности в мирном переходе не было. И ллоры не смогли ответить на вопрос, существует ли у торговцев-вентури какой-нибудь договор с горцами-косами о свободном проезде. Но у землян выбора не было.

Тропа была помечена воздвигнутыми вентури тонкими каменными стеллами с непонятными пиктограммами. И она была вполне пригодна для гуенов.

Кана весь день находился рядом с Хансу и теперь, завернувшись в одеяло, пытался уснуть. Хансу сидел в яре от него и слушал доклады разведчиков.

—... Никаких дел с мехами?

—Никогда,—голос Хансу окончательно разбудил Кана.—И Миллз утверждал, что ими командует Харт Дейвис.

—Дейвис! Я все же думаю, Дик ошибался. Дейвис не станет нарушать приказ.

—В том-то и дело, Богат. Если Дейвис командует в Тарке—а у меня нет оснований не доверять сообщению Миллза, который, умирая, добрался до нас,—если там Дейвис, значит, дело не в одном легионе мехов... Харт Дейвис—молодой командир. Таким же был и Йорк. Его легион мал, но хорошо вооружен, и у Дейвиса отличная репутация. Готов заложить полугодовую плату, что у него

нет в легионе много ветеранов. Как и у нас. Я вот думаю...—он замолчал.

Но Кана, хоть и уставший, понял смысл его слов. Легион и орда, состоящие из хорошо обученных людей, сталкиваются в смертельной схватке. Неважно, кто победит. Потери с обеих сторон будут огромные. И много ветеранов заснут навсегда. Все это приобретало зловещий смысл.

—Если кодекс нарушен,—хриплый шепот Богата был зловещим.—К дьяволу плату! Но... у арчей нет ни малейших шансов!

—В старой игре—конечно. Но почему бы нам не начать новую?

—Но... мы солдаты, Хансу...

—Конечно. Но здесь не действуют правила—с кем и против кого нам сражаться,—голос Хансу звучал отсутствующе, как будто он размышлял вслух.

—Ну, по крайней мере, сейчас нужно заняться одним,—Богат встал.—Выбраться из этих проклятых холмов и увидеть вентури. Мы справимся с ними, сэр.

—Постараемся этого избежать. Они могут встретить нас с открытыми руками, если корбан говорил правду и ллоры ополчились против них. Их территория слишком сложна для мехов. Этот Пуолт построен на острове—голой скале, выступающей из моря. У них свои способы добираться до материка.

—Хорошее место для нас, если они только нас впустят. Там можно удержаться.

—Этого нам и нужно добиться, Богат. Если мы покажем им, что у нас общий враг, то, может, сумеем и воевать вместе. Пошли, как обычно, разведчиков в горы.

—Да, сэр.

На рассвете—снова в путь. Снег лежал полосами вдоль тропы, полосы становились все шире, покрывая тропу. Людям приходилось пробивать в сугробах дорогу для гуенов. Животные гибли: дикие, недавно пойманные, они были недостаточно крепки, чтобы вынести такие условия. Вторая телега упала в пропасть, и с ней—один из медиков, который не успел отскочить.

—Тревога!—военный свисток передал это сообщение, и солдаты немешущими от холода пальцами взвели курки и достали ножи. Но на сей раз им пришлось иметь дело не с косами, а с ллорами, отчаянно пытавшимися пробиться к равнинам и безопасности.

Схватка была короткой, арьергарду орды не пришлось

даже стрелять, но кровопролитной. Ллоры сражались отчаянно.

Земляне, истощенные борьбой со снегом, за ночь заливали раны. Еле передвигаясь от усталости, они разбили лагерь на краю поля битвы. Нанесенный ветром снег укрыл убитых. Солдатам приходилось все время следить, чтобы раненные не замерзли насмерть.

—Грабительский отряд, оторванный от дома...—ветер срывал слова с губ Мика.—Может, мы идем прямо в огонь, зажженный другими. Надеюсь, вентури не подумают, что мы заодно с ллорами.

Рей растирал щеку снегом.

—В следующий раз, когда меня будут предупреждать о трудностях назначения, я прислушаюсь,—он чихнул, а потом закашлялся так, что все его тело затряслось.—Каким же раем были казармы! И зачем я покинул Секундус?

Кана растирал руки. Секундус казался далеким и нереальным. Неужели он ел когда-то в комнате, где огненные птицы пели на стенах? Или то был сон, а этот кошмар—жестокая реальность?

—Мы будем идти и идти вперед,—Мик пнул сугроб,—пока снег не погребет нас. На следующее утро нас найдут в прекрасной сохранности и выставят как произведения туземного искусства...

—Неужели ллоры осмелились начать схватку с вентури?—удивлялся Рей.—Они их всегда опасались. Вспомните тот случай со шпионом в Тарке. Мы не тронули торговцев, даже когда среди них оказался лазутчик-ллор. Вентури не сказали ни слова.

—Ллоры считают теперь, что они самые сильные на Фронне,—сказал Кана.—Они, должно быть, давно ненавидят вентури и искали случая покончить с ними. Ты завтра в разведку, Рей?

—Да, за мои грехи. А ты?

—Тоже.

Мик покачивал раненую руку.

—Они хотят свести нас на нет, эти горы; каждый раз нас в горах преследуют неудачи. Пятьдесят потеряны там, двадцать здесь, а сколько раненых...

—Все же не так много, как во время бомбардировки,—напомнил ему Рей.—Пока еще мы можем ответить...

—Да, я знаю. Но посмотрим, каким ты вернешься из разведки, ты, длинноногий билл!

—Знаете...—Рей перестал растирать снегом лицо.—Мне в голову пришла неплохая мысль. Вот если бы

поймать десять-двадцать таких птичек и приручить их, как ллоры приручают своих ястребов. Они ведь прыгают бесшумно,—он обернулся к Кана, как к авторитету.—Так ведь? И выпустить, пусть ищут врага. Лучше, чем танк мехов в такой местности...

—А кто же будет ловить и приручать их?—начал было Мик, но в темноте показался солдат.

—Карр?

—Здесь.

—К мастеру лезвия.

Кана направился к тому месту, где между скалами устроился Хансу. Слабый голубой огонь ллорского факела бросал причудливые блики на лица собравшихся. Неожиданно Кана заметил среди землян нескладную фигуру торговца.

—Карр, садитесь,—Хансу тут же повернулся к незнакомцу в капюшоне.—Этот подойдет?

Круглая голова повернулся, но не было сказано ни слова, и Кана невольно поежился под взглядом круглых глаз вентури. Затем торговец сделал утверждающий знак, более быстрый, чем кивок землян.

—Этот вентури был пленником ллоров,—объяснил Хансу.—Он возвращается к своему народу, а вы пойдете с ним и попытаетесь наладить контакт. Нам нужна база—возможность затаиться, пока мы не сумеем известить Секундус. Используйте все свое умение, Карр. Вы у нас единственный специалист по контактам. Внушите им, что мы тоже противники ллоров, как и они. Передайте их предводителю, что сказал вам корбан.

—Да, сэр.

Хансу взглянул на часы.

—Возьмите припасы и запасное снаряжение. Мы понятия не имеем, далеко ли Поулт—карта очень неточна,—он помолчал, буравя взглядом Кана.—И помните: нам необходима база.

—Да, сэр.

ГЛАВА XI

ПЕРЕМИРИЕ ВЕТРА

Тропа пролежала по широкому выступу, с которого ветер ночью успел сдуть снег. Внизу тусклая темная зелень скрюченных деревьев сменялась серой монотонностью моря, оживляемой только белыми барашками волн.

Кана пошел медленнее, вглядываясь в его рябь. Крылатые существа кружили, кричали и садились на узкую полосу песка, разыскивая выброшенных прибоем обитателей моря.

Свинцовые облака закрывали солнце, и окружающий ландшафт казался зловещим.

— Идем...

Кана удивился. За пять часов совместного пути это были первые слова, произнесенные вентури. Торговец нетерпеливо потянул его за руку. На тропе повсюду виднелись следы поспешного отступления ллоров. Но защитников тропы не было видно. Проходя много мест, самой природой предназначенных для защиты, Кана не заметил ни одного. Можно было подумать, что торговцы и не хотят защищать свою территорию.

Наконец, спускаясь по склону, Кана увидел широкую дорогу с ровной поверхностью, шедшую вдоль берега и часового-вентури, охраняющего подступы к ней.

Проводник подошел к часовому, а Кана остался стоять в стороне, не вмешиваясь в разговор. Но вот он заметил взмах руки в перчатке и приблизился к небольшому строению. О, это было первое, увиденное им на Фронне механическое средство передвижения. Оно представляло собой металлическую платформу на трех колесах и без двигателя, по крайней мере, видимого. Проводник-вентури уселся на узком сидении и указал Кана место рядом. Едва Кана успел поджать ноги, как они тронулись—не очень быстро, но все же быстрее пешехода.

По пути не было никаких признаков военных патрулей. Как будто вентури, отогнав ллоров в горы, больше не беспокоились о нападении. Это свидетельствовало об исключительной уверенности в своих силах.

Дорога изгибалась, следуя естественным поворотам береговой линии. Обогнув один из выступов, они оказались рядом с вентурианским портом. Здесь море вдавалось в берег круглым заливом—естественной гаванью, в которой торговцы построили ряд причалов. На берегу теснились строения без окон, похожие на склады. Приблизившись, Кана заметил следы недавней битвы. Но все вентури, которых он видел, занимались своими делами спокойно и не торопясь. Из странных кораблей у причала—полностью закрытые палубы придавали им вид черепах—на берег шел непрерывный поток товаров, но ... так ли это?

Механизм остановился, Кана слез. Нет, эти корабли не разгружались, а загружались! Флот торговцев увозил това-

ры в море, а не наоборот. Похоже, что торговцы эвакуируют порт... Теперь Кана повсюду заметил признаки организованной эвакуации.

— Идем...

Снова проводник-вентури торопил его. Они прошли по лабиринту проходов между зданиями, время от времени прижимаясь к стенам, чтобы избежать быстро движущихся тележек, нагруженных связками и корзинами. И, наконец, оказались у небольшого сооружения на самом берегу моря.

День был довольно мрачный, но внутри здания было еще темнее. Кана заморгал, но его схватили за руку и потащили по коридору. Вентури остановился перед сплошной стеной, которая вдруг раздвинулась, открыв помещение, залитое зеленоватым сиянием.

Кана оглядывался с любопытством, которое не пытался скрывать. Стены комнаты сходились наверху в виде арки. Толстые подушки служили сидениями для трех вентури. Перед ними стоял низкий стол. Одна стена, слева от Кана, была заставлена сложной аппаратурой, которую несколько вентури с методичностью роботов укладывали в ящики. При появлении землянина они прекратили работу и выскользнули из помещения, Кана остался перед тремя сидящими вентури.

Те тоже работали, разбирая стопки тонких листов из какого-то прозрачного материала. Некоторые листочки они укладывали в металлический ящик, другие—беспорядочно бросали на пол. Кана решил, что это записи.

Торговец, который привел Кана с гор, что-то докладывал. Это был почти беззвучный процесс, как будто вентури общались не только при помощи голоса. Когда он закончил, все головы в капюшонах повернулись в сторону Кана. Землянин колебался, не зная что он должен делать. Очень многое зависело от того, сумеет ли он произвести хорошее впечатление. Если бы только взглянуть на их лица.

— Вы из чужого мира?

Потребовалась секунда, чтобы решить, кто задал вопрос. По-видимому, средний. Кана ответил, обращаясь к нему:

— Я с Земли. Солдат с Земли.

— Почему вы здесь?

— Нас призвал ллор Скора. Его убили. Мы хотим вернуться в свой мир.

— Война ллоров...—показалось ли ему или действительно голос вентури звучал недружелюбно.

—Мы больше не сражаемся за ллоров. Мы воюем против них. Они предали нас.

—Что вам здесь нужно?

—Место, где бы мы могли подождать корабль.

—Такие корабли есть в Тарке.

—Но в Тарке наши враги. Они не позволят нам приблизиться к кораблям.

—Но те, что в Тарке, тоже земляне. Вы воюете со своими?

—Это нарушители наших законов. И они хотят скрыть свои злые дела от наших хозяев Торговли. Если мы вернемся и расскажем о них, то они будут наказаны.

—Только в Тарке есть такие корабли,—упрямо повторил вентури.

—Мы слышали, что около Поулта есть место, где садятся корабли звездных торговцев,—с растущим отчаянием возразил Кана. Хансу сам должен был прийти сюда. Он, Кана, не производит никакого впечатления.

—Торговцы не перевозят солдат, торговцы не сражаются.

—Но мы встретили в горах ллоров, бежавших после сражения с торговцами. Этих торговцев больше не приветствуют на равнине. Нет, хозяева Торговли, наступает время, когда даже вам придется обнажить мечи и расчехлить ружья для самозащиты. Мы говорили с ллорским корбаном, который предсказывал падение крепостей вентури на побережья. Скоро настанет тот день, сказал он, когда не только вентури будут править торговыми караванами. И они хотят добиваться этого с оружием в руках, но они также и наши враги. Мы солдаты, нас с раннего детства готовили к сражениям. Те, кому служат наши мечи, спокойно спят по ночам. И, похоже, вам понадобятся союзники, если эти слухи правдивы.

Фигура в капюшоне слегка изменила позу. Впечатление было такое, будто вентури пожал плечами.

—Мы в море. А ллоры не в море. Если мы будем в море, зачем нам мечи? И скоро жители материка поймут свою ошибку.

—Если бы вы имели дело только с ллорами, возможно, это так бы и было. Но им помогают другие. Изменники-земляне сражаются не так, как мы. У них есть могучие машины, повинующиеся их воле, они охотятся с неба. Скажите мне, хозяева, разве нет среди чужеземцев таких, кто хотел бы положить конец вашей монополии в торговле на Фронне? Такие люди поддержат в войне тех, кто лучше служит им.

Не получив сразу ответа, Кана почувствовал, как в нем вновь зарождается надежда. Если вентури покидают береговые базы, орда на морском берегу окажется в новой ловушке. Его единственный шанс—добиться поддержки торговцев до того, как они отступят.

—То, о чем ты говоришь, нам известно. Нам сообщили о небесных машинах. Значит, ты считаешь, что они последуют за нами—даже если ллоры не посмеют выйти в океан?

—Я думаю, хозяева Торговли, что мир ушел, и настало время, когда все должны выбирать, за кого они. Вопреки закону сюда привезли небесные машины и движущиеся крепости. А когда люди нарушают закон, который может им отомстить, они подсчитывают вероятность успеха, как вы взвешиваете риск и прибыль. Они собираются править этим миром. И если они победят—какое им дело до вентури? Вас уничтожат, а ваше торговое королевство исчезнет.

Средний вентури встал. Его одежда, сделанная из более тонкого материала, чем у проводника, слегка шуршала при движении.

—Мы сами не можем заключать договоры, но твои слова будут переданы старейшим в Поулте. И мы можем дать согласие: приведи сюда своих людей, они смогут переждать здесь большие бури. Мы должны уйти сегодня же. Так сказал Фалтух, да будут его слова записаны.

Бормотание других означало согласие. Кана в знак приветствия поднял руку, предводитель вентури кивнул. Вентури не отличались гостеприимством. Кана тут же проводили к платформе. Когда трехколесная телега поднималась по склону, Кана заметил, что один из кораблей-черепах отошел от причала. Дойдя до середины залива он медленно погрузился, пока над водой не осталась одна коническая башня. Разрезая ею воду, корабль отправился в море.

Кана и вентури уже в сумерках достигли сторожевого пункта, и землянин с благодарностью заметил, что торговец собирается провести здесь ночь. Кана провели в помещение без окон: лишь одна его стена светилась зеленоватым светом. Ему дали матрас, который мог служить для сидения и для сна, и оставили одного. Он съел свой рацион и улегся на матрасе. Все его тело ныло от усталости.

На следующее утро стало ясно, что вентури считают этот пост концом своих владений и что отсюда он пойдет один. Бледное солнце разогнало ночную мглу, и Кана пошел быстрым шагом, бодро напевая марш арчей. Его уве-

ренность в будущем росла. В конце концов, если даже торговцы не впустят землян в Поулт—им позволено остаться в порту на берегу. А этот порт находится недалеко от того места, где, по словам Хансу, садятся космические корабли. Нужно будет только немного подождать.

Надежды Кана все росли, и в его докладе Хансу звучали нотки оптимизма:

—Они не сказали, когда сообщат свое решение?

—Нет, сэр. Они эвакуировали причалы перед отступлением в свои морские крепости, им кажется, что они смогут переждать там неприятности...

—Никогда не видел, чтобы нейтральный что-нибудь выигрывал, особенно, если обладает тем, чего добивается враг. Но мы не будем спорить с ними. Пока используем их порт как базу.

Через день авангард орды достиг сторожевого поста, но тот оказался покинутым. Часовые и колесная тележка исчезли. И когда земляне спустились к причалу, в порту уже ничего не двигалось. Исчезли корабли-черепахи. Башня последнего из них виднелась в самом конце залива. Ни одного вентури не оставалось в молчаливом и пустом порту.

Хансу расставил часовых, хотя и согласился с тем, что толстые стены защитят даже от оружия мехов. Хансу разместился в том доме, где Кана встретился с предводителями вентури. Вся аппаратура со стен была убрана, остались дыры и пустые скобы, но маленькие столики по-прежнему были привинчены к полу, а за ними виднелись подушечки для сидения. Впервые после выхода из Тарка солдаты оказались под крышей. И вовремя, потому что к вечеру поднялся ветер, перешедший в бурю.

Толстые стены приглушали вой ветра. Но, приложив к ним руки, можно было ощутить дрожь от бешеного натиска урагана. Пока продолжалась буря, земляне не опасались нападения.

Повинуясь любопытству, они обследовали свои помещения и нашли несколько разобранных механизмов. Для чего использовалась половина из них, невозможно было и догадаться. Кана в сопровождении Мика и Рея, вооружившись земными фонариками, отправились исследовать обнаруженный ими потайной ход в дальнем зале. Они спустились по крутой лестнице, не предназначенной для земных ног. Лестница заканчивалась в естественной пещере, посередине которой находился довольно большой водоем. Уровень воды постоянно колебался, из чего земляне

сделали вывод, что водоем каким-то образом соединены с морем.

Отвлекаясь от наблюдения за поверхностью, Кана заметил трос, прикрепленный к крюку в полу. Трос уходил в воду и был туго натянут. Что-то очень тяжелое находилось на другом его конце.

Кана попробовал потянуть, но тщетно. Они попробовали втроем, упираясь ногами в пол и дергая рывками. Несколько секунд спустя на берегу оказался странный предмет. Круглый, он внешне напоминал корабль-черепаху, только у него не было конической башни.

—Бомба?—предположил Мик.

—Нет, ее не стали бы так закреплять,—Кана обошел предмет.—Вероятно, одноместный корабль.

—Ушли и забыли его?

—Нет. Он был спрятан. Значит, у нас посетитель...

—Оставлен, чтобы следить за нами...—глаза Мика обшаривали внутренность пещеры.

—Не думаю, чтобы торговцы были на это способны,—вступился за вентури Кана.—Скорее, они оставили наблюдателя. Может, установили связь с Поултом. Но, конечно же, лучше присматривать за этим,—он пнул корабль носком сапога.—Путешествующий в нем должен скорчиться в три погибели. Землянин в нем вообще не поместится.

Они сообщили о находке Хансу и корабль переместили в верхний зал. Все здания порта обыскали, но без результата.

К утру буря не прекратилась. Наоборот, она усилилась, и из-за ветра и брызг стало почти невозможно передвигаться от здания к зданию. Но шторм продолжал препятствовать нападению, и это почти компенсировало невозможность поисков космопорта. А Хансу был уверен, что этот космопорт где-то поблизости.

Кости внимательно осмотрел найденный корабль и сумел его открыть. Столпившиеся солдаты увидели узкое, обшитое матами пространство, где должен был находиться пилот. Сим недоумевал:

—Какой человек здесь поместится?

—Может, совсем и не человек,—ответил Кости.

—Что?..

—Ну, ни один из нас не видел вентури без этих плащей. Откуда нам знать, похожи ли они на ллоров? Или на нас?

Кана задумчиво разглядывал кабину корабля. Для гу-

маноида она была слишком узка. В ней могло поместиться очень тонкое, змееподобное существо. Кана не чувствовал никакого предубеждения против рептилий, никакой брезгливости, не ощущал когда-то существовавшего барьера между теплокровной и холоднокровной жизнью. Смешение рас, рождение мутантов после атомных конфликтов нарушили прежнее неприятие «чужого».

А в космосе тысячи разумных рас всевозможных форм и видов нанесли последний удар по предубеждениям. Косматые ллоры и косы были «людьми», но, возможно, они делили Фронн с другой расой, происходящей от пресмыкающихся. А почему не змея, не ящерица? Существуют расы, чьи давние предки были кошачьими, и другие, многие эпохи назад отказавшиеся от крыльев, чтобы развить разум. И все они были равными партнерами на космических трассах. А что касается рептилий, то можно вспомнить ящериц закатанов, чьи научные достижения известны всей вселенной, но которые, тем не менее, являются самыми миролюбивыми и законопослушными существами.

Кана, вспомнив знакомых закатанов, которыми он восхищался, пощупал обивку не с отвращением, а с простым любопытством. Но какая разница, чем покрыто тело: шерстью, чешуей или мягкой кожей, нуждающейся в одежде. Вентури, которых он встречал, ни в какой мере не были ужасными или отталкивающими существами. Нужно было лишь привыкнуть к тому, что они постоянно скрывали свои тела и лица. Теперь он хотел узнать, кто же они на самом деле и почему они так тщательно маскируются.

Но хозяин этого корабля, если он находился в пределах порта, никак не обнаруживал своего присутствия. А буря продолжалась. На следующее утро Хансу с трудом добрался до соседнего здания; по пути его с такой силой ударило о стену, что он чуть не потерял сознание. Поджидавший Кана схватил его за плащ и втянул внутрь. Командир с трудом отдышался и сказал:

—Мы не можем противостоять урагану. Это время Западного Ветра.

Кана вспомнил информационную катушку. Время Западного Ветра—ужасный зимний сезон, парализующий весь Фронн, когда все живое прячется в укрытия, а порывы ветра несут смерть.

Всякий, кого буря застала бы за пределами порта, был бы унесен ветром и убит. Солдатам повезло, они спустились с гор к прочным стенам порта как раз вовремя.

—Ни один космический корабль не сможет сейчас приземлиться,—заметил Кана.

Хансу кивнул. Но было ясно, что невозможность предпринять что-то его раздражала.

—Хотел бы я встретиться с вентури,—он посмотрел вдаль, как бы вызывая торговцев мысленно.—Как только прояснится, мы должны быть готовы приступить к поискам.

Будущее по-прежнему оставалось неясным. Если Хансу сумеет доставить вестника на борт космического корабля раньше, чем Харт Девайс установит их местонахождение и попытается уничтожить, они победили. Неужели у вентури решающие карты в этой игре?

ГЛАВА XII

В ПОУЛТ

Бездействие, вызванное бурей, наскучило солдатам. Вначале они большую часть времени спали, восстанавливая силы и готовясь к новому походу в горы. Но теперь они бесцельно бродили по зданиям, время от времени устраивая ненужные вылазки, когда им казалось, что наступает затишье. Раздражение выливалось во внезапные беспричинные ссоры. Но Хансу был готов к этому. Начались тренировки в борьбе без оружия, разведке, охоте-преследовании, когда горстка ветеранов пряталась, а младшие члены отряда молча выслеживали их.

Во время бури стало невозможно отличать день от ночи. Мог быть и полдень и вечер, когда Кана вскарабкался по крутому пролету узкой лестницы под самую крышу склада. Глаза его привыкли к мягкому зеленому свечению стен, и он тихо двигался, собираясь добраться до небольшой платформы под самой крышей. Отсюда он мог бы рассмотреть весь склад. Сегодня Кана был псом, а Сим—олем. Для новобранца стало вопросом престижа найти ветерана, даже если этому придется посвятить все время до сна.

По мере того, как Кана поднимался, свет тускнел. Пришлось карабкаться, касаясь рукой ступенек. До верха оставалось еще не меньше трех ступенек, когда он замер и прижался к стене. Кана почувствовал, что он не один.

Снизу он оценил площадь платформы в пять квадратных футов. Над ней находилась дверь, ведущая, должно быть, на крышу, но при таком ветре никто не может находиться снаружи!

Прижимаясь к стене, Кана пытался вспомнить внешние очертания склада, который он рассматривал из штаб-квартиры часа два назад. Он был похож на все остальные здания: с эллипсоидным куполом, почти не сопротивляющимся порывам ветра. Крыша?..

Он осторожно продолжил подъем. Потом вытянулся во весь рост, подняв руки над головой, пока пальцами не коснулся поверхности над собой. Но он не ощутил того, чего ожидал.

Дважды во время таких охотничьих игр он поднимался к этим наблюдательным пунктам в складах и оба раза обнаруживал, что крыша слабо вибрирует, дрожит от ударов ветра. Но здесь она была неподвижна, как бы изолирована от внешнего мира. И он по-прежнему чувствовал, что не один.

Кончиками пальцев ощупал потолок, обнаружив небольшую дверь, выходящую на крышу. Но в этой двери было какое-то отличие от других. Трогая петли, он понял, в чем это отличие. На этой стороне не было запора. Дверь закрывалась с противоположной стороны. Он достал фонарик, отрегулировал его на минимальное освещение и включил, больше не заботясь о том, что Сим может его заметить. Платформа была покрыта песчаной пылью, которая просачивалась сквозь щели во время бури. Подошвы его сапог оставили на этой пыли ясные следы. Но были здесь и другие следы. Такие следы не мог оставить землянин. Кана снова осветил дверь. Она была плотно пригнана: он почти не видел линий соединений. Блеснули две петли. Кана осторожно обследовал их. Жир... Какой-то жир недавно нанесли на петли, он еще не застыл, и его странный запах сильно чувствовался, когда Кана поднес смазанный этим жиром палец к носу. Кто-то пользовался этой дверью. Но выходить наружу—это невозможно!

Кана направил луч на потолок, собираясь обследовать его дальше. Постепенно он убедился, что между потолком и куполом имеется пространство. Угол между куполом не такой, какой должен быть. Какое великолепное укрытие! Ни один землянин не посмеет осматривать крыши в бурю. Кана был готов поклясться, что нашел укрытие шпиона-венчури! Хансу нужно лишь оставить здесь часового и... Вдруг он учуял запах.

Ниже, там, где раньше лежали груды товаров, запахи перемешивались, и общий аромат действовал на землян одуряюще. На мгновение Кана вспомнил игорное заведение на Секундусе. В этом запахе не было ничего неприят-

ного и он становился сильнее. Потом послышался легкий шлепающий звук; Кана застыл, не осмеливаясь дышать. Слух подсказал ему, что из-за двери что-то упало на платформу. Кана протянул фонарик вперед, как будто это был бластер.

Послышались какие-то другие звуки. Он не мог определить, какое движение соответствовало бы этим звукам.

Кана включил фонарик на всю мощность. Луч света упал на существо, которое делало последний шаг с веревочной лестницы на пол. Существо ухватило за ступеньку и застыло неподвижно, поняв, что бегство невозможно.

В памяти Кана сразу возникла необычная конфигурация каюты корабля-малютки. Еще тогда ему представлялось нечто подобное, но все же реальность превзошла все воображаемое. Если это вентури—а у Кана не было оснований сомневаться в этом—то вторая господствующая раса Фронна не имеет ничего общего с ллорами физически.

Исключительная тонкость создавала впечатление большего, чем на самом деле, роста. Повисшая складками шея едва намечалась. Ноги были длинные, тонкие и с перепонками между пальцев. Две пары верхних конечностей были похожи на шестипалые щупальца и отходили прямо от шеи. Но голова, с точки зрения Кана, была наименее привлекательной частью тела вентури. Две пары глаз, почти отсутствующий нос, широкий зубастый рот и никакого подбородка...

Когда образ торговца полностью сформировался в голове Кана, он с неприятным изумлением понял, что уже видел на Фронне подобное существо. Вентури, как родной брат, походил на тифа—жесточкого речного хищника—и только среда обитания и, несомненно, большой объем мозга у наблюдателя отличали их.

Вспомнив не очень приятное знакомство с тифами, Кана почувствовал невольный страх. Но тут он увидел глаза вентури, мучительно мигавшие в луче света. Это не были черные злобные бусинки глаз существа, смотревшего на него из ручья. Большие золотистые зрачки, в которых светился разум, говорили о мире. И арч понял, что хотя вентури внешне похожи на тифов, но по характеру они совсем не тифы.

Ни одна из четырех «рук» вентури не потянулась к но-жу, висевшему в ножнах на его шее. По серо-зеленой коже, прикрытой только короткой накидкой, пробегала дрожь. Кана выключил фонарик. В это же мгновение

зеленый луч, гораздо более мощный, чем от его фонарика, осветил землянина с головы до ног.

—Только один?—вопрос не мог исходить из этого широкого рта, и все же...

—Да.

Луч света перескочил на руки Кана, а затем на его нож на поясе, будто вентури изучал оружие.

—Пойдешь?—зеленый луч указал на свисающую лестницу.

Кана не колебался. Повесив собственный фонарь на петлю, он сделал шаг вперед. Взобравшись по короткой лестнице он протиснулся в дверь. Это ему едва удалось. Наверху оказалось маленькое помещение. Губчатый мат покрывал треть пола. Кана сел с краю. Хозяин помещения появился вслед за ним и сделал какое-то движение, отчего свечение стен усилилось. Здесь же, помимо мата, находился плоский ящик и аккуратная груда контейнеров. Стояла небольшая жаровня, от которой поднимался остро пахнущий дым. Помещение, хоть и тесное, все же было достаточно удобно для вентури. Он сел на другой край мата, отбросив в сторону скомканный плащ.

—Ты следил за нами?—спросил Кана.

—Следил,—невероятная голова с четырьмя золотистыми глазами дернулась, подтверждая.

—Для хозяев Торговли?

—Для нации,—негромко поправил вентури.—Вы торгуете смертью. Такие сделки могут принести зло.

—Ты говоришь от имени многих?

—Я учусь говорить от имени многих. Но мне еще мало лет и разум мой ограничен... А ты лорд многих мечей?

Настала очередь Кана отказаться от чести.

—Я тоже только учусь нашему делу. Это мое первое боевое путешествие.

—Скажи мне, почему вы крадетесь по зданиям, выслеживая друг друга?—в голосе вентури звучала нотка длительного недоумения.

—Мы учимся, чтобы впоследствии тайно подбираться к врагу. Это тренировка в нашем искусстве.

Четыре глаза продолжали не мигая рассматривать его.

—И теперь враг, к которому вы должны незаметно подбираться,—ллары. Но почему?

—Нас призвал служить Скора. Он заключил договор с нашими хозяевами Торговли. Но в первой же битве Скора был убит. В соответствии с обычаями, мы прекратили войну и попросили разрешения вернуться домой. Но ллары

пригласили наших командиров на переговоры, а потом предательски убили их. Тут мы обнаружили, что вместе с ллорами действуют преступники нашей расы. Они не хотят, чтобы мы вернулись и рассказали нашим хозяевам Торговли всю правду. Наши враги заняли Тарк, где находится космопорт. Мы пришли к Поулту, надеясь отыскать торговый космический корабль, который передаст наше сообщение.

— Но здесь садятся не военные корабли:

— Это неважно. Они не настолько малы, чтобы не захватить одного-двух человек помимо экипажа. А как только наши хозяева Торговли узнают о случившемся, они пошлют за нами корабли.

— Значит, вы не хотите оставаться на Фронне? С вашим военным искусством мы могли бы захватить весь наш мир.

— Мы с Земли. Только Земля — наш дом. Мы лишь хотим мирно покинуть Фронн.

Наклонившись вперед, вентури глубоко вдохнул поднимающийся с жаровни дым. Затем, ни слова не говоря, раскрыл круглый контейнер и извлек две маленькие чашки без ручек. По форме чашки напоминали раковины. В их сине-зеленой глубине двигались аметистовые тени. Из маленького флакончика, такого же прекрасного, он налил в чашки золотистую жидкость. Потом он протянул одну чашку Кане, а сам поднял другую, произнося слова на своем языке.

Кана, не раздумывая, взял чашку. Он не мог отказаться от напитка, так радушно он был предложен. Кана, конечно, опасался действия напитка на свой организм, хотя, глотнув, не почувствовал никакого неприятного ощущения. Наоборот, его охватило тепло, постепенно распространявшееся по телу. Он опустил пустую чашку. Кана испытывал очень странное чувство, как будто вкус напитка смешался с запахом от жаровни и мягким свечением стен, как будто вкус, осязание, нюх и зрение внезапно стали гораздо острее.

Вентури закутался в свой обычный плащ.

— Идем к твоему хозяину Мечей...

Слышал ли он эти слова ушами, размышлял Кана, или они прозвучали прямо в мозгу? Он встал, наслаждаясь необычной остротой и ясностью чувств. Человек-лягушка уже спускался по веревочной лестнице во тьму. На платформе вентури опустил капюшон.

— Он в другом здании, — предупредил Кана, вспомнив о буре.

—Да...—Тень в плаще скользнула беззвучно, почти мгновенно исчезнув из виду. Кана понял теперь, как мог вентури подглядывать за солдатами.

Цепляясь друг за друга, они преодолели несколько метров, отделявших склад от их штаб-квартиры. Одежда Кана и плащ вентури мгновенно промокли от брызг.

Кана обнаружил, что не только чувства его обострились, но и реакция стала быстрее. Он одновременно подмечал очень многое, в чем раньше не отдавал себе отчета. Крыши зданий больше не казались ему одинакового зеленого цвета, они различались оттенками; звуки, раньше заглушавшиеся ревом ветра, теперь были вполне различимы.

—Кто это?—мечник в зале остановился, увидев вентури.

—Посланец к Хансу.

Хансу и два мастера-мечника сердито обернулись на звук их шагов и сразу насторожились, увидев торговца.

—Где вы...—начал было Хансу, потом обратился непосредственно к молчавшему вентури. —Что тебе нужно?

—Скорее, что нужно тебе, хозяин Мечей. Ты хочешь встретиться с нашими хозяевами Торговли. Но у меня нет права отвечать от их имени. Вот он,—закутанная голова кивком указала на Кана,—объяснил мне, почему вы здесь и что вам нужно. Дайте мне,—он указал промежуток времени в фроннианских мерах,—и я принесу вам ответ.

—Согласен,—Хансу не колебался.—Но как ты свяжешься со своими? В эту бурю...

Кана почувствовал сильное удивление вентури.

—Разве у вас нет способов общаться на расстоянии, землянин? Мы встречались с чужеземцами с других планет, но не раскрывали перед ними всех наших знаний и возможностей. Идем со мной, если хочешь, и увидишь. В том, что я делаю, нет колдовства, только разум, используемый для безопасности и удобства.

И вот Кана с Хансу вернулись в тайник, где вентури открыл маленький ящик и достал оттуда серебристый диск с рядом небольших рычажков. Манипулируя этими рычажками, он набрал нужную комбинацию. Диск затуманился, и вентури заостренным концом небольшого стержня начертил на нем несколько волнистых линий. Они исчезли с диска, его снова затянуло туманом и после некоторого ожидания на диске появились другие линии. Так повторялось четыре раза и, наконец, вентури отложил свое перо.

—Теперь весь вопрос во времени,—сообщил он земля-

нам.—Нужно подождать, пока хозяева ответят. Я лишь доложил, а они отдадут приказ.

Хансу согласился. Вокруг его рта пролегли жесткие морщины, глаза ввалились от усталости. Силы его были на исходе. Его угнетало не только будущее орды, но и нечто большее. Его цель могла оказаться важнее жизни всех арчей в галактике.

Вентури вдохнул дым от жаровни. Его золотые глаза не отрывались от землян.

—Хозяин Мечей,—обратился он к Хансу,—я могу сказать тебе, что уже десять раз по десять тенев у нас не сдились иноземные корабли...

Кана попытался перевести меры времени. Около четырех месяцев. Он сжал губы.

—Так было и в прошлом?

—Нет,—это был ответ на вопрос Хансу.—Нас не беспокоит межпланетная торговля, поэтому ее отсутствие не может беспокоить нас. Но теперь... Возможно, за этим что-то скрывается. Что же вы будете делать, если корабль не придет? Ваши враги заняли порт в Тарке.

—Сначала нужно решить одно.... Пока мне нужно поговорить с вашими хозяевами, а потом посмотрим...

Из ящика послышался слабый звук. Вентури посмотрел на диск. Хотя земляне ничего не увидели, вентури спустя несколько мгновений проговорил:

—Хозяева приглашают вас в Поулт для переговоров. И поскольку вы встретились с предательством на Фронне, сюда придут наши заложники. Вы согласны?

—Да. Когда мне отправляться?

—Сегодня к вечеру буря ослабнет. Из Поулта вышлют корабль, но нужно быть готовым к немедленному возвращению, потому что затишье продлится недолго.

—Я отправлюсь один?

—Возьми с собой еще одного человека по твоему выбору. Я бы предложил этого,—палец с когтем указал на Кана.—Он хорошо говорит на торговом языке.

Хансу не возражал.

—Да будет так.

Как и предсказал вентури, наступило затишье. Земляне с торговцем спустились к воде. Кана видел пенную линию, свидетельствующую о приближении корабля торговцев. Он появился из волн и остановился у причала с удивительной точностью. В конической башне открылся люк, и появились четыре фигуры в плащах. Трое спустились на землю, а четвертый остался на корабле.

—Это хозяин Расуф, подхозяин Рсад и подхозяин Ерол—они останутся здесь.

Хансу назвал своих мастеров-мечников, а потом в сопровождении Кана поднялся по трапу, ведущему к люку. Оттуда земляне по ступенькам спустились в зеленоватую полутьму корабля, наполненную странными шумами и запахами. Вентури-разведчик взял Кана за рукав и потащил в сторону.

—Командир корабля думает, что тебе будет интересно взглянуть в окно... Сюда.

Они прошли по коридору, настолько узкому, что землянин протискивался с трудом, и оказались в полукруглом помещении. Вдоль стен лежали широкие подушки для сидения, прерываясь только у двери. Прямо перед ними стена была из сплошного стекла, а за стеклом виднелись здания порта.

Вентури без плаща сидел на подушке, внимательно наблюдая за берегом. Он сделал приветственный знак рукой, указывая на подушки, и в это время портовые сооружения за окном стали удаляться. Путешествие к Поулту началось.

ГЛАВА XIII

ТОРГОВЛЯ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Поулт появился внезапно: зубчатые голые скалы острова как будто поднимались прямо из воды. И никаких признаков жизни.

Позволив пассажирам бросить взгляд на остров, корабль погрузился так, что даже коническая башня оказалась под водой. Землян проводили вниз и посадили в меньшее судно, где находилось двое вентури. Стенки маленького корабля задрожали, но больше никаких признаков движения не было.

Кана чувствовал тревогу. Его угнетало ощущение темного замкнутого пространства, неизвестности. Но путь был недолог, и когда люк открыли, судно находилось в подземном порту—увеличенной копии того подвала-пещеры, который земляне обнаружили на континенте. Пока их вели узкими коридорами, высеченным в сплошной скале, они не могли представить себе планировку города. Наконец, земляне оказались в помещении на вершине скалы. Одна стена помещения была прозрачной. Проводник ушел, а Кана подошел к окну, наслаждаясь открывшимся перед ним видом.

—Кратер вулкана,—заметил Хансу.

Центр острова напоминал чашу, стенки которой террасами спускались вниз. В глубине не террасах виднелись рощицы деревьев. Но нигде и следа зданий.

Где же живут вентури?..

Мастер лезвия, осмотрев растительность на внутренних стенах кратера, объяснил:

—Все их помещения в скалах.

Кана и сам уже заметил множество круглых отверстий на склонах кратера; это, по всей видимости, были окна. Он восхищенно воскликнул:

—Какое чудо! Даже бомбардировщик здесь бесполезен. Разве что пустят в ход горячее оружие...

Рот Хансу сжался.

—Когда закон нарушен один раз, второе нарушение уже дается легче.

—Использовать горячее оружие?—изумление и ужас Кана были искренними. Он мог признать измену мехов, существование борьбы за власть, в которой каким-то загадочным образом участвуют агенты ЦК, но подумать о применении атомного оружия! Земля получила слишком хороший урок во время Большого взрыва и последовавших за этим войн... Это произошло тысячу лет назад, но ничто не изгладилось из памяти людей. Невозможно представить себе землян, использующих атомное оружие—это неестественно, от одного такого предположения начинала кружиться голова.

—У нас достаточно доказательств, что это не просто заговор мехов,—безжалостно продолжал Хансу.—Мы же знаем, что такое атомное оружие, знаем по собственной истории, но другие не знают. И мы не можем исключать такую возможность...

Он вспомнил военную аксиому: никогда не исключать никаких возможностей, быть готовым к любым изменениям в будущем...

—Военный лорд,—один из вентури молча появился за ними.—Хозяева будут говорить с тобой.

Кана с беспокойством заметил, что не было проявлено гостеприимства, не сделано ни одного жеста, который можно было бы назвать дружеским. Вслед за Хансу он вошел в комнату, где их ждали четверо вентури без плащей.

Они были одеты в короткие туники из мягкой ткани сине-изумрудного цвета, на поясах укреплено оружие, все четыре верхних конечности унизаны браслетами. На некотором расстоянии сидел пятый вентури, держа в одной

руке пишущий стержень, а в другой—туманный зеркальный диск.

Перед вентури было установлено одно сидение. Хансу сел, а Кана остался стоять за ним.

—Нам сообщили, что вам нужно,—один из вентури с вышитым на тунике каким-то символом, без церемоний начал переговоры.—Вам нужно убежище для ваших людей, пока вы не установите контакт с вашими повелителями в другом мире. Почему мы должны интересоваться судьбой пришельцев, которых мы не звали на Фронн? А поскольку вас преследуют ллоры и их новые союзники, то может статься так, что, предоставляя вам убежище, мы навлечем на себя гнев хозяев Тарка.

—Разве вы с Тарком не в состоянии войны?—возразил Хансу.—Пересекая горы, мы встретились с отрядом ллоров, бежавших после нападения на порт. Мы освободили там одного вашего.

Лицо вентури не выразило никаких чувств.

—Вентури не воюют, они торгуют. А когда нет торговли, когда мир раздирается войнами, мы отступаем в свои крепости и ждем, когда положение восстановится. Так было всегда в прошлом, и такая система давала нам преимущества.

—Но разве ллоры заключали раньше союз с теми, кто может приносить войну по воздуху? Возможно, Поулт и нельзя захватить с моря. Но что если на вас нападут с воздуха, хозяин многих кораблей?

—У вас нет машин, летающих по воздуху, значит, ваши враги сильнее вас?

—Их обучали другим способам ведения войн. И не по нашему обычаю использовать их на такой планете, как Фронн. С их оружием они, если пожелают, могут захватить всю планету. Неужели вы считаете, что ваше отступление может помешать им в осуществлении их планов? Одну за другой они отыщут ваши островные крепости и обрушат на них с воздуха смерть. Они могут принести вам даже огненную смерть—это оружие, запрещенное для всех других существ, оружие такое ужасное, что чуть не уничтожило мою родную планету и на столетия отбросило мою расу к варварству,—и Хансу повторил предупреждение, уже слышанное Кана.—Если закон нарушен один раз, вторично его нарушать легче. Эти изменники нарушили наш закон, придя на Фронн, и могут докатиться до гораздо худших поступков...

—Но если вы не умеете сражаться как те, чем же вы можете быть полезны нам?

—Вот чем,—Хансу сидел прямо и неподвижно, как будто отвечал на вражеский вызов.—Сообщение о происшедшем должно быть передано хозяевам. Только у них достаточно сил, чтобы справиться с преступниками. И сообщение должно быть передано тем, кого они стали бы слушать. Дайте моим людям убежище, и я сам отвезу сообщение. Я обещаю вам, что после того, как меня выслушают, на Фронне будет наведен порядок. Здесь будет запрещено появляться чужакам с других планет, и вас предоставят самим себе, чтобы вы сами справлялись со своими делами. Разве вы не знаете, что существуют те, кто не хочет, чтобы торговля на Фронне велась только вентури? Они позволяют ллорам погубить вас, потому что ллоры невежественны в вашем искусстве, и торговцы из чужих миров быстро все захватят в свои руки. И навсегда! Вы никогда не приветствовали чужеземных торговцев, и они будут рады от вас избавиться...

Произвел ли Хансу нужное впечатление? Кана не мог этого определить. И надежда его ослабла, когда вентури ответил:

—Ты сказал очень много. Мы должны обсудить на совете. Будьте спокойны в наших водах сегодня ночью...

Последние слова напоминали традиционную формулу гостеприимства. Землян проводили в комнату с видом на террасу. В комнате две курящиеся жаровни наполняли воздух острым запахом. Вошел один из хозяев в сопровождении вентури, несшего поднос. На подносе стояли три высоких чашки и кувшин. Хозяин налил себе немного той жидкости, которую Кана уже пробовал в тайнике, а потом наполнил чашки землян. И снова Кана ощутил, как обостряются его чувства, как оживают мозг и тело. Церемониальный напиток унесли и расставили маленькие столики со множеством подносов, на которых были маленькие порции какой-то пищи.

—Эту пищу вывозили в чужие миры,—развлек их сомнения хозяин,—поэтому вы можете ее спокойно есть.

Земляне с удовольствием пробовали незнакомые блюда, заранее благодарные за перемену в своем скудном рационе. Их вкус не поддавался описанию. Вентури были искусными поварами и стремились к неожиданным эффектам. Некоторые блюда были и горячими и холодными одновременно, за резким острым соусом следовало сладкое—все это доставляло такое гастрономическое наслаждение, которого Кана, например, никогда не испытывал.

—Ваш город хорошо укрыт,—сказал Хансу и жестом указал на панораму кратера за окном.

—Мы не собирались скрываться,—поправил его хозяин.—Когда наши отдаленные предки впервые выбрались из воды, они жили в пещерах островов этого моря. Поэтому наша раса привыкла жить под землей. В нашей природе—стремление жить в закрытых помещениях поближе к воде. По мере того, как развивался наш разум и формировалась цивилизация, наши города становились такими, как Поулт. Нам плохо на сухих равнинах континентов: каждому из нас приходится выполнять там свои обязанности, но мы радуемся, когда можем вернуться домой. А ваша раса живет открыто, как и ллоры?

Хансу кивнул и начал описывать Землю, ее голубое небо, зеленые холмы и огромные пространства морей.

—Скажи мне,—поинтересовался вентури,—почему вы продаете свое искусство войне? А ведь ваша раса, вероятно, старше моей. Вы не варвары, как ллоры. И ллоры—молодая раса. Неужели вы не понимаете, что ваше занятие—напрасная трата сил, отрицание роста и добра?

—Мы рождаемся с волей к борьбе, с желанием сравнить наши силы с силами противника. Когда племя или нация утрачивает это свойство, она приходит в упадок. Мы вырвались в космос—к этой цели мы стремились в течение веков. И обнаружили, что космос не для нас, что нас считают такими же юными варварами, как и ллоров. В космос до нас вышло множество рас и племен, и они создали особый кодекс, чтобы контролировать новичков. Те, кто правит космосом, считают, что наш темперамент для него непригоден, что он—за пределами установленных границ. Поскольку мы стремились к борьбе, было решено, что наше предназначение—быть наемниками на других планетах. Мы обречены на эту службу, такова наша плата за выход в космос—быть стражами на звездных линиях.

—Мне это не кажется равной сделкой,—заметил хозяин.—А если сделка неравная, наступает день, когда она нарушается, и тот, кто обманул, вынужден искать другое место для торговли. Не так ли будет и с вашей сделкой?

—Возможно. А что произойдет здесь, на Фронне, должны решать вы.

—Пусть ваша торговля будет хорошей, а прибыль большой.

—Пусть ваши корабли всегда возвращаются в гавань,—в той же манере ответил Хансу, и хозяин покинул их.

В тот день землян больше не приглашали к хозяевам. Вскоре буря снова усилилась, и окно их комнаты в основном отражало картину беснующейся стихии.

—Как вы думаете, у нас есть шанс?—Кана осмелился прервать молчание, в то время как Хансу с отсутствующим видом смотрел в окно.

—Сейчас, по крайней мере, они обращаются с нами, как с почетными гостями. Предлагая нам еду, они признают наше равенство. А когда завосвывает один пункт, то можно продвигаться дальше. Но у них не наша логика. Мы не смогли бы догадаться, что они будут делать, поставив себя на их место. Вам, как специалисту по контактам, следовало бы знать это. Это ваше первое назначение?

—Да, сэр.

—Почему вы готовились к этой специальности?

—Мне понравился основной курс, сэр. У нас был казанский инструктор, он заставил меня о многом задуматься. К тому же меня заинтриговала логика его мышления, сильно отличающаяся от нашей. Благодаря ему я встречался с другими специалистами Х-3. Поэтому я прошел испытание по специальности и был допущен к обучению. Этот курс не слишком популярен: много лишних часов. Но, сэр, мне это обучение никогда не казалось работой. А занятия в кабинетах Х-3 интереснее, чем увольнительные в город. Встречи со специалистами Х-3 мне очень нравились, хотя у нас не одобряли...

—Дружеские связи с чужаками? Я это знаю. Лишь бы изучить минимум, необходимый для установления контактов на других планетах. Конечно, для ЦК мы—самые странные изо всех разумов.

—Дик однажды говорил что-то подобное, сэр. Что у ЦК сложилось ложное представление о землянах...

—Миллз знал, о чем говорил. Мы нарушаем закон и обычай, пытаемся на свой риск и страх вести переговоры с этими вентури. Но мы пойдем и дальше...

Когда Кана, свернувшись на подушке, собирался заснуть, Хансу все еще о чем-то размышлял у окна. Снаружи ревел ураган, но за стенами его почти не было слышно. Утром им показали место, где можно было умыться. Там был бассейн с морской водой, достаточный по размерам для плавания. Потом они снова роскошно поели. Но свидание с членами совета состоялось только в полдень.

—Мы обдумали проблему,—начал тот же самый вентури, когда Хансу занял свое место,—и согласны с большинством ваших доводов. Однако будущее полно случайностей. Наши запасы продовольствия ограничены, а свободных помещений не хватит, чтобы приютить на неоп-

ределенный период такое количество людей. Да и переместить всех землян сюда невозможно, так как корабли можно использовать в этот сезон только во время затишья.

Но и ваш враг сейчас не может действовать. Поэтому у вас есть около десяти дней, за которые вы можете изучить ситуацию и принять решение. К концу этого периода, если представится возможность отправить сообщение вашим командирам, мы согласны переправить ваших людей на Поул, и на большой остров дальше в море, на котором мы пасем наших гуенов во время сезона бурь. Вдобавок, мы снабдим ваших людей продовольствием и научим сетями ловить морских животных, пригодных в пищу.

—А что вы возьмете с нас за это?

—Слово, что вы добьетесь у своих хозяев запрета на появление на Фронне чужеземцев, ведущих войны. Чтобы чужеземцы могли появляться только с ведома вентури и чтобы вентури знали о цели их появления. Мы не хотим, чтобы Фронн стал вассалом другого мира или служил разменной монетой в сделках хозяев звезд.

—Согласен, и не только потому, что это ваши условия. Я и сам так считаю,—заявил Хансу.—Сейчас мы возвращаемся в порт?

—Через два легких периода этого дитила снова наступит затишье. Тогда вы сможете вернуться. С вами будет член совета, который будет связывать нас на расстоянии. Попутного ветра и хорошей прибыли тебе, лорд многих мечей.

—А тебе, хозяин кораблей, гладкого моря.

Наконец наступило затишье, дававшее им возможность возвратиться. Оно было таким долгим, что земляне после возвращения Хансу и Кана на континент чуть было не сделали попытку добраться до космопорта. Но вечером вновь поднялась буря...

—Мы не получали сигналов от космических кораблей,—вентури отклебнул напиток, изготовленный из растворенных в воде таблеток земного рациона.—Наши хозяева считают, что здесь больше не будут приземляться корабли. Зачем? Ведь Тарк открыт для них, а ллоры убеждают, что в будущем с нами не придется иметь дело.

—Верно,—Хансу проглотил горячий напиток.

—Но, в таком случае, вам придется изменить планы?

—Возможно, мы пойдем в Тарк.

Мимику вентури невозможно было понять, но вся его поза выражала вежливое недоверие. Только чувство такта

удержало его от вопроса, как это будет сделано. А Хансу не стал ничего объяснять.

Буря на этот раз преодолажалась не так долго, как предыдущие, и Кана знал, что теперь их сила пойдет на убыль. В полдень на следующий день вентури объявил, что можно выходить. Солдаты с радостью высыпали на открытый воздух, глубоко вдыхая прохладу зимнего дня и разглядывая груды предметов, принесенных ветром и волнами. Крик ушедшего дальше всех арча заставил всех подойти к нему. Между отдаленными зданиями, которые никто не занимал, лежали обломки машины. Как будто какой-то гигант схватил ее и скрутил, как женщина выжимает белье.

—Краулер! Это краулер!—повторял испуганный солдат. И хотя никто не спорил, всем трудно было поверить своим глазам.

Краулер—хоть и небольшая, но, несомненно, мощная боевая машина, была разбита, будто сделанная из картона.

Внешний люк был раскрыт, очевидно, от удара. Кости вскарабкался на обломки, чтобы заглянуть внутрь. Когда он выглянул из дыры, лицо его было зеленым, несмотря на загар. Он конвульсивно вздохнул.

—Тут... Тут полный экипаж на борту...—доложил он. Никто не торопился следовать за ним.

—Сколько?—внизу появился Хансу и начал подниматься на борт.

Кости неохотно еще раз заглянул в разбитый краулер. Губы его двигались при счете.

—Четыре... пять... шесть. Шесть, сэр.

—Ларсен, Богат, Ведин—займитесь. Их нужно вынести,—бросил Хансу через плечо.

—Они...—снова сглотнул Кости,—все мертвы.

—Тем не менее их нужно извлечь.

Вызванные им люди неохотно начали подниматься, а сам Хансу уже скрылся в краулере. Даже когда грязная работа была закончена и шесть тел были унесены в ближайшее убежище, Хансу все еще не был удовлетворен. Пятеро оказались мехами, и он тщательно изучал их нашивки. Но шестой, хотя и одетый в мундир мастера-меха, оказался чужаком. Внимательно осмотрев изорванный и окровавленный мундир, Хансу долго в задумчивости стоял над телом.

—Веганец!—сказал он так негромко, что если бы Кана не стоял поблизости, то ничего бы не услышал.—Веганец!

Любой землянин разделит бы его изумление при виде

тела. Из всех галактических рас веганцев меньше всего можно было ожидать здесь среди союзников землян. Ведь веганцы считают их варварами. Они не только были открыто грубы с землянами, как арктурианцы или жители планет Полярной Звезды, они просто игнорировали землян. И все же здесь был веганец в мундире меха, возможно, командовавший краулером.

—Сэр!—Кости наполовину высунулся из краулера, выводя из задумчивости Хансу.—Груз, сэр. Похоже на оружие...

Мертвый веганец был оставлен: не только Хансу, но и все земляне заторопились к разбитой машине. Ларсен показался из люка, протягивая ящик. Кости вынес его наружу. Все окружили Хансу, который, присев на корточки, ножом поддел крышку. Внутри лежали какие-то предметы, завернутые в промасленную ткань. Хансу не нужно было много времени, чтобы определить, что же это такое. Когда он развернул тряпку в его руках оказался бластер-огнемет космического образца.

—Сколько там таких ящиков?

—Три, сэр.

—Есть возможность определить, где находилось это корыто, когда началась буря?—спросил он у Кости.—Записывается ли их маршрут, как на корабле?

—Не думаю, сэр. Тут ручное управление. Но могу проверить...—и он снова направился в краулер.

—Очень далеко от Тарка, сэр,—нарушил молчание Ларсен.—И разведчик не стал бы брать с собой груз.

—Верно,—Хансу внезапно повернулся к вентури, который с любопытством смотрел на всю эту сцену из дверей склада.—Вы уверены, что никакой космический корабль не садился поблизости?

—Только не на контролируемой нами территории. Видящие зеркала сказали бы нам...

—И на расстоянии дня пути нет иной посадочной площадки? Этот краулер вез груз. Он не стал бы перевозить груз из Тарка в сезон бурь. Но он мог попытаться добраться туда от корабля, приземлившись где-нибудь поблизости, как вы думаете?

Вентури кивнул в знак согласия.

—Тяжелая и крепкая машина. Те, внутри, могли считать себя в безопасности. Ведь они не знают силы наших бурь. И если это верно, то они могли попытаться добраться до Тарка. Верно и то, что люди в Тарке—ведь ллоры предупредят их—не осмелятся уходить далеко. Я свяжусь с

хозяевами. Возможно, корабль все же приземлился,—он исчез в здании.

А несколько мгновений спустя Кости принес обескураживающее известие из машины.

—Они шли на ручном управлении, сэр. И никаких записей. Но не думаю, что это разведчик. Тяжелое оружие в чехлах.

—Почему же они не приземлились в Тарке?—размышлял вслух Хансу. Он опустил кулак на разбитую гусеницу краулера. —Все детали груза, все обмундирование и оборудование, все до последнего кусочка, принести в штаб! Может, найдем ключ. И побыстрее!

ГЛАВА XIV

СПРЯТАННЫЙ КОРАБЛЬ

Хотя было доказано, что краулер недавно выгрузили из корабля и отправился в первую поездку—может, и в Тарк—не было никаких указаний, где сел этот корабль. Именно вентури подсказал путь к разгадке.

Вентури пробрался сквозь толпу к Хансу и, не тратя времени, выложил полученное известие.

—Чужеземный корабль приземлился в шести гормелах к югу...

Пока Кана пытался перевести гормелы в земные мили, вентури продолжал,

—Он сел среди прибрежных скал и поэтому в безопасности от бурь.

—Большой корабль?—спросил Хансу.

Вентури сделал странный жест верхней парой конечностей, что у его расы соответствует пожатию плечами.

—Мы не умеем определять размеры ваших кораблей... Случайно поблизости у нас оказался пост—не торговая станция, а, скорее, наблюдательный пункт. Но этот корабль меньше тех, что прилетали раньше, и он опустился тайно во время первого затишья.

—Сорок миль...—Хансу оказался быстрее в пересчете. —Что за местность между нами?

Снова вентури «пожал плечами».

—Пустыня. И будут еще сильные бури.

—Но небольшой отряд сможет пробраться? Или, может, твой народ доставит нас по морю?

На последний вопрос последовало категорическое «нет». Береговые течения вдоль побережья не дают воз-

возможности пристать. Разве лишь в спокойный сезон. По поводу похода по суше вентури не стал высказывать своего мнения, вежливо воздержавшись от оценки умственного развития собеседника. Однако он согласился рассказать о продолжительности бурь на три-четыре дня вперед. И Хансу отправил еще одно послание хозяевам в Поулт.

В ответ сообщалось, что в следующий период затишья корабли возьмут на борт большую часть орды, а маленький отряд останется и попытается по суше добраться до спрятанного корабля. Это был отчаянный план, но перспектива возвращения в Тарк выглядела еще хуже.

Связник вентури сверил свою карту с грубо нарисованной картой Хансу и указал место, где находился корабль.

—Хозяева желают вам успеха,—закончил вентури,—вы отправитесь сегодня вечером?

—Только после эвакуации орды,—с отсутствующим видом ответил Хансу. Взгляд его блуждал по рядам солдат, собравшимся в помещении. Не все собрались на этот прощальный сбор, были больные и раненые. Но кто же из них пойдет на юг? Кана знал, что все собравшиеся думают об этом.

Он сделал собственный выбор. Кости, маленький, стройный, должен пойти. Он практически единственный в орде обладавший познаниями в технике; знал, как поднять корабль, если в него удастся проникнуть. И Хансу... Кана был уверен, что тот сам поведет отряд. Но сколько человек будет в отряде? И кто именно? В конце концов это разрешилось довольно неприятным образом. С мертвых мехов сняли мундиры, очистили их и стали подбирать людей, которым они бы подошли. И когда один из мундиров пришелся Кана по плечу, он понял, что будет в составе отряда. И не успел он решить, радоваться этому или нет, пришли корабли, переждали непродолжительную бурю и на следующий день увезли орду, оставив на пристани Хансу и пятерых солдат. Когда последняя коническая башня исчезла в воде, мастер лезвия натянул поводья оседланного гуена.

—Нужно найти убежище до начала следующей бури. Выступаем!

Круглый купол сторожевого поста вблизи порта они увидели до начала очередной бури. Но чувствовать себя в полной безопасности за стенами этого маленького здания не приходилось.

Скорчившись на полу, оглушенные ревом ветра, шестеро солдат думали, выдержит ли купол следующий натиск

бури. Гуены, тесно прижавшись к земле костлявыми телами, подняли монотонный вой, который резал землянам уши.

Прошло несколько часов—оглушенным людям они показались вечностью—прежде чем ветер стих.

—Вперед!—Хансу вскочил на ноги и начал поднимать своего гуена, который скалил клыки и сердито грызлся.

Через пять минут они были на дороге. От быстрого галопа гуенов у солдат болели тела. Но они продолжали стремительно двигаться вперед. Им везло до сих пор, и продолжало везти. Но когда собравшиеся вновь тучи показались, что им пора искать убежище, поблизости не оказалось ни одного здания.

Единственной надеждой была роща, на краю которой виднелись расщепленные пни: там особенно свирепствовала буря. Туда и направился Хансу. Пришлось извлечь крепкую веревку, которую вентури дали землянам как раз для таких случаев. Они привязали гуенов и самих себя к самым прочным деревьям.

Если предыдущая короткая остановка казалась страшным адом, то то, что происходило сейчас было вообще неопишимо. Приходилось бороться за каждый вдох. Кана утратил всякое представление о времени, он забыл обо всем, отчаянно борясь за жизнь. Потом его куда-то потащило, и он безжизненно перевернулся на спину. Его хлопали по щекам, голова его болталась, как у куклы.

—Вставай! Поднимайся!—торопила его.

Кана с трудом привел свое ноющее тело в сидячее положение. Над ним стояло трое солдат, один из которых поддерживал его окровавленную голову. Шестеро землян въехали в рощу, а выехали всего лишь четверо, ведя на поводу гуена без всадника. Из двоих погибших одного они больше никогда не видели, а второго похоронило под собой не выдержавшее бури дерево.

Доживет ли кто-нибудь из них до конца пути, размышлял Кана, взбираясь на спину гуена только усилием воли. Выдержат ли они темп, заданный Хансу? Но прежде чем пришло время снова заботиться об убежище, их путь пересекла река, на берегу которой они с радостью заметили ллорскую деревню. В соответствии с обычаями Фронна, они постучали в ближайшую дверь и попросили убежище в доме. Растянувшись на тонких подушках, солдаты погрузились в тяжелый сон, даже не поев из своих скудных запасов. Когда они проснулись, буря кончилась и деревня постепенно оживала. После разговора с хозяином лицо Хансу несколько прояснилось.

—Это последняя сильная буря. Потом будет дуть просто очень сильный ветер, какой бывает и на Земле. И мы движемся в правильном направлении! Здесь проходили два краулера, они направлялись в Тарк.

—А что они думают о нас?—Ларсен с трудом надевал на раненую голову мехский шлем.—Вас расспрашивали, сэр?

—Они считают, что мы с корабля. Я сказал, что нас застигла буря и что наш краулер разбит. Для них все земляне на одно лицо, так что они поверили. Нам нужно опасаться лишь встречи с мехами, если таковая состоится.

Через час маленький отряд уже ехал по равнине, пробираясь сквозь нанесенные бурей завалы из сломанных деревьев. Дальнейший путь землян проходил через горы, склоны которых были дочи́ста «обглоданы» ураганами. Приходилось обходить глубокие пропасти, направление движения указывала только стрелка компаса на руке Хансу. Ночь земляне провели в ущельи.

Дважды на протяжении следующего пасмурного дня они были вынуждены укрываться, спасаясь от жестоких порывов ветра, которые могли «размазать» их по скалам. Длинный обход привел землян на морской берег, где они прокладывали путь по толстому слою водорослей, принесенных бурей.

Вдруг гуен Хансу попятился и громко закричал, а потом принялся рвать когтями какое-то тело среди водорослей. Хансу от неожиданности чуть не выпал из седла. Водоросли зашевелились, из них появилась зубастая пасть, достаточная большая, чтобы вместить гуена и всадника. Туловище морского хищника скрывалось в воде. Кана инстинктивным движением мгновенно сорвал свое ружье и выстрелил в раскрытую пасть.

Челюсти шелкнули раз, другой, закипела вода вокруг огромного тела. Чудовищная помесь крокодила, змеи и кита—вот все, что успел подметить Кана. Хансу тоже выстрелил в извивающегося монстра.

Неведомое животное скрылось в море, а земляне двинулись дальше, держась подальше дальше от воды и успокаивая встревоженных гуенов.

Вскоре Ларсен обнаружил проход между скалами, и солдаты с облегчением покинули берег моря. Перед ними тянулось обширное песчаное пространство, усеянное водорослями и многочисленными, принесенными водой предметами, один из которых отдаленно напоминал небольшой

вентурианский корабль. Над ним кружили пожирателя падали, и земляне не стали осматривать его. Вслед за командиром они двинулись на юг, где начиналась удобная для езды верхом местность.

Следующий порыв бури застал арчей в узком ущелье. Пригнанная ветром морская вода пенилась у ног гуенов, но Хансу упрямо придерживался прежнего маршрута, и его настойчивость была вознаграждена: вскоре они обнаружили следы краулера. Подбодренный этим Хансу уступил и позволил отдохнуть отряду. Ночь принесла еще одну радость. Казалось, будто враги решили включить маяк и указать арчам путь: впереди ярко-желтым огнем горели лампы земного лагеря.

Оставив гуенов на попечении Ларсена, они осторожно двинулись туда, временами передвигаясь ползком, вслушиваясь во все ночные звуки. И вот они втроем лежат за небольшим возвышением, глядя на море огня, в котором с трудом можно было разглядеть хвостовое оперение небольшого космического корабля. Ничего не двигалось, не было видно никаких признаков жизни. Хансу отдал приказ:

—Оставайтесь здесь!—и прежде чем кто-то успел что-нибудь сообразить, он скользнул во тьму.

Арчи дрожали на ледяном ночном ветру, от долгого пребывания в пропитанном солью воздухе саднило кожу. Вдали отчетливо слышался шум прибора. Вокруг корабля все было спокойно. Прошло, казалось, очень много времени прежде чем вернулся Хансу. Он приказал возвращаться назад; туда, где они оставили Ларсена с гуенами. Только там, когда отряд укрылся за скалами, он рассказал о том, что успел рассмотреть в лагере.

—Корабль небольшой... общие очертания патрульного крейсера. Есть охрана, но в темноте было трудно разобрать, сколько их... Придется подождать рассвета.

Кана спал урывками, остальные тоже лишь дремали. Лежать было неудобно, но они за годы службы привыкли ко всяким неудобствам. На рассвете снова началась буря.

Гуенов оставили в глубоком ущельи. Хансу велел, чтобы их не привязывали слишком туго. Не нужно было объяснять почему. Из этого похода земляне не вернутся. Либо они улетят на корабле, либо... им больше уже не понадобятся гуены.

Они вернулись прежним путем к возвышению, чтобы снова взглянуть на лагерь. Дневной свет сделал более бледным свет ламп, и корабль уже можно было различить на фоне скал. Искусный пилот посадил его в самом центре

небольшого каньона с плоским дном. Как и сказал Хансу, корабль был похож на легкий крейсер. Такие корабли строились для Галактического Патруля.

И солдаты не очень удивились, когда заметили символы ГП на корпусе корабля. Экипаж этого корабля не мог состоять более чем из дюжины членов, а так как крейсер нес еще груз и краулеры, то жилые помещения наверняка использовались под склады.

— Это нам и нужно, — еле слышным шепотом произнес Хансу. — Но как попасть в него?

Под слегка нависающей стеной каньона виднелась пластовая палатка временного лагеря. Вот из нее вышел человек и потянулся. На нем был мундир меха и, насколько мог судить Кана, это был землянин. Мгновение спустя к нему присоединился второй. Тоже в сине-сером мундире, но по внешности — явно чужак. Длинные тонкие ноги, гибкие, будто обладающие лишними суставами, руки... Тренированный глаз Кана сразу подметил детали, указывающие на его неземное происхождение, хотя с такого расстояния невозможно было установить, с какой именно планеты этот незнакомец.

Мех почтительно посторонился, чужак прошел на открытое место и стал внимательно смотреть в устье каньона, будто ожидая появления чего-то важного. Вскоре до арчей донесли крики гуенов.

Показался отряд всадников. Гуены шли очень медленно, свесив костлявые головы до колен. Видно было, что они очень устали. Рассмотрев туземцев, Кана решил, что они не солдаты. Скорее, они были похожи на провинциальных охотников за гуенами. У предводителя за плечами торчало ружье, а остальные были вооружены лишь копьями и мечами. Вокруг талии каждого из них была обмотана веревка — обычная принадлежность охотника за гуенами. Предводитель ллоров слез с седла и тут же упал, видимо от усталости. Чужак сел на небольшой табурет, торопливо принесенный из палатки мехом. Пока спешивались остальные ллоры, падая и пошатываясь, из палатки появились еще три меха.

Ситуация была похожа на подготовку к переговорам. Дальнейшие наблюдения подтвердили эту догадку. Переговоры вели чужак и предводитель ллоров. Временами обстановка накалялась. Однажды ллор даже встал и дернул за сбрую своего гуена. Но быстрый жест и слова чужака, очевидно, успокоили туземца, и он снова уселся. Наконец, встреча подошла к концу. Ллорский вождь отдал какой-то

приказ ожидавшему отряду. Четверо ллоров встали и неохотно приблизились.

Со своей позиции Хансу не слышал ни одного слова и весь извелся, пытаясь понять суть переговоров. Но приблизиться, оставаясь невидимыми, арчи не могли.

Пока предводитель ллоров и чужак стояли в ожидании, ллоры подошли к палатке. Мехи вошли внутрь и тут же вернулись с двумя большими узкими ящиками. Каждый ящик весил двое мехов.

Хансу даже привстал на колени, и Кана подумал, не дернуть ли его за полу мундира. Но те внизу, были так заняты своим делом, что даже не поднимали голов.

Ящики передали ллорам, которые приняли их с явным отвращением и отнесли к лестнице, ведущей в люк корабля. Точно так же была перенесена вторая пара ящиков. Кана старался представить что в них лежит. Какое-то оружие? Но зачем грузить оружие в корабль? Логичнее было ожидать, что оружие составляет груз корабля. Когда рядом с лестницей были сложены шесть ящиков, чужак и двое мехов начали «колдовать» над крышкой одного из них.

—Это!..—лицо Хансу сильно побледнело, несмотря на густой загар. Он хрипло дышал, как будто взобрался по крутому склону. Его стальные глаза пристально рассматривали группу внизу. Он понял, каково содержимое этих ящиков.

По коже Кана поползли мурашки: пусть с опозданием, но он тоже догадался, что это—гробы. Когда мехи сняли крышку, показалось тело человека в черно-белом мундире Патруля.

—Но почему?..—вопрос Кана повис в воздухе. Два его товарища пожали плечами, а Хансу издал нечленораздельное мычание.

Ящики, лишенные содержимого,—оно везде оказалось одинаковым—были отнесены к дальней стене каньона. Чужак приказал уложить тела неровной линией. Хансу зашипел... иначе нельзя было назвать звук, изданный им сквозь стиснутые зубы. Для Кана действия внизу не имели смысла, но Хансу происходящее с каждым мгновением становилось все яснее. Теперь чужак отошел, поманив за собой мехов. У корабля остались лишь ллоры, как бы осматривая мертвецов.

—Он делает запись!—это произнес Ларсен и Кана убедился, что тот прав. Чужак с видеозаписывающим аппаратом в руках снимал сцену: корабль, лежащие тела, ллоров вокруг них. Запись... Кому они собирались ее показывать?

—Так вот что они задумали!—сказал Хансу. Чужак еще несколько раз провел камерой, а затем кивнул предводителю ллоров, который тут же отдал приказ. Ллоры с готовностью рассыпались вокруг. Дальнейшее было для арчей загадкой.

Два меха свернули палатку. Ее и несколько тюков унесли. Вскоре из-за скалы появился краулер, но не приближался к кораблю. Он остановился в отдалении, чужак и меха направились к нему.

Когда они поднялись в машину, она тут же двинулась по каньону на восток. Ллоры подождали, а потом сели на гуснов и поехали в противоположную сторону.

Корабль и тела вокруг него остались. И едва последний ллор скрылся, как Хансу спустился по склону, а Кана и остальные торопливо последовали за ним. Но Хансу опередил всех и уже осматривал тела. Лицо его было мрачным.

—Их застрелили,—медленно проговорил он,—застрелили из оружия арчей.

ГЛАВА XV

ЕСЛИ ХОТЬ ОДИН ИЗ НАС ВЫЖИВЕТ...

Но ведь это патрульные,—сказал Ларсен.

Трудно было поверить, хотя это и было очевидным, что возможно такое убийство. Уже слишком велик был престиж Патруля.

Эти люди были, несомненно, застрелены и не из легких воздушных ружей ллоров, не из бластеров галактических агентов, а из того особого оружия, которым располагают только арчи с Земли.

—Этот агент снимал фильм не для развлечения,—с горечью заметил Кости.—И можно представить себе, какое впечатление он произведет в некоторых кабинетах... убийство патрульных восставшими арчами...

—Я не понимаю. Зачем это все?—Ларсен пнул камень.

—Это должно стать оправданием войны с нами,—нарушил молчание Кана.—Разве не так, сэр? Правдоподобный рассказ агента, подтвержденный этим фильмом—и нас не станут слушать... даже на Прайме...

Он хотел, чтобы Хансу возразил, сказал, что у него слишком разыгралось воображение. Но Хансу лишь кивнул.

—Здесь больше смысла, чем во всех других возможных объяснениях,—Хансу встал, разглядывая корабль.—Да,

они разыграли эту сцену с отвратительной целью. И, вероятно, все сработало бы, если бы мы не оказались здесь.

—Значит, они хотят уничтожить нас?—голос Кости звучал разъяренно.—Что же мы можем сделать?

—Нарушить их планы!—Хансу сказал это весьма решительно.—Кости, поднимитесь на борт и проверьте, можно ли поднять этот крейсер...

Кости направился к лестнице, а Хансу повернулся к остальным.

—Похоронный обряд...—он указал на тела.

Они выполнили печальный обряд, как выполняли его много раз для своих товарищей за последние недели. Когда взорвались зажигательные патроны, от тел погибших не осталось никаких следов. Потом они занялись сортировкой личных вещей, чтобы позже опознать убитых. Через некоторое время в люке крейсера показался Кости.

—Первая удача, сэр! Корабль готов к взлету.

Хансу лишь кивнул, как будто и не сомневался в этом. Он был уверен, что теперь судьба позволит им выполнить свою миссию. Сложив вещи патрульных в ранец, Хансу поднялся по лестнице в маленький корабль. Двое арчей последовали за ним.

До сих пор Кана летал только в транспортных кораблях для солдат, которые были очень тесными, не приспособленными для нормальной жизни во время долгих перелетов. Но даже они казались роскошными дворцами по сравнению с этим патрульным крейсером. Веревоочная лестница, свисавшая с верхних уровней, была слишком узкой для безопасного подъема. Но арчи поднялись. Кости уже исчез на первом уровне, Хансу шел за ним по пятам.

В спертom воздухе корабля ощущались все запахи, возникающие от долгого пребывания в тесноте живых существ. Земляне прошли в контрольную кабину. Хансу указал на кресло пилота перед приборным пультом.

—Сумеете поднять это корыто, Кости?

Тот лишь оскалил зубы в широкой улыбке.

—Постараюсь, сэр.

Кости сел в кресло, Кана и Ларсен заняли противоперегрузочные сидения, а Хансу устроился на месте капитана.

—Если хотите, можете осмотреться в течение нескольких минут,—предложил Кости, может быть, потому что сам хотел получить какое-то время на то, чтобы освоиться с приборами. Потом просто некогда будет этим заниматься.

Наемники быстро осмотрели маленькие каюты экипажа. Комнаты находились в состоянии полного беспорядка. Вещи и одежда выброшены из шкафов. Кана подобрал трехмерный портрет, на который наступил один из грабителей. На него смотрело странное на взгляд землянина лицо женщины с Лиры-1.

—Прекрасно сделано,—Хансу профессионально осмотрел разгром.—Пункт В или С... ограбление помещений... произведенное бессовестными арчами.

—Вы думаете, что это настоящий патрульный корабль? Они действительно убили патрульных, чтобы обвинить нас в этом, сэр?—спросил Ларсен.

—Возможно. Хотя это уже слишком весомый аргумент против такой маленькой орды, как наша. Не настолько мы важны...—нахмурившись, он вернулся в контрольную кабину.—Есть ли здесь запись маршрута на Землю?—спросил он у Кости.

—Отправимся на Прайм, сэр? Я думал, мы полетим на Секундус...—поинтересовался новоиспеченный пилот.

—Возможно, это настоящий патрульный крейсер. Если его принесли в жертву ради нас, я хочу знать почему? И я хочу начать задавать вопросы!

—Настоящий патрульный крейсер!—Кости повернулся и нажал три кнопки на панели слева. Послышался щелчок, и ему в руки выпал маленький диск.

—Да, сэр, вот координаты Земли.

Кости вставил диск в аппарат на пульте, предварительно вынув из него такой же, видимо, с координатами Фронна.

—Привяжитесь,—приказал он.

Хансу закрепил на себе ремни командирского кресла, а Кана и Ларсен устроились в противоперегрузочных. Пальцы Кости пробежались по кнопкам и рычагам, на щите вспыхнул красный свет.

—Надеюсь, мы полетим вверх, а не вниз,—было его последнее замечание, прежде чем он нажал на кнопку старта.

Гигантская рука сжала грудь Кана, выдавливая из нее воздух. Волна боли поднялась по телу и ударила в голову. Перед тем, как потерять сознание, он успел подумать, что они не взорвались сразу и все-таки поднимаются. Кости не был опытным пилотом и придал кораблю гораздо большее ускорение, чем было нужно для подъема с Фронна. Приходя в себя и с трудом расстегивая ремни, Кана ощутил лицо: оно было в крови.

—Спящий просыпается!—Кости через плечо обернулся к Кана.—Я думал, что ты решил проспать здесь всю дорожку, парень. В этом нет необходимости: у нас достаточно помещений.

Кораблем управлял автопилот, используя программу, введенную Кости. Им ничего не оставалось делать, как есть, спать и жить в неудобных помещениях, привыкая к земному тяготению и климату. После путешествия они смогут жить в собственном мире без специального периода адаптации.

—Долго ли мы будем лететь?—спросил Ларсен.

Все трое выжидающе посмотрели на Кости, но тот только пожал плечами.

—Возможно, четырнадцать-пятнадцать дней. Эти малютки пожирают пространство... Патрульные крейсера созданы для скорости.

Пятнадцать дней... Кана, растянувшись в гамаке одной из кают, имел возможность подумать спокойно без необходимости принимать немедленное решение. Грязная история... и злобещая. По каким-то неизвестным причинам чужак в мундире меха организовал убийство патруля на Фронне. Кана был уверен, что корабль и его мертвый экипаж оставлены сознательно... чтобы быть обнаруженными в какой-нибудь драматический момент. Патрульные застрелены из ружей арчей... на планете, куда орда арчей получила назначений. Но зачем все эти сложности? Зачем пытаться дискредитировать землян, если их так легко можно было уничтожить?

Такая сложная подготовка означала, что не только изменники меха, но и агенты в их мундирах имели основания опасаться людей Йорка. Рассказ об убийстве Йорка и его офицеров? Вряд ли. Никаких доказательств не было. Даже если бы и был свидетель, его вряд ли стали бы слушать. Зачем... зачем потрачено столько сил на организацию этой фальшивки?

Возможно ли—рука Кана инстинктивно потянулась к рукоятке меча—возможно ли, что взаимоотношения между Землей и ЦК зашли в тупик? Неужели ЦК пытается не только физически уничтожить силы Земли, но и представить землян другим расам как изменников и убийц? Возможно, им выпал единственный шанс раскрыть заговор ЦК. Может быть, это последняя возможность открыто выступить против политики ЦК, который раз и навсегда отвел землянам в космосе роль наемников. Это была надежда, пусть весьма призрачная, но в этот час Кана почув-

ствовал, что она есть, и он поклялся себе, что, когда он в следующий раз окажется в космосе, на нем не будет навязанного ему серо-зеленого мундира.

Корабль вышел из искаженного пространства, но из-за неопытности Кости и неточности вычислений им оставалось еще целых два дня пути до Прайма. Слабое «биип» привлекло внимание Кана и Ларсена к экрану над контрольной панелью. Хансу и Кости спали и некому было объяснить появление крошечной точки света, движущейся по темной поверхности. Кана пошел поднимать Кости.

—Мы больше не одни, кто-то хочет посмотреть, как мы перенесли полет,—пилот поневоле протер глаза. Но взгляд на экран полностью разбудил его.

—Поднимите Хансу!—резко приказал он.

Когда Кана вернулся с Хансу, слабое «биип» превратилось в настойчивое гудение.

—Можете установить связь?—спросил Хансу.

—Если хотите. Но здесь не может быть торговых кораблей. Мы на крейсерском курсе. Должно быть, это другой крейсер.

Находясь на любой планете, вооруженные, они бы знали, что им делать перед лицом потенциального врага. Но в космосе они были беспомощны.

—Установить контакт?—спросил Кости.

Хансу задумчиво смотрел на экран, будто надеясь прочесть там «имя, ранг и условия назначения».

—Этот экран,—он ткнул пальцем в прибор,—может использоваться только для приема, или же мы автоматически начинаем передавать, как только включаем его?

—Может быть односторонний прием, но это покажется подозрительным.

—Пусть думают, что хотят. Нам нужно немного времени, несколько быстрых ответов, прежде чем они увидят наши лица. Выключите телеизображение.

Кости нажал несколько кнопок. Яркая световая волна пробежала по экрану, и они увидели скуластое лицо гуманоида с Проциона. На его безволосой голове красовалась фуражка патрульного офицера со знаком «звезда и комета», означавшем высокий ранг.

—Что за корабль?—спросил он с бессознательным высокомерием чиновника ЦК. Он их не видел, но, должно быть, понял, что обращается к землянам. Возмущенные тоном офицера, арчи переглянулись. Хансу взял микрофон у Кости.

—Это патрульный крейсер, название и регистрацион-

ный номер неизвестны,—он говорил медленно, без выражения, произнося каждое слово на торговом языке, пытаясь скрыть свой акцент.—Мы нашли его покинутым и возвращаемся соответствующим властям.

Патрульный офицер не назвал его открыто лжецом, но на его лице ясно читалось недоверие.

—Вы направляетесь не на базу Патруля,—резко заявил он.—Какова ваша цель?

—Как будто он что-то знает... или подозревает,—прошептал Кости.

—Мы доложим нашим старшим командирам в соответствии с законом,—продолжал Хансу.

Узкое лицо начало злоедеюще удлиняться.

—Земляне!—слово было произнесено, словно грязное ругательство.—Приготовьтесь к принятию отряда на борт...—его лицо исчезло с экрана.

—Ну, вот и получили,—уныло заметил Кости.—Если мы попытаемся уйти, то они нас сожгут из своих мощных пушек.

—За мной!—Хансу уже был на полпути к двери.

Остальные последовали за ним. Вне поля искусственной гравитации они добрались до переборок. Хансу открыл аварийный люк к шлюпкам. Кана с недоверием смотрел на шлюпки, борясь с боязнью оказаться в закрытом пространстве.

Хансу остановился у ближайшей шлюпки.

—Кости, возьмите вторую. Это удваивает наши шансы донести рапорт. Если хоть один из нас выживет, он обязан добраться до Прайма. Наша неудача может означать... в определенном смысле... гибель всей Земли. Дело важнее всех нас. Ларсен, полетите с Кости. Введите маршрут на Землю. Приземлившись, двигайтесь к Прайму. Если сумеете, выпросите, займите, украдите транспорт. Спросите Маттиаса, доберитесь до него, даже если по пути придется убивать. Понятно?

Ни один мускул не дрогнул на лицах ветеранов, когда они услышали этот необычный приказ. Хансу втиснулся в шлюпку, и Кана неохотно последовал за ним. Им обоим пришлось приложить всю силу, чтобы закрыться изнутри. Затем Хансу пробрался в сидение пилота, а Кана занял второе кресло.

Хансу установил указатель на небольшой шкале перед собой, трижды проверил показания всех приборов и включил двигатель, который должен был выбросить шлюпку из корабля. Сила удара была почти такой же, как при взлете

с Фронна. Грудная клетка Кана напомнила о себе резкой болью. Когда он смог повернуть голову, то увидел, что Хансу лежит, уперев ладони в подбородок, а глаза его устремлены на приборы.

—Мы свободны? Нам удалось уйти?—недоуменно спросил Кана.

—Пока мы живы,—иронически ответил Хансу.—Если бы они заметили наш уход, от нас бы уже остались угольки. Будем надеяться, что еще некоторое время их внимание будет сосредоточено на судне.

—Но почему, сэр? Патруль обычно не стреляет сразу. Офицер произнес «земляне» так, будто мы ломбросские мучные черви...

—Вас не должно удивлять, Карр, что некоторые «высшие расы», те, что правят в совете ЦК, именно так нас и расценивают, неофициально, конечно.

—Но закатане не такие... Рей и Мик дружили с лупаном на Секундусе...

—Конечно. Я могу назвать тысячу разновидностей и рас, которые принимают землян как разных, если мы отвечаем им тем же. Но не упускайте из виду двух обстоятельств, причем очень важных. Системы, для которых мы—персоны «нон грата», населены гуманоидными расами, и эти расы давно вышли в космос, они пионеры Галактики. В них глубоко скрывается чувство, в котором они не признаются даже себе—страх.

В древности на Земле, до атомных войн, мы были разделены на расы. Разница, отчасти, определялась цветом кожи, чертами лица и т.д. В свою очередь, эти расы делились на нации, которые возвышались и удерживали под своей властью целые континенты, иногда на столетия. Но когда проходило время, каждая из них теряла свою власть. Узда выскальзывала из ее рук. Почему?

Потому что сильные энергичные бойцы, создавшие эти империи, умерли, а их сыновья и сыновья их сыновей были уже другой породы. Некоторое время после ухода сильных бойцов империя еще существует, как хорошо налаженная машина может работать по инерции. Затем детали машины начинают изнашиваться, необходима смазка, а нет никого, кто имел бы желание и силы произвести ремонт и снова отрегулировать механизм. И вот побеждает новая, более молодая нация, чаще всего такое случается после любой войны. История движется вперед сменой таких империй—старые империи уступают место молодым.

Теперь возьмем галактические расы, с которыми у нас

наиболее близкие отношения. Все они не нашего вида. Нам нравятся закатане, пресмыкающиеся по происхождению; у нас хорошие отношения с тристанами, далекие предки которых были птицами; юбанами, потомками кошачьих. И все они—новички в Галактике.

Но—я это очень важно—у них разные цели, желания и вкусы. Зачем закатанину беспокоиться из-за того, что проходит время, торопиться что-нибудь сделать, как это делаем мы? Продолжительность его жизни близка к тысяче лет, он может позволить себе посидеть и подумать. А мы не можем. Но мы—не угроза для него и его образа жизни.

—Но, сэр, вы же не считаете, что мы похожи на тех гуманоидов с Арктура и Прочиона? Их цивилизации очень древние, но в основном развивались так же, как и наша.

—И они уже обнаруживают признаки упадка... Да, мы им угрожаем—нашей молодой бьющей край энергией, нашей волей к борьбе—всем тем, что они открыто порицают в нас. По масштабам галактики Земля—очень юная планета. Поэтому более развитые цивилизации встречают нас настороженно. Их цель—оградить нас стеной, но на законном основании, заставить нас придерживаться определенных рамок, подчиняться решениям ЦК. Они стараются ослабить наши силы в бесконечных ненужных войнах, ослабить расу, которая в будущем может бросить вызов им. И, поскольку они боролись за звездный союз, укрепляли его, мы вынуждены были принять их условия—на время.

—На время, сэр?—взорвался Кана.—Три столетия мы играем по их правилам...

—Что такое три столетия на галактических шахматных часах?—спокойно возразил Хансу.—Да, триста лет мы подчиняемся их приказам. Но только сейчас они начинают понимать, что их замысел не удался. Я не уверен, что мотивы их действий ясны даже им самим. Они так долго играли во всемогущих богов, что сами в это поверили. Они считают, что не могут ошибаться. И до сих пор действовали против нас исподтишка—до сих пор...

С самого начала у нас появились друзья и со временем их становилось все больше и больше. И эти друзья начнут задавать вопросы, если Земля будет осуждена и приговорена к заключению в границах собственной системы. Возможно, сверхцивилизациям и неловко принимать такое решение. Но если бы они смогли, то отрезали бы нас от мира. Землян не принимают в патруль—это служба для «высших» рас. Торговцы не позволяют нам вступать в их

компании. Даже войны, в которых мы участвуем, в конечном итоге ничего не решают, хотя мы и погибаем в них. Самое современное вооружение мехов очень устарело по сравнению с оружием, скажем... жителей Ригеля-6.

—Но, сэр, зачем этот ход с крейсером?

—Либо какие-то горячие головы в Совете начинают действовать на свой страх и риск, либо они начали понимать, что земляне не совсем такие, как они думали,—Хансу повернул голову и оценивающе посмотрел на Кана.—Как вы думаете, зачем нам обучение класса Х-3, почему специалист по контактам—обязательный член любой орды или легиона?

—Ну... ведь и на других мирах нужны связные офицеры, сэр.

—Это официальное объяснение... ни один агент контрроля не сможет его оспаривать... Но каждый землянин со склонностью и соответствующим темпераментом для работы по классу Х-3, отмечается и подвергается классификации с того момента, как успешно прошел тесты. Ему создают все условия для обучения. Его побуждают вступать в дружбу с представителями других рас. И когда он подписывает назначение, командиры предоставляют ему возможность изучать другие планеты.

—Так вот почему вы хотели, чтобы я вступил в контакт с вентури, сэр?

—Да. И именно поэтому вы побывали в Поулте. Мы давно знаем, что должны располагать как можно большим количеством специалистов по контактам. И чем шире знакомство с другими формами жизни, тем лучше для нас. Если нам придется бросить вызов ЦК, мы не должны быть одиноки. Чем больше рас будет дружески относиться к нам—тем для нас лучше. Мы должны готовиться к другой роли. Что если в будущем Земля будет поставлять не солдат, а исследователей?

—Исследователей?

—Группы тренированных специалистов по освоению вновь открытых планет, чтобы подготовить эти планеты к заселению, если на них нет собственной разумной жизни. Группы, члены которых будут подбираться по индивидуальным данным. Люди не будут служить в Патруле, не станут торговцами или полицейскими, они будут прокладывать путь в иные Галактики. Группы разведчиков будут состоять не только из представителей нашей расы. В них объединятся разные расы, склонные к телепатии, технике, может, даже совсем негуманоиды.

—Вы думаете, что это возможно, сэр?—спросил Кана, находя в этих словах отзвук своей мечты.

—Почему бы и нет?! И, возможно, это время не так уж далеко. Нам бы только добраться до Маттиаса с сообщением о событиях на Фронне, и у него будут весомые аргументы в разговорах с командирами. Предположим, все орды и легионы, рассеянные по всей Галактике, получают приказ восстать. Эта ситуация обеспокоит ЦК и положит конец тому миру, который они так тщательно выстраивали по своим правилам и так бережно охраняли. Дешевле будет позволить нам идти своим путем, чем бороться с восстаниями сразу на сотнях планет.

—До меня доходило множество слухов, сэр, но ничего о восстании...

—Надеюсь, что и не дойдет,—заявил Хансу.—Большинство солдат консервативны. И мы, земляне, в течение уже нескольких поколений ведем такую специализированную жизнь. Солдаты не очень интересуются тем, что происходит за пределами их орды или легиона. В Прайме пытаются расшевелить людей, так распределить среди них назначения, чтобы растревожить их. Но эта история на Фронне свидетельствует о грозящей нам опасности. Как только станет известно, что землян с одобрения ЦК можно повернуть против землян, что мех может охотиться за арчем...—И Хансу кулаком ударил по своей подушке.—Время! Нам нужно лишь время! Мы должны добраться до Маттиаса, а он подожжет шнур!

ГЛАВА XVI

ДОРОГА НА ПРАЙМ

В связи с вынужденным бездельем время для двух землян в спасательной шлюпке тянулось очень медленно. Они могли только плотать свои питательные таблетки, спать в единственно возможной позе и разговаривать. Хансу оказался очень интересным рассказчиком. Его воспоминания о своей бурной жизни наемника могли составить содержание не одной книги...

Кана заставлял себя сконцентрироваться на каждом слове, как будто ему предстояло сдавать экзамен по этим лекциям, потому что так ему легче было забыть настоящее, забыть, что они заключены в скорлупке, которая может и не достичь Земли. К тому же он знал, что его товарищ щедро делится с ним знаниями, которые самому Кана

предстояло бы добывать десятилетиями. Он учился у замечательного специалиста класса X-3, объяснявшего самую суть их дела.

—... поэтому они принесли жертву в ночь двойной луны, а мы спрятались в холмах и следили за ними. Получилось не совсем так, как мы ожидали...

Резкий щелчок прервал Хансу. На приборном щитке ярко вспыхнула красная лампа. Они входили в атмосферу.

Кана пытался расслабиться. Самое страшное—возможность миновать свою планету и вечно странствовать в пустоте—теперь позади. По-прежнему, сделать ничего было нельзя. Спасательные шлюпки полностью автоматизированы. Они рассчитаны на то, что те, кто в них передвигается, часто не в состоянии сами управлять полетом. Маленькие кораблики должны совершить безопасную посадку без участия своих пассажиров. Приходится верить в это. Где они приземлятся? Кана отупело разглядывал изгиб металлического потолка. Неудачная посадка, допустим, в море... Но ждать им осталось не так уж долго.

—Надеюсь, мы приземлимся не слишком далеко от Прайма, сэр,—Кана старался, чтобы его голос не дрожал.

—Я тоже.

Когда они сели, Кана обнаружил, что свисает головой вниз из своих креплений и, испуганный этим, попытался разъединить их на себе. На помощь подоспел Хансу и поставил его на ноги. Задняя стена узкой кабины превратилась в пол, а крышка люка, через которую они вошли, теперь была в боковой стене. Хансу начал открывать ее. Они прошли через шлюз и открыли наружный люк, но отпрянули назад при виде пожара. Хансу с угрюмым лицом захлопнул наружный люк.

—Тормозные ракеты...—пробормотал он.—Когда мы приземлились, они вызвали пожар.

Огонь... Корабль, должно быть, окружен огнем. Но тут Кана вспомнил один из рассказов Хансу.

—Разве термोकостюмы не входят в обязательное оборудование спасательной шлюпки, сэр?

—Верно!—Хансу направился обратно в кабину.

Стены были сплошными, проверка показала, что в них нет никаких углублений. Оставалась обивка сидений. Кана потянул ее и губчатый матрас поддался. Он был прав! В основании каждого сидения хранились костюмы.

—Они нам тесноваты,—Хансу осматривал находку.—Но некоторое время выдержать можно.

От обоих потребовалась акробатическая ловкость, что-

бы в тесном помещении забраться в эти громоздкие одеяния. Но они все-таки сумели проделать это, и Хансу отрегулировал температуру внутри.

— Будем надеяться, что огонь носит местный характер. Когда будете выходить, постарайтесь как можно дальше отпрыгнуть от корабля.

Кана кивнул и надел шлем.

Хансу пошел первым, на мгновение задержался в наружном люке и исчез. Кана быстро последовал за ним. Он прыгнул в огонь, упал на одно колено, встал и неуклюже побежал вперед, подальше от корабля.

Он бежал мимо деревьев, кроны которых были охвачены пламенем, стараясь не зацепиться за корни и упавшие стволы. Густой слой дыма закрывал окружающее. Сначала Кана страшно было входить в огонь, но костюмы были надежны, он стал увереннее и больше уже не избегал пламени, пересекавшего тропу, которую он для себя наметил.

Неожиданно деревья кончились и Кана оказался на открытом месте на краю утеса. Внизу была видна дорога, а на ней — необычная фигура, в которой Кана с трудом узнал Хансу.

Кана уже собирался начать спуск, но человек внизу взмахом руки привлек его внимание, а затем указал на пояс. Кана понял и поискал кнопку на своем поясе. Потом он подошел к краю обрыва и опустился рядом с Хансу на дорогу. Жаль, подумал он, что эти костюмы имеют только антигравитационный пояс и не снабжены ракетным ранцем. По окружающей местности похоже, что они находятся в Диких Землях и им потребуется немало времени, чтобы добраться до цивилизованных мест.

Клубы дыма закрывали дорогу, поэтому они остались в костюмах. Возможно, им еще раз придется пройти через огонь. Но дорога шла по скалам, где не было пищи для огня. Судя по растительности, они находились где-то в северо-восточной части древнего Северо-Американского континента — по крайней мере, Прайм находился на этом же континенте. Местность уже почти тысячу лет пустынна после атомных войн. Рассказывали о странных мутантах, развившихся здесь и даже после того, как человечество вернулось с островов Тихого океана и из Африки, тут все еще оставались обширные неисследованные местности.

Кана надеялся, что Хансу больше, чем он сам, знает об этой местности и что они не просто идут дальше в пустыню. Может, лучше было оставаться у корабля и ждать появления пожарных, патрулирующих эту территорию?

Оказалось, что Хансу не знает, куда идет, просто удачно угадал направление. Дорога спускалась к широкой реке. На другом берегу виднелись желтые поля. Беглецы перешли через мост и со вздохом облегчения стянули костюмы. С огромным удовольствием вдыхали они родной воздух Земли. Кана и не догадывался, какое это счастье, пока ему не пришлось попробовать разреженную атмосферу Фронна. Под действием теплого воздуха и солнечных лучей у него даже слегка закружилась голова. Он снова дома, а это сейчас важнее всего.

—Где-то поблизости должна находиться уборочная станция,—сказал Хансу.—Там можно найти телепередатчик. И если удастся—вызвать коптер из Прайма...

—Далеко ли мы от Прайма, сэр?

—Думаю, недалеко. Дикая местность находится к северу от центра.

Они шли по дороге мимо желто-коричневых полей, уходивших за горизонт. Кролик проскакал мимо них, остановился, подергивая от любопытства носом. Над головой пролетали стаи птиц. Кана пробормотал:

—Когда-то это была густонаселенная страна.

—У древних всего было в изобилии—жизни столько же, сколько и смерти. Они размножались быстрее, чем убивали в своих войнах. Ага, вот и станция.

Здание укрывалось среди деревьев, поблизости блестело озеро—оазис прохлады среди ослепительно-желтого зноя. Пшеница уже созрела. Но в здании станции никого не оказалось. В комнатах и залах гулким эхом отдавались их шаги. Пока Хансу искал передатчик, Кана пошел на склад продуктов. От станции к озеру тянулась полоса зелени, обрамляющая узенькую тропинку.

Повинуясь неожиданному импульсу, Кана свернул туда. Ветерок шевелил его волосы. Было тихо и мирно. Кана медленно расстегнул и со вздохом облегчения сбросил одежду. Он стоял на самом берегу озера. Длиннокрылые насекомые бегали по его спокойной поверхности. В глубине мелькали быстрые черные тени рыб. Мир... дом... тишина... Кана протянул руки к воде.

На ладони лежал нож милосердия, все эти недели его тускло блестящая сталь холодила кожу на груди Кана. Он медленно перевернул руку вниз. Нож выскользнул и ушел в темную прохладу, полоска взбудораженного ила обозначила место его падения. Но когда Кана еще раз взглянул туда, то ничего не увидел: нож навсегда исчез. Да покоится он в мире! Кана сполоснул руки, он

наслаждался, чувствуя упругое сопротивление воды, почти забытое состояние покоя. Может, мечты Хансу о будущем человечества никогда не осуществляются, но Кана принял решение: если он когда-нибудь и полетит к звездам, то не в мундире наемника. Открывая холодильник и перенося продукты в кухонный автомат, он беззаботно насвистывал что-то. Пока им везет. Они добрались до Земли, теперь осталось только связаться с Маттиасом в Прайме. Все остальное будет совсем просто. Он с улыбкой встретил входящего Хансу, но у того было серьезное лицо.

—Связались, сэр?—спросил Кана, раскладывая еду по тарелкам.

—Да. Легко. Слишком легко...

—Слишком легко, сэр?

—Как будто кто-то ждал нашего вызова. Мы не станем дожидаться коптера...

—Почему?—Кана опустил кастрюлю.

—Почему я так решил? А что заставило нас насторожиться перед тем, как наводнение чуть не захлестнуло нас в горах Фронна? Как вы догадались, что укрытие вентури находится на крыше склада? Шестое чувство? Откуда мне знать? Но я знаю, что здесь нам оставаться нельзя.

—Но, сэр, на открытом месте нас легко обнаружат,—Кана со вздохом встал из-за стола.

—Здесь в гараже должен стоять хоппер. На таких станциях они обычно бывают,—и Хансу направился в гараж.

И снова он оказался прав. Две наземных машины, каплеобразные, с закругленными носами, стояли, накрытые кожухами, но полностью готовые к использованию. Через несколько минут можно будет выезжать. Хансу снял со стены тускло-зеленый комбинезон и бросил его Кана. Себе он взял такой же. Теперь они вполне сойдут за полевых рабочих.

Хоппер вывернул на дорогу и начал поглощать мили. Сверху, если за ними будет следить коптер, невозможно отличить их машину от других. Начинался сезон уборки урожая и движение на дороге усилилось... Хансу сбросил скорость, довольный тем, что они затерялись в веренице машин, приближавшихся к Прайму. Кана заметил, что большинство грузовиков везут продукты—эти продукты отправят вскоре в космос многочисленным ордам и легионам. Земля так долго специализировалась на снабжении наемников всем необходимым... Что произойдет, если орды и легионы перестанут существовать? Сколько времени потребуется, чтобы перестроить всю экономику и направить энергию Земли в другое русло?

Кана задремал. Ему даже во сне было жаль того, что они так и не успели попробовать: настоящую земную пищу, свежую, горячую...

—Что случилось?

Голова Кана дернулась, глаза открылись. Но Хансу обращался вовсе не к нему. Он спрашивал водителя соседнего грузовика. Они стояли в длинной колонне грузовиков и пассажирских хопперов. Хансу выслушал ответ и медленно повернулся к Кана.

—Впереди осматривают машины.

—Ищут нас, сэр?

—Возможно. Будем надеяться, что они ищут обычного беглеца, бегуна.

«Бегун», подпольный делец, занимающийся изготовлением и сбытом наркотиков, тип преступника, на которого нацелена вся земная полиция. Если полиция ищет бегуна, каждая машина на этой дороге будет осмотрена, у каждого человека потребуют удостоверение личности. Один взгляд на их оружие, на мундиры под комбинезонами—и их тут же задержат. К тому же, возможно, именно их и ищут.

—Может, свернуть куда-нибудь, сэр?

Хансу покачал головой.

—Если мы попытаемся это сделать, то тут же выдадим себя. Хотел бы я знать, кто командует заставой.

Если Маттиас состоит членом загадочной организации, борющейся за освобождение Земли, как намекал Хансу, тогда должны быть и другие ее члены, рассеянные среди массы солдат. Хансу может попросить у одного из них помощи... если тот здесь окажется. Но какова вероятность этого?

По краям дороги вперед шли люди, желая знать, чем вызвана задержка. Хансу посмотрел на них и вышел из хоппера. Он шел тяжелой походкой, маскируя легкий шаг тренированного солдата. Кана отошел в поле, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди. Да, застава. Блестят серебром на солнце шлемы полицейских. Уже вторая половина дня. С наступлением темноты... если только они не дойдут до заставы за светло... Кана принялся осматривать поля, оценивая местность, обещавшую им свободу.

Впереди были установлены лагерные лампы. Они тянулись вдоль дороги, примерно на четверть мили. Но освещение не достигало того места, где стоял их хоппер. Тут до него донесся гул мощной машины. Кана засек время. Да, похоже на регулярные объезды. Необыкновенно тщательная засада на бегуна, ему не приходилось о таких слы-

шать. Значит, бегун высшего класса. Но Кана не верил в это. Эти главари подпольной индустрии не путешествуют и стараются не рисковать. Полиция ищет другую добычу. Какую же? Их?

Некоторые водители, громко жалуясь, уже возвращались. Очевидно, никто из них не получил объяснений от полиции. С ними был и Хансу.

—Патрульный коптер ходит вдоль дороги,—доложил Кана.

—Да,—Хансу знаком велел ему забраться в хоппер.—Нужно думать, и побыстрее.

—Они действительно ищут бегуна?

—Я считаю, они ищут нас.

Кана неожиданно почувствовал озноб.

—Но почему, сэр? Земная полиция не стала бы разыскивать нас по приказу ЦК: нужно подтверждение нашего штаба. А на это потребовалось бы слишком много времени.

—Не спрашивайте, почему и как!—в этой реплике выплеснулось раздражение Хансу.—Нам хотят помешать увидеться с Маттиасом, готов поклясться!

—И тот, кто хочет этого, достаточно влиятелен, чтобы привести в действие полицию. Теперь наша поимка—только вопрос времени, сэр. Разве что в темноте...

—Да, темнеет. Это наша единственная надежда. Там обыскивают всех.

А на них мехские мундиры, и никакой возможности их спрятать или уничтожить.

Хансу открыл маленький ящик и достал карту района, которая обязательно находилась в любом хоппере. Он пальцем провел на карте линию, соединяющую место их пребывания и конечную точку маршрута, а затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Между его бровями пролегла глубокая морщина. Солнце почти зашло, но колонна машин перед ними так и не двигалась. Все больше и больше людей выходило на поля. Время от времени кто-то из них возвращался к своему хопперу или грузовику, наверное, чтобы позвонить хозяину и сообщить о задержке. Кана спросил Хансу:

—А мы сможем в темноте?

—Выбраться отсюда? Да, я в этом уверен. Но добратся до Прайма—это другое дело. Если нас ищут, Прайм закрыт так же надежно, как взлетевший крейсер. Карр, что вы учили по истории о довоенных городах?

Хотя Кана не понимал, какое отношение имеет древ-

няя история к их теперешнему положению, он послушно пересказал то, что помнил.

— Древние строили здания, башни, открытые непогоде... пузырчатых куполов не было. Я всегда удивлялся, как они выдерживают...

— А что под землей?

Под землей? Он запомнил башни как нечто необычное. Но во время атомных войн большинство выживших людей жило под землей. Во время обучения он прослушал об этом лекцию только однажды, да еще в какой-то жаркий-жаркий полдень. Помнится, тогда ему очень хотелось уйти с занятий с закатанином, который ему нравился больше, чем скучный инструктор-землянин. И все-таки, что же они делали под землей?..

— Они иногда ездили под землей, сэр. По трубам, проходящим под их городами.

— Что делают эти люди?

Кана посмотрел в поле.

— Разжигают костер, сэр. Я думаю, они собираются открывать неприкосновенные запасы продуктов.

Хансу вырвал карту из креплений.

— Мы присоединимся к ним, Карр. Держите рот закрытым, а уши открытыми. И следите за полицейским коптером. Нужно знать, когда его ожидать.

Хотя некоторые водители еще ворчали, большинство смотрело на вынужденную остановку как на неожиданный подарок. Связавшись с хозяевами, они сняли с себя ответственность и могли себе позволить больше не волноваться. Поэтому вокруг костра царил непринужденная атмосфера.

— Да, я давно водитель, — громко говорил высокий рыжеволосый мужчина, — но если полиция велит останавливаться, я останавливаюсь. И хозяин меня не ругал. Сказал только, чтобы я потом попытался наверстать упущенное время.

Один из его товарищей покачал головой.

— Не пытайся ехать по старой дороге ночью, это опасно. После того, как построили эту новую дорогу, за ней больше не смотрят и теперь там сплошные выбоины.

Хансу смешался с группой, настолько усвоив манеры поведения и разговора, как будто всю жизнь только тем и занимался, что водил грузовик. Прекрасный пример работы специалиста класса Х-3, решил Кана. На Фроне Хансу встречался с ллорами и вентури как равный, здесь он сразу адаптировался среди совершенно незнакомых людей.

—Дорога через реку,—обратился он к рыжему,—это прямой путь на Прайм?

—Да,—водитель оценивающе взглянул на него.—Ты новичок здесь, парень?

—Буду работать в Прайме. Сейчас перегоняю хоппер с запада, местность незнакомая...

—Речная дорога, если ее не знаешь, опасна. Старая, говорят еще довоенная. Прошлым летом там копались парни из Прайма, что-то древнее нашли. Можно сократить путь на тридцать три мили, но ехать опасно...

—Опасно!—подхватил другой.—Да это же просто ловушка! Чтобы ни говорил хозяин, там лучше не ездить в темноте. Никогда не забуду эти провалы. Такие выбоины, что целиком проглотят колесо грузовика. Впрочем, если ехать медленно и освещать дорогу, все обойдется. Нужно свернуть налево в двух милях отсюда...

—Могут еще встретиться провалы?

—Конечно. Там вдоль дороги какие-то руины. Слушай, парень, как минуем заставу, держись рядом, и я покажу тебе.

Хансу поблагодарил и постарался незаметно исчезнуть, а разговор зашел о лесном пожаре, который шоферы видели днем.

Мгновение спустя Хансу сжал руку Кана.

ГЛАВА XVII

ПЛЕННИКИ

—Коптер?

—Летает с нерегулярными интервалами, сэр. Может показаться в любую минуту.

—Плохо. Если бы мы знали местность, то могли бы разойтись и попытаться пробыть поодиночке.

—А вы знаете местность, сэр?

—Достаточно, чтобы добраться до Прайма незамеченным. Только бы выбраться отсюда.

—Нам нужно чем-то отвлечь внимание, сэр.

—Гм...—их разговор был прерван криком от заставы, водители бросились к своим машинам, и колонна медленно тронулась.

Кана забрался в хоппер, не видя выхода из их тяжелого положения. Хотя наступила темнота, костер в поле освещал местность, а если они еще немного продвинутся вперед, то окажутся на освещенном участке.

—Эй!—Хансу высунулся на окрик.—Хопперы держатся справа,—сказал кто-то из темноты.—Это новый приказ. Подождите, пока впереди освободится место и выбирайтесь к полю.

Неужели полиция установила, что беглецы движутся в хоппере? Кана не в первый раз за долгий день пожалел, что у них нет бластера. Они совершенно безоружны, даже нож милосердия...

Но Хансу уже действовал. Из-под комбинезона он извлек трехдюймовую трубку. Медленно и тщательно облизал ее и вставил под контрольную панель. Грузовик перед ними продвинулся на несколько ярдов. Хансу повернул хоппер вправо и тут же отдал приказ товарищу,

—Снимите обивку заднего сидения и дайте сюда!

Кана повиновался. Они съехали с дороги на поле. Перед ними и сзади них появлялись другие хопперы.

—Готово!—Хансу установил ручку управления и пинком отворил дверцу.—Прыгай!

Кана распахнул заднюю дверь и выпрыгнул, ударившись о землю. Он несколько раз перевернулся, царапая кожу. Еще не погасив инерцию падения, он пополз вперед. В это мгновение темноту ночи прорезала вспышка огня, прогремел взрыв. Послышались крики. Кана закрыл лицо и замер, услышав гул полицейского коптера.

Когда тот пролетел мимо, Кана пополз дальше, направляясь к ивовой рощице у ручья, которую он заметил раньше. Каждую минуту ожидая оклика, он тем не менее благополучно добрался до ручья.

Оглянувшись, он посмотрел на дорогу. Хоппер, подожженный запалом Хансу, ярко пылал. Грузовики опять остановились, и вокруг горящей машины собралась толпа. Очень удачно получилось. Только... удалось ли Хансу уйти так же легко?

Кана пополз вдоль ручья на восток. В том направлении находится Прайм. Если он и сумеет отыскать Хансу, то только там. Кана показалось, что впереди что-то движется. Хансу? Или полицейский?

Кана расстегнул пояс комбинезона, собираясь использовать его, как пращу. Шорох прекратился, а потом послышался шепот:

—Карр?

—Да, сэр!

—Сюда...

Кана двинулся быстрее, догоняя командира. Здесь они находились ближе всего к заставе и ползли наполовину в

воде, удаляясь от света ламп. Хансу держался у ручья, пока возвышенность не отгородила их от дороги.

—Куда мы направляемся, сэр?—наконец спросил Кана, когда они мокрые, покрытые грязью, выбрались из ручья на берег под покровом деревьев.

—К старой дороге, о которой упоминал шофер,—Хансу пошел медленнее, осторожно поддерживая правую руку левой.

—Вы ранены, сэр?

—Менючего обжегся. Перед прыжком прижимал обивку к шитку.

Теперь Кана понял. Смутно видная снаружи обивка могла напоминать двух людей охваченных огнем.

—Можно взглянуть на ожог, сэр?

—Позже,—Хансу хотел уйти как можно дальше.

Изредка сверяясь с картой, солдаты, наконец, дошли до узкой дороги. Поскольку движения на ней не было вовсе, они осмелились идти открыто. Взошла луна. Хансу остановился и начал осматриваться. Кана понял, что он ищет траншеи, вырытые рядом с дорогой. Хансу тихо подсказал:

—Фонарик...

Кана достал карманный фонарик, установил его на слабый режим и направил луч в ближайшую траншею. На дне виднелись следы раскопок и остатки каменной кладки. Должно быть, эти развалины и упоминал шофер. Хансу вслух считал траншеи.

—Четыре, пять, шесть... Вот она, шестая слева...

Кана направил туда луч, и Хансу неуклюже спустился вниз по старой кирпичной кладке. Кана спрыгнул вслед за ним. Он не знал, что ищет Хансу, но понял, что лучше не задавать вопросов.

Эта траншея была длиннее остальных, уходя дальше от дороги, но в конце концов они подошли к груде щебня, обозначавшей конец раскопок. Щебень порос колючим кустарником. Хансу левой рукой потянул за куст, и Кана поспешил ему помочь. Под их совместными усилиями куст поддался, открыв темное отверстие.

—Что?..—начал было Кана.

—Подземные пути... прямо в Прайм. От старых дней...—речь Хансу звучала прерывисто, и Кана направил ему в лицо луч фонарика. Оно было покрыто толстым слоем грязи и только по глазам было видно, что Хансу держится только силой воли.

Но Кана чувствовал, что сейчас не время предлагать

помощь. Он осветил отверстие и увидел туннель, явно искусственного происхождения. В туннеле было темно и сыро. От старых рельс остались только две пыльные полосы. Часто туннель превращался в смертоносную ловушку. Они проходили мимо освещенных боковых коридоров, дважды пришлось прорываться сквозь груды земли и гравия. Однако к их удивлению, чем дальше они шли, тем легче становился путь. Кана не мог поверить, что эти туннели заброшены со времен атомной войны. Его подозрения подтвердились, когда луч упал на какую-то металлическую деталь в боковом тупике. Металл блеснул, будто столетиями не подвергался действию сырости. Главный туннель все расширялся, и к нему присоединялось все больше и больше боковых коридоров. Когда-то, должно быть, это был главный вход в Прайм или в морской порт, на развалинах которого был построен Прайм.

— Долго еще?

— Не знаю, — Хансу шел механически. — Мы должны связаться с достигающими, может, одна из их машин подберет нас?

Для Кана его слова не имели смысла, но он не стал допытываться. Он начал догадываться, кто такие эти «достигающие». Загадочное подполье среди солдат, главой которого, вероятно, был Маттиас. Но почему Хансу надеялся встретить их здесь, он понять не мог.

Они повернули и оказались в обширной галерее, где проходило много рядов рельс. Звуки шагов гулко отдавались в подземельи, луч фонарика уходил во тьму. Кана включил его на полную мощность и направил на стены, переводя от одной темной арки к другой. Они находились в обширном помещении, в центре паутины, нити которой отходили во всех направлениях. В какую же из арок они должны войти? Насколько он мог видеть, они все были одинаковы.

Неуверенность и беспокойство, которые Кана всегда ощущал в замкнутом пространстве, начали действовать на него, хотя помещение, с выходом из которого они пытались определиться, было довольно большим. Но за пределами досягаемости фонарика тьма сгущалась и становилась почти осязаемой, будто они действительно были погребены под землей без надежды выбраться на открытый воздух. Влажный воздух доносил какие-то слабые запахи, напоминавшие о далеком прошлом. Кана расслышал журчание воды.

— Куда дальше? — с тревогой спросил Кана.

Хансу буркнул что-то, но не ответил, Кана продолжал водить лучом фонарика.

Проблема были решена неожиданно. Откуда-то послышался слабый звук, который, быстро приближаясь, превратился в вой сирены. Наемники попытались укрыться в одном из боковых коридоров, но было уже поздно. Яркий свет залил все вокруг. Последовал приказ:

—Руки вверх! И стоять на месте!

Ослепленные, Хансу и Кана молча повиновались. Они стали беспомощными, безоружными пленниками. Несколь-ко позже, уже в камере, Кана с горечью подумал, что мог заранее предвидеть, чем закончится их путешествие. Стена, против которой он сидел, была серая, монолитная, без единой трещины. Ничто не отвлекало взгляд, не давало пищи воображению. Время, не разделенное больше на минуты, часы и дни, тянулось бесконечно.

Даже освещение в его камере менялось без всякой системы, и Кана, как ни пытался, не мог представить, сколько он в ней находится. Проголодавшись, он открывал дверь крошечного шкафчика, доставая капсулы и пластиковую бутылку с водой. Как они туда попадали, он не знал.

Хуже всего была постоянная тишина. Она окутывала Кана толстым отупляющим одеялом, и нервы его были постоянно напряжены. Он расхаживая взад и вперед, пытался утомить себя физически, чтобы уснуть и хоть несколько часов провести в забытии. Он оказался в ловушке, из которой не было выхода. И он чувствовал, что однажды наступит момент, когда он не сможет противиться тишине, когда демон—его собственный страх—победит и овладеет его мозгом. Весь мир сузился до размеров этой камеры без окон и дверей где-то глубоко в основании Прайма. Аппаратура камеры функционировала автоматически. Кана могли забыть, оставить здесь на многие годы, а он по-прежнему продолжал бы получать питание, и свет продолжал бы загораться и гаснуть в соответствии с каким-то диким расписанием, вложенным в машину. И даже когда он умрет...

Кана пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Если бы у него только была информационная катушка или что-то, на чем можно бы было писать... Но с таким же успехом он мог мечтать о свободе! Он даже не знал, осужден ли он или еще только дожидается суда.

Хансу ошибался, считая, что подземные ходы Прайма не известны полиции. В той группе, которая их арестовала, находился агент ЦК. Они сдались без сопротивления.

ния. И что теперь с Хансу, он не знал: их разъединили перед допросом.

Специалисты по допросам не были грубы. Давным-давно исчезла необходимость в пытке, чтобы развязать языки упрямым пленникам. После того, как ему дали определенное средство, он ничего не мог скрыть. И Кана знал, что выболтал все секреты. Когда он пришел в себя, то находился в этой камере, раздетый до белья, и с тех пор здесь и оставался.

Он стал сам себе назначать задания, вспоминая после каждого приема пищи все детали курса Х-3. Иногда в процессе этой работы он даже забывался на миг.

—Закон,—он произнес это слово медленно, стараясь подражать произношению туземцев,—планета земного типа. Суша представлена, главным образом, архипелагами. Самый большой остров Зародал. Крепость Зародала была основана во время полумифического правления пяти королей. Археологические находки подтвердили некоторые легенды и доказали, что на одном и том же месте сменялось, по крайней мере, десять цивилизаций, причем иногда между падением одной и подъемом следующей проходили тысячелетия. Закатане—раса рептилий, родственных земным ящерицам. Протяженность их жизни во много раз превосходит человеческую. Они не агрессивны, чрезвычайно поглощены историческими исследованиями и дают много interesting историков и философов.

Послышался щелчок. В стене перед Кана раскрылось отверстие. В нем лежал мундир. На мгновение Кана застыл. Потом схватил мундир, боясь, что это лишь мучительная иллюзия.

Полный новый комплект обмундирования... мечника третьего класса! Когда Кана начал одеваться, его руки все еще дрожали. Освобождение, по крайней мере освобождение из камеры. Что его ожидает? Суд? Возвращение на службу? Или... Он, волнуясь, застегивал пряжки. Теперь он хоть был одет. Только меча не хватает, новые ножны на поясе пусты. И нет ножа милосердия.

Он застегивал ремешок шлема, когда стена сдвинулась. Он вышел в коридор. Его ожидали четверо конвоиров: двое впереди, двое сзади. Он подумал, стоит ли ему гордиться таким эскортом. И молча двинулся вперед, понимая бесполезность расспросов.

Скоростной лифт поднимал конвой этаж за этажом в центр административного здания. Когда лифт остановился, они оказались в широком коридоре. Фрески с изображени-

ями других миров, где сражались орды и легионы, чередовались с окнами. Кана бросил взгляд на Землю, первый с тех пор, как оказался в тюрьме. Насколько он мог судить, было утро. Внизу лежал залив, переходящий в море. Предания утверждали, что древние руины, на которых был основан Прайм, некогда являлись предместьем огромного города, покрывавшего до атомных войн весь берег у залива. Между зданиями пролетали коптеры. Все было так же, как и в тот день, когда он впервые прибыл в Прайм и получил назначение в орду Йорка. Но охранники не дали ему посмотреть в окно и думать о прошлом. Его быстро провели в помещение. Здесь его уже ждал трибунал. Высокие чины, возможно, самые высокие! Здесь сидели трое из четырех советников штаба, а четвертым и пятым членами суда были галактический агент и офицер Галактического Патруля, командир подсектора, судя по знакам различия. Кана напрягся. Какое же право имеют эти чужаки судить его? Он был уверен, что сможет опротестовать приговор и будет поддержан кодексом службы. Но, желая выиграть время, он отдал салют и доложил согласно правилам,

—Кана Карр, мечник третьего класса, назначенный в орду Йорка, место службы—Фронн.

Хансу... Где Хансу? Неужели их будут судить порознь? Больше всего на свете Кана теперь хотелось поговорить с Хансу. Потому что он только что сделал ошеломляющее открытие: одним из офицеров в составе трибунала был Маттиас, тот самый Маттиас, который, по мнению Хансу, был бы их защитником, сражался бы на их стороне, если бы они сумели добраться до него.

Лица офицеров были бесстрастны, но агент ЦК, арктурянец, алый, шитый золотом плащ которого ярким пятном выделялся на фоне серо-зеленых мундиров землян, нетерпеливо ерзал в кресле, как бы желая ускорить процедуру и в то же время не решаясь указывать. Другой чужак, офицер Патруля, явно скучал.

Потом Кана увидел то, что лежало перед старшим офицером—меч арча. Это был ответ на один из его вопросов. Его привели для объявления приговора. Его приговорили, даже не дав возможности высказаться в свою защиту. Но... Как они могли? Ведь он рассказал правду. Эти люди должны были знать об убийстве на Фронне, о страшной сцене у патрульного крейсера, обо всем, что случилось, знать так, как будто они сами были всему свидетелями. Как же они могли?

ГЛАВА XVIII

КАК ЖЕ ОНИ МОГЛИ?

—За неразрешенный контакт с расой X-3,—начал старший офицер,—за дезертирство с места службы, за кражу крейсера, принадлежавшего Галактическому Патрулю, вы, арч Кана Карр, мечник третьего класса, отныне отстраняетесь от службы в космосе. Вы лишаетесь всех званий и привилегий службы и на весь остаток жизни приговариваетесь к работе в одном из рабочих отрядов.

Врожденная дисциплина заставила его слушать. Рабочий отряд до конца жизни—это почти рабство. В нем нарастал холодный гнев. Он ответит этим дьяволам с замороженными лицами, он скажет им несколько слов правды. И он еще не в рабочем отряде. Когда он заговорил, то обратился не к старшим офицерам, а непосредственно к агенту.

—Я узнал, кто вы и вам подобные. Пока вы еще можете заставить землян повиноваться вашей воле. Но когда-нибудь вы заплатите за это...

Белое лицо арктурианца не изменило выражения, только сидел он теперь неподвижно, его длинные глаза превратились в щелки, как у хищника, следящего за добычей.

—Как долго,—внимание Кана снова переключилось на землян,—как долго вы сумеете скрывать такие происшествия? Вы знаете, что они сделали с нами там? Я...—он помолчал, дожидаясь, пока полностью овладеет голосом.—Я оказал милосердие Дику Миллзу, выслушав его рассказ. Вы знаете, вы все знаете, что он мне рассказал. Считается, что мы борцы. Пусть мы лишь наемники, продающие свое искусство другим. Но теперь пришла пора сражаться против убийц,—он бросал слова прямо в лицо арктурианцу и офицеру Патруля.

Затем настроение Кана изменилось. Зачем ему разговаривать с этими бесстрастными судьями, когда ему хочется броситься на арктурианца, ощутить под своими кулаками его дряблую плоть? Что толку говорить? Слова ничего не изменят, не нарушат спокойствия этого изменника Маттиаса.

Он отдал честь и повернулся к ожидавшим его стражникам. Неужели его снова отведут в подземную камеру? Или попытаться... у него будет такая возможность. Он попробует бежать на обратном пути.

Хансу... Если его приговорили к пожизненным работам, то Хансу должны были казнить. Как он ошибался в Мат-

тиасе, в своей вере в новый день! С Маттиасом, готовым изменить, у повстанцев не было ни малейшего шанса.

Они прошли к лифту, спустились вниз и пошли, но не в камеру. Его провели в маленькую комнатку рядом со входом в здание, он был уверен в этом, так как мимо непрерывно шли в обоих направлениях солдаты. Его оставили одного, если не считать часового у двери. Оставили ждать. Он будет ждать? Нет, надо действовать!

ГЛАВА XIX

НЕ БУДЕТ ЗВЕЗДНОЙ СТРАЖИ!

Кана старался оценить ситуацию. Он в мундире, не хватает лишь оружия. Если бы не часового, он мог бы просто выйти из комнаты, смешаться с толпой в зале и покинуть здание прежде, чем поднимется тревога. Оставалось решить проблему часового. Он принялся разглядывать его. Часовой старательно подавлял зевот. Ясно, что он не ожидал никаких действий от пленника. И это было не помещение для содержания арестантов, а, скорее, комната ожидания для посетителей низшего ранга. Скамья, на которую было приказано сесть Кана, оказалась мягкой, слева от него, вне видимости часового, находился видеозэкран. Можно ли его как-то использовать? А если немного симпровизировать?... Он подождал, пока внимание часового опять не привлек кто-то в коридоре, и затем вскочил на ноги.

—Красный тревожный!—воскликнул он, как будто изумленный.

Часовой повернулся, сделал шаг, а затем бросил на Кана сердитый взгляд.

—Был красный тревожный!—настаивал Кана, указывая на экран.

Охранник колебался. Если на экране был действительно красный тревожный сигнал, то его долг—немедленно обратиться за распоряжением. А он не был уверен, что сигнала не было.

—Держите меня под прицелом бластера,—сказал Кана.—Говорю вам: был красный тревожный!

Охранник вытащил бластер и нацелил его на Кана. Потом, прижимаясь спиной к стене, не отводя глаз от пленника, стал двигаться к экрану.

—Сидеть!—выпалил он Кана.

Кана опустился на скамью, но тело его было напряжено до предела, все его мускулы были готовы к действиям...

У него будет лишь одна секунда, когда охранник, чтобы нажать переговорную кнопку перед экраном, вынужден будет повернуться к нему спиной. И если только он сумеет двинуться...

Она наступила, эта секунда. Охранник повернул голову. В то же мгновение Кана бросился на пол. Плечи его ударились под колени охранника, голова того с глухим стуком ударилась об экран. Экран разбился. Кана быстро повернулся, готовый продолжить борьбу. Но тело под ним было вялым.

Несколько ошеломленный этой феноменальной удачей Кана встал на колени и торопливо вытащил меч охранника и его бластер. Только охранник на посту мог носить его. На улице Кана тут же задержат, если увидят бластер. Он сунул меч в ножны, надеясь, что удача будет сопутствовать ему.

Охранника, связанного его собственным поясом, с клепом во рту, он закатил под скамью так, чтобы от двери его нельзя было увидеть. Затем Кана поправил мундир, надел шлем, потерянный им в короткой схватке, и, глубоко вздохнув, вышел в коридор, закрыв за собой дверь. У него было минут пять, может, немного больше, прежде чем начнется преследование. Теперь, когда у него снова меч, никто не отличит его от сотен арчей на улицах Прайма.

Улицы Прайма... Чем быстрее он уберется с этих улиц—тем лучше. Бегство было чистой импровизацией и поэтому было сработано эффектно, но он хотел как можно быстрее уйти из Прайма. Четкой поступью солдата, от правленного с поручением, он миновал коридор и вышел из здания на площадку коптеров, примерно в двадцати этажах над уровнем земли. Из одной такой машины вышел ветеран, и она уже была готова взлететь, когда Кана махнул рукой. Пилот нетерпеливо ждал его.

—Куда?

Жаль, что он плохо знает географию города. Но он был уверен, что попытка приблизиться к космопорту или к одному из трансконтинентальных аэропортов ни к чему хорошему не приведет. Они хорошо охраняются, и сообщение о его побеге будет немедленно передано туда. Немного обеспокоенный вопросом пилота, он назвал единственное место, где бывал раньше.

—Дом Найма!

Они поднялись в воздух и полетели на восток. Кана пытался опознать объекты под собой. Из Прайма ведут

лишь пять наземных дорог и каждая перегорожена барьером. Все машины там останавливают и осматривают.

— Прилетели, — коптер опустился на стоянку Зала Найма. Кана поблагодарил и на лифте спустился вниз. Но не в сам зал и не на этаж, где офицеры по найму сидели в своих кабинетах. Он направился в единственное место, где не только надеялся укрыться, но и найти помощь при обдумывании следующего шага.

Комната записей была так же тиха, как и в тот раз, когда Фн впервые перешагнул порог. Одна кабина у входа была занята, а остальные свободны. Он быстро выбрал четыре катушки и направился в самую дальнюю кабину ряда. Опустив катушки в машину, он сел в качающееся кресло.

Час спустя была прослушана последняя катушка. Итак, имеются два ответа. Он снял наушники, но с кресла не встал. Что ж, по крайней мере, у него есть выход. Кана стремительно встал и подошел к двери кабинки, чтобы осмотреть помещение. Свет в первой кабине погас. Но теперь были заняты три других. Подозрительно ли это? Он не видел возможности выследить его здесь. Самым логичным с его стороны было попытаться как можно быстрее выбраться из Прайма. Разумеется, никто не ожидает, что он станет изучать катушки в архивах Зала Найма.

Два пути... Он снова сел в кресло и глядя невидящими глазами в потолок, принялся размышлять. Морской путь... Он умеет плавать, хотя в последнее время у него было мало практики. И подземный, построенный древними. Может, полиция считает, что поскольку его там поймали, второй раз он не захочет туда войти. Он был голоден. Тщательно подобранная тюремная диета не давала возможности накопить энергию. А он не осмеливался пойти в столовую, так как пришлось бы показать браслет, который тут же выдал бы его. Нет, сначала нужно выбраться из Прайма, а там уже можно будет подумать о еде.

И долго задерживаться здесь нельзя. Он впитал всю информацию, которая содержалась в катушках. Пора идти, Кана принял решение.

Самым старым зданием современного Прайма был исторический музей. Поскольку история не пользуется популярностью у современного населения Зсмли, то здание почти всегда пустует. Но, как узнал Кана из катушек, оно сооружено на фундаменте доатомного здания. Возможно, там сохранился выход в подземелье. Говорят, во всех доведенных зданиях они были. Вероятность успеха один к тысяче. Но его учили надеяться и на такие вероятности.

Кана собрал катушки и вышел из кабины. Три другие кабины были по-прежнему заняты, и он торопился пройти мимо. Вернув катушки на место, он вышел из комнаты, сосредоточившись на том, чтобы вести себя спокойно. К счастью, нужное ему задание находилось в трех кварталах, а мундир сделает его неузнаваемым на улицах. Спускаясь по широкой лестнице к тротуару, он услышал за собой шаги. Кто-то торопился. Он ускорил шаг и положил руку на пояс, поблизости от рукоятки меча. Если это полиция, он будет сражаться. И лучше погибнуть в огне бластеров, чем провести всю жизнь в рабочих отрядах...

Кто-то крепко ухватил его за руку, отводя пальцы от оружия. Справа и слева от него шли мощные арчи с угрюмыми лицами.

—Продолжай идти...

Кана механически продолжал двигаться, глядя вперед. Его вели не к штабу. И не приземлялся коптер, чтобы подобрать пленника и тюремщиков. Они продолжали идти к музею. Теряясь в догадках, он молча шел между арчами. Для любого прохожего они были тремя друзьями, гуляющими по Прайму. Перед входов в музей один из конвоиров тихо сказал:

—Сюда...

Совершенно сбитый с толку, Кана повернул в музей. В широком зале, уставленном витринами с экспонатами довоенного периода, не было никого. И никто не появился, когда они спустились по узким лестницам в подземелье. Неожиданное пленение, когда он считал себя в безопасности, парализовала волю Кана, но сейчас он начал приходить в себя, собирая силы, чтобы при первой же возможности попытаться освободиться. Но почему его привели сюда? Неужели его считают членом подпольной организации и надеются, что он приведет полицию к своим товарищам? И любопытство победило, он решил ждать, пока что-либо прояснится.

Они миновали множество залов с витринами, коридоров, тусклых комнат со шкафами и картотечными ящиками. Один или два раза им встретились занятые работой люди, но никто из них даже не поднял головы, чтобы взглянуть на Кана и его компаньонов, как будто они втроем были невидимы. Наконец, они дошли до конца этого лабиринта и оказались в большом помещении, занятом механизмами. Должно быть, системы отопления и кондиционирования воздуха. Один из арчей прошел вперед и открыл незаметную дверь. За ней оказалась лестница, веду-

щая в тускло освещенное помещение, на полу которого в несколько рядов были уложены рельсы. На рельсах стояли платформы и, чуть в стороне, пассажирский вагончик. На платформы грузили какие-то громоздкие ящики, но никто из грузчиков тоже не обратил внимания на Кана и его спутников.

—Туда,—палец конвоира указал на небольшой вагон. Кана скорчился на тесном сидении. Один из стражников сел перед ним, другой сзади. Вагон двинулся, быстро набирая скорость, и погрузился во тьму туннеля. Неужели они направляются в штаб? Но почему под землей? Гораздо проще было бы влечь его в коптер и перевезти открыто... Проходили минуты, и Кана начал догадываться, что они не только миновали штаб, но, должно быть, приближаются к границам Прайма. Кана потерял всякое представление о направлении. Они могли находиться под дном залива или далеко в глубине острова, когда вагон остановился у платформы и ему приказали выходить.

На этот раз они не поднимались, а пошли по боковому коридору. Через несколько сот футов он стал напоминать коридор научного учреждения. Через открытые двери видны были комнаты с картотеками и лаборатории с многочисленными работниками.

—Сюда...

Снова Кана подчинился приказу, вошел в комнату и остановился ошеломленный.

—Три часа десять минут,—Хансу сверился с часами. Потом повернулся к рядом стоявшему человеку в мундире советника.—Вы мне должны полкредита, Матт. Я говорил вам, что он продержится. Чуть-чуть, но все же продержался. Я знаю своих кандидатов.

Советник достал из кармана монету и торжественно протянул ее Хансу. Высокий чин, опустивший монету в протянутую руку Хансу, был именно тем самым Маттиасом, который совсем недавно с каменным лицом осудил Кана.

Хансу повернулся к Кана и критически осмотрел его с ног до головы.

—Довольно живой для мертвеца,—с улыбкой заметил Хансу.—Вы,—он ткнул Кана пальцем,—час назад были убиты при попытке выбраться с острова.

Вторично Кана открыл рот, но на этот раз сумел произнести несколько слов:

—Интересно... если это правда... сэр...

Такой открытой улыбки Кана никогда раньше не видел у Хансу.

—Как драматично,—по-прежнему Кана ничего не понимал.—Добро пожаловать в Прайм, в настоящий Прайм. Познавайтесь с его губернатором—командиром Маттиасом.

—Ты хорошо держался, сынок,—советник одобрительно кивнул Кана.—Побег прошел так гладко, будто мы договорились заранее.

—Я вам говорил,—вмешался Хансу,—он готов к любому назначению.

Кана начал понимать, почему его оставили в той комнате и как ему удалось так легко справиться с охранником.

—Вы дали мне шанс,—сказал он почти обвиняюще.—За мной следили?

—Нет. Ваш побег должен был выглядеть естественно. Мы просто предоставили время, место и возможности. Главное зависело от вас,—ответил Хансу.

—Но как же ваши люди нашли меня?

—По информационным катушкам, заказанным в архиве. Вы заказали «Историю Прайма», «Морской берег», «Остатки древних построек в Прайме» и «Карту Прайма». Все это было заказано в одно и то же время одним человеком. Поэтому мы просто послали за вами ребят.

Кана без приглашения опустил на скамью. События развивались слишком быстро. Логично... но все, о чем говорил Хансу, свидетельствовало о разветвленной и прекрасно функционирующей организации. Что это за организация? Он задал один из множества возникших у него вопросов:

—А рабочие лагеря?

—Они существуют и предназначены предположительно для преступников и недовольных разного рода,—весело ответил советник.—Агенты ЦК были бы удивлены, посетив их, кроме двух-трех для гостей. Сейчас вы находитесь в лагере №1. И мы можем назначить вас на сотню разных должностей. Зная любую из них, вы будете бороться против существующего порядка. Таким образом, мы и выйдем приговор. Не думаю, чтобы вы пожалели о своей судьбе. Хансу не жалест. Или в глубине души все-таки что-то есть, а?

—Нисколько, Матт,—улыбка Хансу стала еще шире.—Я жалею, что раньше не был посвящен в эти дела. Так много нужно сделать...

—А как Кости и Ларсен, сэр? И вся орда на Фронне?

—Кости и Ларсен приземлились далеко на юге и были встречены нашими людьми. Агенты ЦК о них и не подо-

зревают. А что касается орды—что ж, придется кое-что предпринять. Пока что они в безопасности у вентури... Я думаю, мы сумеем договориться с этими торговцами. Именно с такими нам и нужно сотрудничать. Мы сумеем забрать орду раньше, чем эти изменники и агенты ЦК до нее доберутся. С другой стороны, мы не можем просто так покончить с Девайсом и рассказать все, что мы узнали о нем и его покровителях. Но вентури будут знать, что мы свое слово сдержали. Здесь, на Прайме-2 у нас считается, что обещания нужно выполнять, если это в человеческих силах.

Кана чувствовал себя так, будто его выбросили в космос без скафандра. Если бы ему только объяснили все последовательно, с самого начала, простыми словами, может быть тогда прекратилось бы это головокружение и ему стало бы легче.

—Хотите факты?—Маттиас будто читал его мысли.—Что ж, положение не настолько просто, чтобы можно было объяснить его в нескольких фразах. Замысел этого плана уходит в наше прошлое—почти на три века назад. Вы знаете: если спросить арктурианца или жителя Прощиона, что он думает о землянах, то услышишь рассказ о воинственных варварах. Мы сознательно поддерживаем в представителях правящих рас Галактики такое мнение.

На самом деле Земля уже по крайней мере двести пятьдесят лет живет двойной жизнью, хотя об этом знает относительно небольшое число ее обитателей. Официально Земля аккуратно вписывается в заданные ЦК рамки как одна из малозначительных планет конфедерации, довольная своей третьестепенной ролью. Но вот уже сто лет один из каждых двадцати военных транспортов, взлетающих с этой планеты, поднимает в космос вовсе не наемников или их снаряжение. Один из двадцати! Он несет пионеров-исследователей. Мужчины и женщины, отобранные по определенным способностям и физическим данным, улетают в анабиозе, чтобы поселиться на планетах, найденных наемниками. На одних планетах цивилизация деградировала и почти исчезла, другие лишены разумной жизни, на третьих господствующая раса молода, это гуманоиды, с которыми мы можем скрещиваться. Можно даже полагать, что это потомки тех легендарных космонавтов, что покинули Землю задолго до атомных войн и теперь забыли о своем происхождении. Сейчас земляне тайно расселились почти на тысяче планет. На тридцати—наши колонии не выжили,

помешали болезни, резкие изменения климата, местные хищники. На шести планетах все еще идет борьба за выживание. На остальных земляне процветают. ЦК заметил сокращение населения Земли и решил, что наша раса, способная бросить вызов более древним цивилизациям, вымирает. ЦК считает, что сработал его план, и только недавно до ЦК начали доходить сведения о том, что происходит на самом деле, и он стал действовать. Но он опоздал, по крайней мере, на десять поколений. Невозможно предпринять действия против тысячи разных планет и сохранить при этом видимость справедливости и тщательно поддерживаемое равновесие сил.

—Вы еще забыли о наших союзниках,—напомнил Хансу.

—Солдат в поле имеет право напоминать штабнику,—согласился Маттиас.—Да, несколько молодых энергичных рас подпали под тот же запрет на колонизацию и исследования, что наложен на нас. Когда эти расы узнают о наших действиях, а мы специально посылаем туда своих специалистов по контактам, они начнут копировать наши действия и методы. Теперь по нашим следам идет еще двадцать цивилизаций. Трагические события на Фронне—одна из многочисленных попыток ЦК сорвать наши планы. Сейчас мы знаем, что древние расы не остановятся ни перед чем, чтобы дискредитировать землян. Но мы не боимся, мы готовы к этому. И, если ЦК собирается на суде обвинить Землю в нарушении галактических законов, у нас есть много фактов для своей защиты. Сейчас, благодаря вам, Земля располагает точными данными о методах ЦК и сумеет предупредить наемников во всех уголках Галактики. Тем временем...—он кивнул Хансу, как бы приглашая его продолжить.

—Тем временем операции будут продолжаться как обычно—и здесь и в космосе. И как специалист по контактам, вы будете работать в соответствии с приговором...

Кана наконец понял.

—Я с радостью принимаю приговор, сэр. Но когда и где я начну?

Хансу развернул карту Галактики.

—Они пытались оградить от нас звезды и не смогли. Никто не имеет права на это! У тебя большой выбор, сын. Перед тобой весь космос!

К о н е ц

ВАН ВОКТ

**ПУТЕШЕСТВИЕ
«КОСМИЧЕСКОЙ ГОНЧЕЙ»**

Перевод с английского

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Все дальше и дальше медленно шел Керл. Черная безлунная ночь, почти беззвездная, неохотно уступала место мрачному красноватому свету зари, заполняющему небо слева от него. Свет был тусклым и не нес в себе тепла. Потихоньку вырисовывался ландшафт, похожий на страшный кошмар. Керла окружали черные зубчатые скалы и голая черная равнина. Над изломанной линией горизонта поднималось светло-красное солнце. Бледный волны света неуверенно прокладывали себе дорогу среди теней. По-прежнему никаких следов идов, хотя вот уже почти сто дней, как Керл их ищет.

Внезапно он остановился, насторожившись. По его огромным передним лапам пробежала дрожь, острые, как лезвия бритвы, когти изогнулись дугой. Растущие из плеч толстые щупальца зашевелились. Он повел головой, очень похожей на кошачью. Состоящие из тоненьких волосков усики, расположенные по бокам головы Керла и служившие ему чем-то вроде ушей, отчаянно вибрировали, изучая каждый звук и волну в эфире. Ответа не было. Его сложная нервная система не приняла ничего, что напоминало бы ответный сигнал. Никакого намека на присутствие ид-существ, его единственного источника питания на этой пустынной равнине. Потеряв надежду, Керл припал к земле. Его огромный силуэт вырисовывался на фоне красноватой линии неба как выгравированная на черном камне фигура тигра. Керла тревожила потеря контакта. Он обладал чувствительными органами, которые, когда все было в порядке, обнаруживали ид-существа на расстоянии многих миль в окружности. По-видимому, порядок был нарушен. Его неудавшаяся попытка сохранить контакт указывала на физическое расстройство, на смертельную болезнь, о которой ему приходилось слышать. Семь раз за последние сто лет он находил керлов, таких слабых, что они уже не мог-

ли двигаться. Тогда он с легкостью убивал и забирал то малое количество идов, что еще поддерживало их жизнь.

Вспомнив об этой беде, Керл задрожал от отчаяния. Потом он громко зарычал, и эти звуки распространились в воздухе, отдавшись эхом в горах—инстинктивное выражение его воли к жизни. Неожиданно он насторожился. Высоко над линией горизонта Керл заметил крошечную светящуюся точку. Она быстро приближалась и так же быстро превращалась в шарообразный космический корабль. Огромный, сверкающий как отполированное серебро, он заметно замедлял свой ход, просвистев над самой головой Керла. Затем корабль повернул вправо, за черную линию холмов, секунду повисел неподвижно и скрылся из виду.

Керл вышел из оцепенения. Огромными прыжками он понесся вниз по склону. Его круглые черные глаза горели лихорадочным возбуждением. Усики-антенны так сильно вибрировали, посылая сигналы, что тело ответило на это острым приступом головной боли.

Далекое солнце, теперь розоватое, висело высоко в темно-пурпурном небе, когда он припал к скале и уставился из-за нее на простиравшиеся внизу перед ним развалины города. Серебряный корабль, несмотря на его размеры, показался совсем маленьким посреди этого пустынного, лежащего в руинах города. И все же в нем было столько живого, угадывалась такая сила затаившегося движения, что он казался властелином среди этой пустыни. Корабль, как в колыбели, покоился во впадине, возникшей под действием его веса, нарушая мертвые линии города.

Керл не мигая смотрел на двуногие существа, появившиеся из корабля. Небольшими группками они стояли у подножия лестницы, тянувшейся из ослепительно-яркого отверстия, находящегося в сотне футов над землей. Его глотка сжалась, а сознание помутилось от дикого желания броситься и смять эти казавшиеся игрушечными существа. Эти тела испускали свойственную только идам вибрацию. Клетки мозга затормозили импульс до того, как он успел достичь мышц. В памяти всплыло давнее воспоминание о прошлом его расы, о машинах, умеющих уничтожать, об энергии, превосходящей всю мощь его собственного тела. Он успел заметить, что тела существ окутаны прозрачным блестящим материалом, сверкающим под лучами солнца.

Желание утолить голод перегрело цепи его мозга. Только теперь Керл подумал о том, что это экспедиция с другой звезды. Ученые будут исследовать, а не разрушать.

Если он не нападет, ученые не станут его убивать. Ученые тоже глупы по-своему!

Осмелев от голода, Керл вышел на свободное пространство. Он увидел, что существа сразу его заметили и повернулись в его сторону. Трое, находившиеся к нему ближе других, медленно отступили к более удаленным группам. Самый маленький из них вытащил из футляра на боку металлический прут и зажал его в руке.

Керла все это встревожило, но он продолжал двигаться вперед. Поворачивать было слишком поздно.

Эллиот Гросвенф остался там, где стоял, возле трапа. Он уже привык держаться на заднем плане. Единственный нексиалист на борту «Космической Гончей», он месяцами игнорировался специалистами, которые не слишком понимали, что такое нексиалист и очень мало об этом беспокоились. Гросвенф очень хотел изменить такое положение, но пока удобной возможности не представилось.

Передатчик, вмонтированный в шлем его скафандра, «ожил». Кто-то мягко рассмеялся и произнес:

—Что касается меня, то я не пойду на риск близкой встречи с таким великаном.

Гросвенф узнал голос Грегори Кента, главы химического отдела. Слабый физически, Кент обладал сильным характером. На борту корабля у него имелось много друзей и людей, которые его поддерживали, и он в предстоящих выборах уже выставил свою кандидатуру на пост директора экспедиции. Их с нетерпением ожидали, ведь выборы вносили определенное разнообразие в монотонную жизнь корабля. Из всех, кто следил за приближающимся чудовищем, лишь Кент вытащил оружие.

Послышался другой голос. Он был более низкий и спокойный и принадлежал, как распознал Гросвенф, Хэлу Мортону, директору экспедиции.

—Это одна из причин, из-за чего вы участвуете в экспедиции, Кент—вы слишком мало оставляете места случайностям.

Замечание было дружеским. Оно оставляло без внимания тот факт, что Кент реально претендовал на пост директора, который занимал сейчас Мортон. Конечно, его можно было рассматривать и как некую дипломатическую игру, если считать, что таким образом наивные слушатели оповещались о том, что Мортон не испытывал неприязни к

сопернику. Гросвенф не сомневался в том, что директор способен на подобный ход. Он считал Мортон умным, рассудительным, честным и весьма проницательным человеком, который мог без труда управлять любой ситуацией.

Гросвенф заметил, что Мортон продвигается вперед, стараясь оказаться чуть впереди остальных. Его сильное тело казалось особенно крупным сквозь прозрачный металлический костюм.

До Эллиота Гросвенфа донесли комментарии остальных:

— Не хотелось бы мне повстречаться с этой малышкой в темноте один на один.

— Не будь дураком! Это явно высокоразвитое существо, возможно, из господствующей расы.

— Его физическое развитие, — произнес голос, принадлежавший психологу Сидлу, — указывает на свойственную животным адаптацию к окружающей среде. С другой стороны, направляясь к нам, зверь действует не как животное, а как разумное существо, знающее о нашем умственном развитии. Вы заметили, что оно сковано в движениях? Это указывает на то, что оно понимает, что мы вооружены, и поэтому осторожничает. Я бы хотел как следует разглядеть концы щупалец, расположенных на его плечах. Если они суживаются в рукоподобные отростки или чашечки, то я, пожалуй, стану утверждать, что мы имеем дело с потомком жителей этого города. — Он смолк, но потом закончил: — Нам бы очень помогло, если бы смогли установить с ним связь, хотя пока я склонен предположить, что оно выродилось в первобытное состояние.

Керл остановился, когда оказался в десяти футах от ближайшего существа. Потребность в идеях угрожала овладеть его сознанием полностью. Разум уже почти растворился в хаосе желания, и ему стоило огромных усилий удерживать себя. Ему казалось, будто его тело погружено в кипящую жидкость. Глаза застелила пелена.

Большинство людей подошло к нему. Керл видел, что они изучают его дружелюбно и с любопытством. Когда они обменивались информацией, их губы двигались под прозрачными шлемами. Способ их общения — Керл был уверен, что чувства его не обманывают, — был ему недоступен, поскольку разговор проходил на частоте, которую он не мог воспринимать. Все его сигналы оказались беспо-

лезными. Сияясь казаться дружелюбным, он передал усиками свое имя, указывая на себя щупальцем.

Голос, которого Гросвенф не узнал, протянул:

—Когда оно шевелит этими волосками, Мортон, в моем приемнике возникает нечто вроде помех. Вы не думаете...

Спрашивающий назвал Мортон по фамилии, и это отличало его от остальных. Это был Гурлей—начальник отдела связи.

Гросвенф, записывающий разговор, был доволен. Эпизод со зверем мог помочь ему в записи голосов всех, имеющих влияние на корабле. Он с самого начала пытался это сделать, но без особого успеха, так как еще не возникало таких ситуаций, которые требовали бы участия в обсуждении всех главных специалистов корабля.

—Ага,—произнес психолог Сидл,—щупальца оканчиваются щасечками-присосками. Это указывает на достаточно сложную нервную систему. При соответствующей тренировке он мог бы управлять любой машиной.

—Думаю, нам следует подняться на корабль и позавтракать,—предложил директор Мортон.—Потом будет много работы. Мне бы хотелось получить сведения о развитии этой расы и, особенно, о причинах ее уничтожения. На Земле, в ранний период, одна культура за другой достигали вершины развития, а затем разрушались. И на их обломках возникали новые. Что же случилось здесь? Каждому отделу будет поручена своя область для исследования.

—А как с котенком?—спросил кто-то.—Мне кажется, что он жаждет подняться к нам.

Мортон хмыкнул и серьезно сказал:

—Я бы хотел, чтобы существовала возможность взять его с нами, но не действуя силой. Кент, что вы по этому поводу думаете?

Маленький химик в раздумьи покачал головой.

—Здесь воздух содержит больше хлора, чем кислорода, хотя и того и другого не так много. Наша атмосфера может стать для его легких настоящим динамитом.

Гросвенфу было ясно, что существо не понимает этой опасности. Он наблюдал за тем, как чудовищная кошка последовала за первой группой людей вверх по лестнице к большой двери.

Все оглянулись на Мортон, но тот махнул им рукой и заявил:

—Откройте вторую дверь и дайте ему вдохнуть кислорода. Это его излечит от излишнего любопытства.

Минутой позже в приемнике послышался удивленный возглас директора:

—Будь я проклят! Он даже не заметил разницы! Это означает, что у него нет легких или что его легкие поглощают вовсе не хлор. Держу пари, что он сможет к нам войти! Для биологов это будет кладом и достаточно безопасным, если мы проявим осторожность.

Скит был высоким, худым, костлявым человеком с длинным печальным лицом. Его глубокий, сильный голос, очень контрастирующий с наружностью, зазвучал в приемнике Гросвенфа:

—За все полеты, в которых мне приходилось участвовать, я видел только две высшие формы жизни. Представители одной зависят от хлора, представители другой нуждаются в кислороде—два элемента, поддерживающие горение. Я слышал весьма смутные отчеты о жизненных формах, живущих на фторе, но сам подобного примера не видел. Я почти готов отдать свою репутацию за утверждение о том, что ни один сложный организм не сможет приспособиться к использованию обоих газов одновременно. Мортон, если только это возможно, мы не должны позволить этому существу нас покончить.

Мортон довольно рассмеялся и рассудительно заметил:

—Кажется, он озабочен лишь тем, как бы остаться.

Директор уже поднялся по лестнице. Теперь он проходил через помещение шлюза вместе с Керлом и двумя членами исследовательской группы. Гросвенф заторопился вперед. Он был одним из дюжины людей, вышедших на поверхность планеты. Огромная наружная дверь захлопнулась, и воздух со свистом ворвался в помещение. Гросвенф наблюдал за чудовищем с растущим чувством тревоги: у него возникли кое-какие мысли. Ему захотелось сообщить о них Мортону. Согласно правилам, действующим внутри корабля, всем главам отделов должна быть доступна удобная и быстрая связь с директором. Ему бы следовало обладать такой возможностью. Это касалось и главы нексиального отдела—хотя он и был единственным его членом—то есть относилось и к нему. Вмонтированный в его скафандр превосходный передатчик был устроен таким образом, что он мог разговаривать с Мртоном подобно главам других отделов. Однако на самом деле он обладал лишь мощным приемником. Это давало ему возможность слушать разговоры руководителей, когда они занимались работой вне корабля. Если же он хотел с кем-нибудь поговорить или ока-

зался бы в опасности, ему необходимо было щелкнуть переключателем, открывавшим выход в центральный канал связи.

Гросвенф не подвергал сомнению ценность такой системы. Он был лишь одним из тысячи людей, находящихся на корабле и было очевидным, что все они не могли болтать с Мортонем, когда им вздумается.

Наконец отворилась внутренняя дверь. Гросвенф двинулся вперед вместе с остальными. Через несколько минут все уже стояли возле системы лифтов, ведущей к жилым отсекам корабля. Между Мортонем и Скитом состоялась краткая беседа, после которой директор решил:

—Если он поедет, пошлем его наверх одного.

Керл спокойно вошел в лифт, но когда почувствовал, что двери за ним захлопнулись и лифт пошел наверх, с рычанием развернулся. Его разум мгновенно помутился от ярости, и он всем телом бросился на дверь. Под его весом металл прогнулся, отчаянная боль от удара наполнила его безумием. Теперь он стал пойманным в ловушку зверем. Керл загрохотал когтями о сталь. Прочно пригнанные панели поддались под действием его толстых щупалец. Машина резко загудела, протестуя, но несмотря на то, что выступающие части лифта скрипели по стенкам шахты, неумолимая сила продолжала тащить лифт наверх. В конце концов, лифт достиг места назначения и замер. Керл сорвал остатки двери и вывалился в коридор. Там его уже ожидали люди с оружием наготове.

—Мы дураки!—заявил Мортон.—Нам следовало бы показать ему, как работает лифт. Он же решил, что мы его обманули или что-то в этом роде.

Он решительно подошел к чудовищу. Гросвенф увидел, что когда Мортон несколько раз открыл и закрыл дверцу ближайшего лифта, дикий огонь исчез из угольно-черных глаз чудовища. Когда урок закончился, Керл направился в примыкавшую к коридору огромную комнату. Там он разлегся на покрытом ковром полу и постарался успокоиться. Керл был страшно зол на себя за обнаруженный им страх. Ему казалось, что спокойное и мирное поведение было бы выгоднее и дало бы преимущество перед людьми. Его яростная реакция вероятно встревожила их не на шутку.

А это могло стать очень опасным для задуманного им дела: Керл хотел захватить корабль. На планете, с которой явились эти существа, наверняка было неограниченное количество идов.

Немигающими глазами Керл наблюдал за тем, как двое людей оттаскивали обломки валунов от металлической двери большого старого здания. Он последовал за группой людей в скафандрах и вместе с ними оказался на поверхности планеты. Теперь, куда бы он ни посмотрел, видел их по отдельности или группами. Керл решил, что они все еще изучают мертвый город. Его собственные интересы полностью сосредоточились на еде. Каждая клетка его огромного тела требовала идол. Это страшное желание отдавалось во всех его мышцах, а сознание затуманивалось одним желанием—броситься за людьми, которые углубились в город. Один из них вообще ушел без спутников.

Во время ленча существа предлагали ему различную пищу, но вся она была для него бесполезна. Очевидно, им не приходила в голову вероятность того, что он питается исключительно живыми существами. Иды, в основном, были не субстанцией, а формой субстанции, и получить их можно лишь из ткани, в которой еще теплился огонек жизни.

Текли минуты, часы, а Керл по-прежнему сдерживал себя. Он лежал, наблюдая, и знал, что людям известно о том, что он наблюдает за ними. Они спустили с корабля машину и установили ее перед валуном, преградившим путь к главному входу в здание. То напряженное состояние, в котором он находился, давало Керлу возможность отмечать все их движения. Хотя голод и был для него нескончаемой пыткой, Керл четко отмечал все действия людей возле машины и видел простоту управления ею.

Он знал, что должно было произойти, когда пламя расклевывает твердую глыбу, но намеренно вскочил и зарычал, как будто в ужасе.

Гросвенф наблюдал за ним с борта маленького патрульного корабля. Он добровольно взвалил на себя роль наблюдателя за Керлом. Больше ему нечем было заняться. Никто, казалось, не ощущал необходимости присутствия на борту «Космической Гончей» неспециалиста. Пока он наблюдал, путь к двери расчистили. К ней направились директор Мортон и еще кто-то. Они вошли в здание и исчезли. Их голоса сразу же зазвучали в приемнике Гросвенфа. Первым заговорил спутник директора:

—Все разбито... Вероятно, тут шла война. Но очертания этой машины можно проследить. Она выполнена из

вторичного вещества. Хотел бы я знать, как она была сконструирована!

—Мне не совсем ясна ваша мысль,—заметил Мортон.

—Все очень просто. До сих пор я не видел ничего, кроме инструментов. Почти каждая машина, является ли она инструментом или оружием, оснащена трансформатором для получения энергии, ее преобразования и использования. А где силовая установка? Надеюсь, что библиотеки дадут нам ключ к ответу. Что такое могло случиться, что в итоге погубило цивилизацию?

В приемнике раздался голос психолога:

—Говорит Сидл... Я слышал ваш вопрос, мистер Пеннос. Есть, по крайней мере, две причины, по которым эта территория могла стать необитаемой. Первая—отсутствие пищи. Вторая—война.

Гросвенф обрадовался тому, что Сидл назвал спутника Мортон по фамилии—к его коллекции добавился еще один голос. Пеннос был главой инженерного отсека корабля.

—Однако, дорогой психолог,—проговорил Пеннос,—их наука должна была помочь им разрешить проблему питания хотя бы для части населения. А если нет, то почему бы им не развивать область космических полетов для того, чтобы отправиться в поисках пищи куда-то еще?

—Спросите у Гюнли Лестера,—послышался голос директора Мортон.—Я слышал, что у него зародилась какая-то теория, прежде чем мы успели приземлиться.

Астроном отозвался после первого же вызова.

—Нужно еще как следует проверить все расчеты. Но один из них, думаю, вы со мной согласитесь, говорит сам за себя. Этот отдаленный мир состоит всего лишь из одной планеты, вращающейся вокруг этого несчастного солнца. И больше ничего: ни луны, ни даже планетоида. А ближайшая солнечная система находится на расстоянии девяти сот световых лет. Так что перед господствующей расой этой планеты стояла ужасающе сложная проблема: одним ударом разрешить проблему как межпланетных, так и межзвездных перелетов. Вспомним для сравнения, каким медленным было наше собственное развитие в этой области. Вначале мы достигли Луны, потом начали полеты к планетам. Каждый успех вел к следующему, и после долгих лет был совершен длительный перелет к ближайшей звезде. И, наконец, человеку удалось изобрести антиускоритель, который позволил совершить межгалактический перелет. Так что я сомневаюсь, чтобы какой-то расе удалось совершить межзвездный перелет, не накопив предварительного опыта.

За этим высказыванием астронома последовали другие замечания, но Гросвенф их уже не слышал. Он смотрел туда, где только что видел огромного кота, но тот куда-то исчез. Гросвенф тихо выругался, злясь на себя за невнимательность. Пришлось метаться на своем суденышке в беспорядочном поиске. Но вокруг было слишком много зданий. Куда бы он не посмотрел, всюду его взгляд натывался на развалины. Он приземлился и стал расспрашивать нескольких в поте лица работающих техников. Большинство ответили, что видели кота примерно двадцать минут назад. Обескураженный Гросвенф влез в свою спасательную шлюпку и полетел над городом.

Незадолго до этого Керл осторожно двинулся вперед, ища укрытия везде, где только возможно. Он приближался к одной группе—напряженный сгусток энергии, нервный и больной от голода. Подкатила маленькая машина, остановилась перед ним и зажужжала, делая его фотоснимки. Гигантская дробильная машина нависла над каменистым холмом, готовая действовать. Сознание Керла только отмечало очертания и действия незнакомых аппаратов, в то время как тело устремилось за человеком, который ушел в город один.

Керл внезапно потерял над собой контроль. Его пасть наполнилась зеленой слюной. Он метнулся за каменистую насыпь и помчался со всех ног. Керл неся огромными плавными прыжками. Было забыто все, кроме одного единственного желания, как будто некая магическая, стирающая память щетка прошла по его мозгам. Он пролетел по пустынным улицам, срезая путь с помощью проломов в тронутых временем стенах. Затем он перешел на неторопливый бег—его усики-уши уловили вибрацию идов.

Наконец он остановился и стал пристально смотреть вперед из-за обломков. Двухное существо стояло возле того, что раньше было окном, направляя в темноту луч фонарика. Фонарик щелкнул и погас. Сильный, приземистый человек мягко шагнул назад и тревожно посмотрел вокруг. Керлу не понравилась его тревога. Она означала готовность к опасности, а значит, и осложнения.

Керл подождал до тех пор, пока существо не исчезло за углом, и быстро вышел на открытое место. Как призрак, он скользнул по боковой улице мимо длинного квартала разрушенных зданий. На огромной скорости он свернул направо, пролетел через открытое пространство, потом лег на живот и вполз в сумрачное отверстие между домом и огромной грудой развалин. Улица впереди была каналом

между двумя насыпями разбросанных камней. Она заканчивалась узким персулком, выход из которого находился как раз под Керлом.

В последний момент он стал, вероятно, недостаточно осторожным. Когда двуногое существо оказалось прямо под ним, Керл шевельнулся, и с того места, где он притаился полетел вниз крошечный камень. Человек дернулся и взглянул вверх. Его лицо тотчас же изменилось, он схватился за оружие. Керл метнулся вперед и нанес сокрушительный удар по светящемуся прозрачному колпаку. Послышался хруст ломающегося металла, хлынула кровь. Человек сложился пополам. Мгновение его кости и мускулы каким-то чудом удерживали тело, потом оно рухнуло. Лязгнул металл космического костюма.

Керл бросился на свою жертву. Он уже создал поле, которое должно было помешать идам смешаться в потоке крови. Керл молниеносно раздробил и лежавшее внутри скафандра тело. Хрустнули кости. Он погрузил рот в теплое тело, и крошечные чашечки-присоски начали вытягивать идов из клеток. В экстазе он насыщался этим минуты три, потом его глаза приобрели осмысленное выражение. Насторожившись, он посмотрел вверх и заметил маленькую машину, летящую в его сторону против заходящего солнца. На мгновение Керл оцепенел, потом быстро скользнул в тень от груды обломков.

Когда он опять посмотрел вверх, крошечный аппарат медленно смещался влево. Но он летал кругами, и Керл понимал, что скоро он вернется. Доведенный почти до иступления тем, что его прервали в момент пиршества, Керл все же бросил свою добычу и помчался обратно к кораблю. Он несли, как подстегиваемое опасностью животное, и замедлил бег лишь тогда, когда обнаружил первую группу людей, занятых работами. Он осторожно приблизился к ним. Все они были заняты, и он смог проскользнуть мимо незамеченным.

Гросвенф все больше отчаивался в поисках чудовища. Город был слишком велик. Руин и укромных местечек было значительно больше, чем показалось ему вначале. В конце концов он направился к кораблю и с облегчением вздохнул, увидев животное, удобно растянувшееся на валуне под солнцем. Гросвенф осторожно посадил машину на удобное возвышение позади чудовища. Он находился еще в

кораблике, когда двадцать минут спустя группа людей, изучающих город, наткнулась на раскромсанное тело Денервея из химического отдела и передала это вызывающее дрожь сообщение.

Гросвенф сразу же взял курс к месту происшествия. Он знал, что Мортон не будет смотреть на тело. В приемнике послышалось его угрюмое распоряжение:

—Перенесите останки на корабль.

Друзья Денервея были уже там и в тревожной тишине разглядывали труп товарища.

Гросвенф посмотрел вниз на ужасающие клочья человеческого мяса и запачканные кровью куски металла и ощутил, как сжалось его горло. Он слышал замечание Кента:

—Черт побери, и нужно же ему было пойти одному!

Голос главы химического отдела звучал хрипло.

Гросвенф вспомнил о том, что Кент и его старший заместитель Денервей были добрыми друзьями. По всей вероятности, кто-нибудь из химического отдела сказал что-то по личной связи отдела, потому что Кент ответил:

—Да, будем делать вскрытие.

Эти слова напомнили Гросвенфу о том, что если он не настроится на их волну, то пропустит большую часть происходящего. Он торопливо тронул за плечо ближайшего к нему человека и спросил:

—Не возражаете, если я через вас послушаю химиков?

—Давайте.

Гросвенф слегка прижал пальцы к его руке и услышал, как дрожащий голос говорил:

—Хуже всего, что убийство выглядит совершенно бессмысленным. Тело буквально превратили в желе, но похоже, все части на месте.

В разговор вмешался биолог Скит. Его длинное лицо выглядело мрачнее обычного.

—Убийца напал на Денервея, чтобы его съесть, но потом обнаружил, что по составу тело для него несъедобно. Совсем как наш огромный кот. Что бы перед ним ни поставили, ничего не ест...—тут он осекся и медленно продолжил:—А как насчет этого зверя? Он достаточно велик и силен для того, чтобы проделать подобное своими конечностями.

—Вероятно, эта мысль пришла в голову многим из нас,—промолвил Мортон, слушавший весь разговор.—В конце концов, это единственное живое существо, которое мы тут нашли. Но, естественно, мы не можем расправиться с ним по одному лишь подозрению.

—Кроме того,—заметил один из мужчин,—он не исчезал из поля моего зрения.

Прежде чем Гросвенф успел заговорить, по главной линии послышался голос психолога Сидла:

—Мортон, я беседовал со многими людьми, и впечатление у меня осталось следующее: их первое чувство таково, что зверь ни разу не исчезал из поля зрения, но поразмыслив немного, все они соглашались с тем, что на несколько минут, может быть, и исчезал. У меня тоже сложилось впечатление, что он все время был поблизости. Но я припоминаю, что были моменты и, возможно, достаточно длительные, когда он совершенно исчезал из виду.

Гросвенф вздохнул и промолчал теперь уже намеренно. Его точка зрения была высказана другим.

Молчание нарушил Кент, который яростно заявил:

—Я считаю, что нечего разводить пустые разговоры. Нужно прикончить чудовище по первому подозрению, пока оно не наделало еще больших бед.

—Корита, вы далеко?—осведомился Мортон.

—Возле тела, директор.

—Корита, вы расхаживали по городу вместе с Крансом и Ван Хорном. Как вы считаете, может быть этот кот потомком тех, кто населял эту планету?

Высокий японец медленно и задумчиво проговорил:

—Директор Мортон, тут есть какая-то тайна. Посмотрите на эту удивительную линию небосвода. Обратите внимание на контуры архитектурных сооружений. Эти люди были близки к землянам. Здания не просто украшены, они украшены согласно стилю. Есть эквиваленты греческой колонны, имеется большой собор в готическом стиле, для создания которого нужно было обладать верой. Если рассматривать этот одинокий мир как планету-мать, то она должна была быть для обитателей любимым местом, несущим им тепло и духовные силы. Эффект усиливает расположение улиц. Наличие механизмов доказывает, что жители планеты разбирались в науке и технике, но прежде всего они были художниками. Это не почтенно-седовласая цивилизация, а культура юная и энергичная, уверенная в себе и сильная знанием своей конечной цели. А потом все внезапно кончилось, как будто на определенной стадии эта культура пережила великую битву и рухнула, как бывшая Мохамедианская цивилизация, или, миновав столетия процветания, она вступила в период борьбы и распрей. Как бы там ни было, у нас нет сведений ни об одной культуре во вселенной, сделавшей такой резкий скачок. Преобразова-

ния всегда происходят медленно. И первая их стадия—подвергать безжалостному сомнению все, что когда-то было свято. Должны были существовать внутренние противоречия. Бесспорные прежде убеждения подвергаются жестокой критике со стороны ученых и аналитиков. Скептики становятся господствующими существами расы. Но эта культура, я бы сказал, прекратила свое существование внезапно, в цветущем возрасте. Социологической бомбой для подобной катастрофы должен был быть конец всей морали, взрыв жесточайшей преступности, разрушение всех идеалов. Должно было возникнуть полнейшее бессердечие. Если этот... кот—потомок подобной расы, тогда он может быть ночным врагом, хладнокровным убийцей, который ради одного зернышка может перерезать горло собственному брату.

—Довольно!—отрывисто прозвучал голос Кента.—Директор, я намерен совершить возмездие.

Его резко прервал Скит:

—Я категорически возражаю! Послушайте, Мортон, мы не должны убивать кота, даже если он и виновен. Это настоящая биологическая сокровищница!

Кент и Скит сердито уставились друг на друга.

—Дорогой мой Кент,—внушительно и веско проговорил Скит,—я понимаю тот факт, что вы в своем химическом отделе будете счастливы сделать химический анализ его крови и плоти. Но я должен, к сожалению, уведомить вас о том, что вы чересчур спешите. Нам, в биологическом отделе, он необходим живым, а не мертвым. И у меня есть такое предчувствие, что физики тоже захотят заняться им живым. Так что боюсь, что вы будете последним в списке. И примиритесь, пожалуйста, с этим. Вы сможете заняться им через год, но никак не раньше.

—Я смотрю на это дело не с научной точки зрения,—угрюмо возразил Кент.

—А следовало бы... Ведь Денервей мертв и для него ничего нельзя сделать.

—Я—человек, а уж потом—ученый,—хрипло сказал Кент.

—И ради удовлетворения эмоций вы готовы уничтожить столь ценный экспонат?

—Я хочу прикончить это существо, потому что оно таит в себе неведомую опасность. Мы не можем подвергать риску остальных.

Конец дискуссии положил Мортон, который задумчиво произнес:

—Корита, я готов принять вашу теорию в качестве рабочей гипотезы, но у меня возник один вопрос. Возможно ли, чтобы эта культура была более поздней, чем наша в колонизированной нами галактической системе?

—Такое предположение не исключено,—сказал Кори-та.—Данная культура может быть серединой десятой цивилизации этого мира, в то время как наша, насколько это нам удалось выяснить, является концом восьмого цикла прогресса. Каждая из десяти, конечно, была построена на обломках предыдущей.

—В таком случае, известно ли ему о том, что мы начали подозревать его в совершении преступления?

—Нет, для него это было бы откровением.

Приемник донес угрюмый смешок Мортонa, который заявил:

—Исполните свое желание, Скит. Мы отдадим вам ко-та живым. И если существует риск, теперь нам о нем известно, так что будем бдительными. Существует, конечно, вероятность того, что мы ошибаемся. У меня, как и у Сид-ла, сложилось впечатление, что существо все время находилось поблизости. Вполне возможно, что мы к нему несправедливы. На этой планете могут обитать и другие опасные животные. Кент, каковы ваши планы насчет дела Денервея?

Глава химического отдела с горечью произнес:

—Поспешных похорон не будет. Проклятый кот чего-то хотел от тела. Похоже на то, что все на месте, но что-то наверняка исчезло. Я собираюсь выяснить, что именно, и прижать этого убийцу к стенке, чтобы вы поверили в его преступную сущность, отбросив все сомнения.

ГЛАВА III

Вернувшись на корабль, Эллиот Гросвенф направился в свой отдел. Табличка на двери гласила: «СПЕЦИАЛИСТ ПО НЕКЗИАЛИЗМУ». За ней находились пять комнат, а все помещение было размером сорок футов на восемьдесят. Большая часть машин и инструментов, о которых «Некзи-альное объединение» просило правительство, было установлено. В результате, в комнатах было достаточно тесно. Оказавшись в помещении, Гросвенф остался насдине с собой.

Он поудобнее устроился за письменным столом и принялся составлять письменное сообщение Мортону. Он про-анализировал возможное физическое строение обитателя

этой холодной и отдаленной планеты... Гросвенф указал на то, что такое животное нельзя рассматривать лишь как биологическую сокровищницу. Ошибка была опасна тем, что могла заставить людей забыть, что существо могло иметь свои собственные планы и нужды, базирующиеся на нечеловеческом метаболизме.

—У нас теперь достаточно фактов,—стал диктовать он на магнитофон,—чтобы проделать то, что неспециалисты называют «утверждением направления».

Для того, чтобы укомплектовать «утверждение», ему понадобилось несколько часов напряженной работы. Он отнес запись в отдел стенографии и попросил немедленно ее отработать. Как глава отдела, он пользовался привилегией обслуживания. Через два часа он доставил отчет в офис Мортон. Младший секретарь выдал ему расписку. Убежденный, что сделал все, что мог, Гросвенф отправился пообедать. В столовой он осведомился у официанта, где кот?

Официант не был уверен; но полагал, что животное в главной библиотеке.

В течение часа Гросвенф сидел в библиотеке, наблюдая за Керлом. Все это время существо лежало, растянувшись на толстом ковре и ни разу не переменяло положения. Через час одна из дверей открылась, и в комнату, держа огромную посудину, вошли двое мужчин. За ними шел Кент. Глаза химика пылали лихорадочным огнем. Он остановился посреди комнаты и произнес усталым, но все же пронзительно звучащим голосом.

—Я хочу, чтобы вы все это видели.

Подразумевалось, что он говорит обо всех, кто находится в этой комнате, но, в основном, он имел в виду группу ученых, сидевших в специально отведенной секции. Гросвенф встал и посмотрел, что находится в принесенной чаше. Там содержалось какое-то коричневое варено.

Биолог Скит тоже поднялся со своего места.

—Минутку, Кент. В другое время я не стал бы подвергать сомнению ваши действия. Но вы переутомились и у вас больной вид. Вы получили разрешение Мортон на эксперимент?

Кент не спеша повернулся к Скиту, и Гросвенф, снова занявший свое место, увидел, что слова Скита лишь частично отражали суть. Под глазами шефа химического отдела темнели синяки. Щеки его ввалились.

—Я просил директора прийти сюда,—сообщил Кент,—но он отказался присутствовать. Он считает, что если это

существо добровольно сделает то, что я хочу, это не принесет никакого вреда.

—Что у вас там?—поинтересовался Скит.—Что в чане?

—Я обнаружил исчезнувший элемент. Это калий. В теле Денервея осталось только две трети или три четверти от нормального количества калия. Вам известно, что калий во взаимодействии с большой молекулой протеина, является основой для электрического заряда клетки. Это основа жизни. Обычно после смерти клетки высвобождают содержащийся в них калий в кровяной поток, отравляя его. Я доказал, что некоторое количество калия исчезло из клеток тела Денервея, но в кровь он не попал. Полная картина еще не понятна, но я намерен ее прояснить.

—А при чем тут чан с едой?—прервал его кто-то.

Люди оставили книги, журналы и с интересом стали наблюдать за происходящим.

—В еде живые клетки, содержащие калий. Как вам известно, мы можем создавать их искусственно. Может быть, именно из-за этого чудовище и отвергало во время ленча нашу пищу. Его не устраивает форма входящего в нее калия. Моя идея такова, что он использует свое обоняние, или что там у него вместо обоняния...

—Думаю, нечто связанное с вибрацией,—вмешался Гурлей.—Иногда, когда он покачивает этими усиками, мои приборы регистрируют отдельную очень мощную помеху, а потом—снова ничего. Похоже на то, что он излучает волны по своей воле. И я думаю, что частоту колебаний создают не сами усики.

Кент с очевидным нетерпением дождался конца выступления Гурлея и заговорил сам:

—Отлично... Итак, его ощущения связаны с вибрацией. Мы сможем решить, что вызвало его реакцию на данную вибрацию, когда он начнет реагировать... А что думаете вы, Скит?—более мягко произнес химик.

—В вашем плане имеются три ошибки,—ответил биолог.—Во-первых, вы кажется забыли, что он мог объесться, пообедав Денервеем, если он это сделал. И вы кажется думаете, что у него не возникнут подозрения. Вы считаете... Ладно, останавливайте ваш чан. Может его реакция на это что-нибудь вам подскажет.

Несмотря на все споры, эксперимент Кента обещал быть интересным. Существо уже доказало, что неожиданные ситуации могут толкнуть его на непредсказуемые действия. Его реакцию, когда он оказался в закрытом лифте, никак нельзя было списывать со счета. Так считал Гросвенф.

Керл немигающим взглядом уставился на двоих людей, ставивших перед ним чан. Они быстро отошли, а Кент шагнул вперед. Керл узнал в нем человека, доставшего утром оружие. Несколько минут он наблюдал за этим двуногим существом, потом его внимание переключилось на чан. Его усики уловили испускаемое его содержимым волнующее излучение идов. Оно было слабым, таким слабым, что оставалось для него незамеченным, пока он полностью на нем не сконцентрировался. Иды содержались в жидкости в такой концентрации, которая была для него почти бесполезной. Но все же вибрация была достаточно сильной, чтобы указать на причину происходящего. Керл с рычанием поднялся на ноги. Он схватил чан чашечками-присосками на конце одного изгибающегося дугой щупальца и выплеснул его содержимое на Кента, который с воплем отпрыгнул назад.

Одной рукой Кент яростно вытирал испачканное лицо, другой схватился за оружие. Его дуло уставилось в массивную голову Керла, и из него вырвался луч белого цвета.

Усики-уши Керла зашевелились, автоматически сводя на нет энергию оружия. Круглые черные глаза сузились, отмечая движения мужчин, схватившихся за оружие.

Гросвенф, ближе всех находившийся к месту происшествия, резко выкрикнул:

—Стойте! Мы все можем пожалеть о том, что поступаем как истерики!

Кент опустил оружие и, слегка обернувшись, озадаченно посмотрел на нексиалиста. Керл лег, ненавидя человека, вынудившего его показать свою способность контролировать внешнюю энергию. Но делать было нечего, он мог лишь с тревогой ожидать последствий.

Кент вновь посмотрел на Гросвенфа. На этот раз его глаза зло сузились.

—Какого черта вы тут распорядаетесь?

Гросвенф промолчал. Его роль в этом инциденте была исчерпана. Он распознал эмоциональный кризис и сказал необходимые слова командным тоном. Тот факт, что повиновавшись его команде, люди теперь спрашивают, насколько он уполномочен давать команды, был неважен. Кризис миновал.

То что он сделал, не имело никакого отношения к вине или невинности Керла. Конечным результатом его вмешательства должно быть такое положение дел, при котором решение об этом существе будет вынесено не одним человеком, а группой авторитетных специалистов.

—Кент,—холодно сказал Сидл.—Я не верю в то, что вы действительно потеряли над собой контроль. Вы намеренно пытались прикончить кота, зная, что директор приказал оставить его живым. Я намерен составить рапорт и требовать, чтобы вы понесли наказание. Вам известно, в чем оно заключается—потеря главенства в вашем отделе и невозможность занять эту должность в любом из двенадцати других отделов.

Группа мужчин, в которых Гросвенф узнал сторонников Кента, тревожно зашевелилась. Один из них заявил:

—Нет, нет! Оставьте эти глупости, Сидл.

Другой был более циничным.

—Не забудьте, что есть свидетельства не только против Кента.

Кент обвел присутствующих угрюмым взглядом.

—Корита был прав, когда говорил о почтенном возрасте нашей цивилизации. Она явно клонится к упадку,—затем он продолжил с дрожью в голосе.—О боже, да неужели тут нет человека, который бы видел весь ужас происходящего? Денервей мертв всего несколько часов. А это существо, вину которого мы все знаем, лежит здесь, свободное, и планирует новое убийство. И жертва его, возможно, находится здесь, в этой комнате. Что же мы за люди? Дураки, циники или упыри? Или наша цивилизация уже дошла до того, что мы можем симпатизировать убийце?—он перевел взгляд опухших глаз на Керла.—Мортон был прав. Это не животное. Это дьявол, поднявшийся из глубины ада этой забытой богом планеты.

—Не пытайтесь делать из нас участников мелодрамы,—сухо сказал Сидл.—Ваши выводы лишены психологического анализа. Мы не упыри и не циники. Мы просто ученые, которые должны узнать об этом коте все. Теперь, когда он находится под нашим наблюдением, мы сомневаемся в его способности напасть на кого-нибудь из нас. Один против тысячи—слишком малая вероятность.—Он осмотрелся по сторонам.—Поскольку Мортон здесь нет, я предлагаю проголосовать. Говорил ли я от имени вас всех?

—Только не от моего, Сидл,—это был Скит. Отвечая на удивленный взгляд психолога, он продолжал:—В этот напряженный момент все произошло так молниеносно, что никто, кажется, не заметил, что, когда Кент выстрелил из вибратора, луч угодил этому животному в самый центр головы и не причинил никакого вреда!

Изумленный взгляд Сидла метнулся со Скита на Керла и снова на Скита.

—Вы уверены, что он в него попал? Как вы сказали, все произошло так внезапно... Я подумал, что кот остался невредимым, потому что Кент промахнулся.

—Я совершенно уверен, что он попал ему в морду,—заявил Скит.—Вибрационный пистолет, конечно, не может мгновенно убить человека, но причинить ему вред он может. Кот никак не показал, что ему нанесен какой-то ущерб. Он даже не задрожал. Я не стану говорить, что это окончательный вывод, но принимая во внимание наши сомнения...

Сидл был явно смущен.

—Возможно, его кожа хорошо защищает от воздействия температуры.

—Возможно, но ввиду нашей неуверенности, Мортону, я думаю, следует отдать приказ запереть его в клетку.

Пока Сидл хмурился в сомнениях, вновь заговорил Кент:

—В ваших словах есть смысл, Скит.

Сидл мгновенно подхватил:

—Так вы были бы удовлетворены, Кент, если мы поместим его в клетку?

Кент подумал и неохотно согласился:

—Да, если только слой стали в четыре дюйма толщиной сможет его удержать, то можно сделать и так.

Гросвенф, державшийся на заднем плане, вновь промолчал. Он обсудил проблему заключения Керла в своей записке Мортону и нашел этот вариант неподходящим, в основном, из-за запирающих механизмов.

Сидл подошел к встроенному в стену коммутатору, тихо с кем-то переговорил и вернулся.

—Директор сказал, что если мы сможем водворить его в клетку, не применяя насилия, то все в порядке. В противном случае, нужно просто запереть его в любом помещении, в котором он находится. Что вы на это скажете?

—В клетку!—раздался единодушный хор голосов.

Гросвенф подождал, пока установится тишина, и заявил:

—На ночь его нужно выпустить. Он никуда не денется.

Большая часть присутствующих проигнорировала его замечание. Кент посмотрел на него и кисло спросил:

—Вы кажется, переменили мнение, а? То вы спасаете ему жизнь, то признаете его опасным.

—Он сам спас свою жизнь,—проронил Гросвенф.

Кент отвернулся и пожал плечами.

—Мы поместим его в клетку. Как раз подходящее место для кровожадного убийцы.

—Вопрос решен, но как мы возьмемся за дело?—спросил Сидл.

—Вы твердо решили посадить его в клетку?—уточнил Гросвенф.

Он не ожидал ответа и он его не получил. Эллиот прошел вперед и тронул кончик ближайшего к нему шупальца Керла. Шупальце слегка отдернулось, но Гросвенф был настроен решительно. Он снова взялся за шупальце и указал на дверь. Животное немного поколебалось, но потом медленно двинулось через помещение.

—Подготовьте помещение для кота,—произнес Гросвенф.

Керл послушно направился вслед за Гросвенфом через дверь. Он очутился в квадратной металлической комнате со второй дверью в противоположной стене. Человек вышел в нее. Керл попытался было последовать за ним, но дверь захлопнулась перед самым его носом. Сразу же за его спиной послышался металлический лязг. Он повернулся и увидел, что входная дверь тоже захлопнулась. Он ощутил поток энергии, когда электрический замок вставал на место. Когда Керл понял, что его заперли, его морда искажилась от ненависти, но никаких внешних признаков волнения он не показал. Он хотел, чтобы люди заметили разницу между его реакцией на заточение в лифте и теперешней. Сотни лет все его существо было направлено на поиски еды. Теперь в его мозгу ожили тысячи воспоминаний из прошлого. В его теле зашевелились давно уже не востребуемые силы. Теперь они были разбужены, и сознание автоматически использовало их возможности в применении к настоящему моменту. Он уселся на гибкие задние лапы и с помощью усиков-ушей исследовал энергию того, что его окружало.

Потом он лег. Глаза его выражали презрение. Дураки!

Прошел примерно час, когда он услышал, что какой-то человек—это был Скит—возится наверху клетки с каким-то механизмом. Керл насторожился и вскочил. Его первой мыслью было, что он недооценил этих людишек и что они собираются его прикончить. Керл рассчитывал на то, что ему дадут время и он сможет осуществить задуманное.

Опасность заставила его растеряться. И когда он внезапно ощутил радиацию, источник которой находился гораздо ниже уровня его клетки, он собрал все силы для борьбы с возникшей опасностью. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял происходящее. Кто-то делал снимки его тела. Через некоторое время люди ушли. Вско-

ре снова послышался шум. Керл терпеливо ждал, пока на корабле не воцарится тишина. Давным-давно, еще до того, как керлы достигли относительного бессмертия, они тоже спали по ночам. Наблюдая в библиотеке за дремлющими людьми, он вспомнил эту привычку.

Звуки не утихли только в одном месте. Еще долго после того, как весь корабль уснул, он слышал шорох двух пар ног. Беда заключалась в том, что стражи держались не вместе. Вначале слышались шаги одного, затем, примерно на тридцать шагов сзади—другого.

Керл прислушивался к шагам, вычисляя сколько времени занимает у охранников обход клетки. Наконец он узнал, что хотел. Он подождал, пока стража совершила очередной круг. На этот раз, как только они прошли, Керл сконцентрировал все свои чувства на энергетике корабля. Мощная пульсация реактора в машинном отделении воспринималась Керлом как спокойные громкие звуки, а вращение генератора электроэнергии—почти как песня. Керл контролировал все энергопотоки, пронизывающие стены его тюрьмы по многочисленным проводам, отыскивая тот ручеек, который заканчивался запирающим устройством дверного замка. Получилось! Керл сосредоточился, настроив внутреннюю энергию своего тела в ритм с энергией корабля. Усики-антенны завибрировали.

Раздался резкий металлический шелчок. Сильным движением одного из щупалец Керл толкнул дверь, и она отворилась. Он очутился в коридоре. Мгновение он испытывал чувства презрения и превосходства при мысли о глупых существах, осмелившихся попытаться подчинить его. Неожиданно он вспомнил о том, что на его планете существуют и другие керлы. Мысль была странной и непривычной для Керла. Раньше он ненавидел и боролся с ними. Но теперь он чувствовал себя одним из них, это был его клан. Если бы им был дан шанс размножиться, никто, а уж меньше всего эти людишки, не смог бы им противостоять.

Раздумывая об этой возможности, он ощутил, как давит на него одиночество, ограниченность вариантов, потребность в других керлах—один против тысячи, а затем—всей Вселенной. Звездный мир вызвал в нем хищные, ненасытные устремления. Если он проиграет—другого случая не предоставится! В лишенном пищи мире для него не будет возможности разрешить тайну путешествий в пространстве. Даже Строители не смогли оторваться от своей планеты.

Керл пробежал через большой салон и отходящий от него коридор. Он очутился перед первой дверью в спальню. Она была заперта на электрический замок, но Керл бесшумно открыл ее. Он проскользнул в нее и нанес точный удар по горлу спящего человека. Голова отлетела прочь, тело дернулось, струей хлынула кровь. Излучение идов, испускаемое телом, едва не захватило его, но он заставил себя двинуться дальше.

Семь спален, семь безголовых трупов. Потом Керл тихо вернулся в клетку и запер за собой дверь. Он выверил время с микроскопической точностью. Сейчас охрана, как и должно было быть, прошла мимо, заглянула в аудиаскоп и продолжала свой путь. Керл ринулся во второй набег и в течение нескольких минут опустошил еще четыре спальни. Потом он подошел к большой спальне, где спали двадцать четыре человека. Он убивал мгновенно, все время помня о моменте, когда ему нужно было возвращаться в клетку. Но возможность уничтожения такого количества людей сразу помрачила его сознание. Более чем тысячу лет он уничтожал все формы живого, которые мог уничтожить. Даже самые примитивные, которые могли дать ему не больше одного ида. И все же, он никогда не чувствовал необходимости сдерживаться. Он обошел комнату как несущий смерть демон и успокоился только тогда, когда все люди были мертвы.

Внезапно Керл спохватился, что превысил свое время. Непоправимость ошибки потрясла его. Он четко спланировал ночь убийств, и каждый смертельный рейс должен был заканчиваться так, чтобы он успевал вернуться в свою тюрьму и быть там, когда охранники окажутся перед дверью, завершая очередной круг. Теперь же надежда овладеть этим кораблем-монстром за одну ночь была утрачена.

Керл потерял остатки разума. Как безумный, не заботясь теперь о бесшумности, он промчался по салону. Он влетел в тот коридор, где находилась дверь клетки, напряженный, ожидая, что будет встречен лучом бластера, слишком сильным, чтобы он смог справиться.

Двое охранников стояли рядом, бок о бок. Было очевидно, что они только сейчас обнаружили открытую дверь. Они одновременно подняли головы и застыли, парализованные кошмарным видением. На них с огромной скоростью летело чудовище с выпущенными когтями, растопыренными щупальцами, горящими от ненависти глазами. Один из охранников схватился за бластер, но

было слишком поздно. Другой уже был психологически сломлен неизбежностью смерти. Он испустил дикий вопль ужаса. Жуткий крик пронесся по коридору, будя спящих людей. Крик перешел в леденящее душу всхлипывание, когда Керл одним неуловимым движением отправил оба тела в противоположный конец коридора. Он не хотел, чтобы трупы были найдены возле клетки. Это была его единственная надежда.

В отчаянии, понимая весь ужас своей ошибки, неспособный связно думать, он ринулся в свою тюрьму. Дверь за ним мягко захлопнулась. Сильный поток энергии вновь хлынул в запирающее устройство. Керл скорчился на полу и, слыша топот многих ног и гул испуганных голосов, притворился спящим. Он почувствует, если кто-нибудь заглянет в аудиаскоп. Самый напряженный момент наступит, когда будут обнаружены остальные трупы.

Он приготовился к величайшей в его жизни битве.

ГЛАВА IV

—Нет больше Шивера!—услышал Гросвенф голос Мортон, сдавленный от ужаса.—Что мы будем делать без Шивера? Без Бекендриша? Без Культора? О ужас!

Коридор был забит людьми. Гросвенф, пришедший с опозданием, стоял возле одной из групп людей в конце коридора. Дважды он пытался пробиться поближе, но был немедленно оттеснен людьми, даже не взглянувшими на него. Они преграждали ему путь, даже не поинтересовавшись, кто он такой. Гросвенф оставил бесплодные попытки. Директор обвел толпу мрачным взглядом. Его подбородок, казалось, выдавался больше обычного.

—Если у кого имеются соображения, выкладывайте!—заговорил Мортон снова.

—Космическое сумасшествие!

Это предположение подействовало на Гросвенфа раздражающе. Ничего не значащая фраза, все еще бывшая в ходу после многих лет космических путешествий. Тот факт, что человек заболел в пространстве от одиночества, страха и напряжения, еще не говорил о специфическом заболевании. В длительном путешествии, подобном этому, существовали некоторые опасности—и это была одна из причин, по которой он находился на борту—но психическое расстройство от одиночества вряд ли входило в их число.

Мортон колебался. Казалось ясным, что он тоже рассматривает это замечание, как бред шизофреника. Но вре-

мя для споров о деталях было неподходящим. Эти люди были чрезвычайно напуганы. Они жаждали действий, возвращения уверенности и знания того, что приняты действительные контрмеры. Именно в такие моменты руководители экспедиции, командиры и прочие лица, занимающие должностные посты, теряют доверие своих подчиненных. Гросвенфу показалось, что когда Мортон заговорил, он думал именно о такой возможности, настолько осторожно он подбирал слова.

—Мы это обсудим,—сказал директор.—Доктор Эгерт и его помощники, конечно же, всех осмотрят. А сейчас он осматривает трупы.

Звучный баритон сказал в самое ухо Гросвенфа:

—Я уже здесь, Мортон. А нельзя ли мне к вам пройти? Велите этим людям пропустить меня.

Гросвенф повернулся и узнал доктора Эгерта.

Люди уже сами расступались перед ним, и Эгерт нырнул вперед. Безо всяких колебаний за ним пошел Гросвенф. Как он и ожидал, все решили, что он с доктором. Когда они очутились рядом с Мортоном, доктор Эгерт проговорил:

—Я слышал ваши слова, Мортон, и могу вам сразу заявить, что версия о космическом сумасшествии не годится. Этим несчастным оторвали головы так быстро, что у них не было возможности даже вскрикнуть. На это нужна сила десятиерых,—Эгерт помолчал, потом медленно произнес:—Как насчет кота, Мортон?

Директор качнул головой.

—Киска в свой клетке, доктор, и рассказывает туда-сюда. Я бы хотел узнать мнение на его счет у специалистов. Можем ли мы подозревать кота? Клетка построена с таким расчетом, чтобы удержать четырех чудовищ в четыре-пять раз больших, чем он. В его виновность вроде бы трудно поверить, если только речь не идет о способностях, превосходящих все наши представления.

Скит мрачно заявил:

—Мортон, у нас есть все необходимые свидетельства. Мне страшно не хочется об этом говорить, вы же знаете, что я предпочел бы, чтобы кот остался в живых. Но я направил на него телекамеру и попытался сделать несколько снимков. Все они оказались пустыми. Вспомните, что сказал Гурлей. Это существо может, вероятно, посылать и получать колебания волн всего спектра. То, как он справился с излучателем Кента, является для нас после случившегося, бесспорным доказательством того, что он

обладает уникальной способностью управлять потоками энергии.

Кто-то недовольно проворчал:

—Какого черта мы тут делаем? Ведь если он может контролировать энергию и посылать волны любой длины, то ничто не помешает ему убить нас всех.

—Вот доказательство, что он не всемогущ, иначе он бы сделал это давно.

Мортон направился к механизму, контролирующему замок клетки.

—Вы не должны открывать дверь!—завопил Кент, хватаясь за бластер.

—Нет, но если я опущу этот рубильник, пол клетки окажется под напряжением. Мощность очень большая, и все живое, находящееся в клетке должно погибнуть. Мы сделали так на всякий случай во всех клетках.

Он отпер специальное устройство и опустил рубильник. Какое-то время прибор работал на полную мощность. Потом металл вспыхнул голубым светом. Ряд предохранителей над головой Мортон сделался черным. Мортон потянулся, вытянул один из них из патрона и осмотрел, нахмурившись.

—Забавно, ведь с ним ничего не должно было случиться!—он покачал головой.—Да, теперь мы даже не сможем заглушить в клетку. Это вывело из строя и радио.

—Если он так хорошо справляется с электричеством, что способен открыть дверь, то он, весьма вероятно, учел и такую возможность и был готов противостоять этой опасности, когда вы опустили рубильник,—заметил Скит.

—По крайней мере, это доказывает, что кот не чувствителен к нашей энергии,—мрачно скривился Мортон.—Ведь он вернул ее совершенно безболезненно. Важно то, что он прячется за слоем плотнейшего металла в четыре дюйма толщиной. В случае чего, мы можем открыть дверь и испытать на нем действие бластеров. Но вначале нам следует попытаться послать ему электрические заряды, пропущенные через мощный телефлюарный кабель.

Его речь прервал донесшийся из клетки звук. Тяжелое тело ударилось о стену. За этим последовала серия таких оглушительных звуков, как будто на пол бросали целую кучу предметов. Гросвенф мысленно сравнил это с грохотом лавины.

—Он знает, что мы пытаемся сделать,—сказал Скит Мортону.—И держу пари, это киске совсем не по душе. Кот сваял дурака, вернувшись в клетку, и теперь понял это!

Общее напряжение спало. Мортон и другие нервно заулыбались. Кто-то даже хмыкнул, представив себе нарисованную Скитом картину огорченного чудовища. Гросвенф же насторожился. Ему не понравились звуки, которые он слышал. Слух—самый обманчивый из всех чувств. Невозможно проверить, что на самом деле происходит в клетке.

—Что я бы хотел знать,—сказал главный инженер Пеннос,—это почему показания телефлюорно-измерительной шкалы подскочили и заколебались на высшей цифре, когда кот стал шуметь? Шкала у меня под носом, и я пытаюсь понять, что же случилось?

И в клетке и вне ее наступила тишина. Неожиданно за спиной Скита послышался шум, и появился капитан Лич с двумя офицерами в военной форме. Командир, жилистый пятидесятилетний мужчина, резко предложил:

—Думаю, мне следует поставить тут пост. Кажется, между учеными возник спор: убивать чудовище или нет... это правда?

Мортон качнул головой.

—Спорить уже не о чем. Мы пришли к единому мнению, что кота следует уничтожить.

—Я собираюсь отдать об этом приказ,—четко кивнул Лич.—Я убежден в том, что безопасность корабля под угрозой, а это уже моя область,—он повысил голос:—Освободите место! Подайтесь назад!

Понадобилось несколько минут на то, чтобы отеснить народ. Гросвенф был раздражен собравшейся толпой и был рад, когда с этим было покончено. Если бы чудовище неожиданно выскочило, вся эта толпа не могла бы быстро податься назад и многие были бы ранены и уничтожены. Такая опасность полностью не исчезла, но все же заметно уменьшилась.

—Смешно!—раздался чей-то возглас.—Можно подумать, что корабль вот-вот взлетит.

Гросвенф ощутил то же самое. Большой корабль дрожал, как будто приходил в себя после долгой спячки.

—Пеннос, кто в аппаратной?!—резко спросил капитан Лич.

Главный инженер побледнел.

—Мой заместитель и его помощники. Но я не понимаю, как они...

Толчок! Корабль накренился, угрожая свалиться набок. Гросвенфа швырнуло на пол. Он почти потерял сознание, но предчувствие опасности вернуло его к действительности.

Вокруг него распластались остальные. Некоторые стонали от боли. Директор Мортон отдавал какие-то распоряжения, но Гросвенф ничего не слышал. Капитан Лич с трудом поднялся на ноги. Гросвенф услышал, как он в ярости завопил:

—Какая дрянь включила двигатели?

Ускорение продолжало нарастать. Величина его была уже не менее пяти-шести гравитонов. Ощущая его страшную силу, Гросвенф с трудом встал на ноги. Кое-как он добрался до ближайшего коммуникатора и набрал номер аппаратной, не особенно надеясь на то, что связь действует. За его спиной кто-то издал звук, похожий на рычание. Гросвенф изумленно оглянулся. Директор Мортон вцепился в его плечо и закричал:

—Это кот! Он в аппаратной! И мы взлетаем!

Даже когда Мортон заговорил, экран оставался пустым. Ускорение возрастало. Гросвенф с трудом добрался до двери салона и через него попал во второй коридор. Там, в кладовой, как он помнил, находились скафандры. Подойдя к ней, он обнаружил, что его опередил капитан Лич, который уже пытался влезть в скафандр. Наконец капитан справился с ним и теперь манипулировал с антигравитационным приспособлением. После этого он помог облачиться в скафандр Гросвенфу. Уже через минуту Гросвенф почувствовал, что ему стало значительно легче. Теперь их было двое, а вскоре стали подходить остальные. Через несколько минут скафандры кончились и недостающие принесли с нижнего этажа. Капитан Лич куда-то исчез, и Гросвенф, думая, какой же следующий шаг предпринять, заторопился к клетке, в которой раньше был заперт кот. Он нашел там ученых, сгрудившихся вокруг двери, которую только что открыли.

Гросвенф пробрался вперед и заглянул через плечи тех, кто находился ближе к двери. В задней стенке клетки зияла дыра. Она была достаточно большой для того, чтобы в нее могли пролезть пять человек одновременно. Металл прогнулся и был испещрен по краям многочисленными зазубринами. Отверстие выходило в другой коридор.

—Я готов поклясться,—прошептал Пеннос сквозь незакрытый колпак скафандра,—что это невозможно. Один удар десятитонного механического молота сможет оставить на стене из микрокристалли лишь зазубрину в четверть дюйма глубиной. А ведь мы слышали только один удар. Автоматическому дезинтегратору понадобится для такой работы не меньше минуты, но после этого вся территория была бы

отравлена радиоактивными элементами, по крайней мере, на несколько недель. Мортон, это суперсущество!

Мортон ничего не ответил. Гросвенф заметил, что Скит изучает пролом в стенке. Наконец биолог поднял голову.

—Если бы Бекендриш был жив... Чтобы объяснить это, тут необходим специалист по металлургии. Смотрите!

Он тронул обломанный край металла. Кусок под его пальцами отвалился и, упав на пол, рассыпался в пыль.

Гросвенф шагнул вперед и пробормотал:

—Я кое-что смыслю в металлургии.

Люди сразу освободили ему дорогу, и он оказался рядом со Скитом. Биолог хмуро уставился на него и спросил подчеркнуто резко:

—Вы один из помощников Брека?

Гросвенф сделал вид, что не слышал вопроса. Он наклонился и провел рукой по грудке обломков на полу, после чего быстро выпрямился.

—Никакого чуда тут нет,—заявил он.—Как вам известно, подобные клетки изготавливаются методом электромагнитной отливки и для них используется превосходный металлический порошок. Существо воспользовалось своими возможностями, чтобы разрушить молекулярную структуру металла. Это и послужило причиной тех изменений в телефлюарном кабеле, которые заметил мистер Пеннос. Существо, трансформируя свою энергию, разбило стену, высочило в коридор, а оттуда в аппаратную.

Он был удивлен тем, что ему позволили закончить этот поспешный анализ. Казалось, его принимали за ассистента погибшего Бекендриша; естественная для огромного корабля неразбериха, когда у людей просто не было времени познакомиться со всеми, занимающими второстепенные должности.

—Итак, директор,—спокойно проговорил Кент,—мы имеем на борту суперсущество, держащее под контролем корабль, полностью завладевшее аппаратной, обладающее почти неограниченной энергией.

Это было простое перечисление фактов, и Гросвенф увидел, какое впечатление оно произвело на остальных. На их лицах отразилось беспокойство.

Ему возразил один из офицеров:

—Мистер Кент ошибается. Существо не полностью завладело аппаратной. Контрольная все еще в нашей власти, и это дает нам возможность перехватить контроль над всеми машинами. Вы, как люди, занятые лишь проблемами науки, можете не знать о механизмах управления, кото-

рыми мы располагаем. Вполне вероятно, что существо справится с управлением корабля, но пока мы еще контролируем все рубильники аппаратной.

—Ради всего святого!—воскликнул кто-то.—Почему бы вам не перекрыть каналы энергии вместо того, чтобы облачать в скафандры тысячу людей?

Офицер был непоколебим.

—Капитан Лич считает, что для нас безопаснее находиться в скафандрах. Вполне вероятно, что это существо никогда раньше не испытывало на себе воздействия ускорения в пять-шесть гравитонов. Было бы неразумным отказываться от этого преимущества.

—Какие же это у нас преимущества?—возмущился Мортон.—Ладно, разберемся после. Нам кое-что известно об этом существе. И сейчас я собираюсь предложить капитану Личу провести испытания.—Он повернулся к офицеру.—Вы не попросите командира присутствовать при маленьком эксперименте, который я хочу провести?

—Думаю, что вам лучше поговорить с ним самому, сэр. Можете связаться с ним по коммуникатору, он в контрольной.

Мортон ушел и вернулся через несколько минут.

—Пеннос,—сказал он,—поскольку вы офицер и начальник аппаратной, капитан Лич хочет, чтобы об этом опыте позаботились вы.

Гросвенфу показалось, что в тоне Мортон промелькнула нотка раздражения. Очевидно, командир корабля говорил серьезно, заявляя, что берет на себя ответственность. До нынешнего момента корабельные офицеры и вообще все военные несли службу, подчиняя себя общей цели полета. Тем не менее прошлый опыт показал правительству, что военные по каким-то соображениям не слишком высоко ставили авторитет ученых. В моменты, подобные этому, скрытая враждебность выплывала наружу. И, действительно, не было никаких причин, чтобы отстранить опытного Мортон от руководства кораблем.

Пеннос энергично возразил:

—Директор, у нас нет времени на то, чтобы вы объясняли мне детали. Распоряжайтесь сами! Если я буду в чем-то с вами не согласен, мы это обговорим.

Это был вежливый отказ от привилегий, но Пеннос, как главный инженер, сам был в первую очередь ученым.

Мортон не стал терять времени и решительно заявил:

—Мистер Пеннос, отправьте по пять человек в каждый из четырех подходов к аппаратной. Я собираюсь возгла-

вить одну из групп; вы, Кент, поведете вторую, Скит—третью. А вы, мистер Пеннос, будете командовать четвертой. Будем действовать через большие двери переносными излучателями и бластерами. Все двери, как я заметил, закрыты: чудовище заперлось. Селенски, вы подниметесь на контрольный пункт и выключите все, кроме моторов. Приборы подсоедините к главному рубильнику и выключите их по нашей команде. Хотя есть тут одна вещь... Включите ускоритель на полную мощность и не применяйте никаких антиускорителей! Ясно?

—Да, сэр!—пилот козырнул и зашагал вдоль коридора.

—Сообщите мне по коммутатору,—крикнул ему вслеп Мортон,—если какие-то машины возобновят работу!

Сопровождать выбранных вызвались все присутствующие. Гросвенф и еще несколько человек наблюдали за их действиями с расстояния примерно в двести футов. Когда были принесены передвижные излучатели и установлены переносные защитные экраны, его сердце сжалось в предчувствии несчастья. Он оценил силу и мощь предпринимавшейся атаки. Он даже представил, что она могла бы увенчаться успехом...

Но это мог бы быть чисто случайный успех. Дело было организовано на базе старой теории, старой системы организации людей и их знаний. Больше всего раздражало то, что сам он мог лишь стоять поодаль и критиковать.

По главному коммутатору раздался голос Мортон:

—Как я уже сказал, это предварительная попытка. Она основывается на заключении о том, что он пробыл в аппаратной недостаточно долго для того, чтобы что-нибудь предпринять. Это дает нам возможность одолеть его сейчас, пока он еще не успел подготовиться к борьбе против нас. Но, если нам не удастся уничтожить его немедленно, я просчитал еще одну версию: эти двери сконструированы таким образом, что способны противостоять мощному взрыву, и понадобится не менее пятнадцати минут на то, чтобы нагреватели смогли оказать на них воздействие. Все это время существо не будет получать энергии. Селенски готов перекрыть каналы питания. Главный двигатель, конечно, будет включен, но он атомный, а я считаю, что чудовище не сможет справиться с подобным механизмом. Через несколько минут вы увидите, что я имею в виду... на что надеюсь.

Его голос возвысился, когда он спросил:

—Вы готовы, Селенски?

—Да.

—Выключайте главный рубильник!

Коридор и весь корабль, как понял Гросвенф, погрузились во тьму. Он щелкнул выключателем вмонтированной в скафандр лампы. Это же проделали и другие. В отблеске лучей их лица казались бледными и напряженными.

—Заряд!—четко и резко скомандовал Мортон.

Передвижной излучатель направил потоки тепла на тяжелую металлическую дверь. Гросвенф увидел, как по металлу пробежали, сливаясь в ручейки, первые капли. За ними последовали другие, и вот уже под действием энергетического луча медленно, как будто неохотно, потекли сплошные потоки расплавленного металла. Из-за дыма через экран невозможно было разглядеть, что происходит с дверью, пока она не раскалилась докрасна. Она светилась все ярче и ярче по мере того, как возрастала температура.

Время шло медленно. Наконец раздался голос Мортон:

—Селенски!

—Еще ничего, директор.

Мортон почти прошептал:

—Но ведь должен же он что-то делать. Не может он просто так сидеть, как загнанная в угол крыса. Селенски?

—Ничего, директор...

Семь минут... десять... двенадцать...

—Директор!—это был Селенски. Его голос, как всегда, звучал официально.—Он заставил работать генератор электроэнергии!

Гросвенф глубоко вздохнул. В коммутаторе раздался голос Кента, обращавшегося к директору:

—Мортон, больше ничего не будет. Вы ожидали этого?

Гросвенф увидел, что Мортон внимательно смотрит на дверь через экран. Даже на расстоянии ему казалось, что металл был не таким раскаленным, как прежде. Дверь постепенно темнела.

Мортон вздохнул.

—Пока все. Расставьте людей в каждом коридоре! Излучатели на место! Начальники отделов, поднимитесь на контрольный пункт!

Испытание, как понял Гросвенф, было закончено.

ГЛАВА V

На посту у входа в контрольный пункт Гросвенф предъявил удостоверение одному из охранников. Тот с сомнением взглянул на него.

—Пожалуй, все в порядке,—наконец, пробормотал он.—Пока мне не приходилось пропускать сюда ни одного человека моложе сорока. Как вы на это смотрите?

—Я сижу на первом этаже новой науки,—усмехнулся Гросвенф.

Охранник снова заглянул в карточку и, возвращая, осведомился:

—Нек... некзиализм... а что это такое?

—Нечто вроде «всеизма»,—проронил Гросвенф и шагнул через порог.

Оглянувшись, он увидел, что охранник растерянно улыбался, не отрывая от него взгляда. Но Гросвенф тут же забыл о нем. Он оказался в контрольном пункте управления впервые и с любопытством озирался по сторонам, заинтересованный окружающим. Несмотря на свою компактность, контрольный пункт представлял собой внушительное зрелище. Он состоял из ряда ярусов. Каждый металлический ярус был в двести футов длиной, и от одного яруса к другому вел ряд крутых ступеней. Управлять приборами удобнее всего было с контрольного кресла, которое свисало с потолка на подвижном управляемом устройстве.

Дальний конец помещения представлял собой аудиторию с примерно сотней удобных кресел. Они были достаточно большими, чтобы вместить человека в скафандре; и около двух дюжин людей, одетых именно таким образом, сидели в них. Гросвенф скромно устроился сбоку. Через минуту из капитанской каюты, двери которой выходили в контрольную, появились Мортон и капитан Лич. Командир сел, а Мортон сразу заговорил:

—Нам известно, что из всех машин, находящихся в аппаратной, самым важным для чудовища является генератор. Вероятно, чудовище работало в дикой панике, стараясь задействовать его, прежде чем мы проникнем внутрь. У кого есть замечания?

—Я бы хотел, чтобы кто-нибудь сообщил мне, что сделал кот для того, чтобы дверь стала непроницаемой?—спросил Пеннос.

—Известны такие электрические процессы,—ответил ему Гросвенф,—в результате которых металлы могут стать предельно стойкими к воздействию высокой температуры, но я никогда не слышал о том, чтобы это можно было сделать, не применяя специального оборудования весом в несколько тонн, которого, кстати, на корабле нет.

Кент взглянул на Гросвенфа и раздраженно проговорил:

—Кто нам скажет, как он это сделал? Если мы не сможем проникнуть сквозь эти стены с нашими атомными дезинтеграторами, то это конец. Он сделает с кораблем все, что захочет его хвост.

Мортон задумчиво качнул головой.

—Мы должны выработать какой-то план—для этого мы тут и собрались... Селенски!—позвал он.

Селенски ловко развернул кресло к главному рубильнику и очень осторожно перевел его в нужное положение. Корабль сотряс толчок, послышалось гудение, после чего в течение нескольких секунд дрожал пол. Затем корабль замер. вибрация утихла, и гудение сменилось слабым, тихим жужжанием.

—Я собираюсь попросить разных специалистов высказать свои предложения относительно борьбы с так называемым котом,—произнес Мортон.—Нам необходим обмен мнениями среди специалистов, работающих в разных областях, но какими бы ни были интересными теоретическими проработки, нам нужен в первую очередь практический подход.

А это, уныло подумал Гросвенф, как раз то, что в достаточной степени имеется в распоряжении Эллиота Гросвенфа, неклизиста. Мортону необходимо было взаимодействие многих наук, и для этого и существовал неклизист. И тем не менее, он понимал, что не входит в число экспертов, чьим практическим советом заинтересуется Мортон. Его догадка оказалась правильной.

Через два часа директор расстроено произнес:

—Полагаю, нам лучше прерваться на полчаса, поесть и отдохнуть. Мы должны будем принять сейчас какое-то решение и собрать все, чем владеем.

Гросвенф направился в свой отдел. Его не интересовали ни еда, ни отдых. В тридцать один год он мог выдержать один день без еды и отдыха. Ему казалось, что у него есть полчаса, за которые он сможет разобраться как поступить с чудовищем, захватившим корабль. Беда только в том, что ученые никак не могли прийти к полному согласию. Часть специалистов объединилась на основе своих знаний, но на весьма поверхностном уровне. Каждый кратко обрисовал свою идею людям, которые не были обучены тому, чтобы проследживать за каждым соображением богатство ассоциаций. Поэтому единого плана нападения так и не было.

Это заставило Гросвенфа с тревогой думать о том, что он, молодой человек, является, возможно, единственным

на борту, кто способен разглядеть все слабые стороны этого плана. Впервые за шесть месяцев пребывания здесь, на корабле, он внезапно понял, какую огромную ответственность возложило на него «Неквалифицированное общество». То, что предыдущие системы обучения устарели, вовсе не было громким словом. Гросвенф не нес личной ответственности за полученное им образование. Он не создал ни одной системы. Но как выпускник общества, как лицо, посланное на «Космическую Гонимую» со специальной целью, он не имел иной альтернативы, как только принять твердое решение, а потом использовать любую возможность, чтобы убедить в его правильности ответственных лиц.

Сложность состояла в том, что ему было необходимо получить максимум информации. И он занялся этим с помощью единственно имеющегося в его распоряжении способа. Он связался с различными отделами по коммунитатору.

В основном он разговаривал с подчиненными, а не с начальством. Каждый раз, когда он представлялся начальником отдела, эффект получался внушительным—занимающие более низкие должности ученые соглашались с его превосходством. И обычно были готовы помочь, хотя и не всегда.

—Мне нужно получить распоряжение от начальства,—заявил один из них.

Глава одного из отделов Скит разговаривал с ним лично и предоставил ему желаемую информацию. Другой был чрезвычайно вежлив и попросил позвонить ему, когда кога уничтожат.

Гросвенф связался с химическим отделом и попросил Кента, считая само собой разумеющимся, что ему ответят отказом. Он уже приготовился сказать подчиненному: «Тогда вы дадите мне информацию, в которой я нуждаюсь».

К сожалению, его немедленно соединили с Кентом. Шеф химического отдела слушал его с плохо скрываемым раздражением, а в конце резко оборвал:

—Вы можете получить информацию нашего отдела по обычным каналам. А информация, полученная на этой планете, не будет доступной еще в течение нескольких месяцев. Мы должны проверить и перепроверить все данные.

Но Гросвенф продолжал настаивать:

—Мистер Кент, я убедительно прошу вас разрешить мне полностью ознакомиться с данными количественных анализов планеты. Это может иметь первостепенное зна-

чение для разрабатываемого на сегодняшнем совещании плана. Сейчас слишком сложно объяснять все в деталях, но уверяю вас...

Кент насмешливо прервал его излияния:

—Послушайте, мой мальчик,—сейчас не время для теоретических дискуссий. Вы кажется не понимаете, что мы находимся в смертельной опасности. Если что-то будет не так, вы, я и остальные будем просто уничтожены. А теперь не отвлекайте и не беспокойте меня, пожалуйста, еще десять лет.

Раздался щелчок—Кент прервал связь.

Несколько минут Гросвенф сидел, остывая. Потом, печально усмехнувшись, сделал последний вызов. Его сводная таблица содержала, среди прочего, сведения о пробах, показывающих высокое содержание вулканической пыли в атмосфере планеты, об истории жизни различных видов растений, о типе пищеварительного тракта у животных, которые могли бы питаться подобными растениями.

Гросвенф работал быстро, и поскольку он, главным образом, делал пометки в уже отпечатанной таблице, то составление графика заняло у него немного времени. Дело было простым. Было бы сложно объяснить его подробности тому, кто еще не был знаком с неспециализмом, но для Гросвенфа картина была совершенно ясной. Она указывала на возможности и решения, которыми нельзя было пренебрегать. Так казалось Гросвенфу.

Под заголовком «Основные рекомендации» он написал: «При любом одобренном решении следует позаботиться о безопасности...»

Захватив четыре пачки схем, он направился в математический отдел. Там была выставлена охрана, что было весьма необычно. Для защиты от кота явно были приняты меры. Когда его отказались пропустить к Мортону, Гросвенф потребовал свидания с одним из секретарей директора. Наконец, из другой комнаты появился младший секретарь. Вежливо изучив схемы, он сказал, что постарается передать их Мортону.

Гросвенф мрачно возразил:

—Я уже слышал раньше нечто подобное. Если Мортон не захочет ознакомиться со схемами, я буду требовать создания комиссии по расследованию. В связи с тем, что доклады, которые я неоднократно посылал директору, куда-то «испаряются», я выражаю протест. Если это не прекратится, могут произойти большие неприятности.

Секретарь был на пять лет старше Гросвенфа. Он был

холоден и, в общем, настроен очень враждебно. Поклонившись Гросвенфу, он натянуто улыбнулся и сказал:

—Директор—очень занятой человек. Его внимания требуют многие отделы. Деятельность некоторых из них очень важна и их престиж дает им преимущество над более молодыми науками и...—он поколебался,—учеными. Но я передам ему о вашей просьбе изучить таблицы.

—Попросите его прочитать рекомендации. С этим нельзя больше тянуть.

—Я доведу это до его сведения,—сухо проронил секретарь.

Гросвенф решительно направился к штаб-квартире капитана Лича. Капитан сразу принял его и внимательно выслушал, после чего изучил таблицу. Покончив с этим, он покачал головой.

—Военные,—официальным тоном сказал он,—подходят к этому делу немного по-другому. Принимая во внимание особенности поведения и возможности чудовища, мы идем на большой риск. Ваше замечание о том, что было бы разумнее позволить чудовищу бежать—совершенно противоречит моей точке зрения. Это разумное существо, предпочитающее враждебные действия по отношению к военному кораблю. Такая ситуация нетерпима. Я считаю, что он вступил на подобный путь, понимая последствия.—Капитан криво усмехнулся.—А последствия—смерть!

Гросвенф подумал, что конечным результатом может стать смерть людей, которые не смогут быстро найти новые способы борьбы против чего-то необычного. Он уже было приготовился сказать, что вовсе не намерен дать коту возможность убежать, но раньше чем он успел заговорить, капитан Лич встал.

—А теперь я вынужден попросить вас уйти,—произнес он. Лич повернулся к офицеру.—Проводите мистера Гросвенфа.

—Я знаю, где выход,—с горечью сказал Гросвенф.

Оказавшись в коридоре, он взглянул на часы. До начала действий оставалось пять минут. Чувствуя себя несчастным, он направился в контрольный пункт. Гросвенф занял свое место, когда большинство уже сидели. Через минуту вошли директор с капитаном Личем. И совещание началось.

Нервничающий и явно напряженный, Мортон расхаживал перед собравшимися туда-сюда. Бледность его лица скорее усиливала, чем умаляла выражение агрессивности, которое придавал ему выдающийся подбородок. Внезапно

он резко остановился. Его громкий голос раздался в помещении.

—Чтобы быть уверенным в том, что наши планы полностью согласованы, я намерен просить каждого специалиста высказать свои соображения о возможностях этого чудища. Первым выступит мистер Пеннос.

Пеннос встал. Он был среднего роста, но казался высоким из-за уверенного вида. Подобно другим, он был узким специалистом в своей области, но по роду деятельности нуждаясь в услугах Гросвенфа гораздо меньше, чем кто-либо другой из присутствующих. Этот человек знал все о двигателях и об истории их совершенствования. Согласно его послужному списку, изученному Гросвенфом, Пеннос изучал разнообразные двигатели на ста планетах. Не было ничего, что бы он не знал о практической механике. Он мог бы говорить, не переставая, несколько недель и все же не сказал бы при этом и сотой доли того, что знает.

—В этом помещении у нас установлены переключатели, которые останавливают одновременно все двигатели. Расщепляющее устройство сработает почти мгновенно. Но при этом возникнут различного рода вибрации. Существует, конечно, какая-то вероятность того, что одна или несколько машин могут быть разрушены, если частоты их колебаний резонируют. Вы, наверное, слышали эту старую историю про солдат, идущих строем по мосту, но сейчас, по моему мнению, такой опасности нет. Наша главная цель заключается в том, чтобы сломить сопротивление существа и прорваться сквозь двери.

—Следующий Гурлей,—объявил Мортон.

Гурлей лениво поднялся на ноги. У него был сонный вид, как будто все происходящее утомило его. Гросвенф подозревал, что Гурлею хотелось, чтобы люди считали его мечтателем. Он был начальником отдела связи, и его анкета отражала цепь длительных попыток приобретения знаний в выбранной им области. Если его ученая степень могла служить каким-то свидетельством знаний, то за его плечами было непревзойденное по своей обширности образование. Заговорил он неторопливо, растягивая слова в своей обычной манере. Гросвенф отметил, что его нарочитая медлительность сняла напряжение в аудитории. Выражение беспокойности на лицах смягчилось, позы стали более непринужденными.

—Мы состряпали вибрационные экраны, работающие по принципу отражения. Оказавшись внутри, мы используем их таким образом, чтобы большая часть тех волн, что

жет послать кот, была бы отражена и вернулась к нему же. Вдобавок мы получим дополнительное количество электроэнергии, которую и скормим ему с передвижных колец. Должен же быть предел его возможностям в задержании энергии. И нервы у него тоже не стальные.

—Селенски,—спокойно произнес Мортон.

Главный пилот уже стоял возле Мортон. Все это он проделал так стремительно, будто он уже давно ждал зова директора. Гросвенф смотрел на него, как зачарованный. Селенски был худощав и лицом и телом, с поразительно живыми голубыми глазами и казался сильным и умным. Согласно своему послужному списку, он не получил особенно обширного образования, но восполнил его отсутствием крепости нервов, молниеносной реакцией и способностью действовать с точностью часового механизма.

—Впечатление от плана таково, что он достаточно объемлен. Как раз в тот момент, когда существо почувствует, что больше не сможет выдержать, можно будет вводить дополнительные нагрузки. Когда рев достигнет высшей точки, я включу анти-акселерацию. Директор и Гюнли Лестер думают, что это этому сверхсуществу об анти-акселерации ничего неизвестно, поскольку подобные знания связаны с наукой о межгалактических перелетах и другими путями не могут быть получены. Мы думаем, что когда существо ощутит на себе впервые эффекты от действия анти-акселерации—вы все помните то чувство опустошенности, которое оно вызывает, когда сталкиваешься с ним впервые, он не будет знать, что думать и что делать,—. Пилот сел.

—Следующий Корита...

—Я могу лишь высказаться в подтверждение этого предположения,—сказал он,—основывающегося на моей теории о том, что этому чудищу присущи все черты преступника ранних лет цивилизации. Скит считает, что его знания наук озадачивают. По его мнению, это может означать, что мы имеем дело с действительным обитателем этой планеты, причем являющимся потомком тех, кто проживал в изученном нами мертвом городе. Если это так, то тогда наш враг должен иметь фантастическое долголетие, фактическое бессмертие, врожденную способность дышать и кислородом и хлором, или ни тем и не другим. Но его бессмертие само по себе не так уж и важно. Он пришел из определенного периода своей цивилизации, и уровень его мышления настолько низок, что оно состоит, главным образом, из его воспоминаний об этом периоде. Несмотря на способность контролировать энергию, он потерял голову в

лифте, когда впервые попал на корабль. Вспомним тот случай, когда Кент предложил ему еду: обеспокоенный, он был вынужден пустить в ход против вибратора специальные силы. За несколько часов он совершил множество убийств. Как видите, род его действий отвечает образу действий примитивно-хитрой эгоистической натуры, которой мало или совсем ничего не известно о происходящих в ее теле процессах—в научном смысле—и которая едва ли понимает сущность того, над чем берет власть. Кот похож на того германского солдата древности, который чувствовал превосходство над старым романским ученым, но последний все же является частью могущественной цивилизации, внушающей страх Германии тех дней. Таким образом, мы имеем дело с примитивом, и этот примитив полностью оторван от своей естественной среды. Я скажу так: идемте и победим!

Мортон поднялся и взглянул на аудиторию. Его тяжелое лицо хранило насмешливую улыбку.

—Согласно моему предыдущему плану, уверенность с которой говорил Корита, должна быть неотъемлемой частью нашей атаки. Тем не менее, я только что получил документ от молодого человека, который находится на борту этого корабля, представляя науку, о которой я очень мало знаю. Тот факт, что он находится на борту, вынуждает меня считаться с его мнением. Убеденный, что он держит в руках ключ к решению проблемы, он побывал не только в моем отделе, но и в штаб-квартире капитана Лича. Мы с командором сошлись на том, что мистеру Гросвенфу следует дать несколько минут с тем, чтобы он убедил нас, что знает, о чем говорит.

Гросвенф робко встал и начал:

—В «Некзиалистской школе» нас учили тому, что за всеми важными аспектами любой науки стоит сложная связь ее с другими науками. Это положение, конечно, известно давно, но есть разница между болтовней об этом положении и применением его на практике. Мы в «школе» разработали технику его применения. В моем отделе имеется много таких замечательных машин, которые вам никогда не приходилось видеть. Не стану сейчас вам их описывать. Скажу только о том, каким образом человек, владеющий техникой работы с этими машинами, может разрешить проблему кота... Во-первых, предположения выдвинутые здесь достаточно поверхностные. Они удовлетворительны в своей области, но эта область не простирается достаточно далеко. Сейчас же мы располагаем достаточным

количеством фактов, чтобы составить совершенно четкую картину прошлого кота. Назову их... Примерно восемнадцать сотен лет назад выносливые растения этой планеты начали внезапно получать от солнца меньше волн определенной длины. Это было связано с появлением в атмосфере огромного количества вулканической пыли. Результат: почти моментально большая часть растений погибла. Вчера одна из наших разведовательных машин в районе примерно в ста милях от мертвого города обнаружила несколько живых существ размером с земного оленя, но, вероятно, более умных. Они были так осторожны, что захватить их не представлялось возможным. Пришлось их уничтожить, и отдел мистера Скита проделал ряд анализов. Мертвые тела содержали калий почти в тех же электрохимических соединениях, в каких он содержится в человеческом теле. Других животных встретить не удалось. Возможный вывод: это мог быть один из пищевых ресурсов кота. В желудках мертвых животных ученые обнаружили частицы растений на различной стадии усвоения. Вероятен следующий цикл: растения—травоядные—хищники. Представляется возможным, что когда растения погибли, животные, в большинстве своем тоже умерли. Таким образом исчезла пища и для котов.

Гросвенф обвел аудиторию быстрым взглядом. За исключением одного человека, все слушали его внимательно. Исключение составлял Кент. На лице начальника химического отдела застыло раздраженное выражение. Его внимание, казалось, было приковано еще к чему-то. Эллиот быстро продолжал:

—В Галактике существует много примеров зависимости жизненных форм от типа пищи. Но мы не встречали другого примера такой ограниченности в пище у разумного в некоторых пределах существа. Похоже на то, им даже в голову не приходила возможность выращивать для себя пищу и, уж конечно, пищу для своей пищи. Невероятное отсутствие предусмотрительности, согласитесь. Да такое, что любое объяснение, не принимающее во внимание этот факт, будет неудовлетворительным.

Гросвенф вновь сделал паузу, но лишь для того, чтобы перевести дыхание. Он не смотрел прямо ни на кого из присутствующих. Он не мог предъявить доказательств тому, о чем собрался говорить. Каждому отделу понадобились бы недели на то, чтобы проверить факты, используемые его наукой. Все, что он мог сделать, это дать конечное заключение—то, что он не осмелился сделать в своей схе-

ме или в разговоре с капитаном Личем. Он поспешно закончил:

— Факты есть факты. Кот не является одним из создателей этого города, как не является и их потомком. Он и ему подобные животные являются произведением строителей города. Что произошло с самими строителями? Об этом мы можем только догадываться. Вероятно, они были уничтожены восемнадцать столетий назад в ходе атомной войны. Город, очень похожий на земной; неожиданное появление похожей на вулканическую пыль в атмосфере в таких количествах, что она смогла на тысячи лет скрыть солнце, — все это говорит само за себя. Человек едва не совершил то же самое, так что мы не должны слишком сурово осуждать исчезнувшую расу. Но куда нас это ведет? — он вздохнул поглубже и продолжил: — Если бы он был строителем, он был обладал доказательствами своей всеобъемлющей силы и прекрасно бы понимал, что мы замыслиаем. Поскольку он им не является, мы, в настоящий момент, имеем дело с существом, не имеющим ясного представления о своей силе. Оказавшись в трудном положении, он мог обнаружить в себе способности еще неосознанные, уничтожить человеческие существа и контролировать работу машин. Мы должны дать ему возможность бежать. Оказавшись вне корабля, он будет в нашей власти. У меня все и благодарю вас за то, что вы меня внимательно выслушали.

Мортон оглядел собравшихся и осведомился:

— Итак, джентльмены, что вы думаете?

Кент сердито заявил:

— В жизни не слышал подобной истории. Все это предположения, фантазии. Если в этом и заключается некий анизм, то ему следует многое в себя вобрать, прежде чем я им заинтересуюсь.

— Не знаю, каким образом мы можем согласиться с подобным объяснением, не имея возможности для изучения анатомии кота, — мрачно проговорил Скит.

Следующим высказался глава физиков Ван Гроссен:

— Я сомневаюсь в том, что даже подобное исследование могло бы служить твердым доказательством того, что существо создано искусственно. Предположения мистера Гросвенфа весьма спорные, и таковыми они останутся.

— Дальнейшие раскопки города могли бы дать подтверждение теории мистера Гросвенфа, — Корита говорил очень осторожно. — Подобная точка зрения не опровергает полностью теорию цикличности, поскольку создание мыслящего

существа может характеризовать силу ума и убеждения тех, кто его обучал.

С места поднялся глава инженерного отдела Пеннос.

—Один из наших летательных аппаратов сейчас находится в мастерской. Он частично демонтирован и занимает единственно доступную для нас внизу опору. Чтобы получить для него действующий аппарат, нам понадобилось бы не меньше усилий, чем на всю планируемую нами атаку. Конечно, если она потерпит неудачу, мы, может быть, решимся пожертвовать летательным аппаратом, хотя я по-прежнему не понимаю, как он сможет выбраться на нем из корабля. Внизу нет воздушных запоров.

Мортон повернулся к Гросвенфу.

—Что вы на это скажете?

—Воздушный запор имеется в конце коридора, соединяющегося с аппаратной. Мы могли бы предоставить ему возможность воспользоваться им.

Капитан Лич решительно поднялся и заявил;

—Как я уже сказал мистеру Гросвенфу, когда он ко мне приходил, военные в таких делах действуют смелее и решительней. Нас не испугают случайности, мы к ним готовы. Пеннос выразил и мое мнение. Если нападение не удастся, обсудим другие варианты. Благодарю вас, мистер Гросвенф, за ваши исследования. А теперь за работу!

Это был приказ. Все сразу направились к выходу.

ГЛАВА VI

Керл работал в ярком свете гигантской механической мастерской. К нему вернулась большая часть воспоминаний и навыки, привитые ему Строителями, способности осваивать новые машины и ситуации. Он обнаружил спасательную шлюпку, находящуюся на опорах и частично демонтированную.

Он с жаром принялся за ремонт. Необходимость побега вставала перед ним во весь рост, заслоняя все остальное. Только так он может вновь оказаться на своей планете и присоединиться другим керлам. С тем искусством, которому он сможет их научить, они станут непобедимыми. Тогда победа неизбежно будет за ними. В основном он решил, но все же с неохотой покидал корабль. Он не был полностью убежден, что находится в безопасности. После того как он изучил энергетические ресурсы механической мастерской и снова обдумал все случившееся, у него сложи-

лось впечатление, что у этих двуногих существ нет достаточного оборудования для того, чтобы победить его.

Эта неуверенность преследовала его даже во время работы. Едва прервавшись, чтобы осмотреть судно, он неожиданно понял, какую огромную работу проделал. Все, что ему осталось,—это сложить инструменты и запасные части, которые он хотел взять с собой. А что потом—уходить или сражаться? Услышав приближение людей, он ощутил нарастающее беспокойство. Он заметил внезапное изменение в громоподобном реве машин, в ритме стука: они стали пронзительнее, резче, нервнее. Но едва Керл приспособился к этому, как возникло нечто новое: за массивной дверью аппаратной взвыл передвижной газомет. И перед ним сразу возникла другая проблема: бороться ли ему с газометом или выравнять ритм. Он быстро просчитал, что не сможет сделать все это одновременно.

Тогда Керл настроился на побег. Каждый мускул его мощного тела был напряжен, когда он тащил груды запасных частей и инструментов и сбрасывал их на свободные места в спасательной шлюпке. Наконец наступил заключительный этап подготовки к побегу. Он замер у дверей, поняв, что сейчас они рухнут. Полдюжины газометов неуклонно, хотя и медленно, «пожирали» последние дюймы дверей. Керл заколебался, потом отвел от дверей всю свою энергию и сконцентрировал ее на внешней стене корабля, на которую был направлен нос спасательной шлюпки. Все его тело съежилось от волн электричества, хлынувших на динамомашину. Его усики-уши завибрировали, направляя мощнейший поток энергии на стену. Он почувствовал жар, а его тело изогнулось дугой. Он понял, что близок к критическому пределу энергии, которой он может управлять. Несмотря на сверхусилия, ничего не произошло—стена не поддалась. Он был крепок, этот металл, крепче всего, с чем он когда-либо сталкивался. Он держал свою форму. Его молекулы были монокотомными, но их расположение было необычным—эффект особой прочности был достигнут без обычно сопутствующей ему высокой плотности.

Тут он услышал, как одна из дверей аппаратной рухнула и сразу же закричали люди. Газометры сразу передвинули вперед. Теперь их мощность уже не контролировалась. Пол аппаратной зашипел как будто протестуя, когда в металл ударили потоки энергии. Этот тревожный, угрожающий звук все приближался и приближался. Еще миг, и люди прорвались бы в мастерскую через непрочные двери, ведущие в аппаратную.

Но за эту минуту Керл одержал победу. Он ощутил изменения в сопротивляющемся сплаве. Молекулы потеряли силу сцепления. Внешне все выглядело по-прежнему, но сомнений не было. Поток энергии с легкостью проходил через его тело. Еще несколько секунд он продолжал контролировать его, пока окончательно не ощутил, что добился желаемого. С диким ревом он вскочил в маленькое судно и задвинул за собой дверцу.

Он ухватился одним из щупалец за рычаг управления почти с нежностью. Машина дернулась вперед, он направил ее прямо на толстую внешнюю стену, и она растаяла в сверкающем облаке пыли. На какой-то миг металлическая пыль, облепившая судно, чуть замедлила ход. Но Керл прорвался через нее и вырвался в пространство.

Шли секунды. Потом Керл заметил, что удаляется от корабля по кругу. Корабль по-прежнему был к нему настолько близок, что Керл мог видеть дыру, через которую он бежал. За окружающей ее блестящей оболочкой виднелись силуэты людей в скафандрах. Они и корабль становились все меньше и меньше. Потом люди исчезли, и лишь корабль блестел тысячей иллюминаторов.

Керл быстро повернул прочь от него. Он сделал поворот на девяносто градусов, и перевел рычаги ускорения на полную мощность. В течение минуты со времени побега он сумел лечь на обратный курс.

Гигантский шар под ним быстро уменьшался, становясь незаметным. Почти прямо перед собой, как ему показалось, Керл заметил тусклый свет солнца своей планеты. Там он мог бы вместе с другими керлами построить космический корабль и улететь с необитаемой планеты к звездам. Это было настолько важным открытием, что неожиданно он почувствовал испуг. Он отвернулся от тускло светящихся дисков, потом вдруг вновь взглянул на них. Шар был еще виден: крошечная светящаяся точка света в бездонной темноте пространства. Внезапно он мигнул и исчез.

На мгновение Керлу показалось, что перед самым исчезновением шар передвинулся. Но все эти ощущения были смутными и неясными. Он с тревогой спросил себя, не потушили ли они все огни и не преследуют ли его в темноте? Он не будет в безопасности до тех пор, пока не приземлится. Обеспокоенный и неуверенный, Керл снова переключил внимание на светящийся впереди диск и почти сразу же ощутил приступ страха. Тусклое солнце, на которое он держал курс, не становилось больше.

Оно явно уменьшалось! Вот оно сделалось розовой точкой в темноте! Оно исчезло!

Страх сковал Керла ледяным обручем. Несколько секунд он напряженно всматривался вперед в безумной надежде на то, что его путеводная звезда снова появится. Но там, куда он смотрел, блестили лишь далекие звезды, немигающие крапинки на черном бархатном фоне бездонной дали.

Но что это?! Одна из крапинок становится больше. Напряженный до предела, Керл следил за тем, как крапинка превращается в точку. Вот она уже выросла в круглый шар света и продолжала расти. Больше, больше, больше... Внезапно она вспыхнула ярким светом и перед ним, сияя иллюминаторами, возник гигантский шар корабля, исчезновение которого он наблюдал несколько минут назад.

В этот момент с Керлом случилось что-то невероятное. Мысли вихрем закружились в его голове. Сознание распалось на миллионы кусочков. Глаза почти вылезли из орбит; он бушевал в своем маленьком укрытии, как безумное животное. Его щупальца вцепились в ценные инструменты и в безумной ярости раздирали их на части, пока не разбили стены суденышка. Последней его мыслью было, что он не сможет вынести вспышки дезинтегратора, который был направлен на него с безопасного расстояния. Это было так просто—создать жесткий поток энергии, который разрушит каждую клеточку идов в его организме.

Его губы искривились в последнем рычании. Волосики усов сплелись. Внезапно, вместо жажды борьбы накатилась слабость, и он упал.

Смерть пришла спокойно.

Капитан Лич действовал наверняка. Когда огонь исчез, и можно было приблизиться к тому, что осталось от спасательной шлюпки, исследователи обнаружили кусочки расплавленного металла и лишь кое-какие остатки того, что было телом Керла.

—Бедный кот,—опечалился Мортон.—Интересно, что он подумал, когда обнаружил нас перед собой после того, как исчезло его собственное солнце. Ничего не понимая в анти-акселераторах, он не знал, что мы можем сразу очутиться в том месте, добраться до которого он мог бы только за три часа. Ему казалось, что он движется в направлении родной планеты, но на самом деле он отдалялся от нее

все больше и больше. Кот не мог знать того, что он промчался мимо нас и все, что нам оставалось сделать, так это последовать за ним и разыграть небольшую комедию, симитировав на время его солнце, а уж затем подойти достаточно близко, чтобы уничтожить его. Вероятно, перед его взором весь космос перевернулся вверх дном!

Гросвенф выслушал этот монолог со смешанным чувством. Инцидент уходил в прошлое, теряя очертания и растворяясь в темноте. С каждой секундой детали становились в памяти людей все менее похожими на те, какими они были на самом деле. Угрожавшая им опасность начала казаться чем-то далеким.

—Какие тут могут быть симпатии?—услышал Гросвенф голос Кента.—Это наша работа—убивать всех котов в этом несчастном месте.

—Это просто,—пробормотал Корита.—Они лишь примитивы. Стоит нам сесть, и они сами к нам придут, считая, что смогут нас перехитрить.—Он повернулся к Гросвенфу.—Я все еще верю в то, что это так,—дружелюбно произнес он,—даже если теории нашего молодого друга подтвердятся. Что вы думаете, мистер Гросвенф?

—Я бы пошел даже дальше,—начал Эллиот.—Как историк, вы, несомненно, согласитесь с тем, что попытки чисто физического истребления кота не дали никаких результатов. Не забывайте о том, что причиной нападения на нас была отчаянная необходимость в пище. Вполне возможно, что ресурсы этой планеты не могут больше поддерживать это вымирающее племя. Сородичи кота ничего о нас не знают. Так почему бы не дать им умереть от голода.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

** Некзиализм—это наука о соединении устоявшихся способов получения информации в одной из отраслей наук с другими. Она предусматривает ряд технических приемов для ускорения процесса усвоения полученных знаний и самого эффективного их использования.*

**ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.
ЛЕКТОР—ЭЛЛИОТ ГРОСВЕНФ.
МЕСТО ЛЕКЦИИ—НЕКЗИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ.
ВРЕМЯ—15.00, 9/7/1.**

Гросвенф прикрепил объявление к плотно заполненной объявлениями доске. Затем он отступил назад и посмотрел, что у него получилось.

На корабле действовало так называемое «звездное время», основанное на стоминутном часе и двадцатичасовом дне. В неделе содержалось десять дней, в месяце—тридцать дней, в году—триста шестьдесят дней. Дни не имели названий, но были пронумерованы. Данный календарь вступал в действие с момента старта.

Его объявление висело среди извещений об еще восьми лекциях, трех кинофильмах, четырех учебных фильмах, девяти дискуссиях и нескольких спортивных соревнованиях. К тому же оставались индивидуумы, которые предпочитали чтение у себя в помещениях, сборища с друзьями, посещение одного из полудюжины баров и кафе.

Тем не менее, он был уверен, что его объявление непременно прочтут. В противоположность другим, оно не было просто листком бумаги. Это был специальный лист в миллиметр толщиной. Шрифт как бы всплывал на поверхность из глубины. Тонкая цветная пленка из гальванизированного материала помогала изменять окраску букв в отдельности и группами. Поскольку частота испускаемых волн света была постоянно изменяющейся, цветовые сочетания никогда не повторялись.

Объявление пылало среди прочих, как неоновая реклама. Его наверняка заметят.

Гросвенф направился в обеденный салон. Когда он вошел, стоявший у двери человек сунул ему в руку карточку. Гросвенф с любопытством посмотрел на нее:

КЕНТ—НА ДОЛЖНОСТЬ ДИРЕКТОРА!

Мистер Кент является главой одного из самых крупных на нашем корабле отделов. Он известен своим сотрудничеством с другими отделами. Кент—не только хороший ученый, но и чуткий человек, понимающий проблемы своих коллег. Не забывайте о том, что на борту нашего корабля, помимо 130 военных, находится 804 ученых, возглавляемых администрацией, которая была выбрана незначительным большинством. Такое положение должно быть исправлено. Мы имеем право на демократические выборы.

Предвыборное собрание—9/7/1. Время 15.00.

Избирайте директором Кента!

Гросвенф сунул карточку в карман и шагнул в ярко освещенную комнату. Ему казалось, что импульсивным личностям, подобным Кенту, редко удастся сделать что-либо продуктивное, потому что все их усилия обычно направлены на разделение людей на враждующие группы. Пятьдесят процентов межзвездных экспедиций, отправленных за последние двести лет, все еще не вернулись, и причины этого можно было искать лишь на основе изучения того, что происходило на борту вернувшихся кораблей. А записи говорили о разногласиях среди членов экипажа, полных горечи спорах, противоречиях по коренным вопросам, об разовании враждующих групп. Их число увеличивалось почти прямо пропорционально времени путешествия.

Выборы в подобных экспедициях были весьма частым событием. Разрешение на них было дано, потому что люди не желали быть связаны беспрекословным подчинением выбранным лицам. Но корабль не являлся страной в миниатюре. Так или иначе, избежать случайностей было невозможно и, памятуя о катастрофе, возникала необходимость лимитировать людские ресурсы.

Раздосадованный тем, что время собрания совпадает со временем проведения его лекции, Гросвенф прошел в столовую. Она была переполнена. Он нашел своих приятелей

уже обедающими. Их было трое, и все—младшие ученые из разных отделов. Едва он успел сесть, как один из них весело проговорил:

—Итак, какие черты непредсказуемого женского характера будем сегодня обсуждать?

Гросвенф добродушно рассмеялся, хотя и понимал, что замечание было шутливым лишь отчасти. Разговоры среди молодых людей тяготели к одной определенной теме: женщинам и сексу. В этой полностью мужской экспедиции проблема секса была решена химически, путем введения специальных наркотиков. Это снимало физическую потребность, но в эмоциональном плане ничуть не удовлетворяло.

Никто не ответил на этот шутливый вопрос. Карл Деннисон, молодой химик, хмуро взглянул на остряка и вернулся к Гросвенфу.

—Как собираешься голосовать, Эл?

—Путем тайного голосования. А теперь давайте вернемся к тому, что говорила нам тем утром блондинка Эл-лисон.

—Ты ведь будешь голосовать за Кента?—не унимался Деннисон.

—Я еще не думал об этом,—усмехнулся Гросвенф.—До выборов еще пара месяцев. А что, собственно, говорит против Мортонa?

—Он человек, выбранный правительством.

—И я тоже, и ты...

—Он—всего лишь математик, а не ученый в широком смысле слова.

—Это для меня новость. А я годами жил иллюзией, что математики тоже ученые.

—Так оно и есть. Несмотря на поверхностное сходство, это все же иллюзия.

Деннисон явно старался добиться успеха, демонстрируя собственную позицию. Это был серьезный, плотного сложения человек. Сейчас он подался вперед, как будто тут же намереваясь изложить суть дела.

—Ученым следует держаться вместе. Вы только представьте: нас тут целый корабль, и кто над нами стоит? Человек, оперирующий абстракциями. Разве он может решать практические проблемы?

—Смешно, но мне казалось, что он весьма преуспевает в решении наших проблем.

—Мы и сами в состоянии решать свои проблемы!—раздраженно заявил Деннисон.

Гросвенф нажал на кнопку. Заказанная еда заскользила по вертикальному конвейеру прямо в центр стола.

—Этот опилочный ростбиф прямо из химического отдела?—фыркнул он.—Восхитительных размеров и непередаваемого запаха. Вопрос заключается в том, такое ли количество усилий было затрачено на то, чтобы сделать опилки из деревьев покидаемой планеты такими же питательными, как те опилки, что мы захватили с собой?—он поднял голову.—Ладно, не отвечайте... Я не желаю быть разочарованным в деятельности отдела, возглавляемого мистером Кентом, хотя мне и не нравится его облик и поведение. Видите ли, я обратился к нему за помощью, а он велел мне позвонить чему через десять лет. Вероятно, он забыл о выборах. Кроме того, у него хватило наглости назначить собрание на то же время, когда я собирался прочитать лекцию о нексизализме.—Эллиот принялся за еду.—Что до меня, так я считаю, что нет такого собрания, которое было бы важнее этой лекции. Я собирался обсудить вопросы, касающиеся каждого из нас, и тебя в том числе.

Лицо Денисона пылало, голос стал резким.

—Послушай, Эл, ты не можешь выступить против человека, которого даже толком не знаешь. Кент из числа тех людей, которые не забывают своих друзей.

—Я бы сказал, что он обладает особым чувством излечения тех людей, которых не любит,—проговорил Гросвенф и нетерпеливо пожал плечами.—По моему мнению, Кент несет в себе все черты, пагубные для нашей цивилизации. Согласно теории Корти о цикличности истории, мы находимся на «нижней» стадии своей культуры. В один из ближайших дней я попрошу его разъяснить мне этот вопрос поподробнее. Я уверен в том, что Кент, как кандидатура кандидата-демократа, является худшим представителем подобного периода.

Гросвенф хотел было добавить, что находится на борту именно для того, чтобы противостоять таким конфликтам, но это, конечно, было невозможным. Именно подобный разнобой и явился причиной бедствий многих экспедиций.

Как результат этого, все корабли, о чем большинству даже было неизвестно, сделались базой социологических экспериментов: дебаты, выборы, раскол команды—эти и другие многочисленные приемы использовались в надежде на то, что экспансивность людей сделает их пребывание в космосе менее дорогостоящим.

По лицу Денисона блуждала улыбка.

—Послушайте этого молодого философа,—сказал он и

добавил строгим голосом:—Голосуй за Кента, если понимаешь, что для тебя хорошо, а что плохо.

Чтобы дать ему остыть, Гросвенф перешел на шуточный тон:

—Что же он сделает? Уменьшит мою долю опилок? А, может, я сам желаю стать директором? Давайте голосовать за тех, кто моложе тридцати пяти. В конце концов, мы превосходим пожилых в пропорции три или четыре к одному. Демократия требует, чтобы мы сотрудничали на основе соотношения меньшинства к большинству.

Деннисон, казалось, пришел в себя.

—Ты совершаешь серьезную ошибку, Эл, и скоро в этом убедишься.

Остальная часть обеда прошла в молчании. За пять минут до 15.00 следующего вечера, Гросвенф почувствовал, что его затея с лекцией потерпела неудачу, и это его расстроило. Он понимал, что Кент мог запретить своим последователям пойти на лекцию, которую должен был читать человек, не поддерживающий его. Но если даже под контролем шефа химического отдела находилось большинство, все-таки оставалось еще несколько сот человек, влияния на которых он не имел. Гросвенф не мог не вспомнить того, что сказал ему директор института накануне отъезда:

—Работа, которую тебе предстоит вести на борту «Космической Гончей», будет тяжелой. Неклассицизм—абсолютно новый подход к познанию и взаимодействию наук. Пожилые будут бороться с ним, повинаясь лишь инстинкту. Молодые, если они уже прошли курс обычным методом, автоматически займут враждебную позицию ко всему, что утверждает, что их только приобретенные знания уже старомодны. Тебе самому придется использовать на практике то, чему ты научился теоретически, хотя в твоём случае подобный переход тоже является частью твоего обучения. Прежде всего помни, что человеку, который прав, в критических ситуациях бывает достаточно положиться на свой слух.

В 16.00 Гросвенф прошел к доске объявлений и изменил время лекции на 17.00. В 17.00 он изменил его на 18.00, а еще позже—на 19.00.

«Скоро они освободятся,—сказал он себе.—Политические собрания не должны длиться вечно, а остальные лекции—дело двух-трех часов».

За пять минут до 19.00 он услышал в коридоре легкие шаги двух человек. Наступила тишина, когда они остано-

вились возле открытой двери, ведущей в его отдел, и один из них сказал:

—Все верно, здесь.

Затем они рассмеялись без видимой причины и через минуту вошли. Поколебавшись, Гросвенф приветливо кивнул молодым людям. С первого дня путешествия он поставил перед собой задачу—научиться разбираться в людях по голосам, лицам, именам и узнавать о них как можно больше. Людей было так много, что он еще не закончил эту работу, но этих двоих он помнил. Оба были из химического отдела.

Гросвенф осторожно наблюдал за тем, как они оглядывались и рассматривали выставленные на обозрение машины-учителя. Казалось, они были удивлены, хотя и старались не подавать вида. Наконец, оба устроились в креслах, и один из них с несколько подчеркнутой вежливостью спросил:

—Когда начнется лекция, мистер Гросвенф?

Гросвенф взглянул на часы и сообщил:

—Через несколько минут.

За это время пришло еще восемь человек. Это весьма приободрило Гросвенфа после столь неважного начала, особенно потому, что одним из пришедших был Дональд Мак-Кен, глава отдела геологии. Его не беспокоил даже тот факт, что четверо из его слушателей были из химического отдела. Он углубился в лекцию об условных рефлексах и рассказал о том, что было сделано в этой области, начиная от Павлова и кончая днями, когда был заложен краеугольный камень нексиализма.

Затем к нему подошел Мак-Кен и проговорил:

—Я заметил, что часть оборудования составляют так называемые «машины сна», которые обучают человека во сне,—он усмехнулся.—Помню, один из моих старых профессоров указывал на то, что подобным образом можно узнать все, что накоплено в разных областях науки лишь за тысячу лет. Вы не упомянули о подобном ограничении.

Гросвенф чувствовал, как серые глаза собеседника наблюдают за ним с добродушным лукавством.

—Это ограничение,—улыбнулся он,—было частично продуктом старого метода использования машин без предварительной подготовки. В наши дни «Нексиальное общество» для того, чтобы преодолеть первоначальное сопротивление, использует гипноз и психотерапию. Например, мне при проверке сказали, что для меня является нормальным включение машины лишь на пять минут за два часа сна.

—У вас очень низкая толерантность,—заметил Мак-Кен.—Моя была три минуты на полчаса.

—Но вы на нее согласились, не так ли?

—А что бы вы сделали?

Гросвенф улыбнулся.

—Сам я не сделал ничего. Меня обучали различными методами до тех пор, пока я не научился восьмичасовому сну при непрерывно работающей аппаратуре. Процесс под-держивался некоторыми другими приспособлениями.

Последнюю фразу геолог пренебрег и удивленно воскликнул:

—Полных восемь часов?!

—Полных,—подтвердил Гросвенф.

Его собеседник, казалось, обдумывал услышанное.

—И все же,—сказал он, наконец,—это служит дополнением к первоначальному утверждению. Существует немало людей, которые даже при отсутствии специальных условий могут не просыпаясь забирать пять минут из каждой четверти часа.

Гросвенф раздумчиво проговорил, внимательно наблюдая за реакцией собеседника:

—Но информацию придется повторить много раз,—по ошеломленному выражению лица Мак-Кена он понял, что его слова угодили в цель.—Конечно, сэр, вы обладаете способностью видеть и слышать что-то единожды и никогда не забывать. И все же, часто то, что оставило достаточно глубокий след, постепенно настолько стирается в воспоминании, что по истечении времени даже невозможно вспомнить, где ты об этом слышал. И этому есть свои причины. «Некзимальное общество» установило, в чем они заключаются.

Мак-Кен ничего не ответил. Он размышлял, поджав губы. Гросвенф бросил через его плечо взгляд на четверку из химического отдела, которые собрались группой у двери в коридор. Они тихо о чем-то шептались. Он отвел от них взгляд и обратился к геологу:

—Вначале был такой период, когда я считал, что нагрузка для меня слишком велика. Я, как вы понимаете, говорю не о машинах сна. При правильном обращении на их долю приходится только около десяти процентов.

Мак-Кен качнул головой.

—Эти цифры меня просто ошеломили. Полагаю, что вы добивались самых высоких процентов запоминания при просмотре тех небольших фильмов, где кадр держится не больше доли секунды.

—Мы смотрели эти фильмы по три часа в день, но они составляли лишь сорок пять процентов от общего курса тренировки. Секрет кроется в скорости и в частоте повторения.

—Вся наука за один присест!—изумился Мак-Кен.—Да, это единственное, что можно назвать полным обучением.

—Это лишь один из аспектов. Мы используем при обучении все органы чувств. В процессе усвоения у нас участвуют и пальцы, и уши, и глаза, даже запах и вкус имеют значение.

Мак-Кен снова замолчал, нахмурившись. Гросвенф заметил, что молодые люди вышли, наконец, из помещения. Из коридора донесся приглушенный смех. Казалось, это вывело Мак-Кена из оцепенения. Геолог протянул Гросвенфу руку и сказал:

—Как насчет того, чтобы зайти на днях ко мне в отдел? Вероятно, нам удастся разработать метод совмещения ваших всеобъемлющих знаний с нашей работой на местности. Мы сможем применить его, когда приземлимся на другой планете.

Направляясь по коридору в спальню, Гросвенф тихо насвистывал. Он одержал свою первую победу и сознавать это было очень приятно.

ГЛАВА II

Подойдя на следующее утро к двери своего отдела Гросвенф с удивлением отметил, что она открыта. Яркий луч света бил из нее в тускло освещенный коридор. Он поспешил вперед и застыл в дверях, пораженный.

С первого же взгляда он увидел семерых химиков. Двое из них были вчера на его лекции. В комнате стояло много приборов и целая система трубок для насыщения чанов химикалиями. Гросвенф вспомнил, как вели себя химики на его лекции. Весь напрягшись он вошел в комнату, со страхом думая о том, что могло случиться с его оборудованием. Эту первую комнату он использовал как общий отдел. В ней, как правило, находилось несколько аппаратов, но в целом она была предназначена для того, чтобы давать групповой инструктаж.

В оставшихся четырех комнатах находилось особое оборудование. Сквозь открытую дверь, ведущую в его кино- и звуковую студию, Гросвенф обнаружил, что и вторая комната тоже занята. Он был настолько поражен, что не мог сказать и слова. Не обращая внимания на присутствующ-

ших, он прошел через комнату и зашел по очереди в каждую из четырех специальных секций. Три из них были заняты оккупантами-химиками. Четвертая секция с ее хитроумной техникой и смежная с ней кладовая, были целы и невредимы. Из четвертой секции дверь вела в маленький коридор. Гросвенф мрачно подумал о том, что впредь она будет служить входом в его отдел.

Но он все же продолжал сдерживать охвативший его гнев. Он взвесил все возможности, вытекающие из сложившейся ситуации. От него, конечно, ожидали, что он побежит к Мортону с протестом. Каким-то образом Кент будет пытаться обернуть это на выборах в свою пользу. Пока Гросвенф не понимал, каким именно образом, но Кент, очевидно, считал, что произойдет именно так. Гросвенф медленно вернулся в первую комнату—свою аудиторию. Лишь теперь он заметил, что чаны были машинами для производства пищи. Умно... Дело обернуло таким образом, как будто площадь, которая раньше не служила полезному делу, теперь отобрана, чтобы ему служить. Подобная злобная предусмотрительность была чужда его прямому характеру. Причина подобного поступка казалось весьма ясной. Кент невзлюбил его... Высказавшись против выборов Кента—факт, который вполне мог стать известным—он еще более усилил эту неприязнь. По мстительности шефа химического отдела были еще более видны его отрицательные качества. Но если верно заться за дело, это можно использовать против него. Эффект бумеранга...

Гросвенфу показалось, что он сможет повести себя таким образом, чтобы Кент ничего не выиграл от своего вторжения.

Он подошел к одному из химиков и сказал:

—Я прошу вас привлечь внимание своих товарищей и передать им, что я рад продолжить образование штата химического отдела и что я надеюсь, что никто не будет возражать против обучения во время работы.

И он сразу отошел, не дожидаясь ответа. Оглянувшись, он обнаружил, что химик, широко открыв глаза, смотрит ему вслед. Гросвенф подавил улыбку. Входя в заставленную техникой комнату, он чувствовал себя почти спокойным. Теперь, по крайней мере, он оказался в такой ситуации, когда мог применить некоторые из имеющихся в его запасе методов обучения. Поскольку передвижные шкафы и прочее оборудование находилось теперь на гораздо меньшей площади, чем ранее, ему пришлось потратить некоторое время на поиски необходимого ему гипнотического га-

за. Он провел почти полчаса, прилаживая глушитель к выпускному отверстию с тем, чтобы сжатое внутри вещество не издавало при выходе свистящего звука. Гросвенф отнес канистру во вторую комнату. Затем от отпер стеной шкаф с решетчатой дверью, поставил канистру внутрь, пустил газ и быстро запер дверь.

Слабый запах газа смешался с идущим от чанов запахом химикалий. Тихонько насвистывая, Гросвенф двинулся через комнату и был остановлен младшим начальником, одним из тех, кто присутствовал накануне вечером на его лекции.

—Какого черта вы тут делаете?

Гросвенф холодно улыбнулся нахалу.

—Через минуту вы вряд ли станете обращать на это внимание. Это часть моей образовательной программы для вашего штата.

—А кто это вас просил об образовательной программе?

—Как, мистер Мэлден,—произнес Гросвенф симулируя удивление,—что же еще вы могли бы делать в моем отделе?—он рассмеялся.—Я просто пошутил над вами—это дезодорант. Я не хочу, чтобы комнаты пропахли посторонними запахами.

Гросвенф отошел, не дожидаясь ответа, и остановился у стены, наблюдая за реакцией людей на газ. Их было пятнадцать. Он мог ожидать пять благоприятных результатов и пять частично благоприятных. Существовали способы, с помощью которых можно было определить реакцию каждого. После нескольких минут пристального наблюдения он подошел к одному из химиков тихим, но твердым голосом сказал:

—Через пять минут приходите в ванную, и я кое-что вам дам. Не забудьте!

Гросвенф вернулся к двери, соединявшей вторую комнату с кинозалом. Обернувшись, он увидел, что Мэлден подошел к тому человеку и что-то спросил. Химик в явном изумлении покачал головой.

В голосе Мэлдена прозвучали ярость и недоумение:

—То есть как это не говорил? Я сам видел, что говорил.

Химик разозлился.

—Я ничего не слышал!

Если спор и продолжался, то Гросвенф этого не видел и не слышал. Краешком глаза он заметил, что один из молодых людей в соседней комнате проявляет признаки готовности к реакции. Он как бы случайно подошел к нему и

проговорил то же самое, что и в первый раз, но с одной разницей—вместо пяти минут он назвал пятнадцать. Из всех мужчин шестеро пришли к такому состоянию, которое Гросвенф считал необходимым для выполнения своего плана. Из оставшихся девяти трое, включая Мэлдена, выказывали сдержанную реакцию. Последнюю группу Гросвенф оставил в покое. На данной стадии он нуждался в практической уверенности. Чуть позже он попробует на остальных другие методы. Он терпеливо ждал, когда первый объект его эксперимента войдет в ванную. Улыбнувшись ему, он сказал:

—Вы видели когда-нибудь что-то подобное?—Эллиот протянул химику крошечный наушник с кромкой для крепления его внутри уха.

Человек взял крошечное приспособление и удивленно покачал головой.

—Что это?—спросил он.

Гросвенф приказал:

—Повернитесь вот так, и я прикреплю его к вашему уху,—поскольку испытуемый повиновался без дальнейших рассуждений, Гросвенф продолжал:—Вы заметили, что внешняя часть имеет окраску тела? Если кто-то обратит на вас внимание, вы можете сказать, что это слуховой усилитель.—Он закончил работу и отошел в сторону.—Через минуту-другую вы даже не будете знать, что он здесь. Вы не будете его ощущать.

Химик, казалось, заинтересовался.

—Сейчас я его едва чувствую. А что это?

—Это радио,—Гросвенф подчеркивал каждое слово.—Но вы не будете слышать ни одного из произнесенных по нему слов. Они будут направлены непосредственно в ваше сознание. Вы можете слышать то, что вам будут говорить другие люди. Вы сможете поддерживать разговор. Собственно, вы будете заниматься своими обычными делами, совершенно не думая о том, что с вами происходит нечто необычное. Вы просто об этом забудете.

—Нет, вы только представьте себе!—чему-то удивился химик и вышел, покачивая головой.

Через несколько минут появился второй человек, потом, каждый в свою очередь, явились оставшиеся четверо, каждый под глубоким гипнозом. Гросвенф снабдил их всех аналогичными приборами.

Потихоньку напевая, он достал другой гипнотический газ, поместил его в канистру и спрятал в одном из шкафов. На этот раз Мэлден и четверо остальных оказались под

сильным воздействием. Из оставшихся двое выказывали сдержанную реакцию, еще один—находившийся под слабым воздействием первого газа—казалось, полностью вышел из этого состояния, и еще один вообще не выказывал никаких признаков нахождения под воздействием газа.

Гросвенф решил удовлетвориться одиннадцатью из пятнадцати. Сведения, полученные Кентом от вернувшихся в отдел химиков, должны были явиться для него неприятным сюрпризом. Тем не менее, до окончательной победы было еще далеко. Оча, вероятно, была недостижима иным путем, кроме как прямой атакой на самого Кента.

Гросвенф быстро приготовил магнитофонную запись для экспериментальной передачи по портативным приемникам. Включив ее, он принялся обходить людей и наблюдать за их реакцией. Четверо индивидов казались чем-то обеспокоенными. Гросвенф приблизился к одному из них, который непрерывно тряс головой.

—В чем дело?—осведомился он.

—Я все время слышу голос. Смешно!—человек грустно рассмеялся.

—Громкий?—это был не совсем тот вопрос, которого мог ожидать обеспокоенный человек, но Гросвенф задал его намеренно.

—Нет, далекий, он уходит, а потом...

—Он уйдет совсем,—успокаивающий голос Гросвенфа благотворно действовал на человека.—Вы не знаете, каким чувствительным бывает мозг. Я уверен, что сейчас, после того, как он привлек к себе ваше внимание и заставил меня разговаривать с вами, голос исчезнет совсем.

Человек повертел головой туда-сюда, прислушиваясь. Затем он удивленно взглянул на Гросвенфа.

—Исчез...—он выпрямился и с облегчением вздохнул.—Это заставило меня немного поволноваться.

Из остальной тройки двоих удалось успокоить сравнительно легко. Но последний, даже после дополнительного внушения, продолжал слышать голос. В конце концов, Гросвенф отвел его в сторону и незаметно вытащил крошечный приемник. Вероятно, этот человек нуждался в более тщательной подготовке.

С остальными Гросвенф обменялся несколькими короткими фразами. Удовлетворенный, он возвратился в комнату с аппаратурой и установил серию записей таким образом, чтобы они воспроизводились по три минуты из пятнадцати. Снова пройдя во вторую комнату, он осмотрелся. Все было в порядке. Он решил, что вполне может оставить

этих людей наедине с их работой. Выйдя в коридор он направился к лифту. Через несколько минут он вошел в математический отдел и спросил Мортон. К удивлению Эллиота, его сразу же пропустили.

Он нашел Мортон удобно сидящим в кресле за огромным столом. Математик указал ему на стул, и Гросвенфсел. Он впервые находился в кабинете Мортон и сейчас с любопытством смотрел по сторонам. Комната была большой, и одну из ее стен занимал большой экран. В данный момент он отображал пространство под таким углом, что огромная кружащаяся Галактика, на фоне которой Солнце было лишь крошечной пылинкой, была видна вся целиком, как на блюде. Она была достаточно близко, чтобы можно было разглядеть отдельные из множества звезд, и достаточно далеко, чтобы все они вместе давали впечатление единой россыпи бриллиантов.

В поле зрения находились также несколько созвездий, которые, хотя и находились за границей галактики, кружились вместе с ней в пространстве. Вид их напомнил Гросвенфу, что «Космическая Гончая» проходила сейчас рядом с одним из мелких созвездий.

Когда ритуал обычных приветственных фраз был закончен, он спросил:

—Еще не решили, будем ли мы останавливаться у одного из этих созвездий?

—Решение—против остановки, и я с этим согласен. Мы направляемся в другую галактику и пробудем там достаточно долго,—ленивым движением директор шагнул вперед, взял со стола бумагу и резко спросил:—Я слышал, что вашу территорию оккупировали?

Гросвенф сухо улыбнулся. Он мог себе представить, какое удовлетворение доставила эта весть кое-кому из членов экспедиции. Он достаточно весомо заявил о себе на корабле, чтобы возможности неспециалиста внушили им тревогу. Некоторые члены экспедиции будут против вмешательства директора.

Отдавая себе в этом отчет, он все же пришел, чтобы понять, сознает ли Мортон всю сложность текущего момента. Гросвенф коротко описал происшедшее и закончил так:

—Мистер Мортон, я хочу, чтобы вы приказали Кенту прекратить вторжение,—ему вовсе не хотелось облекать свои слова в такую резкую форму, но было необходимо понять, чувствует ли Мортон опасность.

Директор качнул головой и холодно произнес:

—В конце концов, у вас действительно большое помещение для одного человека. Почему бы вам не поделиться с другим отделом?

Ответ был слишком уклончивым. Гросвенфу ничего не оставалось как усилить наступление, он решительно заявил:

—Должен ли я понять это так, что глава любого отдела, находящегося на этом корабле, имеет право захватывать территорию другого отдела без разрешения властей?

Мортон ответил не сразу. На его лице мелькнула сухая усмешка. Наконец он сказал:

—Мне кажется, что вы неверно понимаете мое положение на «Гончей». Прежде чем я вынесу решение, касающееся главы отдела, я обязан посоветоваться с главами других отделов. Давайте предположим следующее: я поставил этот вопрос на повестку дня, но когда было решено, что Кент может занять часть вашего отдела, оказалось, что тот уже занят. Таким образом, статус был подтвержден впоследствии. Мне кажется, что в данной ситуации вас можно было бы не ограничивать в площади,—мягко закончил он и улыбнулся.

Гросвенф, достигнув своей цели, тоже улыбнулся.

—Я очень рад заручиться в этом деле вашей поддержкой. Значит, я могу рассчитывать на вас и не позволить Кенту выносить этот вопрос на повестку дня?

Если Мортон и был удивлен переменной его позиции, то не подал вида.

—Повестка дня,—с удовольствием произнес он,—один из вопросов, которые я обязан контролировать. Она составляется в моем офисе. И я при этом присутствую. Главы отделов могут проголосовать за то, чтобы поставить предложение Кента на повестку дня более позднего собрания, но не того, что находится в процессе подготовки.

—Я так понимаю,—проронил Гросвенф,—что мистер Кент уже подал просьбу о том, чтобы занять четыре комнаты моего отдела?

Мортон кивнул. Он положил руку на бумагу, лежащую на его столе, потом взял хронометр и задумчиво уставился на него.

—Следующее собрание состоится через два дня, а потом они будут проходить каждую неделю, если только я не буду их откладывать. Думаю,—он говорил так, будто размышлял вслух,—что мне без труда удастся отложить одно запланированное собрание на двенадцать дней.—Он положил хронометр и быстро поднялся.—Это даст вам для защиты двадцать два дня.

Гросвенф медленно встал. Он решил не обсуждать временной лимит. В данный момент он казался более чем достаточным. Но все сказанное звучало, если так можно было выразиться, несколько нереально. Задолго до того, как время истечет, он должен или вернуть себе контроль над своим отделом или признать поражение.

Вслух он сказал:

—Есть еще один вопрос, который мне хотелось обдумать. Мне следовало бы дать право на прямую связь с главами других отделов, когда мы находимся в скафандрах.

Мортон улыбнулся.

—Это произошло по недоразумению. Все будет исправлено.

Они пожали друг другу руки, и Гросвенф вышел. Когда он возвращался в свой отдел, ему казалось, что, хотя и весьма окольными путями, нексизализм обретает под собой почву.

Войдя в первую комнату, Гросвенф с удивлением обнаружил там Сидла, который стоял в сторонке и наблюдал за работой химиков. Увидев его, психолог двинулся навстречу, покачивая головой.

—Молодой человек,—начал он,—не кажется ли вам, что это немного незтично?

Гросвенф понял: Сидл выяснил, что он проделал с этими людьми, и почувствовал неприятный укол совести. Однако придав голосу самое невинное звучание, он быстро проговорил:

—Вы абсолютно правы, сэр. Я почувствовал то же самое, что почувствовали бы и вы, если бы ваш отдел был занят в обход всех существующих правил.

«Зачем он пришел?—подумал он про себя.—Неужели Кент попросил его о расследовании?»

Сидл потер подбородок. Это было плотный человек с живыми искрящимися глазами.

—Я имел в виду не это,—мрачно пробубнил он.—Но вы, я вижу, испытываете удовлетворение.

Гросвенф изменил тактику.

—Вы возражаете против метода обучения, который я применил к вашим людям?

Сейчас он не чувствовал угрызений совести. Какие бы причины не привели сюда этих людей, он обязан был этим воспользоваться, чтобы показать кое-кому свое преимущество. Он надеялся посеять в душе психолога сомнения и сделать его нейтральным в своей борьбе против Кента.

—Да, я пришел сюда по просьбе мистера Кента и ос-

мотрел его подчиненных, которые, как он считал, действовали несколько странно. Теперь я обязан дать мистеру Кенту отчет о своем диагнозе.

—Почему?—спросил Гросвенф и заговорил более откровенно.—Мистер Сидл, мой отдел захвачен человеком, невзлюбившим меня за то, что я открыто высказывался против его кандидатуры на предстоящих выборах. Поскольку он поступил в обход всех действующих на корабле законов, то я имею право защищать себя так, как умею. Тем не менее, я прошу вас оставаться нейтральным в этом чисто личном вопросе.

—Вы не понимаете,—нахмурился Сидл,—что я тут в качестве психолога. Я рассматриваю использование вами гипноза без согласия испытуемых как совершенно безнравственное. Я удивлен, что вы ждете от меня содействия в подобном деле.

—Уверяю вас, что мое отношение к этике так же серьезно, как и ваше. Гипнотизируя людей без их согласия, я воздержался от того, чтобы воспользоваться своим преимуществом, пристыдить их или ввести в замешательство. И при данных обстоятельствах я не вижу причин, по которым вам следовало бы занять сторону мистера Кента.

—Между вами и Кентом произошла ссора... это верно?

—Совершенно верно,—Гросвенф понимал, что за этим следует.

—И все же, вы загипнотизировали не Кента, а группу находящихся в стороне людей.

Гросвенф вспомнил, как вели себя на его лекции четыре техника из химического отдела. Так что по крайней мере некоторых из них нельзя было назвать невинными.

—Я не собираюсь вступать с вами в спор по этому поводу, мистер Сидл. Могу лишь сказать, что большинство, которое с самого начала не раздумывая подчинилось лидерам, в мотивы поступков которых не потрудились вникнуть, должно за это платить. Но не буду глубоко копаться в этом вопросе, а лучше задам свой.

—Да?

—Вы входили в техническую?

Сидл молча кивнул.

—Вы видели записи?

—Да.

—Вы обратили внимание, какая именно в них заложена информация?

—Все связано с химией.

—Все, что я им даю, и все, что намеревался им дать. Я

рассматриваю свой отдел, как отдел обучения. Люди, входящие сюда, получают знания, хотя они этого или не хотят.

— Не понимаю, каким образом это вам поможет избавиться от них. Тем не менее, я буду счастлив сообщить мистеру Кенту о том, что вы делаете. Вряд ли он станет возражать против того, чтобы его люди углубили знания по химии.

Гросвенф промолчал. У него было собственное мнение насчет того, что скажет мистер Кент и обрадуется ли он, что его служащие будут знать по его предмету столько, сколько он сам. Он мрачно следил за тем, как Сидл покидал его отдел. Он наверняка даст Кенту полный отчет, а это означает, что нужно будет отказаться от старого плана. Но Гросвенф решил, что для решительных действий время еще не настало. Невозможно быть уверенным в том, что определенные решительные действия не явятся толчком для тех событий, которые он стремился предотвратить. Несмотря на его отношение к теории цикличности истории, следовало помнить, что цивилизация действительно рождалась, росла и старела. Прежде чем действовать дальше, следовало поговорить с Коритой и узнать, не увидит ли он каких-либо скрытых неясностей.

Он нашел ученого в библиотеке, которая располагалась на том же этаже, что и «Некзальный отдел». Когда Эллиот вошел туда, Корита собирался уходить, так что Гросвенф тут же изложил свою проблему.

Корита ответил не сразу. Они прошли почти весь коридор прежде чем Корита заговорил:

— Друг мой... Я уверен, что вы понимаете, насколько трудно решать такую специфическую проблему—только на базе общих правил, и это практически все, что может предложить теория цикличности.

— Все же, поскольку аналогии могли бы быть полезными для меня, я вас прошу... Из того, что я читал по этому предмету, я понял, что мы находимся в позднем «зимнем» периоде цивилизации. Иными словами, именно сейчас мы совершаем ошибки, ведущие к распаду. У меня есть кое-какие соображения на этот счет, хотя хотелось бы большего.

Корита пожал плечами.

— Я постараюсь быть кратким. Важнейшей доминирующей чертой «зимнего» периода цивилизации является растущее понимание миллионами индивидуумов того, в чем состоит суть происходящего. Люди становятся нетерпимыми к религиозному или сверхъестественному объяснению

того, что происходит в их телах и умах, в окружающем мире. С ростом знаний даже простые люди начинают смотреть на все иначе и полностью отрицают наследственное превосходство меньшинства. И начинается борьба за власть... Именно эта, выросшая до огромных масштабов борьба, является общей чертой «зимних» периодов для всех существовавших ранее цивилизаций. К лучшему или к худшему, но борьба начинается обычно в легальных рамках систем, которые тяготеют к защите осажденного меньшинства. Те, которые выходят на арену действий позже, тут же бездумно включаются в эту борьбу. Результатом обычно является рукопашная. Охваченные негодованием и страстным желанием все прояснить, люди следуют за такими же сбитыми с толку, как и они сами, вожаками. И повторяется одно и то же. Рано или поздно одна из групп приходит к власти. Оказавшись у его кормила, лидеры насаждают «порядок», увлекая при этом миллионы в бездну. Господствующая группа быстро начинает тормозить всякого рода деятельность. Права, свобода и прочие институты, необходимые всякому организованному обществу, становятся средствами давления и монополизации. Борьба в такой ситуации становится трудной, а потом и невозможной. И тут мы наблюдаем быстрый переход к кастовой системе древней Индии или другим, менее известным, но открыто жестоким обществами, таким как Рим после 300 года нашей эры. Люди не могут подняться выше уровня своей касты. Ну как, помогла вам эта краткая зарисовка?

Гросвенф вдумчиво ответил:

—Как я уже сказал, я хочу решить проблему, заданную мне мистером Кентом, не впад при этом в эгоистические ошибки человека «зимнего» периода, описанные вами. Я хочу знать, могу ли я немедленно защищаться не усугубляя при этом враждебных отношений между группировками, уже существующих на борту «Гончей».

Корита сухо улыбнулся.

—Это будет небывалая победа, если она вам удастся. Исторически на базе масс проблема еще никогда не решалась. Что ж, желаю вам удачи, молодой человек!

В эту минуту все и случилось...

ГЛАВА III

Они остановились у стеклянной стены на этаже Гросвенфа. Впрочем, это было даже не стекло. Это была одна из прозрачных разновидностей сплава прочных металлов. За стеной находился вакуум беспредельного пространства.

Гросвенф механически отметил, что корабль оставил за собой маленькое созвездие. Были видны лишь некоторые из пяти тысяч солнц системы. Он разжал губы, чтобы сказать: «Я бы хотел еще раз поговорить с вами, мистер Корита, когда у вас будет свободное время». Но Эллиот не успел этого сделать, так как в пространстве напротив него напротив него появилось неясное движущееся изображение женщины в шляпе с перьями. Изображение колебалось и мерцало. Гросвенф почувствовал, как его глаза выскакивают из орбит. На мгновение его сознание отключилось, но затем в него проник шквал звуков, перед глазами замерцали световые блики и резкая боль пронзила тело. Гипнотические галлюцинации!

Эта мысль вспыхнула в мозгу Гросвенфа и спасла его. Благодаря умению управлять своими физическими способностями, он смог мгновенно рассеять гипнотическую пляску световых пятен. Резко отвернувшись, он закричал в ближайший коммуникатор:

— Не смотреть на изображения! Это гипноз! На нас напали!

Отвернувшись от коммуникатора, он споткнулся об бесчувственное тело Кориты. Остановившись, Гросвенф опустился на колени.

— Корита! — настойчиво произнес он. — Вы меня слышите?

— Да.

— Вы повинуетесь моим словам, ясно?

— Да.

— Вы начинаете расслабляться, все забываете. Ваше сознание спокойно. Действие образов слабеет. Теперь оно совсем прекратилось. Образы исчезли. Вам ясно? Совсем исчезли...

— Понимаю...

— Они не смогут на вас воздействовать. Каждый раз, видя изображение, вы вспоминаете одну из приятных домашних сцен. Вам ясно?

— Да.

— А теперь пробуждайтесь. Буду считать до трех. Раз... два... три... просыпайтесь!

Корита открыл глаза и озадаченно спросил:

— Что со мной случилось?

Гросвенф быстро объяснил ситуацию и приказал:

— А теперь идите, быстро! Несмотря на встречное внушение, цветные пятна продолжают попадать в поле моего зрения.

Он потащил ошеломленного археолога по проходу к «Некзиальному отделу». За первым же поворотом они наткнулись на неподвижное человеческое тело, лежащее на полу.

Гросвенф пнул его ногой, причем не слишком осторожно. Он хотел получить ответную реакцию.

—Вы меня слышите?—резко спросил он.

Человек шевельнулся.

—Да.

—Тогда слушайте. Световые изображения на вас больше не действуют. А теперь вставайте, вы проснулись.

Человек вскочил и, пошатываясь, ринулся на него. Гросвенф отпрянул, и нападающий пронесся мимо. Гросвенф приказал ему остановиться, но тот, не оглядываясь, продолжал идти вперед. Эллиот схватил Кориту за руку.

—Кажется, я занялся им слишком поздно.

Корита изумленно покачал головой. Он перевел свой взгляд на стену, и по его поведению стало ясно, что археолог еще не избавился от последствий гипноза или вновь попал под него.

—Но что они такое?—спросил он.—Разве вы на них не смотрите?

Не делать это было чрезвычайно трудно. Гросвенфу приходилось держать глаза закрытыми, чтобы не видеть изображения. Сначала ему казалось, что изображения повсюду. Потом он заметил, что женские силуэты как-то странно раздвоены и занимают прозрачные и полупрозрачные секции. Таких секций были сотни, но это все-таки было какое-то ограничение.

Затем они увидели еще нескольких людей. Жертвы лежали на разных расстояниях друг от друга. Дважды Эллиот и Корита наталкивались на людей, находящихся в сознании. Один из них стоял у стены на их пути, уставившись куда-то невидящим взглядом, и не двинулся с места, когда Гросвенф и Корита торопливо проходили мимо.

Другой испустил вопль и, схватив вибратор, выстрелил из него. Луч ударил в стену за спиной Гросвенфа. Тогда Эллиот бросился на человека и свалил его на пол. Человек, оказавшийся помощником Кента, злобно прохрипел:

—Чертов шпион! Мы еще доберемся до тебя!

Гросвенф не стал задерживаться, чтобы выяснить причину такого поведения человека. Но, подходя вслед за Коритой к двери «Некзиального отдела», он весь напрягся. Если тот химик мог так быстро поддаться чувству ненави-

сти, то что же стало с теми пятнадцатью, которые расположились в комнатах отдела.

К своему облегчению, он увидел их лежащими на полу без сознания. Эллиот торопливо достал две пары темных очков—одну для Кориты, другую для себя, потом включил все освещение, и потоки света залили стены, потолок и пол. Изображения мгновенно растворились в них. Гросвенф прошел в техническую комнату и принялся давать команды, надеясь, что сумеет освободить тех химиков, которых он лично загипнотизировал. Сквозь стеклянную дверь он наблюдал за двумя из них. По истечении пяти минут они все еще не подавали признаков жизни. Эллиот понял, что мозг загипнотизированных находился в таком состоянии, что любые слова бесполезны. Существовала вероятность, что через некоторое время они очнутся и переключатся на него. С помощью Кориты он перетащил их в ванную комнату и запер дверь. Один факт был очевиден: это был визуальный гипноз такой силы, что сам он спасся лишь благодаря своей подготовке. Но воздействие не ограничивалось только видением. Изображения пытались взять под контроль через зрительные органы их мозг. Гросвенф был в курсе всего, что было сделано в этой области, и знал, что внешний контроль над нервной системой человека был почти невозможен. Судя по тому, что произошло с ним, остальные были погружены в глубокий, похожий на транс сон, или же их сознание было помрачено галлюцинациями, и они не могли отвечать за свои действия.

Его делом было проникнуть на контрольный пункт и включить энергетический экран корабля. Не важно, откуда были нападающие—с другого корабля или с другой планеты—такая мера помогла бы прекратить любое воздействие извне.

С невообразимой в обычных условиях быстротой Гросвенф начал конструировать переносной световой агрегат. Ему нужно было что-то, что могло бы помочь ему в борьбе с изображениями на пути к контрольному пункту.

Эллиот заканчивал последнее соединение, когда ощутил реакцию организма—легкое головокружение, которое потом исчезло. Это было ощущение, которое возникало при существенном изменении курса в результате анти-акселерации.

Действительно ли был изменен курс? Это он проверит чуть позже.

—Я хочу произвести эксперимент,—обратился он к Корите.—Останьтесь, пожалуйста, здесь.

Гросвенф вытащил собранное им световое устройство в ближайший коридор и поместил его в задний отсек электротележки для перевозки различных грузов. Потом сел в нее сам и направил к лифту. Он прикинул, что с того момента, когда он впервые увидел изображения, прошло минут десять.

Гросвенф свернул в коридор, где находился лифт, который мог двигаться со скоростью двадцать пять миль в час, что было очень быстро для этих сравнительно узких мест. Напротив лифта двое боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. Они не обратили внимания на Гросвенфа и продолжали, ругаясь, избивать друг друга. Дыхание их было тяжелым. Световая установка Гросвенфа не уменьшила их чувство ненависти друг к другу. Какого бы рода галлюцинации они не были подвержены, гипноз проник в них слишком глубоко. Гросвенф направил машину к ближайшему лифту и спустился вниз. Он надеялся на то, что найдет контрольный пункт пустым.

Надежда исчезла, как только он въехал в центральный коридор. Он кишел людьми. Строились вверх баррикады, и в воздухе явственно чувствовался запах озона. Тут и там вспыхивали лучи вибраторов. Гросвенф осторожно выбрался из тележки, и попытался вникнуть в ситуацию. Она была критической. Два подхода к контрольной были блокированы перевернутыми транспортными тележками. За ними прятались люди в форме. Гросвенф разглядел среди защитников капитана Лича, а на дальнем конце баррикады, в одной из нападающих групп, увидел директора Мортон.

Это несколько проясняло картину. Скрытая враждебность, освобожденная гипнозом, выплеснулась наружу. Ученые дрались с военными, которых подсознательно ненавидели. Военные, в душе презирающие людей науки, сейчас с оружием пытались доказать свое превосходство.

Гросвенф понимал, что теперешняя ситуация тем не менее не отражала истинной подоплеки их чувств. В нормальном состоянии человеческое сознание балансирует между многочисленными противоположными импульсами, так что средний индивидуум может прожить свою жизнь без того, чтобы одно какое-то его чувство одержало верх над другими и стало преобладающим. Теперь это сложное равновесие было нарушено, грозя уничтожить всю экспедицию и принести победу врагам, о целях которых можно было лишь строить предположения.

Как бы там ни было, путь в контрольную был отрезан. Гросвенф в задумчивости вернулся в свой отдел.

У двери его встретил Корита.

—Посмотрите,—произнес он, указывая на экран настенного коммуникатора, настроенного на рубку управления полетом. Расположенный там экран показывал цепочку звезд. Гросвенф посмотрел в окуляры умножителя и обнаружил, что корабль описывает плавную кривую, которая должна была привести корабль прямо к яркой белой звезде. Вспомогательный механизм управления периодически корректировал курс корабля.

—Могли это сделать враги?—осведомился Корита.

Гросвенф показал вперед и покачал головой, более озадаченный, чем встревоженный. Он изменил положение окуляров и нацелил их на белую звезду. Судя по спектральному классу звезды, ее величине и яркости, она находилась на расстоянии около четырех световых лет. Корабль летел со скоростью примерно световой год за каждые пять часов. Следовало еще принять во внимание ускорение, так как скорость должна была еще увеличиться. Эллиот подсчитал, что корабль должен был достичь окрестностей звезды приблизительно через одиннадцать часов.

Гросвенф выключил коммуникатор. Он был поражен, но никаких сомнений у него не было. Их уничтожение могло быть целью обманутого человека, который и изменил курс корабля. А если это так, то на предотвращение катастрофы оставалось только десять часов.

Даже в эту минуту, когда у него не было ясного плана, Гросвенфу казалось, что только нападением врага, использующего гипнотическую технику, можно было объяснить происходящее на корабле.

Эллиот стоял, размышляя. Следовало предпринять вторую попытку проникнуть в контрольный пункт. Ему нужно было нечто, что действовало бы непосредственно на клетки мозга. Имелось несколько аппаратов, способных оказать подобное воздействие. Большая их часть применялась в сугубо медицинских целях. Исключение составлял—энцефало-регулятор, который мог быть использован для перенесения импульсов из одного сознания в другое.

Даже с помощью Кориты, Гросвенфу понадобилось несколько минут на сборку такого агрегата. Его проверка заняла еще некоторое время, а поскольку аппарат был исключительно хрупким, то, размещая его на тележке, пришлось прибегнуть к помощи рессорных подушек. В общем, приготовления заняли тридцать семь минут.

Затем Эллиот вступил в спор с археологом, который

непрерывно хотел его сопровождать. Корита, в конце концов, согласился остаться на страже их опорного пункта.

Непрочность аппарата заставила Гросвенфа уменьшить скорость передвижения на тележке, когда он направлялся к контрольному пункту. Медлительность, хотя и вынужденная, раздражала его, но в то же время давала ему возможность замечать перемены, происшедшие с момента первой атаки.

Неподвижные тела попадались теперь изредка. Гросвенф понял, что большая часть людей из тех, кто оказался погруженным в глубокий сон, теперь самостоятельно вышли из него. Подобные пробуждения были обычным для гипноза явлением. Теперь они подвергались другой стимуляции на той же основе. К несчастью, хотя это тоже не являлось неожиданностью, приходилось думать, что их действия находились под контролем глубоко скрытых импульсов. Поэтому люди, которые в обычном состоянии лишь испытывали друг к другу умеренную неприязнь, сейчас испытывали убийственную ненависть.

Самым страшным было то, что им самим об этом не было известно, поскольку сознание могло быть изменено без знания об этом со стороны человека. В любом случае, каждый человек действовал так, как будто его новое «я» было столь же непрочным, сколь и старым.

Гросвенф открыл дверцу лифта, находящегося на этаже контрольного пункта, и тут же поспешно захлопнул ее. Нагревательная установка извергала пламя. Металлические стены плавилась с резким свистящим звуком. На видимом участке коридора лежали три трупа. Пока Эллиот выжидал, раздался громкий взрыв. Внезапно пламя пропало. В воздухе повис голубой дым, и жара стояла невыносимая. Но в течение нескольких последующих секунд дым и жара исчезли. Вентиляционная система работала надежно.

Гросвенф осторожно выбрался из лифта. На первый взгляд коридор казался пустым. Потом он увидел Мортон, полускрытого выступом стены менее чем в двух десятках шагов от себя. Почти в ту же секунду директор заметил его и поманил к себе. Гросвенф заколебался, но решил все-таки рискнуть. Он направил тележку к директору, который энергично приветствовал его.

—Именно вас я и хотел видеть,—заявил он.—Мы должны отобрать у капитана Лича контроль над кораблем, прежде чем Кент и его группа устроит нападение.

Взгляд Мортон был спокойным и умным. Это был взгляд человека, борющегося за правое дело. Казалось, ему

и в голову не приходило, что его поведение и слова требовали объяснений. Директор с напором продолжал:

—Нам особенно необходима ваша помощь против людей Кента. Они использовали химический препарат, о котором я раньше не слышал. Пока мы одержали над ними верх, но они готовят новый удар. Наша главная проблема такова: будет ли у нас время сокрушить капитана Лича, прежде чем Кент соберет свои силы?

Время было и проблемой Эллиота. Как бы невзначай он прднес правую руку к левой кисти и тронул кнопку реле, которое постоянно контролировало направление пластинки установки, произнося при этом:

—У меня есть план, сэр. Полагаю, он может быть эффективным в борьбе с противником.

Мортон посмотрел на тележку и сказал:

—Вы привезли с собой аджустер, и он действует. Для чего это вам понадобилось?

Гросвенф напрягся, его мысли замесались в поисках ответа. Он надеялся, что Мортон не слишком хорошо знаком с аджустерами, но теперь надежда на это исчезла, а он должен был все же попытаться использовать инструмент, хотя и без эффекта неожиданности. Он проговорил натянутым голосом:

—Да, я хочу использовать эту машину.

ПокOLEбавшись, Мортон заметил:

—Мысли, возникшие в моем мозгу и переданные вами, весьма интересны...—он замолчал, и на его лице вспыхнул интерес:—Так, хорошо... Если вы сможете на этот раз передать известие о том, что мы подверглись нападению чужаков...—Он смолк и его губы нервно сжались.—Капитан Лич дважды пытался заключить со мной соглашение. Теперь мы сделаем вид, будто согласились, и вы придете к ним с вашей машиной. Вы понимаете, что я не собираюсь заключать соглашение ни с Кентом, ни с капитаном Личем, кроме как в целях достижения победы и сохранения корабля. Надеюсь, что вы это оцените,—с достоинством закончил он.

Гросвенф нашел капитана Лича на контрольном пункте. Командир приветствовал его со сдержанным дружелюбием.

—Борьба против ученых,—честно признался он,—поставила военных в сложное положение.—Он серьезно качнул головой.—Конечно, нечего говорить о том, что кому-нибудь из нас удастся одержать победу. На крайний случай мы готовы пожертвовать собой, но не позволить ни одной из групп одержать верх.

Откровения капитана отвлекли Гросвенфа от цели. Он спросил себя, ответственен ли капитан Лич за намеренное изменение курса корабля, направив его к белому солнцу. По крайней мере, он дал ему частичное объяснение. Казалось, командиром был абсолютно уверен в том, что победа какой-либо другой группы, кроме военных, немыслима. Если брать эту мысль за исходную, то оставался лишь крошечный шаг, чтобы сделать вывод о необходимости уничтожения всей экспедиции. Незаметным движением Гросвенф направил передатчик аджустера на капитана Лича.

Ранние энцефало-аджустеры были косвенными потомками известного энцефалографа. Но его функции были диаметрально противоположными. Он генерировал искусственные волны любого требуемого образца. Используя их, опытный оператор мог стимулировать любую часть мозга, вызывать любые эмоции и мечты, заставлять мечтать и вспоминать прошлое. Аджустер не являлся контролирующим прибором. Он лишь поддерживал собственное «я» испытуемого. Тем не менее, он мог передавать импульсы мозга от одного к другому. Поскольку импульсы изменялись согласно мыслям посылающего, реципиент стимулировался в высшей степени легко.

Не подозревающий о присутствии аджустера, капитан Лич не догадывался, что его мысли больше не принадлежат ему.

—Нападение на корабль, превратило всех ученых в предателей.—Капитан Лич умолк и задумчиво произнес:—Вот мой план...

План включал в себя применение нагревательных установок, акселераторов мускульной энергии и частичное обследование обеих групп ученых. Капитан Лич даже не упомянул о чужаках. Казалось, ему даже не приходило в голову, что он излагает свои намерения эмисару тех, кого он считает своими врагами. Закончил он словами:

—Где ваши знания будут незаменимыми, мистер Гросвенф, так это в научном отделе. Как специалист, вы можете сыграть решающую роль в борьбе против других ученых...

Утомленный и потерявший уверенность в себе, Гросвенф сдался. Хаос был слишком велик, чтобы с ним смог справиться один человек. Куда бы он ни посмотрел, везде были вооруженные люди. В общей сложности, он видел двадцать с чем-то убитых. Непрочное перемирие между капитаном Личем и директором Мортонем в любой момент могло закончиться взрывом. Даже сейчас он

слышал крики людей там, где Мортон сдерживал атаку Кента.

Тяжело вздохнув, он повернулся к капитану.

— Мне понадобится некоторое оборудование из моей лаборатории. Переправьте меня на заднем лифте, и через пять минут я вернусь.

Когда через несколько минут Гросвенф вносил свой аппарат через заднюю дверь отдела, ему казалось, что относительно его будущих действий сомнений больше нет. То, что для первого размышлению показалось ему притянутым за уши аргументом, было сейчас тем единственным, что составляло его план. Он должен атаковать чужих через их миражные образы, причем их собственным гипнотическим оружием.

ГЛАВА IV

Гросвенф сознавал, что Корита наблюдает за лихорадочной сборкой какой-то новой машины. Археолог подошел и стал рассматривать массу деталей, которые Эллиот присоединял к энцефало-адаптеру, но вопросов не задавал. Казалось, он полностью избавился от любопытства. Гросвенф, постоянно вытирал с лица пот, хотя было не жарко. Температура в помещении была нормальной. К тому времени, когда предварительная работа была закончена, Эллиот четко осознал, что было главной причиной его беспокойства. Дело в том, заключил он, что ему очень мало известно о врагах.

То, что он располагал теорией о том, как они могли действовать, было недостаточно. Что-то таинственное было в миражах с такими удивительными женственными телами и лицами, иногда раздвоенными, а иногда нет. Для действий ему было необходимо разумное философское обоснование всего увиденного. Его план требовал подспорья, которое ему могло дать только знание.

Он повернулся к Корите и спросил:

— На какой стадии развития культуры могли находиться эти существа согласно данным теории цикличности?

Археолог сел на стул, поджав губы, и попросил:

— Опишите мне ваш план.

Когда Гросвенф обрисовал его в общих чертах, японец победно изложил. Наконец он раздраженно проговорил:

— Как случилось, что вы смогли спасти меня и не смогли разгипнотизировать других?

— Я отвлек вас сразу. Нервная система человека чув-

ствительна к повторениям. В вашем случае их образы не успели повториться такое количество раз, как для остальных.

— Был ли для нас какой-нибудь способ избежать этого бедствия? — мрачно осведомился Корита.

Гросвенф печально улыбнулся.

— Это можно было сделать с помощью нексиального обучения, поскольку оно включает в себя возможность гипнотического состояния. Есть только одна действенная защита против гипноза и заключается она в тренировке... Мистер Корита, ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. История циклична?

Над бровями археолога появились маленькие капельки пота.

— Друг мой, — вздохнул Корита, — вы никак не можете разобраться и провести параллель в подобной ситуации. Что нам известно об этих существах?

Гросвенф тоскливо вздохнул. Он понимал необходимость дискуссии, но ведь утекало столь ценное время. Он нерешительно сказал:

— Существа, умеющие использовать гипноз на расстоянии, стимулировать сознание друг друга, должны стоять на довольно высокой ступени развития, так что вполне естественно ожидать от них телепатических способностей. Люди могут обрести эти способности лишь с помощью энцефалоаджустера, — он подался вперед, ощутив неожиданное волнение. — Корита, как могла отразиться на состоянии культуры способность читать в умах без помощи приборов?

Археолог выпрямился.

— Ну, конечно же, у нас есть ответ. Способность читать в умах должна уничтожить развитие любой расы на феллахинской стадии, — его глаза блестели, когда он смотрел на озадаченного Гросвенфа. — Неужели вы не понимаете? Способность читать чужие мысли вызовет у вас чувство уверенности в том, что вы все знаете. На этой основе будет развиваться система абсолютной уверенности во всем. Как можно сомневаться, когда вы знаете? Подобные существа мгновенно пройдут через ранние периоды культуры и в кратчайшее время достигнут феллахинского периода.

Пока Гросвенф сидел, нахмурившись, Корита быстро описал, как различные земные и галактические цивилизации истощали себя, а потом закоснели в состоянии феллаха. Как общество, они не были особенно жестоки, но из-за своей бедности у них развилось безразличие к страданиям отдельных личностей.

Когда Корита кончил, Гросвенф предположил:

—Возможно, их возмущение переменами, к которым такие культуры нетерпимы, и явились причиной нападения на корабль?

Археолог был осторожен:

—Возможно.

Наступило молчание. Гросвенф подумал, что ему придется действовать исходя из того, что общий анализ Кори-ты верен, потому что других гипотез у него не было. Имея отправным пунктом такую гипотезу, он мог попытаться получить подтверждение от одного из изображений.

Взгляд на хронометр заставил его встать. У них оставалось меньше семи часов на спасение корабля. Торопясь, он сфокусировал луч света на энцефало-аджустере. Быстрым движением он установил экран против света так, чтобы маленькая стеклянная поверхность была погружена в тень, получая от аджустера лишь прерывистые лучи.

Сразу же появилось изображение. Это было одно из частично раздвоенных изображений и, благодаря энцефало-аджустеру, он мог спокойно изучить его, не привлекая к себе внимания. Первый же внимательный взгляд поверг его в изумление. Изображение лишь смутно напоминало гуманоида. И все же стало понятным, почему раньше оно казалось ему женским. Частично скрытое, раздвоенное лицо было увенчано аккуратным пучком золотистых перьев. Но птичья голова, как это было ясно видно сейчас, имела некоторое сходство с человеческой. На лице, покрытом сеткой чего-то, похожего на вены, перьев не было. Сходство с человеческим достигалось тем, что отдельные участки этого лица напоминали щеки и нос. Вторая пара глаз и второй рот были в каждом случае примерно двумя дюймами выше первых. Была также двойная пара плеч с двойной парой рук, коротких и оканчивающихся восхитительно нежными и удивительно длинными кистью и пальцами. Все это тоже каким-то непостижимым образом вызвало ассоциации с чем-то женским. Гросвенф поймал себя на мысли о том, что руки и пальцы двух тел были, вероятно, вначале нераздельными. «Партеногенез,—подумал Гросвенф,—вопроспроизведение без пола. Отпочкование от родителей нового индивида».

Изображение на стене перед ним имело также рудименты крыльев. Кончики крыльев виднелись на «кистях». Существо носило ярко-голубую тунику на удивительно прямом и в высшей степени похожем на человеческое теле. Если и были другие рудименты оперения, то они были

скрыты одеждой. Ясно было одно, что эта птица не летала и не могла летать.

Корита заговорил первым, и его голос звучал безнадёжно.

—Как вы собираетесь дать им знать, что вы желаете быть загипнотизированным? Ради обмена информацией, хотя бы.

Гросвенф не стал отвечать. Он поднялся и нарисовал на доске приблизительное изображение самого себя. Через сорок семь минут, то есть за время, необходимое для того, чтобы сделать несколько десятков набросков, изображение птицы исчезло, а на его месте появилось изображение города. Оно было небольшим, и с первого взгляда казалось, будто город виден с удобной для обозрения высокой точки. Он увидел очень высокие и узкие здания, так близко расположенные друг к другу, что все находившееся внизу, должно быть большую часть времени скрываться во мраке. Гросвенф подумал, что в этом сказываются привычки раннего периода развития. Он тут же переключился на другое. Он оставил без внимания индивидуальность зданий в своем желании охватить взглядом всю картину. Гросвенф хотел выяснить степень развития их машинной культуры, разобраться в принципах построения их коммуникаций, определить, был ли этот город тем, из которого велась атака на их корабль, или же нет.

Он не увидел ни машин, ни самолетов, ни автомобилей. Не было также ничего, что можно было бы принять за оборудование межзвездной связи, похожее на то, которое использовалось людьми,—на Земле подобные станции занимали несколько квадратных миль. Тем не менее, казалось вполне вероятным, что способ нападения не имел ничего общего с подобными машинами. Как только он пришел к такому выводу, вид изменился. Теперь он обнаружил себя уже не на холме, а в здании неподалеку от центра города. То, что составляло это прекрасное цветное изображение, подвинулось вперед, и он посмотрел вниз. Дух захватывало от разворачивающейся перед ним картины. И все же он успел подумать, что способ отображения ему непонятен. Одна картина сменяла другую почти мгновенно. Меньше минуты прошло с тех пор, как его рисунки на доске окончательно дали понять о его желании получить информацию.

Расстояние, отделявшее его от соседнего строения, было не больше десяти футов, но теперь он обнаружил нечто, чего не мог заметить с холма. На каждом уровне на-

ходила дорожка в несколько дюймов шириной. По ним осуществлялось пешеходное движение птичьего города. Прямо под Гросвенфом два существа двигались навстречу друг другу по одной узкой дорожке. Они, казалось, совершенно игнорировали тот факт, что она располагалась в ста или больше футах от поверхности. Они шли свободно и легко. Каждый развернул ту ногу, что находилась ближе к внутренней стороне дорожки и обогнул другого. По другим уровням шагали другие существа. Они проделывали те же хитрые маневры и двигались так же непринужденно. Наблюдая за ними, Гросвенф догадался, что их кости были тонкими, полыми и, по всей видимости, очень легкими.

Картина вновь изменилась, а потом еще раз. Место действия перенеслось с одной улицы на другую. Там он увидел, судя по всему, все возможные способы воспроизводства этих существ. На некоторых изображениях тела были настолько разделены, что ноги, руки и большая часть туловища были свободны. Другие были в том состоянии, в котором он их уже видел. И в каждой ситуации родитель казался безучастным к росту нового тела.

Гросвенф только попытался разглядеть внутренность одного из зданий, как картина начала исчезать со стены. Через мгновение город исчез совсем, а на его месте появилось двоящееся изображение. Пальцы изображения указывали на энцефало-аджустер. В его желании не приходилось сомневаться. Свою долю сделки они выполнили, настало время Гросвенфа выполнить свою.

С их стороны было наивно ожидать, что он это сделает, но беда была в том, что он был обязан это сделать. У него не оставалось иного выхода, как выполнить свое обещание.

ГЛАВА V

«Я спокоен, я расслаблен,—произнес голос Гросвенфа, записанный на магнитофон.—Мои мысли ясны. То, что я вижу, может быть бесполезно для объясняющих центров моего мозга, но я видел их город таким, каким они его считают. Независимо от того, имеет ли смысл виденное и слышанное мною, я остаюсь спокойным, расслабленным и чувствую себя непринужденно...»

Гросвенф нарочито внимательно выслушал запись и повернулся к Корите.

—Все так,—сказал он.

Конечно же, могло наступить время, когда он не был

бы в состоянии сознательно выслушать запись. Но она все равно не пропала бы даром, и его слова даже отчетливее запечатлелись бы в его памяти. Все еще слушая, он в последний раз осмотрел аджустер. Все было так, как он хотел.

Корите он объяснил следующее:

—Я устанавливаю автоматическую отсечку на пять часов, но если вы опустите этот рубильник,—он указал на красную рукоятку,—то сможете освободить меня задолго до этого срока. Но воспользоваться им вы можете только в случае крайней необходимости.

—А что вы считаете случаем крайней необходимости?

—Возможность нападения на нас,—Гросвенф колебался. Ему бы хотелось назвать целый ряд подобных возможностей, но то, что он собирался делать, было не просто научным экспериментом. Это была игра не на жизнь, а на смерть. Готовый действовать, он положил руку на контрольный диск, но остановился.

Наступал решающий момент. В течение нескольких секунд совместный разум бесчисленного количества особей птичьего народа завладеет частью его нервной системы. Несомненно, они попытаются взять его под свой контроль, как взяли под контроль всех остальных людей на корабле, кроме Кориты. Он был склонен считать, что ему придется противостоять группе умов, работающих вместе. Он не видел ни машин, ни даже колесного транспорта—самого примитивного из механических приспособлений. Он считал само собой разумеющимся, что они пользуются камерами типа телевизионных и догадался, что видит город глазами его обитателей. В подобных вещах телепатия была сенсорным процессом, таким же острым, как и само видение. Нематериальная духовная сила миллионов птицеподобных обитателей планеты могла преодолеть барьер скорости света. Они не нуждались в машинах.

Конечно, Гросвенф не надеялся, что сможет повысить эффективность своей попытки стать частью их коллективного сознания и воздействовать каким-то образом на него, но все же... Слушая запись, Гросвенф манипулировал диском настройки, слегка изменяя ритм собственных мыслей. Он вынужден был делать это весьма осторожно. Даже если бы он и захотел, он не смог бы предложить чужим полной настройки. Такие интенсивные пульсации могут вызвать любое изменение в сторону здоровья, нездоровья, внутренних регулировочных процессов. Ему приходилось ограничивать своего реципиента волнами, которые можно

было бы зарегистрировать как психологический эквивалент здоровья.

Аджустер наложил эти колебания на луч света, который в свою очередь перенес их прямо на изображение. Пока ничего не происходило, но Гросвенф и не ожидал дополнительных доказательств, так что он не был разочарован. Эллиот был убежден в том, что результат станет очевидным лишь тогда, когда произойдут изменения в лучах, которые они на него направляют. А это—он был в этом уверен—ему удастся распознать. Ему было трудно продолжать концентрироваться на изображении, но он заставил себя это сделать. Энцефало-аджустер начал явственно вмешиваться в его видения. Но Эллиот все так же твердо продолжал смотреть на картину.

«Я спокоен, я расслаблен. Мои мысли ясны...»,—только что эти слова громко звучали в его ушах. И вот уже они исчезли. Вместо них послышался рокочущий звук, похожий на отдаленный гром.

Шум медленно затихал. Он перешел в ясный шорох, похожий на шуршание крупных морских ракушек. Гросвенф увидел слабый свет. Он был далеким и тусклым, как будто пробивался сквозь слой плотного тумана.

«Я все еще контролирую себя. Я получаю ощущения через их нервные системы. Они—через мою».

Он мог ждать... Он мог сидеть и ждать, пока его мозг не начнет давать толкования тем ощущениям, что телепатятся их нервными системами. Он может сидеть здесь и ждать...

«Стоп! Сидеть!—подумал он.—Зачем они это делали?»

Тревога обострила его восприятие. Он услышал далекий голос, произносивший:

—Независимо от того, имеет ли смысл виденное и слышанное мною, я остаюсь спокойным...

Внезапно он ощутил зуд в носу.

«У них нет носов,—подумал он,—по крайней мере, я не видел ни у одного. Следовательно, это зависит или от моего носа, или от какой-то случайности».

Он потянулся, чтобы почесать его, и ощутил в желудке резкую боль. Если бы он смог, он бы согнулся от боли, но он не мог. Он не мог почесать нос. Он не мог положить руки на живот.

Потом Гросвенф понял, что и источник зуда и источник боли, находятся вне его тела. И они совсем не обязательно должны быть связаны с другими нервными системами. Две высокоразвитые формы жизни посылали сигналы

одна другой—он надеялся, что он тоже посылал сигналы—ни один из которых не мог быть объяснен. Его преимущество состояло в том, что он этого ожидал, а чужаки, если они находились в стадии феллаха и если теория Кориты была верной, не ожидали и не могли этого ожидать. Понимая это, он мог надеяться на адаптацию. Они же лишь могли прийти в большое замешательство.

Зуд исчез. Боль в желудке сменилась чувством тяжести, как если бы он пересел. Горячая игла вонзилась ему в спину, проникая в каждый позвонок. На полпути вниз она превратилась в ледяную, а потом растаяла, и ледяной поток побежал по спине.

Что-то вцепилось в бицепсы его руки и едва их не разорвало. Боль отдалась в мозгу пронзительным криком: он почти потерял сознание.

Хотя чувство боли постепенно исчезло, Гросвенф был страшно измучен. Все это было иллюзией. Нигде ничего не происходило, ни в его теле, ни в телах птицеобразных существ. Его мозг получил ряд импульсов от зрительных нервов и неверно их понял. При такой близости удовольствие могло стать болью, любой стимул мог воспроизвести любое чувство. Он не должен думать, что ошибки существ могут быть еще более страшными...

Он тут же забыл обо всем этом, потому что до его губ дотронулось нечто мягкое, студенистое. Голос сказал. «Я люблю...»—Гросвенф отказался от этого значения. Нет, не «люблю». Это было его собственный мозг, как он полагал, пытающийся осмыслить особенность нервной системы, реакция которой была совершенно иной, чем человеческая. Уже сознательно он заменил слово на «меня побуждает», а потом опять позволил чувствам взять верх. В конце концов, он все еще не знал, что же такое это было, то, что он ощутил. Чувство не было неприятным, вкусовое ощущение было сладким. В его сознание вошло изображение цветка. Он был красивым, красным, напоминал земной и никак не мог быть связан с мозгом Риим.

«Риим!»—подумал он.

Его мозг лихорадочно заработал. Пришло ли к нему это слово через пространство, через его бездну? По своей иррациональности название казалось его вымыслом, но все же было подходящим. И все-таки, несмотря ни на что, сомнения не покидали его. Он не был уверен.

Вся заключительная серия ощущений была им воспринята нормально. И все равно, он с беспокойством ждал следующего появления. Свет оставался тусклым и туман-

ным. Потом все вокруг расплылось, как сквозь толщу воды. Неожиданно он снова ощутил сильнейший зуд. Затем это чувство прошло; появилась жажда, жара и ощущение плотного потока воздуха.

«Это не так!—самым серьезным образом сказал он себе.—Ничего подобного не происходило».

Ощущения исчезли. Снова остался отчетливый шуршащий звук и неизменный блеск света. Это начинало его беспокоить. Вполне могло быть, что его метод верен и что со временем он сможет взять под контроль одного или группу существ. Но время было именно тем, чего он никак не мог терять. Каждая уходящая секунда катастрофически приближала его к физическому уничтожению. Там—в пространстве, один из самых больших и дорогих кораблей, когда-либо построенных людьми, пожирал мили с почти бессмысленной поспешностью.

Он знал, какие части его мозга стимулировались. Гросвенф мог слышать шум лишь тогда, когда чувствительная область бокового участка коры головного мозга получала ощущения. Участок мозга над ухом при стимуляции воспроизводил мечты и старые воспоминания. Некоторым образом каждая часть мозга давно была классифицирована. Точная локализация подвергающихся стимуляции областей претерпевала едва заметные изменения в зависимости от индивида, но основная структура—среди гуманоидов—всегда была одинаковой.

Нормальный человеческий глаз был прекрасным объективом. Хрусталик передавал изображение на сетчатку. Чтобы судить о картинах города так, как они были переданы народом Риим, он тоже мог пользоваться объективной точностью глаз. Если бы он смог скоординировать свои визуальные центры с их глазами, он мог бы получать заслуживающие доверия картины.

Прошло еще некоторое время. Во внезапном приступе отчаяния Гросвенф подумал: «Может ли быть так, что я просижу пять полных часов, не вступив в полезный контакт?»

Впервые за то время, как он полностью углубился в это исследование, он обращался к здравому смыслу. Когда он попытался поднять руку к контрольному рычагу энцефалоаджустера, ничего, казалось, не произошло. Просто нахлынуло множество неясных ощущений, и среди них отчетливо различимый запах горячей изоляции. В третий раз его глаза увлажнились. А потом резко и ясно возникло изображение. Исчезло оно так же внезапно, как и вспыхнуло. Но

для Гросвенфа, прошедшего обучение на самых современных психологических приборах, оно осталось в сознании так же ярко, как если бы он смотрел на него довольно долго.

Она была такой, точно он находился в одном из высоких узких зданий. Освещение было тусклым, как будто являлось лишь отражением света, проникающего в дверь. Окон не было. Вместо полов в помещении были подстилки. Несколько птицеобразных существ сидело на этих подстилках. В стенах виднелись двери, указывающие на существование шкафов и кладовых. Видение и взволновало, и встревожило. Предположим, он установил связь с этим существом, кем бы оно ни было, стимулированный его нервной системой. Предположим, он достиг того состояния, в котором он мог видеть его глазами, слышать его ушами и чувствовать до некоторой степени то, что чувствовало оно. Но все это были лишь чувственные впечатления.

Мог ли он надеяться перекинуть мост через пропасть и вызвать движение в мышцах того существа? Мог ли он заставить его перемещаться, поворачивать голову, шевелить руками—в общем, заставить его двигаться так, как собственное тело? Нападение на корабль было произведено группой совместно действующих, совместно думающих существ. Взяв под контроль одного из членов такой группы, мог ли он надеяться взять под контроль всех?

Сигналы, полученные Эллиотом, излучались вероятно, одним существом. То, что он испытал до сих пор, не указывало на групповой контакт. Он был подобен человеку, заключенному в темную комнату. Перед ним находилось окно с полупрозрачным стеклом. Сквозь него и пробивался слабый свет. По случайно проникающим туманным изображениям Эллиот должен был судить о внешнем мире. Он мог быть вполне уверен в том, что картины верны. Но они не совмещались со звуками, проникающими через другое отверстие в боковой стене, или ощущениями, проходящими к нему через пол или потолок.

Человеческие существа могли слышать звуки частотой до двадцати килогерц. Некоторые расы начинали слышать лишь после этого предела. Под гипнозом люди могли шумно веселиться в то время, как их мучали, и вопить от боли, когда их щекотали. Воздействия, означавшие боль для одной разумной расы, вообще ничего не значили для других.

Гросвенф мысленно сбросил с себя напряжение. Сейчас ему не оставалось ничего, как расслабиться и ждать... Он терпеливо ждал.

Теперь он думал о том, что могла возникнуть связь между его собственными мыслями и получаемыми ощущениями. Эта картина помещения внутри дома—каковы были его мысли перед тем, как она появилась? Кажется, главным образом, он представлял себе структуру глаза. Связь была настолько очевидной, что он затрепетал от волнения. Было и еще одно обстоятельство. До теперешнего момента он концентрировался на намерениях видеть и чувствовать через нервную систему очевидца. И реализация его надежд зависела от установления контакта и контроля над группой, напавшей на корабль.

Внезапно он увидел свою проблему в новом свете. Она требовала установления контроля над собственным мозгом. Некоторые участки должны были быть эффективно блокированы и поддерживаться на минимальном действующем уровне. Другие—должны были быть приведены в состояние особой чувствительности с тем, чтобы все поступающие ощущения могли достигать их с большей легкостью. Как высоко тренированный, причем аутогипнотический субъект, он мог выполнить обе предполагаемые задачи.

Первое, несомненно, зрение. Затем мускульный контроль существа, через посредство которого работает над ним группа.

Его размышления прервали разноцветные вспышки. Гросвенф принял их за свидетельство истинности его предположения. И он понял, что идет по верному следу, когда изображение внезапно прояснилось и зафиксировалось.

Обстановка была прежней. Те, кто контролировал его, все еще сидели на насестах внутри высокого здания. Только бы не исчезло изображение... Гросвенф принялся концентрироваться на движениях мускулов Риим. Сложность состояла в том, что даже приблизительное объяснение того, почему могли происходить те или иные движения, было невозможно. Его хронозрительный образ был неспособен включить в себя в деталях миллионы клеток, ответственных за движение одного пальца. Эллиот подумал о конечности в целом, но ничего не произошло. Потрясенный, но полный решимости, Гросвенф попробовал гипноз символами, используя ключевое слово, заключавшее в себя весь смысл процесса. Одна из худых рук медленно поднялась. Еще один ключ, и его подконтрольный осторожно встал. Потом он заставил его повернуть голову. Этот процесс напомнил птицеобразному существу о том, что тот ящик, этот шкаф и этот чулан—«мои». Воспоминание едва задело уровень сознания. Существо знало о своем

владении и соглашалось с этим фактом, не придавая ему значения.

Нелегко было Гросвенфу справиться с волнением. Упорно и терпеливо он заставлял существо вставать и опять садиться, поднимать и опускать руки, расхаживать взад-вперед вдоль насеста. Наконец, он заставил его сесть.

Вероятно, он достиг полной настройки, и его мозг полностью контролировал мельчайшие движения, потому что едва он начал сосредотачиваться снова, как в него проникло послание, захватившее, казалось, каждую клеточку его мозга. Более или менее автоматически Гросвенф перевел мучительные мысли в знакомые выражения.

«Клетки зовут, зовут. Клетки боятся. О, клетки знают боль! В мире Риим темнота. Далеко от существа—далеко от Риим... Тень, темнота, хаос... Клетки должны извергнуть его... Но они не могут. Они были правы, пытаясь быть дружелюбным к существу, которое вышло из великой темноты, потому что не знали, что он враг... Ночь сгущается. Все клетки уходят... Но они не могут...»

—Дружелюбными...—беспомощно пробормотал Гросвенф.

Это тоже подходило. Он понимал, как весь ужас происшедшего мог быть объяснен тем или иным путем с одинаковой легкостью. Он с тревогой осознал серьезность ситуации. Если катастрофа, уже происшедшая на борту корабля, являлась следствием неверно понятой попытки установить связь, то какой же кошмар мог стать результатом их враждебности? Его проблема была грандиозной, намного более грандиозной, чем их проблема. Если он прервет с ними связь, то они станут свободными. При существующих обстоятельствах, это могло означать нападение. Избавившись от него, они могли предпринять попытку уничтожить «Космическую Гончую».

У него не оставалось выбора. Он должен был выполнить то, что наметил, надеясь на нечто такое, что можно будет обратить в свою пользу.

ГЛАВА VI

Сначала он сконцентрировался на том, что казалось логическим промежуточным звеном, то есть перенесением контроля на другого представителя чужой расы. Выбор, в случае с этими существами, был очевиден.

«Меня любят,—сказал он себе, намеренно вызывая чувство, которое ранее смутило его.—Меня любит мое ро-

дительское тело, из которого я вырастаю. Я разделяю мысли моего родителя, но я уже вижу своими глазами и знаю, что я один из группы...»

Перемещение произошло так быстро, как только мог ожидать этого Гросвенф. Он шевельнул более короткими пальцами. Он изогнул слабые плечи. Потом он вновь вернулся в первоначальное положение по отношению к родительскому Риим. Эксперимент был настолько удовлетворительным, что он почувствовал готовность к большому скачку, который должен был ввести его в связь с нервной системой более отдаленного живого существа. И это также предусматривало стимуляцию соответствующих мозговых центров. Гросвенф почувствовал себя стоящим на вершине заросшего холма. Прямо перед ним вился узкий поток. Оранжевое солнце плыло в темно-пурпурном небе, испещренном облаками, похожими на барашков. Гросвенф заставил новый объект переместиться. Он видел, что маленькое, похожее на курятник здание прячется среди деревьев неподалеку от этого места. Это было единственное находящееся в поле зрения жилище. Он подошел к нему и заглянул внутрь. В полумраке он разглядел несколько насестов, на одном из которых сидели две птицы. Глаза у них были закрыты.

«Вполне возможно, — решил он, — что через них осуществляется групповое нападение на «Космическую Гончую».

Оттуда, поменяв способ воздействия, он перенес свой контроль на индивида, находящегося на той части планеты, где стояла ночь. Ответная реакция оказалась на этот раз чересчур быстрой. И вот он уже в темном городе, его окружают призрачные здания и дорожки. Гросвенф быстро вошел в контакт с другими нервными системами. Он не слишком ясно отдавал себе отчет в том, почему связь устанавливалась именно с тем Риим, а не с другим, ведь их нервные системы ничем не отличались друг от друга. Могло быть так, что на одного индивида стимуляция действовала чуть быстрее, чем на других. Было вполне вероятно, что эти индивиды были потомками или родственными телами его основного подконтрольного. Когда он вошел во взаимосвязь более чем с двумя дюжинами Риим по всей планете, ему показалось, что теперь удалось составить полное впечатление обо всем этом мире.

Это был мир кирпича, камня, дерева и психической общности, которой, возможно, никому никогда не удастся достичь. Таким образом эта раса владела всеобъемлющим механизмом проникновения в секреты вещества и энергии.

Он почувствовал, что теперь можно с безопасностью принять следующий и последний шаг его атаки.

Гросвенф сконцентрировался на образе, который должен был принадлежать одному из существ, передававших изображения на «Космическую Гончую». Он ощутил течение небольшого, наполненного смыслом отрезка времени. А потом...

Он смотрел сквозь одно из изображений, видя через него корабль. Его первым побуждением было узнать, насколько расширились военные действия. Но ему пришлось сдерживать это стремление, поскольку нахождение на борту было лишь частью необходимого предварительного условия. Он хотел воздействовать на группу, состоящую, вероятно, из миллионов индивидов. Он должен был подействовать на них настолько сильно, чтобы они вынуждены были оставить «Космическую Гончую» в покое и не имели бы другого выхода, как держаться от корабля подальше.

У него были доказательства того, что он может воспринимать их мысли, а они—его. Связь с нервными системами была бы невозможна, будь это не так.

Итак, он готов... Гросвенф направил свои мысли в темноту:

«Вы живете во Вселенной и внутри себя, вы создаете картину Вселенной такой, какой она вам представляется. Но об этой Вселенной вы не знаете ничего, и ничего не можете знать, кроме изображений. Но изображение Вселенной внутри вас не есть Вселенная... Как вы можете влиять на другое сознание? Изменяя его понятия. Как вы можете влиять на чужие действия? Изменяя основные верования существа, его эмоциональную склонность...»

Очень осторожно Гросвенф продолжал:

«И картины внутри вас не отражают всей Вселенной, поскольку имеется множество вещей, которые вы не можете узнать прямо, не обладая нужными чувствами. Внутри Вселенной царит порядок. И если порядок картин внутри вас не есть порядок Вселенной, то вы ошибаетесь...»

В истории жизни нескольких думающих индивидов сделали нечто алогичное—в пределах их знаний. Если их структурное строение неверно, если предположение неверно по отношению к реальности, тогда автоматическая логика индивида может привести его к заключению, несущему смерть.

Предположения следовало изменить. Гросвенф изменял их намеренно, хладнокровно, честно. Его собственная гипотеза, на основе которой он действовал, состояла в том,

что Риим не имели защиты. Впервые за историю бесчисленных поколений они получали мысли извне. Он не сомневался в том, что их инертность чрезвычайно велика. Это была феллахская цивилизация, укоренившаяся в своих представлениях, которые не претерпевали никаких изменений. Существовала достаточная историческая очевидность того, что крошечное инородное тело могло оказать решающее влияние на будущее феллахских рас. Гигантская старая Индия пала перед лицом нескольких тысяч англичан. Подобным же образом все феллахские народы древнего мира захватывались с легкостью и не возрождались, пока сердцевина их нестигаемых привычек навсегда не разбивалась вдребезги ясным осознанием того, что в жизни есть нечто гораздо большее, чем то, чему учили их негибкие системы.

Риим были особенно уязвимы. Их метод коммуникации, пусть особенный и уникальный, давал возможность интенсивного влияния сразу на всех. Снова и снова повторял Гросвенф свое послание, каждый раз добавляя по одному пункту из инструкции относительно действий с кораблем. Инструкция была такова:

«Измените изображения, которые вы использовали против находящихся на корабле, потом уберите их совсем. Измените изображения, чтобы те, на кого они направлены, могли расслабиться и заснуть... потом уберите их... Ваша дружеская акция стала причиной большого несчастья. Мы тоже настроены к вам дружелюбно, но ваш метод выражения дружбы причиняет нам зло».

У него были лишь смутные представления о том, как долго он воздействовал на эту огромнейшую нервную систему. Часа два, как показалось ему. Но сколько бы времени ни прошло, все исчезло, как только выключатель энцефало-аджустера автоматически прервал связь между ним и изображением на стене его отдела.

Знакомое ощущение резко вошло в его сознание. Он взглянул туда, где должно было находиться изображение. Оно исчезло... Гросвенф быстро взглянул на Кориту. Археолог поник на стуле, погруженный в глубокий сон.

Гросвенф резко выпрямился, вспоминая данные им инструкции: расслабление и сон. В результате все люди на корабле должны были спать. Задумавшись, он через несколько секунд разбудил Кориту и вышел в коридор. Идя вдоль него, он повсюду видел находящихся в бессознательном состоянии людей, однако стены были яркими и чистыми. На пути в контрольный пункт он ни разу не видел изображения.

Войдя в контрольный пункт, Эллиот осторожно приблизился к спящему капитану Личу, который валялся на полу у контрольной панели. Со вздохом облегчения он включил рубильник, питающий внешний экран корабля. Через секунду Эллиот Гросвенф находился в кресле пилота, меняя курс «Космической Гончей».

Прежде чем покинуть контрольную, он поставил временной замок на механизм управления и замкнул его на десять часов. Это было предосторожностью на случай, если кто-нибудь из людей очнется с жестокими намерениями. Затем он торопливо вышел в коридор и принялся оказывать помощь пострадавшим.

Все его пациенты были без сознания, так что об их состоянии он мог только догадываться. Там, где затрудненное дыхание указывало на шок, он давал кровяную плазму. Он вводил специальные наркотики против боли, если обнаруживал опасные ранения, и накладывал быстродействующий целебный бальзам на раны и ожоги. Семь раз—теперь уже с помощью Кориты—он поднимал мертвых на передвижные носилки и отправлял их в госпиталь для воскрешения. Четверо воскресли, но даже после этого осталось тридцать два мертвеца, которых, как заключил после осмотра Гросвенф, не стоило даже пытаться воскрешать.

Они все еще занимались ранеными, когда служащий из отдела геологии, лежащий неподалеку, проснулся, лениво зевнул, встал и направился к ним. Внезапно его лицо исказилось от испуга. Гросвенф догадался, что проснулась память, и с тревогой следил за подходившим человеком. Служащий озадаченно перевел свой взгляд с Кориты на Гросвенфа и, наконец, осведомился:

—Вам чем-нибудь помочь?

Вскоре им уже помогали двенадцать человек. Все они занимались своим делом, и лишь изредка брошенный взгляд или слово указывали на то, что они знали о временном душевном помешательстве, явившимся причиной этой кошмарной картины смерти и разрушения.

Гросвенф не знал о том, что уже подошел капитан Лич и директор Мортон, пока не увидел их беседующими с Коритой. Потом Корита отошел, а оба начальника приблизились к Гросвенфу и пригласили его поговорить на контрольный пункт. Мортон молча похлопал его по спине.

«Интересно, помнит ли он что-нибудь?—подумал Гросвенф.—Спонтанная амнезия была обычным явлением при гипнозе. При отсутствии у них воспоминаний, убедительно объяснить то, что случилось, будет чрезвычайно сложно».

Он с облегчением вздохнул, когда капитан Лич проговорил:

—Мистер Гросвенф, оглядываясь на это бедствие, мы с мистером Муртоном поражаемся той попытке, которую вы предприняли, чтобы заставить нас осознать, что мы являемся жертвами внешней атаки. Мистер Корита сообщил нам о ваших действиях. Я хочу, чтобы вы сделали сообщение на контрольном пункте о том, что в действительности имело место.

На подобное сообщение потребовалось больше часа. Когда Гросвенф кончил, один из слушателей поинтересовался:

—Должен ли я понимать это так, что имела место попытка дружественного контакта?

Гросвенф кивнул и буркнул:

—Боюсь, что да.

—И вы хотите сказать, что мы не можем полететь туда и разбомбить их ко всем чертям?!—крикнул человек.

—Это не дало бы нам никакой пользы,—твердо заявил Гросвенф.—Мы могли бы заглянуть к ним и установить более тесный контакт.

—Это заняло бы слишком много времени,—возразил капитан Лич.—Нам надо преодолеть огромное расстояние. К тому же, похоже на то, что это довольно серая цивилизация.

Гросвенф заколебался, и, прежде чем он заговорил, Муртон быстро сказал:

—Что вы на это скажете, мистер Гросвенф?

—Я думаю, что критерием для вас является отсутствие вспомогательной механической помощи. Но живые организмы могут испытывать удовлетворение от того, что не имеет отношения к машинам: еда и питье, дружеские и любовные связи. Я склонен предположить, что этот птичий народ находит эмоциональную разрядку в общих мыслях и в размножении. Были времена, когда человек имел немногим больше, и все же он называл это цивилизацией. И в те времена тоже были великие люди.

—И все же,—язвительно произнес Ван Гроссен,—вы без колебаний изменили их образ жизни.

Гросвенф сохранял хладнокровие.

—Для птиц или для людей неразумно жить чересчур обособленным миром. Я разрешил проблеме их сопротивления новым идеям, то есть сделал то, что мне пока не удалось сделать на этом корабле.

Несколько человек язвительно рассмеялись, и собрание

начало расходиться. После его завершения Гросвенф обнаружил, что Мортон разговаривает с Иеменсом, единственным, кто присутствовал от химического отдела.

Химик нахмурился и несколько раз качнул головой. Наконец, он что-то сказал и пожал Мортону руку, после чего директор подошел к Гросвенфу и тихо сообщил:

—Химический отдел вынесет оборудование из ваших помещений в течение двадцати четырех часов с условием, что об этом инциденте никто больше не упомянет. Мистер Иеменс...

Гросвенф перебил Мортон вопросом:

—Что думает об этом мистер Кент?

Мортон немного поколебался и, наконец, произнес:

—Он получил порцию газа, и поэтому ему придется несколько месяцев проваляться в постели.

—Но это больше чем осталось до выборов.

—Да, больше. И это означает, что я вновь одержу победу на выборах, так как претендентов, кроме Кента, нет.

Гросвенф молчал, обдумывая новость. Приятно было услышать, что Мортон не уйдет со своего поста. Но как насчет недовольных, которые поддерживали Кента? Пока он раздумывал, Мортон продолжил:

—Я хочу просить вас о личном одолжении, мистер Гросвенф. Я убедил мистера Иеменса, что было бы неразумным поддерживать Кента в его нападках на вас. В интересах сохранения мира, я бы хотел, чтобы вы хранили молчание. Не предпринимайте попыток закрепить свою победу. Если вас начнут спрашивать, скажите, что произошедшее было просто несчастным случаем, но сами таких разговоров не заводите. Вы обещаете мне это?

—Конечно... но я хотел бы внести предложение.

—Какое?

—Почему вам не приходит в голову один ловкий ход—назвать своим преемником Кента?

Мортон взглянул на Гросвенфа сузившимися глазами, что указывало на его замешательство. Наконец, он сказал:

—Никак не ожидал от вас подобного предложения. А вообще-то, такой шаг возможно уменьшит напряженность.

—Ваше мнение о Кенте, кажется совпадает с моим?—предположил Гросвенф.

Мортон мрачно улыбнулся.

—На борту имеется несколько дюжин людей, которых я предпочел бы видеть в роли директора, но ради сохранения мира, я последую вашему совету.

После этого они расстались. Гросвенф ушел неудовлет-

воренный так как у него сложилось впечатление, что, выдворяя представителей химического отдела из своего помещения, он выиграл стычку, а не битву.

ГЛАВА VII

Икстль неподвижно висел в абсолютной пустоте межгалактического пространства. Течение времени почти не ощущалось, так как позади и впереди была вечность. Сквозь необъятность бездонно черного пространства холодно смотрели туманные пятнышки света. Каждое—он это знал—было скоплением ярких звезд, уменьшенных бесконечным расстоянием до размеров светящихся капелек.

Там была жизнь, распространившаяся на мириады планет, бесконечно вращающихся вокруг своих светил. Точно так же жизнь зародилась когда-то из первобытного Хаоса старого Глора и текла, пока космический взрыв не уничтожил его собственную могущественную расу и не выбросил его тело в глубины метagalактики.

Он жил, и это была его личная победа. Пережив катаклизмы, его почти бессмертное тело поддерживало себя, все же постепенно слабея, с помощью световой энергии, проникающей сквозь пространство и время. Его мозг бесконечное число раз прокручивал одну ту же мысль—один шанс на дециллион за то, что он снова окажется в галактической системе, а еще меньший шанс, что он попадет на планету и найдет ценный гуул.

Биллион биллионов раз его мозг перебирал бесчисленные варианты. Теперь это уже стало частью его самого. Это было похоже на бесконечную картину, крутившуюся перед его мысленным взором.

Вместе с тем отдаленным светом, долетающим в черную пучину, он создавал мир, в котором существовал. Он почти забыл о том чувствительном поле, которое создавало его тело. Века назад оно было более обширным, но теперь, когда мощь испарилась, никакие сигналы не поступали к нему с расстояния больше чем несколько световых лет.

Он почти ни на что не надеялся, и тут его коснулись первые сигналы приближающегося корабля. Энергия, вещество, жизнь! Смутное чувство восприятия чего-то вошло в его вялое сознание. Сами понятия энергии и вещества уже стали исчезать из его разума. Отдаленный уголок его сознания, еще сохранивший способность анализировать события, наблюдал за сигналами, сравнивая их с давно забытыми образами и ощущениями, медленно всплывавшими

из глубокого мрака почти атрофировавшегося от бездействия мозга.

И вдруг новый, но более сильный импульс с отдаленной границы поля, встряхнул все органы восприятия Икстля. Его тело выгнулось в конвульсивном движении. Четыре руки разогнулись в стороны, четыре ноги задержались в пустоте.

Его вытаращенные глаза перефокусировались и приобрели осмысленное выражение. Почти пропавшая способность видеть возвращалась. Та часть его нервной системы, которая контролировала поле, понемногу активизировалась побуждая к первым и еще несогласованным действиям. Огромным усилием он перебросил ее волны с миллиардов кубических миль не подававших признаков жизни, направив их на попытку установить область сильнейшего стимулирования. Пытаясь изо всех сил локализовать ее, он переместился на большое расстояние. И тут он впервые подумал об «этом» как о корабле, летящим от одной галактики к другой. Он пережил мгновения дикого страха, что корабль пройдет за границей его чувствительного поля и контакт с ним будет потерян навсегда, прежде чем он сможет что-нибудь сделать.

Он позволил полю еще немного расшириться и почувствовать толчок, еще раз получив безошибочное подтверждение присутствия незнакомого вещества и энергии. На этот раз он прильнул к ним. То, что было его полем, сконцентрировалось в пучок энергии, какую только смогло собрать слабеее тело.

Этот пучок связал его с энергией, излучаемой кораблем. Энергии оказалось больше во много миллионов раз, чем требовалось. Ему пришлось отклонить ее от себя, разрядить в пространство и темноту. Но подобно чудовищной пиявке, он протянулся на четыре... семь... десять световых лет и истощил огромную мощь корабля. После бесчисленных лет, когда он кое-как перебивался на скудных источниках световой энергии, он не осмелился даже попытаться справиться с этой колоссальной мощью. То, что он позволил себе получить, вызвало шок, который вернул его тело к жизни. Осознание своих возможностей наполнило его огромной жадной деятельностью. С безумной поспешностью, отрегулировав свою атомную структуру, он понесся вдоль пучка. Далеко от него корабль—хотя его энергия иссякла, моментально вернул свою энергию, и проплыв мимо Икстля начал удаляться. Он удалился на световой год, потом на два, а потом и на три. В глубоком отчаянии

Икстль понял, что корабль уйдет, несмотря на все его усилия. И тут...

Корабль остановился мгновенно. Он плыл со скоростью многих световых лет в день, и вдруг завис в пространстве, мгновенно затормозив. Он все еще находился на огромном расстоянии от Икстля, но больше не удалялся. Икстль мог догадаться о случившемся. Находившиеся на борту корабля, могли узнать о его вмешательстве и намеренно остановили корабль, чтобы выяснить, что случилось. Их метод мгновенного сбрасывания ускорения указывал на чрезвычайно развитую науку, хотя Икстль и не мог решить, какими способами они достигали ускорения. Существовало несколько возможностей. Сам он намеревался остановиться, превратив свою огромную скорость в электронный механизм внутри своего тела. При этом должно было выделиться весьма незначительное количество энергии. Электроны в каждом атоме будут слегка замедляться—совсем чуть-чуть—и эта микроскопическая скорость преобразуется в движение на макро-уровне.

Он находился именно на этом уровне, когда внезапно почувствовал близость корабля. А потом произошла целая вереница событий, следовавших слишком быстро для того, чтобы успеть их обдумать. На корабле включили непроницаемый для энергии экран. Концентрация такого огромного количества энергии автоматически отключила реле, которое Икстль установил в своем теле. Это остановило его в долю микросекунды, прежде чем он осознал случившееся. От корабля его отделяло чуть больше тридцати миль.

Икстль мог видеть корабль в виде световой точки, блестящей впереди в темноте. Его энергетические экраны все еще действовали, и это означало, что те, внутри корабля, не смогли его обнаружить и что он не может больше надеяться сам достичь корабля. Он понял, что чувствительный прибор, находящийся на борту корабля, определил его приближение, классифицировал как летательный снаряд и включил защитный экран. Икстль приблизился, насколько возможно, к почти невидимому барьеру. И оттуда, с жадностью смотрел на корабль.

Корабль был меньше чем в пятидесяти ярдах—круглое чудовище с металлическим телом, усыпанным бесконечными рядами сверкающих световых точек. Космический корабль плавал в бархатной темноте, блестя, как огромный драгоценный камень, неподвижный, но до краев наполненный жизнью. Он вызывал чувство ностальгии, напоминая о

тысяче далеких планет, и нес неукротимую, бьющую через край жизнь, которая достигла звезд и рвалась дальше. Но несмотря на преграду, Икстль не терял надежды.

До этого мгновения ему приходилось тратить столько физических усилий, что он просто не успел задуматься о том, что могло означать достижение цели. Его сознание, пришедшее за века одиночества к полному отчаянию, билось в исполинских тисках. Ноги и руки извивались в свете иллюминаторов корабля. Рот, похожий на глубокую рану на карикатурном подобии человеческой головы, выпускал белый иней, который уплывал в пустоту. Надежда была так велика, что вытеснила все другие мысли из головы. Икстль видел широкую струю света, бившую из круглой выпуклости на металлической поверхности корабля. Выпуклость превратилась в огромную дверь, которая отошла в сторону.

Через некоторое время в поле его зрения появились двуногие существа, приблизительно около дюжины. На них были надеты почти прозрачные скафандры, и они тащили за собой огромные агрегаты. Существа и агрегаты расположились вокруг маленькой площадки на поверхности корабля. Ослепительный блеск пламени вырывавшийся из аппаратов, указывал или на огромную температуру или на сильную радиацию. Было очевидно, что ремонтные работы ведутся на авральных скоростях.

С невероятной быстротой Икстль обследовал экран, ища слабые места, но их не оказалось. Энергия, питающая экран, была слишком мощной. Он ничего не мог ей противопоставить и почувствовал это еще на расстоянии. Ситуация была безнадежной. Работа—Икстль видел, что толстая секция внешней обшивки снята и заменена новой—закончилась почти так же быстро, как и началась. Шипящее пламя сварки растворилось в темноте. Машины были спущены в отверстие на поверхности корабля. Двуногие существа спустились вслед за ними. Дверь закрылась, и тут же корабль стал таким же холодным и безжизненным, как и окружающее пространство.

Шок от происходящего едва не помутил разум Икстля. Он не мог позволить уйти кораблю сейчас, когда вся Вселенная была почти раскрыта для него—всего лишь в нескольких ярдах. Его руки вытянулись, как будто могли удержать корабль. Разум устремился в черную безбрежную пучину отчаяния, но в последнее мгновение удержался на самом краю.

Большая дверь мягко повернулась. В круге света по-

явилось одинокое существо и направилось к зоне, где только что происходил ремонт. Существо что-то подобрало и уже возвращалось к открытому шлюзу, когда внезапно заметило Икстля.

Существо тут же замерло. В свете иллюминаторов его лицо было ясно видно за прозрачным скафандром. Глаза существа были вытаращены, рот раскрыт. Потом оно, казалось, пришло в себя, его губы быстро задвигались. Через минуту из шлюза выплыла группа существ, и все они усталились на Икстля. Вероятно последовала дискуссия, поскольку их губы шевелились не одновременно.

Затем через шлюз проплыла широкая клетка с металлическими прутьями. На ней сидели двое, и у Икстля создалось впечатление, что клетка движется сама по себе. Икстль догадался, что его хотят забрать в качестве трофея. Почти теряя сознание от нетерпения и любопытства, он даже не ощутил, как его захватили. Он чувствовал себя как под действием наркотика, навевающегося сон. Испуганный, он пытался бороться с надвигающимся оцепенением. Ему понадобится вся бдительность, для того, чтобы его расе, обладающей богатством самых разнообразных знаний, было суждено возродиться.

ГЛАВА VIII

—Как, черт возьми, что-то может жить в метагалактическом пространстве?

Напряженный до неузнаваемости голос прозвучал в скафандре Гросвенфа. Он находился вместе с другими неподалеку от шлюза. Ему показалось, что этот вопрос заставил небольшую группу людей поближе придвинуться друг к другу. Для него же было недостаточно близости других. Он слишком хорошо понимал ту неосознаваемую и непостижимую тьму, что сомкнулась вокруг них, давя на каждого.

Впервые с начала путешествия безбрежность пустоты поразила Гросвенфа. Он слишком часто смотрел на нее из корабля и стал к ней безразличен. Но сейчас он внезапно осознал, что самые далекие для человека звездные границы ничто по сравнению с этой темнотой, что простирается во всех направлениях на миллиарды световых лет.

Испуганное молчание нарушил голос директора Мортон:

—Вызывается Гюнли Лестер... Гюнли Лестер.

После короткой паузы послышался голос:

—Да, директор?

Гросвенф узнал голос главы астрономического отдела.

— Гюнли, есть задача для вашего астро-математического мозга. Не будете ли вы так добры, сообщить коэффициент вероятности появления «Гончей» точно в той точке пространства, где находилось это чудовище? Постарайтесь решить эту проблему за несколько часов.

Его слова подчеркнули абсурдность ситуации. Для математика Мортон это было типичным—давать другим возможность проявить себя там, где он был мастером...

Астроном рассмеялся и откровенно заявил:

— Мне не придется производить вычисления. Необходима новая система цифр, чтобы можно было выразить эту вероятность математически. С точки зрения математики, то, что случилось, просто не могло случиться. Но мы здесь—корабль с человеческими существами, остановившийся для ремонта на полпути между двумя галактиками, первый корабль, посланный за пределы острова нашей Вселенной. Итак, повторяю: мы мельчайшая частичка материи в масштабах Вселенной, встретились здесь с еще более маленькой. Это невозможно, если только пространство не кишит подобными существами.

Гросвенфу показалось, что это наиболее вероятное объяснение. Причина и следствие могли находиться в самой простой связи. Дыра, прожженная в стене аппаратной, потоки энергии, хлынувшие в пространство... Потом они остановились для ремонта. Он уже открыл было рот, чтобы все это высказать, но передумал. Существовал еще один фактор, фактор сил и возможностей, связанных с тем предположением, какие силы должны были понадобиться для того, чтобы за несколько минут впитать всю мощность ядерного реактора? Он быстро подсчитал и покачал головой. Число было таким колоссальным, что гипотеза, которую он хотел предложить, автоматически исключалась. Окажись среди них тысяча керлов, и они не смогли бы справиться с таким количеством энергии. А это означало, что дело тут было не в существах, а в механизмах.

— На типа с такими внешними данными следовало бы сразу направить передвижной нагреватель,—предложил кто-то.

Гросвенф ощутил ярость в голосе говорившего. Коммуникатор передал все интонации на корабль, поэтому, когда директор Мортон заговорил, то попытался сгладить первое, мягко выражаясь, не очень приятное впечатление от существа.

— Красный дьявол, выпрыгнувший из ночного кошма-

ра, страшный, как смертный грех и, возможно, такой же «безобидный», каким был наш прекрасный кот. Скит, что вы думаете?

— Это существо, насколько я могу отсюда судить, имеет руки и ноги, что указывает на чисто планетарную эволюцию. Если он обладает умственным потенциалом, то начнет реагировать на изменение среды вокруг него с того момента, как очутится внутри клетки. Он может оказаться древним мудрецом, размышляющим в тишине пространства, где никто и ничто не отвлекает. Возможно, это юный самоубийца, приговоренный к изгнанию, одержимый желанием вернуться домой и продолжить жизнь в своей цивилизации...

— Я бы хотел, чтобы вместе с нами вышел Корита, — произнес Пеннос, глава инженерного отдела, в своей спокойной практичной манере. — Его исследования кота и кошачьей планеты позволили нам понять, с чем мы имеем дело, и...

— Говорит Корита, мистер Пеннос, — как обычно, голос японского археолога звучал в коммуникаторе ясно и четко. — Как и многие другие, я следил за репортажем о случившемся и должен признаться — изображение существа на экране весьма меня впечатлило. Но я опасаюсь, что исследования на основе цикличности истории были бы опасны на данной, лишенной фактов, стадии. В случае с котом, мы могли делать хоть какие-то предположения, опираясь на то, что он жил на пустынной, почти лишенной пищи планеты. Не забудьте и об архитектуре разрушенного города. Но сейчас мы имеем дело с существом, живущим в пространстве, в четверти миллиона световых лет от ближайшей планеты — существующим, вероятно, без еды и без средств пространственного сообщения. Предлагаю следующее: держите экран включенным, кроме того момента, когда будет вноситься клетка. Когда существо окажется в клетке, изучайте каждое его действие, его реакцию, делайте снимки внутренних органов, работающих в пустоте. Узнайте о нем все, чтобы мы знали, что берем на борт. Нам необходимо избежать убийства или риска быть убитыми. Следует предпринять самые тщательные меры предосторожности.

— Это имеет смысл, — вмешался Мортон.

И он принялся отдавать приказания. Из корабля были выгружены разнообразные машины. Они все были установлены на гладкой поверхности корабля, кроме массивной флюоритной камеры. Она была прикреплена к клетке.

Гросвенф с тревогой следил, как директор отдавал последние распоряжения людям, направлявшим движение клетки.

—Откройте дверь как можно шире,—говорил Мортон,—и опустите на него клетку. Не позволяйте ему ухватиться руками за прутья.

Гросвенф подумал: «Теперь или никогда! Если у меня имеются возражения, я должен высказаться сейчас».

Но говорить было нечего. Он мог описать лишь свои смутные сомнения. Он мог повторить объяснение Гюэли Лестера в его логической последовательности и сказать, что происходившее не было случайностью. Он даже мог предположить, что корабль с красными, дьявольского вида чудовищами поджидал поодаль, пока их товарища подберут.

Но факт был непреложным: были приняты все меры предосторожности. Если вражеский корабль и существовал, то, убирая свой защитный экран только для того, чтобы пропустить клетку, люди оставляли, таким образом самую минимальную брешь для возможного вторжения. Худшее, что в этом случае они могли сделать,—это сжечь защитную оболочку корабля и уничтожить людей, находящихся непосредственно за ней. Все остальные при этом были в безопасности.

Враги должны были понять, что их атака не принесет никакой пользы. Они обнаружат против себя великолепно вооруженное судно, управляемое представителями расы, которая может выдержать самые жестокие и кровавые битвы.

Достигнув в своем размышлении этой точки, Гросвенф решил воздержаться от замечаний. Пока он придержит свои сомнения.

Вновь заговорил Мортон:

—У кого-нибудь имеются замечания?

—Да!—этот голос принадлежал Ван Гроссену.—Я склонен произвести исследование этого существа. Оно может занять от недели до месяца.

—Вы хотите сказать,—проговорил Мортон,—что мы должны торчать здесь в пространстве, пока наши технические эксперты изучают данное чудовище?

—Конечно,—подтвердил глава физического отдела.

Несколько секунд Мортон молчал, потом заявил:

—Мне придется обсудить этот вопрос с другими, мистер Ван Гроссен. Наша экспедиция—исследовательская. Мы оснащены таким образом, чтобы брать образцы сотнями. Как ученые, все мы прошли суровую школу. Все долж-

но быть исследовано. Но я не уверен, что не будет серьезных возражений, если мы будем рассиживать в пространстве по месяцу из-за каждого образца, который хотим взять с собой, ведь тогда вместо пяти или десяти лет наше путешествие затянется на пятьсот лет. Я не выдвигаю это возражение лично от себя. Конечно, каждый образец должен быть изучен с тем, чтобы мы могли поступать с ним соответственно.

—Я считаю,—твердо заявил Ван Гроссен,—что нужно все хорошенько обдумать.

—Есть возражения?—осведомился Мортон. Поскольку все молчали, он спокойно закончил:—Отлично, мальчики, идите его ловить!

ГЛАВА IX

Икстль ждал... Его мысли продолжали крутиться в калейдоскопе воспоминаний обо всем, что он когда-то знал и о чем размышлял. Перед ним возникло видение его родной давно погибшей планеты. Оно породило в нем гордость, но одновременно, и презрение к этим двуногим существам, которые действительно надеялись захватить его в качестве трофея. Он помнил время, когда его раса могла контролировать через пространство всю планетную систему своей звезды. Это было раньше, когда они обходились без космических путешествий как таковых и наслаждались спокойным существованием, любуясь красотой всего природного, ожидая продления процесса воспроизведения.

Икстль наблюдал за тем, как клетка безошибочно движется прямо к нему. Она успешно прошла через отверстие в экране, мгновенно за ней закрывшееся. Клетку перенесли быстро без всяких происшествий. Даже если бы он захотел, у него не было особых шансов открыть экран за такой короткий момент. Но он не имел желания делать это. Он обязан быть осторожен, с тем, чтобы не сделать чего-либо даже мало-мальски напоминавшего враждебность, пока не окажется внутри корабля. Сооружение с металлической решеткой медленно поплыло к нему. Двое существ, управляющих движением, были встревожены и держались настороже. У одного из них в руках было оружие. Икстль решил, что это разнovidность атомного оружия. Это вызвало его почтительность, хотя он тут же признал ограниченность подобного оружия. Здесь оно еще могло быть использовано, но внутри корабля они не посмеют прибегнуть к такому мощному виду энергии.

Все яснее, все ярче вырисовывалась его цель. На борт корабля! Проникнуть внутрь!

Над ним нависла клетка. Металлическая дверь бесшумно захлопнулась, Икстль потянулся к ближайшей решетке, ухватился за нее и остался в таком положении. Ведь он был в безопасности—материальность ограждения давала отдых его сознанию. Это касалось как его тела, так и его психики.

Свободные электроны в массе высвобождались из хаотического переплетения атомной структуры его тела и в безумной поспешности искали соединения с другими структурами. Он был в безопасности после миллионов лет отчаяния, наконец-то его защищало нечто материальное. Не важно, что еще может случиться: контроль энергетического источника его клетки-двигателя навсегда освободил его, теперь он может управлять своими движениями. Никогда больше он не будет предметом влияния, равно как и слабого противодействия, отдаленных галактик. Защищенный оболочкой, он сможет путешествовать в любом желаемом направлении, и все это давала ему одна только клетка.

Как только он зацепился за решетку, клетка начала двигаться к поверхности корабля. Защитный экран, как только они к нему приблизились, раздвинулся и вновь сомкнулся. Люди наверху казались очень маленькими. То, что они нуждались в скафандрах, указывало на неспособность приспосабливаться к окружающей среде, а это в корне отличало их от него и означало, что физически они находились на низкой стадии процесса эволюции. Тем не менее, было бы неразумным принижать их научные достижения. Они обладали мозгом, способным создать и использовать могучие машины. И теперь они пользовались огромным количеством этих машин, очевидно с целью его изучения. Он не должен был это допустить, так как при исследовании его тела можно было догадаться о назначении некоторых внутренних органов. Это могло дать представление о его возможностях. Он не мог допустить, чтобы это исследование было проделано.

Икстль заметил, что некоторые существа держат не по одному, а по два вида оружия, которое было убрано в кобуру, прикрепленную к каждому скафандру. Одним из видов оружия был атомный пистолет. Другое имело блестящую рукоятку. Он определил, что это—вибрационный пистолет. Люди, находящиеся на клетке, тоже были вооружены такими же пистолетами.

Когда клетка была установлена в наспех оборудованной лаборатории, сквозь узкое пространство между прутьями просунули камеру. Это было то, что нужно. Икстль без всякого усилия поднялся к потолку. Его органы зрения перестроились и стали чувствительными к самой короткой частоте. Источник мощности вибратора воспринимался им как яркое пятно, находящееся в пределах досягаемости.

Одной из восьми рук с пальцами, похожими на перекрученную проволоку, Икстль мгновенно проник сквозь метагд клетки, и вот вибратор из кобуры существа, находящегося на клетке, уже у него. Икстль не стал менять его атомную структуру, как он изменил структуру своей руки. Было важно, чтобы существа не догадались, кто стрелял. Вцепившись руками в клетку Икстль направил оружие на камеру и на людей, стоящих за ней, и нажал спуск.

Одним выстрелом Икстль разрядил вибратор, отдернул руку и, выполнив свою задачу, опустился на пол. Его мгновенный страх испарился. Молекулярная энергия срезонировала в камеру и подействовала, до некоторой степени, на большую часть приборов временной лаборатории. Чувствительная пленка стала бесполезной, излучатель необходимо было устанавливать снова, все приборы проверять и перепроверять, каждую машину пробовать на всех режимах. Вероятно, возникла необходимость замены всего оборудования. Но самым удачным было для него то, что все случившееся должно было рассматриваться как несчастный случай.

Гросвенф услышал ругань в коммуникаторе и с облегчением понял, что другие, как и он, боролись с проникающей в тело и причиняющей острую боль вибрацией, лишь частично задержанную и ослабленную материалом их скафандров. Зрение медленно возвращалось к нему. Теперь он снова мог видеть металлическую площадку, на которой стоял, участок поверхности корабля за ней и бесконечные мили пространства. Чуть дальше виднелся куб металлической клетки.

—Прошу прощения, директор,—извиняющимся тоном произнес один из стоящих на клетке людей.—Вероятно, у меня из кобуры выпал вибратор и разрядился.

Гросвенф быстро заметил:

—Директор, это объяснение неправдоподобно в виду практического отсутствия гравитации.

—Может, я ударил по нему, не заметив этого,—предположил человек, чье оружие явилось причиной беспорядка.

Послышалось бормотание Скита. Биолог пробурчал нечто вроде: «Рожистое воспаление... страбизмия... стамотогения...» Остальное Гросвенф не расслышал, но догадался, что это собственный набор ругательств биолога. Скит медленно выпрямился и сказал:

—Минутку, я попытаюсь припомнить, что я видел. Я был здесь, на линии луча вибратора... да... здесь, когда мое тело начало пульсировать,—помолчав немного, он уверенно добавил:—Я не могу в этом поклясться, но за мгновение до того, как вибрация меня отключила, существо шевельнулось. Мне показалось, что оно вскочило на потолок. Согласен, что было слишком темно для того, чтобы разглядеть что-то подробнее, нежели пятно, но...—он оставил фразу недоконченной.

—Крибл, осветите клетку, и давайте все вместе посмотрим, что там происходит,—попросил Мортон.

Вместе со всеми, Гросвенф увидел, как луч света осветил Икстля, скрючившегося на полу клетки. Почти красный металлический блеск цилиндрического тела чудовища; глаза, похожие на пылающие угли; напоминающие скрюченную проволоку пальцы на руках и ногах. Общая жуткая уродливость алого чудовища испугала его.

Сидл едва слышно прошептал в коммуникатор:

—Возможно, он очень красивый, но не для нас!

Эта попытка сострить разрядила обстановку. Один из присутствующих заметил:

—Если жизнь есть развитие, причем развитие только целесообразное, тогда как может существо, живущее в пространстве, иметь настолько развитые руки и ноги? Интересно было бы взглянуть на его внутренности, но теперь камера стала бесполезной. Вибрация наверняка испортила линзы. И пленка, конечно, засвечена. Нужно менять?

—Не-е-т!—в голосе Мортон прозвучало сомнение, но продолжал он уже тверже:—Мы потратим много времени. В конце концов, мы можем воссоздать вакуум пространства внутри лабораторий корабля и продолжить путешествие.

—Должен ли я понимать вас так, что мое предложение игнорируется?—это был физик Ван Гроссен.—Вы помните, что я рекомендовал, по крайней мере, недельное изучение этого существа, прежде чем брать его на борт.

Мортон заколебался и спросил:

—Есть еще возражения?

—Я не знаю,—произнес Гросвенф,—стоит ли нам браться от крайности принятия чрезвычайных мер предосторожности к крайности непринятия их вообще.

—Кто еще хочет высказаться?—спокойно осведомился Мортон, и поскольку никто не ответил, прибавил:—Скит?

—Очевидно,—сказал Скит,—рано или поздно придется взять его на борт. Мы не должны забывать о том, что существо, обитающее в пространстве, является самым необычным из всех нами встреченных. Даже кот, который одинаково хорошо чувствовал себя и в хлорной, и в кислородной среде, нуждался в какого-то рода тепле, и отсутствие давления было для него смертельно. Если, как мы подозреваем, естественной средой обитания этого существа является не пространство, то мы должны узнать, почему и как он очутился там, где мы его нашли.

Мортон нахмурился.

—Насколько я понимаю, нам придется проголосовать. Мы могли бы закрыть клетку металлом, оставив внешний экран. Это вас устроит, Ван Гроссен?

—Теперь мы ближе к решению вопроса, но надо еще многое обсудить, прежде чем будет снят защитный экран.

Мортон рассмеялся.

—Поскольку мы вновь заодно, вы с остальными можете обсуждать все доводы «за» и «против» до конца путешествия,—он снова стал серьезным.—У кого есть возражения? Гросвенф!

Гросвенф покачал головой.

—Экран представляется мне эффективной мерой, сэр.

—Прошу высказаться всех, кто против,—все снова промолчали и директор отдал команду людям на клетке:—Двигайте эту штуку сюда, чтобы мы могли подготовить ее для установки экрана.

Когда заработали моторы, Икстль ощутил слабую вибрацию в металле. Он увидел, как двинулась клетка, вибрация двигателей приятно пронизывала тело, отвыкшее от внешних воздействий, нарушая работу мозга. Когда Икстль снова мог нормально мыслить, пол клетки находился над ним, а сам он лежал на твердой внешней оболочке корабля.

Он с рычанием вскочил на ноги, осознав случившееся. Он позабыл перестроить атомы своего тела после того, как разрядил вибратор. И теперь он прошел сквозь металлический пол клетки.

—Великий боже!—громкий голос Мортоня едва не оглушил Элдиота Гросвенфа.

Алой молнией Икстль промелькнул мимо оторопевших людей и нырнул в ослепительную глубину воздушного шлюза. Затем Икстль заставил просочиться свое тело

сквозь две внутренние двери, и оказался в конце длинного, слабо освещенного коридора в безопасности. Было еще одно важное обстоятельство. В предстоящей борьбе за овладение кораблем у него было одно важное преимущество, если не считать его индивидуального превосходства. Та сторона еще не подозревала о грандиозности его замыслов.

ГЛАВА X

Прошло минут двенадцать. Гросвенф сидел в кресле в помещении контрольного пункта и наблюдал за тем, как на одном из ярусов, ведущих к главной секции, тихо совещались Мортон и капитан Лич. Помещение было забито людьми. За исключением охраны, оставшейся в опорных пунктах, всем было приказано присутствовать здесь или поблизости. Судовая команда и офицеры, главы отделов и их подчиненные, администраторы и различные работники, не принадлежащие к определенным отделам—все собрались здесь и в прилегающих коридорах.

Прозвенел звонок. Шум разговоров постепенно стих. Снова прозвенел звонок, и вперед выступил капитан Лич.

—Джентльмены... Возникающие проблемы не дают нам скучать, не так ли? Я начинаю думать, что военные недостаточно верно оценивают ученых. Я думал, что они живут своей жизнью в лабораториях и ведут довольно безобидные изыскания. Но мне начинает казаться, что ученые могут найти беду там, где ее и не было...—он немного колебался, но все же продолжил сухо и насмешливо:—Мы с директором Мортонем сошлись на том, что данная проблема занимает не только военных. Поскольку существо очень велико, то им должны заняться все. Вооружайтесь, разбивайтесь на пары или на группы, и чем быстрее, тем лучше.—Он снова обвел взглядом аудиторию и мрачно заявил:—С вашей стороны было бы глупостью полагать, что сложившаяся ситуация не таит в себе опасности или не угрожает смертью некоторым из нас. Может быть, мне... Может быть, вам... Настройте себя на это и примиритесь с такой возможностью. Но если кто-то столкнется с этим опасным чудовищем, защищайтесь до последнего. Старайтесь, в крайнем случае, хотя бы утащить его на тот свет вместе с собой, не страдайте и не погибайте понапрасну. А теперь,—он повернулся к Мортону,—директор проведет обсуждение, касающееся применения против нашего врага самых выдающихся научных знаний, которыми мы располагаем на борту этого корабля. Мистер Мортон, прошу вас!

Мортон медленно вышел вперед. Его большое и сильное тело казалось меньше на фоне гигантского щита управления за его спиной, но все равно выглядел он весьма внушительно. Серые глаза директора вопросительно оглядели ряды лиц, не задержавшись на ни одном. Вероятно, он просто пытался понять общий настрой собравшихся. Начал он с того, что похвалил капитана Лича за его позицию, а потом проговорил:

—Я проанализировал собственные воспоминания о случившемся и думаю, что могу честно сказать: никого, даже меня, нельзя винить за то, что существо оказалось на борту. Как вы помните, было решено перенести его на борт корабля в окружении силового поля. Подобная предосторожность удовлетворила даже самых придирчивых критиков, но, к несчастью, она не была принята вовремя. Существо проникло на корабль, пользуясь методом, предусмотреть который было невозможно.—Он замолчал и его взгляд прошелся по присутствующим еще раз.—Или у кого-нибудь было какое-то предчувствие? Если так, то поднимите, пожалуйста, руку.

Гросвенф приподнялся шеей, чтобы лучше видеть, но поднятой руки не заметил. Он сел на место и был несколько ошеломлен, обнаружив, что взгляд директора уперся именно в него.

—Мистер Гросвенф, была ли некая наука в состоянии предсказать, что данное существо способно переносить свое тело сквозь стены?

—Нет, не могла,—четко ответил Эллиот.

—Благодарю вас,—кивнул Мортон.

Казалось, он удовлетворился этим ответом, поскольку никого больше ни о чем не спросил. Гросвенф уже догадался, что директор пытался оправдать собственную позицию. То, что ему пришлось прибегнуть к подобного рода самозащите, было печальным следствием неустойчивости и разброда в политической жизни на корабле. Гросвенфа особенно заинтересовало то, что директор обращался к неспециализму, как к высшей инстанции.

—Сидл,—снова заговорил Мортон,—дайте нам психологическую оценку случившегося.

Глава психологического отдела поднялся и сказал:

—Для решения вопроса о нейтрализации чудовища, мы должны понять его сущность. У него есть руки и ноги, но он плавает в пространстве и остается живым. Он позволил поймать себя в клетку, зная, что она его не удержит. Потом он выскальзывает через дно клетки, что очень глупо с

его стороны, если только он не хотел, чтобы мы знали об этих его способностях. Имеется причина, по которой разумное существо делает ошибку, всякая причина, которая может позволить нам догадаться о его происхождении и, конечно, сделать анализ его пребывания здесь. Скит, проанализируйте его с точки зрения биологии.

Поднялся мрачный долговязый Скит.

—Мы уже обсуждали планетное происхождение его рук и ног. Способность жить в пространстве, если это вообще имеет отношение к эволюции, сама по себе—замечательное явление. Я предполагаю, что мы имеем дело с представителем расы, решившей все проблемы на пути биологического совершенствования организма. Если бы я знал, как надо хотя бы взяться за поиски существа, которое может проникать сквозь любые преграды, мой совет был бы таким: выгоните его и убейте.

—Э-э-э...—промямлил социолог Келли. Это был высоколобый сорокапятiletний человек с большими умными глазами.—Э-э-э... любое существо, могущее жить в безвоздушном пространстве, должно было бы стать богом Вселенной. Такое существо может жить в беспредельных просторах Вселенной на любой планете и добираться до любой галактики. Но наверняка нам неизвестно, что его раса населяет пространство нашей галактики. Парадокс, который стоит исследовать.

—Я не совсем понимаю, Келли, что вы имеете в виду,—произнес Мортон.

—Просто... э... раса, которая разрешила конечную проблему биологии, должна быть намного старше человеческой. Обладая способностью адаптироваться с поразительной легкостью в любой окружающей среде, по закону жизненной динамики, она бы стремилась к дальним границам Вселенной точно так же, как это делает человек.

—Да, но тут имеется противоречие,—заявил Мортон,—и оно, кажется, доказывает, что это не суперсущество... Корита, какова ваша точка зрения?

Японец учтиво поклонился, встал и сказал:

—Боюсь, что не смогу оказать обществу большой помощи. Вам ведь знакома превалирующая теория—жизнь развивается по вертикали, что бы не имели в виду под понятием «вертикаль». Имеется серия циклов... Каждый цикл начинается с крестьянина, обрабатывающего свой участок земли. Крестьянину нужен рынок; рынок трансформируется в город, который постепенно теряет свою связь с землей. Возникают новые и новые города, новые и новые нации;

города—каменные мешки и нации, ведущие опустошительную борьбу за власть и наконец—серия разрушительных войн. В итоге, люди снова переносятся в феллахскую эпоху, к примитивизму, в новую эру развития крестьянства.

—Но он уже совершил ошибку!—угрозо выпалил Ван Гроссен.—Он самым глупым образом провалился сквозь пол клетки. Это не того рода ошибка, какую бы мог сделать крестьянин!

—А если предположить, что он находится на крестьянской стадии развития?—предположил Мортон.

—Тогда,—ответил Корита,—его основные импульсы были бы гораздо проще. На первое место выступало бы желание воспользоваться активным размножением, иметь сына и знать, что его кровь будет продолжать жить в потомках. При наличии огромных умственных способностей, этот импульс мог бы у суперсущества принять форму фантастического стремления к расовому превосходству. Это все, что я хотел сказать.

Мортон стоял на ярусе контрольного мостика и уверенно смотрел на собрание специалистов. Его взгляд остановился на Гросвенфе, и директор сказал:

—Недавно я пришел к выводу, что нексиализм, как наука, может нести в себе новый подход к решению проблем. Поскольку это всеобъемлющий подход, основанный на совокупности знаний, он может помочь вам принять быстрое решение в обстановке, когда это особенно важно. Гросвенф, сообщите нам, пожалуйста, вашу точку зрения на существо вопроса.

Гросвенф быстро встал и обратился к присутствующим:

—Я могу дать вам заключение, базирующееся на моих наблюдениях. Я мог бы предоставить вам маленькую собственную теорию относительно того, как мы вошли в контакт с чудовищем, каким образом реактор, подчеркиваю, атомный реактор, оказался лишенным энергии, в результате чего нам пришлось чинить внешнюю стенку аппаратной. Тут было некоторое количество дающих указание временных интервалов, но чем развивать эти основные положения, я предпочел бы рассказать вам о том, как нам следовало бы прикончить чудовище...

Неожиданно его прервали. Полдюжины людей проложили себе путь через толпу у дверей. Гросвенф умолк и вопросительно взглянул на Мортон, который, в свою очередь, посмотрел на капитана Лича. Капитан направился навстречу прибывшим, и Гросвенф увидел, что одним из них был Пеннос, глава инженерного отдела.

—Сделано, мистер Пеннос?—осведомился капитан Лич.

—Да, сэр,—кивнул тот и добавил:—Необходимо, чтобы каждый человек был одет в прорезиненный костюм, перчатки и обувь.

Капитан Лич обратился к присутствующим и объяснил:

—Мы пропустили ток через стены, окружающие спальни. Могут возникнуть промедления в поимке чудовища, а мы хотели бы исключить возможность быть убитыми в постелях... Мы...—запнулся он и быстро спросил:—Что это, мистер Пеннос?

Пеннос посмотрел на маленький прибор в своей руке и спросил:

—Здесь все, капитан?

—Да, кроме охраны в моторной части и в аппаратном отсеке.

—Тогда... тогда что-то попало в нашу ловушку. Быстро! Мы должны его окружить!

ГЛАВА XI

Для Икстля, вернувшегося на верхние этажи после обследования нижних, удар оказался неожиданным и опасным. Он только что самодовольно думал о металлическом основании трюма корабля, где можно спрятать свои гуулы, а в следующий момент уже был окружен яростно искрившимся экраном энергии.

Агония помutilа его разум. Масса электронов внутри его тела вырвалась на свободу. Они металась от системы к системе, нарушая их единство, с силой сталкиваясь с атомными структурами, упорно остающимися устойчивыми. В течение этих роковых мгновений, удивительно уравновешенная, податливая его структура почти нарушилась. Икстля спасло то, что даже эта опасность была предусмотрена выдающимся гением его расы. Производя искусственную эволюцию в его теле и в своих собственных, они не забыли о возможности внезапного проникновения жесткой радиации. В тысячные доли секунды все связи между атомами его тела распались и вновь возникли в других комбинациях. Образовавшиеся структуры были более устойчивы к внешнему воздействию. А потом он резко оттолкнулся от стены и оказался вне опасности.

Затем Икстль сконцентрировался пытаясь переключить возможности на способность мгновенного реагирования. Защитная силовая стена должна иметь сигнализацию. Это оз-

начало, что люди уже должны были оцепить все ближай-
шие коридоры и предпринять попытки загнать его в угол.
Глаза Икстля вспыхнули, как факелы, когда он осознал
эту возможность. Сейчас он покажет им, на что способен:
они, как фишки, рассыпятся в разные стороны. Кого-
нибудь Икстль схватит, и, может, он сойдется для создания
первого гуула.

Нельзя было терять времени. Он проник сквозь бли-
жайшую незаряженную стену в обличьи большого неуклю-
жего существа. Не останавливаясь, Икстль пронесся по
комнатам, строго придерживаясь направления параллель-
ного оси главного коридора. Там, в коридоре, были люди.
И, хотя сквозь стену Икстль мог различить лишь неясные
очертания их фигур, все же его сверхчувствительные глаза
отметили, что их было двое... трое... пятеро. Пятый нахо-
дился чуть поодаль. Это давало Икстлю маленькое преиму-
щество, но большего ему было и не надо.

Как бесплотный дух, он скользнул через стену, послав
вперед сильный заряд, и вот уже перед потрясенным
человеком стоит ужасное чудовище с горящими глазами и
оскаленной пастью. Икстль протянул вперед четыре руки и
с огромной силой сжал человека. Тот рванулся, собрав пос-
ледние силы, и упал. Он лежал на спине, его рот откры-
вался и закрывался, как у рыбы, вытянутой из воды.
Всякий раз, когда рот открывался, Икстль ощущал резкое
покалывание в ногах. Так отзывался в его теле зов челове-
ческих клеток о помощи. Икстль с ревом рванулся вперед
и ударил человека по лицу. Тот мгновенно обмяк, хотя все
еще был жив, и тогда Икстль запустил в него руки.

Отказавшись от всякого рода сопротивления, человек
широко раскрытыми от ужаса глазами уставился на скло-
нившееся над ним кроваво-красное чудовище. Вот его
длинные тонкие руки пробрались под рубашку, вот про-
никли сквозь грудную клетку. Икстль торопился, его руки
лихорадочно искали свободное пространство в живой
плоти. Он не должен убить жертву раньше времени. Ибо
для его целей была нужна живая плоть.

Скорее, скорее! Его ноги ощутили слабую вибрацию:
кто-то быстро приближался. Шаги доносились лишь из од-
ного коридора. В этот момент он нащупал сердце. Человек
конвульсивно дернулся, выпрямился и умер. Мгновением
позже пальцы Икстля нащупали желудок и кишечник. Он
откинулся назад, яростно кляня себя. Здесь было то, в чем
он нуждался, а он так бездарно его лишил. Икстль мед-
ленно выпрямился. Его злоба и раздражение улетучились,

ведь он не представлял себе, что эти умные существа так легко умирают. Это в корне меняло дело и все упрощало. Они были в его власти, а не он в их.

Из-за ближайшего угла выбежали двое людей с вибраторами и... замерли при виде призрака. Едва они оправились от изумления, как Икстль вошел в ближайшую стену. Алое пятно на фоне яркого света... и он исчез, как будто его никогда и не было. Икстль ощутил вибрацию от бесполезного уже оружия, когда поток энергии ударил ему вслед. Теперь он ясно знал что ему делать дальше. Он захватит полдюжины людей и сделает из них гуулов. Потом он сможет убить остальных, поскольку они не будут ему нужны, достигнет галактики, к которой, очевидно, направлялся корабль, и возьмет под контроль первую же обитаемую планету. А когда он установит власть над всеми планетами Вселенной, вот тогда можно будет и успокоиться.

Это только дело времени.

Вместе с некоторыми другими людьми Гросвенф стоял у стенного коммуникатора и наблюдал за собравшимися вокруг погибшего техника. Он хотел бы находиться у места происшествия, но на то, чтобы туда добраться, ему потребовалось бы несколько минут, в течение которых он оказался бы оторванным от происходящего. Гросвенф предпочитал наблюдать отсюда, чтобы ничего не упустить.

Мортон стоял возле ближайшего экрана, менее чем в трех футах от того места, где доктор Эгарт склонился над телом мертвого техника. Поза директора была напряженной, по лицу ходили желваки. Когда он заговорил, голос был чуть громче шепота. И все же его слова прозвучали в полной тишине, как выстрел.

—Итак, Эгарт?

Доктор, стоявший на коленях возле тела, выпрямился и повернулся к Мортону. Гросвенф увидел на экране хмурое лицо Эдгарта.

—Разрыв сердца, — буркнул он.

—Разрыв сердца?

—Да, да! — доктор поднял руки, как бы защищаясь. — Я много раз осматривал его и знаю, что сердце у него было превосходное. Тем не менее, я констатирую разрыв сердца.

—Я могу в это поверить, — мрачно произнес один из людей. — Когда я выбежал из-за угла и увидел эту тварь, у меня самого чуть не случился разрыв сердца.

—Мы зря теряем время,—Гросвенф узнал голос Ван Гроссена раньше, чем увидел его стоящим между двумя людьми по другую сторону от Мортон. Физик продолжал:—Мы можем справиться с этим чудовищем, но не болтовней о нем и растерянностью каждый раз, как он шевельнется. Если я окажусь следующим в списке его жертв, то хочу быть уверенным, что лучшие ученые, черт побери, сумеют пошевелить мозгами и что-то придумать, чтобы отомстить за мою смерть, вместо того, чтобы рыдать над охладевшим трупом.

—Вы правы,—вступил в дискуссию Скит.—Беда в том, что мы чувствуем себя стоящими ниже, чем он. Чудовище пробыло на корабле меньше часа, но я уже ясно вижу, что некоторым из нас предстоит стать жертвами. Давайте готовиться все вместе к кровавой битве.

—Мистер Пеннос,—проговорил Мортон,—тут есть одна проблема. Мы располагаем двумя квадратными милями поля на наших тридцати уровнях. Сколько времени займет энергезация каждого дюйма?

Гросвенф не мог видеть шефа инженерного отдела, потому что тот находился вне поля зрения системы изогнутых линз. Но о выражении его лица можно было судить по голосу. Когда он заговорил, в его голосе слышался ужас.

—Я мог бы прочесать весь корабль и разрушить его в течение часа, но не буду вдаваться в детали. Неконтролируемая энергия убьет все живое на нашем корабле.

Мортон стоял, повернувшись затылком к коммуникатору, передающему голоса и изображения людей, стоящих у тела убитого Икстлем человека. Немного подумав, он задал Пенносу новый вопрос:

—Но ведь вы могли бы насытить энергией эти стены, не так ли, мистер Пеннос?

—Нет,—продолжал упорствовать инженер.—Стены этого не выдержат, они просто расплавятся.

—Стены этого не выдержат!—подхватил один из людей.—Сэр, вы понимаете, что представляет из себя это чудовище?

Гросвенф на экране монитора увидел, как напряглись лица людей. Угрожающее молчание нарушил Корита:

—Директор, я наблюдаю за вами по коммуникатору из контрольного пункта. К замечанию о том, что мы имеем дело со сверхсуществом, я хочу сказать вот что. Не будем забывать о том, что он грубо попался в силовой экран. Я намеренно использовал слово «грубо». Его действия еще раз доказывают, что он совершает ошибки.

—Это возвращает меня к тому,—сказал Мортон,—что говорили вы раньше о психологических характеристиках, которые должны ожидать на различных циклических стадиях. Давайте предположим, что он крестьянин своего цикла.

Ответ Кориты был решителен для человека, который обычно осторожничал.

—Невозможно представить себе все, на что он способен. Он будет думать при всех обстоятельствах, что для захвата корабля ему необходимо уничтожить всех находящихся на нем людей. Инстинктивно, он будет тяготеть к тому, чтобы сбросить со счета тот факт, что мы являемся частью огромной галактической цивилизации.

Сознание истинного крестьянина очень индивидуально, его желание воспроизводиться является формой эгоизма. То существо—если оно является крестьянином на стадии его развития—очень возможно, захочет иметь некоторое количество существ, являющихся ему подобными, чтобы они могли помочь ему в его борьбе. Ему нравится общество, но он не хочет прямого вмешательства. Любое организованное общество станет доминировать над крестьянским обществом, потому что его члены никогда не сформируют ничего иного, кроме свободного союза борющегося против посторонних.

—Свободного союза этих пожирателей огня вполне достаточно!—с горечью бросил один из техников.—Я... а... а... а-а-а!

Его слова перешли в вопль, нижняя челюсть отвалилась, глаза вытаращились. Все люди, которых было видно на экране, отступили на несколько шагов.

На экране возник Икстль.

ГЛАВА XII

Он стоял, и жуткий алый огонь светился в его ярких, беспокойных глазах, хотя он больше не тревожился. Он мерил взглядом этих человеческих существ и с презрением думал о том, что может нырнуть в ближайшую стену, прежде чем хотя бы один из них направит на него вибратор. Икстль пришел за первым гуулом. Для того, чтобы выхватить гуула из центра группы, ему нужно было деморализовать всех на борту.

Все, что происходило сейчас на экране, казалось Гросвенфу чем-то нереальным, какой-то нелепой сценой из

плохого спектакля. Ван Гроссен и два техника находились к Икстлю ближе остальных. Мортон—дальше за Ван Гроссеном, а из-за спины одного из техников выглядывала голова Скита. И над всей этой, кажущейся такой ничтожной, группой возвышается огромное алое чудовище.

Зловещее молчание нарушил Мортон. Он намеренно подчеркнуто убрал руку со светящейся рукоятки вибратора и твердым голосом заявил:

—Не пытайтесь в него стрелять. Он может двигаться с быстротой молнии. И он бы не появился здесь, если бы не был уверен, что мы не сможем ему причинить вреда. Кроме того, мы не имеем права рисковать. Возможно, это наш единственный шанс,—он смолк, но затем продолжил уже более уверенным тоном:—Все, кто видит и слушает нас, окружите этот коридор. Несите самые тяжелые огнеметы, полуогнеметы и поджигайте стены. Отрежьте все подходы к этому месту и держите его на прицеле! Действуйте!

—Отличная мысль, директор!—на экране возникло лицо капитана Лича, закрыв на мгновение изображение Икстля и остальных.—Если вы сможете продержаться это исчадие ада три минуты, то мы к этому времени будем там.—Его физиономия исчезла так же быстро, как и появилась.

Гросвенф оставил свой наблюдательный пункт. Он был совершенно уверен в том, что находится слишком далеко от места действия, чтобы сделать ценные наблюдения, которые неспециалист мог бы потом воспользоваться.

Он не являлся членом ни одной из более менее значительных группировок, так что его целью было присоединиться к Мортону и остальным людям там, где было опаснее всего.

Он быстро миновал коммуникаторы и услышал, как Корита кому-то советует:

—Мортон, воспользуйтесь этим шансом, но на успех не рассчитывайте. Заметьте, что он вновь появился прежде, чем мы смогли подготовиться к действиям против него. Неважно, намеренно или случайно, но он поставил нас в трудное положение. И в результате, какова бы ни были его действия, мы вынуждены решать все в спешке, на ходу. Поэтому мы не можем мыслить ясно и четко.

Гросвенф был уже в лифте, спускаясь вниз, распахнув дверь, он выбежал наружу.

—... я убежден,—доносился из коммуникатора в следующем коридоре голос Кориты,—что огромные ресурсы этого корабля способны победить любое чудовище. Я, конеч-

но, имею в виду простое чудовище, которое только может существовать...

Если Корита и сказал что-то еще, то Гросвенф этого уже не слышал. Он обогнул угол коридора. Там, впереди, находились люди, а за ними Икстль. Гросвенф увидел, что Ван Гроссен шагнул вперед и протянул Икстлю листок. Существо заколебалось и взяло листок. Бросив на него взгляд, оно отступило с рычанием, перекосившим его жуткую физиономию.

—Какого дьявола вы делаете?—закричал Мортон.

Ван Гроссен напряженно улыбался.

—Я просто показал ему, как мы можем его уничтожить,—мягко проговорил он.—Я...

Его фраза осталась неоконченной. Гросвенф был еще достаточно далеко, так что мог наблюдать за случившимся только, как зритель. Все же остальные стали участниками ужасной сцены.

Вероятно, Мортон понял, что должно сейчас случиться. Он шагнул вперед, как будто пытаясь инстинктивно заслонить своим большим телом Ван Гроссена. Рука с длинными проволокообразными пальцами отпихнула директора на стоящих за ним людей. Он упал, увлекая за собой тех, кто стоял ближе к нему. Поднявшись, он схватился за вибратор, но так и замер с рукой на рукояти.

Как сквозь искажающее стекло, Гросвенф увидел, что существо подняло Ван Гроссена. Двухсотдвадцатифунтовый физик вырывался, извивался, но тщетно. Тонкие, огненно-го цвета руки чудовища держали его стальной хваткой.

Гросвенф не воспользовался своим вибратором лишь потому, что если бы он попал в чудовище, то пострадал бы и физик. Правда, вибратор не мог убить человека, но тот мог потерять сознание, а Гросвенфу необходимо было сделать выбор: воспользоваться оружием или предпринять почти безнадежную попытку получить у Ван Гроссена информацию? Он выбрал последнее.

Гросвенф отчаянно крикнул:

—Ван Гроссен, что вы ему показали? Как мы можем его уничтожить?

Судя по-тому, что он повернул голову, Ван Гроссен его услышал. Но это было последним, что он успел сделать. В следующий момент случилось нечто немыслимое. Существо прыгнуло и исчезло в стене, все еще держа физика в руках. Гросвенфу на мгновение показалось, что его зрение сыграло с ним шутку. Но нет, перед ним была только гладкая, блестящая стена и одиннадцать растерянных, в испа-

рине, людей, семь из них с поднятыми вибраторами, из которых они безо всякой пользы выпустили заряды.

—Мы пропали!—прошептал один из них.—Если он может изменять наши атомные структуры и проносить нас с собой через твердые тела, то мы не сможем с ним бороться.

Гросвенф заметил, что Мортон раздражен этим замечанием. Это было раздражением человека, пытавшегося сознательно сохранить присутствие духа даже при чрезвычайных обстоятельствах. Он сердито воскликнул:

—Пока мы живы, мы будем с ним бороться!—подойдя ближе к коммуникатору, он спросил:—Капитан Лич, каково положение?

После некоторой паузы на экране возникла голова командира.

—Ничего хорошего,—коротко бросил он.—Лейтенант Клей думает, что видел, как что-то алое провалилось сквозь пол, направляясь вниз.—Он сморщился и добавил:—Мы можем временно сузить круг наших поисков в нижней части корабля. Что же касается остального, то мы как раз выставляли аппаратуру, когда это случилось. У нас было слишком мало времени на атаку.

—Мы тут ни при чем,—мрачно проронил Мортон.

Слушавшему это Гросвенфу показалось, что это заявление было не совсем верным. Ван Гроссен ускорил события тем, что показал чудовищу диаграмму того, каким образом оно будет побеждено. Это был типичный самонадеянный человеческий поступок, не принесший никакой пользы. За тем, что совершил Ван Гроссен, стояла привычка тысячелетней давности. Подобные действия были хороши в ранние периоды научных поисков. Но теперь, когда каждое открытие требовало знаний и взаимодействий множества наук, подобный поступок не имел никакой ценности.

Гросвенф спрашивал себя, действительно ли Ван Гроссен придумал способ борьбы с Икстлем и ограничивается ли эта техника борьбы действиями в пределах одной науки? Любой созданный Ван Гроссеном план должен был базироваться на знаниях физики.

Эллиот оставил свои раздумья, когда Мортон произнес:

—Мне бы хотелось получить несколько версий по поводу того, что было на листке бумаги, который Ван Гроссен показал красному дьяволу.

Гросвенф дождался отклика присутствующих, но поскольку никто не отзывался, он сказал:

—Думаю, что у меня есть одна версия, директор.

—Давайте, мы слушаем,—проронил директор.

—Единственной возможностью привлечь внимание пришельца было бы показать ему какой-то общий для всей Вселенной символ. Поскольку Ван Гроссен физик, то символ, которым воспользовался, должен был говорить сам за себя.

Он намеренно замолчал и огляделся. Эллиот чувствовал, что поступает мелодраматично, но это было неизбежно. Несмотря на дружелюбное отношение Мортон и инцидент с Риим, он еще не был признанным авторитетом на борту корабля, поэтому было бы лучше, если бы решение пришло в голову кому-то еще.

Молчание нарушил Мортон:

—Давайте, давайте, молодой человек, не держите нас в неведении. Мы слушаем...

—Атом...—сказал Гросвенф.

На лицах окружавших его людей все также отражалось недоумение.

—Но это же бессмысленно,—удивился Скит.—Зачем Ван Гроссену было показывать ему атом?

—Конечно, не просто атом. Я думаю, что Ван Гроссен нарисовал структуру атома металла, который составляет внешнюю оболочку корабля.

—Все верно!—подхватил Мортон.

—Одну минуту,—произнес с экрана капитан Лич.—Очень сожалею, но я не физик и хотел бы знать, о чем идет речь.

Мортон пустился в объяснения:

—Ну это просто. Гросвенф имел в виду, что только две части корабля состоят из материала невероятной плотности: внешняя оболочка и аппаратная. Если бы вы были с нами, когда мы впервые ловили пришельца, то вы бы заметили, что когда оно провалилось сквозь дно клетки, то было же сразу остановлено оболочкой корабля. Ясно, что через такой металл оно проникнуть не может. Дальнейшим доказательством этому является то, что ему пришлось воспользоваться шлюзом, чтобы проникнуть внутрь корабля. Удивительно, как мы все упустили это обстоятельство.

—Если мистер Ван Гроссен показал на листке природу нашей защиты, то не может ли оказаться так, что он рисовал энергетические экраны, которые мы разместили в пространстве?—предположил капитан Лич.—Разве это не является таким же возможным, как только что выдвинутая «атомная» версия?

Мортон вопросительно посмотрел на Гросвенфа, который уверенно проговорил:

—Существо уже познакомилось с энергетическим экраном и перенесло его действие. Ван Гроссен наверняка верил в то, что придумал нечто новое. Кроме того, единственный вариант изображения на бумаге силового поля—это уравнение с математическими силами.

—Весьма резонное объяснение,—заметил капитан Лич.—По крайней мере, у нас на борту имеется одно место, в котором мы можем чувствовать себя в безопасности. Аппаратная, кварталы спален, правда, с менее надежной защитой стен. Я могу понять, почему мистер Ван Гроссен должен был считать, что мы имеем некоторое преимущество. С этого момента всему персоналу корабля надлежит постоянно находиться именно в этих зонах, кроме тех случаев, когда будет дано особое разрешение; также будут сформированы специальные команды для работы вне зон.—Он повернулся к коммуникатору и повторил приказ, после чего добавил следующее:—Главам отделов, внимание... Вы должны быть готовы к ответу на вопросы, связанные с вашей специальностью. Необходимые работы будут проводиться специально подготовленными к этому людьми. Мистер Гросвенф, прошу вас считать себя принадлежащим к этой группе. Доктор Эгарт, используйте, где необходимо, противосонные таблетки. Никто не должен спать, пока эта тварь не будет уничтожена.

—Хорошая работа, капитан,—тепло сказал Мортон.

Капитан Лич кивнул и исчез с экрана коммуникатора.

—А как насчет Ван Гроссена?—осведомился один из техников.

—Единственное, чем мы можем ему помочь, так это уничтожить того, кто его захватил!—сурово заявил Мортон.

ГЛАВА XIII

В этой гигантской комнате с огромными машинами люди казались карликами среди великанов. Гросвенф непривольно щурился от каждой вспышки неземного голубого света, который искрился и сверкал под вогнутым сияющим сводом потолка. И еще этот звук, который так же действовал на нервы, как и вспышки света. Он был в самом воздухе, гул мощнейших машин, глухой рокот, похожий на отдаленный гром, дрожавшая реверберация невероятно мощного потока энергии.

Полет продолжался. Корабль, увеличивая скорость, рассекал черную бездну, отделяющую спиральную галактику, в которой Земля была лишь крошечной частицей, от другой галактики почти такого же размера. Самая большая, самая представительная исследовательская экспедиция, когда-либо осуществлявшаяся в Солнечной системе, находилась сейчас в величайшей опасности.

Гросвенф знал это наверняка. Это чудовище—не Керл, чье сверхтренированное тело хранило в себе жажду убийства, выведенную в результате биологических экспериментов над животными кошачьей породы. Это нельзя было сравнивать и с опасностью, исходившей от народа Риим. После их первой, неверно понятой попытки установить контакт, Гросвенф сумел взять под контроль все последующее попытки и действия. Один человек против целой расы.

Алый дьявол бесспорно принадлежал к высшему классу.

Капитан Лич поднялся по металлической лестнице, ведущей к балкону. Через несколько секунд к нему присоединился Мортон, глядя на собравшихся внизу людей. Он держал в руке пачку записок, разделенных на две части указательным пальцем. Оба они внимательно изучили заметки, и Мортон сказал:

—Это первая короткая передышка с тех пор, как существо прорвалось на корабль. А это произошло, хотя кажется прошла целая вечность, менее двух часов назад. Мы прочитали с капитаном рекомендации, глав отделов. Эти рекомендации мы разделили приблизительно на две части. Одну, ввиду ее теоретической природы, мы оставили на потом. Другую, которая касается действенных планов борьбы с врагом, мы, естественно, рассмотрели сразу же. Скажу для начала, что я уверен в том, что все мы горим желанием узнать, какие планы предлагаются для поисков и спасения мистера Ван Гроссена. Некоторые соображения вам выскажет мистер Зеллер.

Вперед выступил Зеллер, молодой шустрый человек лет тридцати семи-восми. Ему удалось стать главой отдела металлургии после гибели Бекендриша.

—Открытие того, что чудовище не может проникнуть через определенную группу сплавов, автоматически дает нам ключ к тому, из какого материала нам следует делать скафандры. Мой зам уже работает на скафандром, который будет готов примерно через час, если не возникнет затруднений. Но, во всяком случае, через три часа он будет изготовлен наверняка. Для исследования мы, естественно,

используем флюоритовую камеру. У кого есть еще предложения?

—Почему бы не сделать несколько скафандров?—предложили снизу.

Зеллер помахал рукой.

—Нас ограничивает количество нужного металла. Мы могли бы сделать и больше, но для этого следует применить трансмутацию, что займет много времени. Кроме того, наш отдел всегда был маленьким. Нам повезет, если удастся сделать хотя бы один комплект скафандра в указанное мною время.

Больше вопросов не было. Зеллер исчез в мастерской, смежной с аппаратной.

Мортон поднял руку. Когда снова воцарилась тишина, он проговорил:

—Сам я чувствую себя гораздо лучше, зная, что как только скафандр будет готов, чудовищу придется переносить Ван Гроссена, чтобы мы не нашли его.

—Откуда вы знаете, что Ван Гроссен жив?—спросил кто-то.

—Потому что эта дрянь могла взять тело человека, которого убила, но не сделала этого. Чудовищу необходимо захватить нас живыми. Заметки Скита дают нам возможность разгадать его намерения, но они будут обсуждаться во вторую очередь. Среди планов, предусматривающих уничтожение чудовища, у меня имеется план, предложенный двумя сотрудниками физического отдела и план Эллиота Гросвенфа. Мы обсудили с капитаном Личем эти планы, кстати, в обсуждении участвовали другие специалисты и глава инженерного отдела Пеннос. Мы решили, что идея мистера Гросвенфа слишком опасна для людей, так что мы оставили его план в качестве запасного варианта. Другой план мы начнем разрабатывать немедленно, если только против него не будут высказаны обоснованные возражения. Было высказано еще несколько предложений—все они были объединены. Поскольку в наших правилах предоставлять каждому желающему возможность изложить свои соображения, я думаю, мы сэкономим время, если я вкратце обрисую план в том виде, в каком он был в конечном итоге одобрен специалистами. Два физика,—Мортон бросил взгляд на бумагу в руке,—Ломас и Хиндли, допускают, что выполнение их плана зависит от того, позволит ли нам существо сделать необходимые энергетические соединения. Возможно, он строится на базе теории мистера Кориты о цикличности истории, на положении о том, что «крестья-

ния» настолько связан с целями, подсказанными ему его кровью, что вполне может игнорировать возможность организованной оппозиции. Основываясь на этом положении, мы, должны насытить энергией седьмой и девятый уровни между двумя энергезированными этажами. Так, при благоприятных обстоятельствах, когда он не сможет перемещаться вниз или вверх, мы разыщем его с помощью наших нагревательных приборов. Мистер Гросвенф, как вы сами видите, этот план значительно менее рискован, чем ваш собственный, поэтому нам следует использовать его первым.

Гросвенф глубоко вздохнул и, поколебавшись, мрачно сказал:

— Если мы обсуждаем степень риска, то почему бы нам тогда просто не собраться здесь в аппаратной и не подождать, пока он не изобретет метод первым добраться до нас?—он взволнованно продолжал:— Не подумайте, пожалуйста, что я пытаюсь протолкнуть свою идею. Но сам я...—он снова заколебался, но решительно добавил:— Я считаю, что предложенный вами план бесплоден.

Физиономия Мортонa приобрела озадаченный вид, затем он нахмурился:

— Не слишком ли резкое суждение?

— Я понял, что план, описанный вами, не является оригиналом: это его измененная версия. Как он выглядел вначале?

— Ломас и Хиндли рекомендовали насытить энергией четыре уровня—седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Гросвенф вновь ощутил неуверенность. У него не было желания быть чересчур критичным. В любой момент, если он их прижмет, на него просто перестанут обращать внимание. В конце концов, он заявил:

— Это лучше.

Из-за спины Мортонa его прервал капитан Лич.

— Мистер Пеннос, объясните собравшимся, почему было бы нежелательно энергезировать более двух уровней?

Глава инженерного отдела выступил вперед и угрюмо проговорил:

— Основная причина заключается в том, что на это понадобилось бы три лишних часа, а все мы отлично понимаем, что на счету каждая секунда. Если не принимать в расчет время, то было бы много лучше насытить весь корпус контролируемыми системами, включая и стены и пол. Тогда он не смог бы от нас убежать. Но на это понадобилось бы около пятидесяти часов. И как я уже говорил:

раньше, бесконтрольная энергезация была бы равносильна самоубийству. Имеется еще один фактор, который мы обсуджали с чисто человеческой точки зрения. Существо будет разыскивать нас: ему нужны люди, как можно больше людей, так что, когда он спустится, то кто-из из нас окажется с ним один на один,—он повысил голос.—В течение трех часов, которые понадобятся на подготовку к проведению скорректированного плана, мы будем беспомощны, в нашем распоряжении будут только передвижные вибраторы и нагревательные установки. Естественно, каждый из нас надеется на то, что сможет защитить себя с помощью собственного вибратора. Вообще, пора заканчивать с болтовней! Давайте браться за дело!

Капитан Лич недовольно заметил:

—Не так быстро. Я хочу услышать чуть больше о возражениях мистера Гросвенфа.

Один из техников с раздражением выпалил:

—Не вижу проку в этих спорах! Если это существо и не застрянет между двумя уровнями, то все равно ему конец. Мы же знаем, что через энергетический заслон чудовище не пройдет.

—Ничего такого мы не знаем,—твердо возразил Эллиот.—Все, что мы знаем, так это то, что когда он угодил в силовую стену, то быстренько убежал. Допустим, что он ее не любит. Действительно, кажется неопровержимым тот факт, что он не стал бы надолго оставаться в подобном энергетическом поле. К несчастью, мы не можем использовать против него полный силовой экран. Как указывал мистер Пеннос, стены расплавились бы. Моя точка зрения такова: он убежал от того, что мы ему приготовили.

—Джентльмены,—недовольно проворчал капитан Лич,—почему не была учтена в дискуссии эта точка зрения? Это безусловно заслуживающее внимание возражение.

—Я был готов пригласить Гросвенфа на обсуждение,—сообщил Мортон,—но моя точка зрения была отклонена в виду устоявшегося мнения, что любой человек, чей план рассматривается, присутствовать не имеет права. По той же причине не были приглашены и два физика.

Сидл кашлянул, оглядел присутствующих и сказал:

—Я не думаю, что мистер Гросвенф осознает, как много он только что для нас сделал. Все мы были уверены в том, что энергетический экран корабля—одно из величайших научных достижений человечества. Лично мне это давало чувство уверенности и безопасности. Теперь он говорит нам, что существо может проникнуть и через него.

—Я не говорил, что экран не непроницаем, мистер Сидл,—произнес Гросвенф.—Действительно, есть причина полагать, что враг не смог и впредь не сможет проникнуть сквозь него: ведь красный дьявол находился за экраном и ждал, пока мы не перенесем его внутрь. Энергетизация поля, обсуждаемая в настоящий момент, значительно более уязвимый вариант поимки и уничтожения чудовища.

—Все же,—сказал психолог,—не думаете же вы, что специалисты не понимают простой разницы между этими двумя формами? Разумно следующее: если эта энергетизация будет неэффективной, то мы пропали! Однако я уверен в ее эффективности.

Спор устало прервал капитан Лич.

—Боюсь, что мистер Сидл точно проанализировал слабые места в нашей защите. Теперь я припоминаю, что у меня тоже мелькнула очень похожая мысль.

Из центра помещения в дискуссию вступил Скит:

—Возможно, нам лучше послушать и обсудить план мистера Гросвенфа.

Капитан Лич бросил взгляд на Мортон, который после некоторого раздумья сказал:

—Он предлагает, чтобы мы разделились на столько групп, сколько на борту атомных нагревателей...

Реакция была мгновенной. Один из физиков потрясено воскликнул:

—Атомная энергия внутри корабля!

Поднявшийся гул длился больше минуты. Когда он стих, Мортон, как ни в чем не бывало, продолжал:

—В данный момент в нашем распоряжении находится сорок одна такая установка. Если мы согласимся на план Гросвенфа, то ядро каждой из групп будет укомплектовано из военного персонала, в то время, как остальные останутся в качестве приманки в зоне действия одного из нагревателей. Команда, управляющая нагревателем, должна по приказу привести его в действие, даже если один или более людей окажутся на линии огня.—Мортон слегка покачал головой.—Вероятно, это предложение эффективнее первого. Тем не менее, его жестокость поразила всех нас. Идея уничтожения одного из нас, хотя по своей сути она не нова, ошеломляет гораздо больше, чем мистер Гросвенф себе представляет. Справедливости ради хочу добавить, что был еще один фактор, который заставил ученых отвергнуть этот план. Капитан Лич поставил условие, чтобы те, кто должен выступить в качестве приманки, были без оружия. Большинству из нас показалось, что это уж слишком.

слишком. Каждый человек имеет право на самозащиту.— Директор вновь пожал плечами.—Поскольку у нас был на выбор еще один план, то мы проголосовали за него. Сам лично теперь я склоняюсь к идее мистера Гросвенфа, но все же возражаю против поправки капитана Лича.

При первом же упоминания о предложении командира, Гросвенф круто повернулся и уставился на него. У капитана Лича вновь был решительный и суровый вид.

—Я полагаю, вам следовало бы рискнуть, капитан,—громко произнес Гросвенф.

Командир ответил на его слова легким официальным кивком.

—Хорошо, я снимаю свою поправку.

Гросвенф заметил, что Мортон был озадачен мгновенной переменой. Директор посмотрел на него, потом на капитана, потом снова на Гросвенфа. В глазах Мортонна появилась испуганное выражение. Он спустился по узким металллическим ступеням, приблизился к Гросвенфу и тихо сказал:

—Подумать только, я никогда не представлял себе, что он имеет в виду. Очевидно, он предполагает, что в случае кризиса...—он замолчал и повернулся, чтобы взглянуть на капитана Лича.

Гросвенф успокаивающе посмотрел на директора.

—Думаю, теперь капитан понимает, что допустил ошибку, заведя этот разговор.

Мортон нахмурил лоб и нехотя сказал:

—По тому, как вы подошли к этому вопросу, я полагаю, что он прав. Инстинктивно желание выжить может затмить все остальное. И все же,—он снова нахмурился,—нам лучше об этом не говорить. Я думаю, ученые почувствуют себя обиженными, а на корабле и так хватает всяческих распрей.—Он обернулся, оглядывая группу.—Я полагаю, джентльмены, план мистера Гросвенфа достаточно ясен. Все, кто поддерживают его, прошу поднять руки.

К великому огорчению Гросвенфа, поднялось лишь около пятидесяти рук. Поколебавшись, Мортон продолжил голосование.

—Поднимите руки все, кто против.

На этот раз было поднято немногим более дюжины рук. Мортон посмотрел на человека в первом ряду и осведомился:

—Вы не голосовали ни разу. В чем дело?

Человек пожал плечами.

—Я соблюдал нейтралитет, так как не знаю, «за» я или «против». Я недостаточно в этом разбираюсь.

—А вы?—спросил Мортон следующего человека.

—Как насчет вторичной радиации?—ответил тот вопросом на вопрос.—Кто может нам это сказать?

На его вопрос ответил капитан Лич:

—Ее мы блокируем. Мы изолируем все зоны,—затем он заговорил о другом.—Директор, я не понимаю, к чему все эти отсрочки. Голосование было пятьдесят на четырнадцать в пользу мистера Гросвенфа. Поскольку мои полномочия по отношению к ученым ограничены, я рассматриваю это голосование как решающее.

Как показалось присутствующим, Мортон был неприятно поражен.

—Но,—запрогестовал он,—воздержались около половины находящихся здесь и даже больше.

Тон капитана Лича был строго официален.

—Это их право. От взрослых людей принято ожидать, что они знают, чего хотят. Сама идея демократии базируется на этом предположении. Учитывая все это, я приказываю начать операцию немедленно!

Покосившись, Мортон нерешительно проговорил:

—Хорошо! Джентльмены, я тоже даю свое согласие. Думаю, что нам пора вплотную подойти к делу. Установка атомных газометов займет некоторое время, так что давайте пока энергезируем седьмой и девятый этажи. И, насколько я понимаю, мы можем успешно объединить два плана и оставить потом любой из них в зависимости от того, как будут развиваться события.

—А вот это,—с явным облегчением заявил один из присутствующих,—имеет смысл.

Предложение, казалось, устраивало большинство. С лиц быстро исчезло выражение напряженности. Кто-то рассмеялся, и все зашевелились и заговорили. Гросвенф повернулся к Мортону и улыбнулся.

—Это было гениальное завершение собрания. Ограниченность подобной энергетизации весьма смущала меня, и я не подумал о возможном компромиссе.—Лицо Мортона оставалось серьезным.

—Я держал это в резерве,—заявил директор.—Имея дело с людьми, я заметил, что обычно речь идет не только о разрешении проблемы, но и о снятии напряженности среди тех, кто ее разрешает,—он пожал плечами.—Есть опасность, есть тяжелая работа—нужна разрядка в любой мыслимой форме. Что ж, молодой человек, желаю

удачи. Надеюсь, вы выкарабкаетесь из этой опасной ситуации.

Они пожали друг другу руки, и Гросвенф поинтересовался:

—Сколько времени займет размещение атомных установок?

—Около часа, возможно, немногим больше. Тем временем мы установим большие вибраторы для своей защиты...

Новое появление людей заставило Икстля быстро подняться к седьмому уровню. В течение нескольких минут он находился в состоянии, которое позволяло ему проходить сквозь толщу стен и полов. Дважды его замечали и направляли на него лучи, которые по действию отличались от воздействия пистолетов, с которыми он уже познакомился. Один из лучей задел его ногу. Горячая волна, вызванная вибрацией молекулярного смещения заставила его споткнуться. Нога вернулась в нормальное состояние менее чем за секунду, но он понял, что и его тело чувствительно к воздействию этих мощных переносных установок.

И все же он не насторожился. Быстрота, хитрость, осторожность и использование любой возможности появиться и исчезнуть—все это сводит на нет эффективность нового оружия. Основной вопрос заключался в следующем: что делали люди? Вероятно, закрывшись в аппаратной, они обдумывали некий план, и теперь решительно воплощали его в жизнь. Блестящими немигающими глазами Икстль следил за тем, как план обретает очертания. Икстль видел многое...

В каждом коридоре люди суетились над приземистыми, похожими на больших черепах агрегатами из темного тусклого металла. Из отверстий в верхней части каждого бил ослепительно яркий свет. Икстль обнаружил, что люди без защиты не могут находиться рядом с машинами. На них были скафандры, но обычно блестящий прозрачный материал, из которого они были сделаны, на этот раз был светонепроницаемым. Однако ни один скафандр не давал полной защиты от этого света. Агрегаты постоянно производили длинные, непонятного цвета полосы металла. Как только полоска появлялась, она подвергалась обработке для обретения соответствующих размеров и шлепалась на металлический пол. Каждый квадратный дюйм пола покрывался этими полосами, и Икстль это сразу же от-

метил. В тот момент, когда горячий листок металла падал вниз, над ним нависал массивный охладитель и вбирал в себя его жар.

Активная работа продолжалась без перерывов. Вначале сознание Икстля отказывалось верить результатам наблюдений. Его мозг упорствовал в поисках более глубоких целей и скрытых намерений. Наконец, он решил, что все обстоит именно так, как он видит. Люди пытались насытить энергией два этажа под пультом контроля. Осознав позже, что их ловушка неэффективна, они, возможно, попробуют другие методы. Икстль не был уверен в том, что и система защиты для него неопасна. Важно было то, что как только она станет опасной, будет весьма простым делом последовать примеру людей и ослабить их энергетические связи.

Икстль с презрением выкинул эту проблему из головы. Люди лишь играли ему на руку, делая для него добычу гулов более легкой, а он все еще сильно нуждался в них. Он очень внимательно отбирал жертвы. На примере чело- века, которого он нечаянно убил, Икстль обнаружил, что для его целей вполне подходят желудок и кишечный тракт. Поэтому годились все мужчины с большим животом. Со- вершив предварительный осмотр, он ринулся вперед. Прежде чем на него успели направить луч вибратора, Икстль исчез в стене, таща за собой скорчившееся, извива- ющееся тело. Было совсем просто перестроить его атомную структуру в момент, когда они проникали сквозь потолок, так, чтобы уменьшилась сила падения на пол нижнего эта- жа. Икстль быстро растворился и в этой преграде, а затем и в следующем перекрытии. Он приземлился в громадном трюме корабля. Икстль вынужден был действовать как можно скорее, но при этом следовало быть очень осторож- ным, чтобы не повредить человеческое тело.

Теперь трюм был для него знакомым местом, так что он уверенно ступал по его полу. При первом осмотре ко- рабля он быстро, но тщательно изучил трюм. И, похищая Ван Гроссена, он уже имел на примете нужное место. Сей- час он уверенно двигался по полутемному помещению, на- правляясь к дальней стене. Огромные закрытые ящики вы- сились грудой до самого потолка. Пройдя сквозь них, он очутился в огромной трубе. Диаметр ее был достаточно большой, чтобы Икстль мог в ней стоять. Это была часть тянувшейся на много миль системы кондиционирования воздуха.

Для человеческого зрения в тайнике царила полная темнота, но для его органов, воспринимающих инфракрас-

ные волны, освещение было вполне достаточным. Он увидел тело Ван Гроссена и положил рядом с ним свою новую жертву. Потом, чрезвычайно осторожно, он запустил одну из рук в собственную грудь, вытащил драгоценное яйцо и поместил его в желудок человека.

Тот все еще сопротивлялся, но Икстль ожидал этого, так как знал, что должно произойти дальше. Тело человека начало медленно отвердевать. Мускулы становились все более неподвижными. Человек в ужасе крикнул и дернулся, осознав, очевидно, что его парализует, но ничего не мог поделать. Икстль безжалостно держал его распростертым до тех пор, пока не закончилась химическая реакция. Глаза человека были открыты и пристально глядели вперед, а на лице блестели капельки пота.

Через несколько часов яйца должны были проклюнуться в желудках людей. Крошечные дубликаты самого Икстля должны были быстро развиться до максимального размера. Удовлетворенный, Икстль покинул трюм и направился наверх. Он нуждался в других инкубаторах для своих яиц, в других гуулах.

Через некоторое время в трюме уже находилось три пленника.

Люди работали уже на пятом этаже. Коридор был объят пламенем и волнами жара. Жара была адская. Холодильные установки, стоявшие в каждом удобном месте, не могли полностью справиться с перегретым воздухом. Люди обливались потом даже под скафандрами. Больные от жара, полуослепшие, они работали почти механически.

Человек, работавший рядом с Гросвенфом, прохрипел:

— Ну, вот и он.

Гросвенф посмотрел в указанном направлении и непроизвольно замер. Машина, катившаяся своим ходом, была невелика. Она состояла из шарообразного колпака с внешней оболочкой из вольфрамированного карбида и отходящего от него раструба. Колпак располагался на платформе, которая катилась на четырех резиновых колесиках.

Все, находящиеся вокруг Гросвенфа, бросили работу. С побледневшими лицами, они смотрели на металлическое чудовище. Один из людей быстро подошел к Гросвенфу и сердито заявил:

— Черт же тебя побрал, Грос! Это все ты. Если эта, или любая другая из таких штуквин, начнет меня облу-

чать, то я бы сперва хотел дать по носу хотя бы одной из них.

—Я тоже буду здесь,—твердо заявил Гросвенф.—Если погибнешь ты, то и я с тобой.

Эти слова немного утихомирили гнев человека, но в его тоне все еще оставалась некоторая жесткость, когда он проговорил:

—Все это чушь! Должен же существовать план лучше, чем делать приманку из живых людей.

—У нас имеется еще один легкий выход.

—Какой?

—Самоубийство!—совершенно серьезно буркнул Гросвенф.

Человек ошеломленно посмотрел на него, развернулся и пошел, бормоча что-то насчет грубых шуток и слабоумных шутников. Гросвенф печально улыбнулся и вернулся к работе. Почти тут же он заметил, что люди потеряли интерес к труду. Напряжение постепенно охватывало всех. Поведение одного оказало воздействие на остальных.

Они оказались мишенью. Витающая в воздухе угроза, страх перед возможной смертью вызывали у каждого свою реакцию. Ни один из них не мог оставаться равнодушным, ибо желание жить было одним из основных животных инстинктов. Человек высокотренированный, подобно капитану Личу, мог внешне оставаться спокойным, но за непроницаемой маской все равно скрывалось огромное напряжение. Люди же, подобные Эллиоту Гросвенфу, должны были быть мрачны, но полны решимости, убежденные в необходимости действий и готовые принять свой жребий.

—Внимание всему персоналу!

Вместе с остальными, Гросвенф замер при звуках голоса, несшегося из ближайшего коммуникатора. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он осознал, что голос принадлежит командиру корабля.

Капитан Лич продолжал:

—Все газометы находятся сейчас на этажах семь, восемь и девять. Вы будете рады узнать, что я обсудил все возможные варианты опасности с моими офицерами. И мы издаем следующее распоряжение. Если вы увидите чудовище, не оглядывайтесь! Немедленно бросайтесь на пол. Всем орудейным командам прямо сейчас установить прицел на 0:1.5. Это даст вам защитное пространство в полтора фута. Такая мера не защитит вас от вторичной радиации, но думаю, мы можем честно сказать, что если вы броситесь на пол, конечно вовремя, то доктор Эгарт и его персонал, рас-

положившиеся в аппаратной, спасут ваши жизни. В заключение,—теперь голос капитана казался менее напряженным, ведь его главная задача была выполнена,—позвольте мне заверить всех рядовых членов команды в том, что никаких привилегий не существует. За исключением доктора и трех больных, каждый подвергается такой же опасности, как и вы. Я и мои офицеры рассредоточились среди различных групп. Директор Мортон находится на седьмом этаже, мистер Гросвенф, автор этого проекта—на девятом и так далее. Желаю удачи, джентльмены!

Несколько мгновений все молчали, потом командир излучателя, стоящего неподалеку, добродушно сказал:

—Эй, парни! Мы закончили все приготовления. Если сможете шлепнуться на пол ничком—будете в безопасности.

—Спасибо, друзья!—отозвался Гросвенф.

После этого напряжение мгновенно спало. Служащий из математико-биологического отдела попросил:

—Подмажь его еще немного приятными словечками, Эл.

—Я всегда любил военных,—сказал другой. Его хриплый голос был достаточно громким для того, чтобы его услышала вся команда орудия.—Еще бы попридержать это лишнюю секунду.

Гросвенф едва все это слышал.

«Появится цель,—подумал он,—и ни одна группа не узнает, когда придет момент опасности для другой. При «выстреле»—изменении формы критической массы, при которой небольшой реактор развивает без взрыва колоссальную энергию,—из дула вырвется энергетический луч. На своем пути он уничтожит все живое. Когда все будет кончено, выжившие известят по личному коммуникатору капитана Лича, который проинструктирует другие группы».

—Мистер Гросвенф!

При звуке голоса Гросвенф инстинктивно бросился на пол, больно ударившись. Узнав голос капитана Лича, он сразу же вскочил.

Другие тоже мрачно поднимались на ноги. Один из них пробормотал:

—Это нечестно, черт побери!

Гросвенф подошел к коммуникатору и пристально глядя вдоль коридора, сказал:

—Да, капитан.

—Спуститесь немедленно на седьмой этаж, центральный коридор. Встреча в девять часов.

—Да, сэр.

Гросвенф отправился в путь с чувством страха. В голосе капитана прозвучала какая-то странная нотка. Что-то было не так...

Зрелище, которое он увидел, было кошмарным. Уже подходя к месту происшествия он обнаружил, что одна из атомных пушек лежит на боку. Возле нее, мертвые, обгоревшие до неузнаваемости, лежали останки трех человек — орудийная команда. Неподалеку от них без сознания. Но все еще живой бился в конвульсиях четвертый. По всей видимости, все они были поражены из вибратора.

Чуть дальше, мертвые или без сознания, лежали человек двадцать и среди них директор Мортон.

Санитары в защитных костюмах подбирали трупы и раненых и относили их на тележку. Спасательные работы, вероятно, уже велись несколько минут, так что, возможно, некоторое количество людей уже было отправлено в аппарату, где находился доктор Эгарт с помощниками. Гросвенф остановился у барьера возле поворота коридора. Там он увидел бледного, но спокойного капитана Лича. Скоро Гросвенф был в курсе событий.

— Снова появилось чудовище... Молодой техник, — капитан Лич не назвал его, — забыл в панике о том, что ради безопасности следует кинуться на пол. Когда дуло пушки неумолимо направилось на него, истеричный конец выстрелил в команду из вибратора, оглушив их всех. Очевидно, они немного заколебались, обнаружив техника на линии огня. Трое из них упали возле пушки, инстинктивно держась за нее, и перевернули орудие. Оно откатилось, таща за собой четвертого. Беда заключалась в том, что он держал палец на активаторе и в суматохе видно нажал его на какую-то долю секунды. При этом его товарищи оказались прямо на линии огня. Умерли они мгновенно. Мортон и его группа попали в зону вторичной радиации. Сейчас слишком рано говорить о том, насколько серьезно они пострадали, но в среднем им предстоит провести в постели не меньше года. А некоторые могут умереть. Мы действовали слишком медленно, — заключил капитан Лич. — Вероятно, это произошло через несколько секунд после того, как я закончил говорить, и прошло около минуты, прежде чем услышавший падение пушки соизволил заглянуть за угол. — Он тяжело вздохнул. — Даже в наихудшем варианте я не ожидал гибели целой группы.

Гросвенф промолчал. Именно поэтому капитан Лич и хотел разоружить ученых. В кризисном состоянии человека свойственно защищать свою жизнь. Подобно глупому

животному он слепо борется до конца и не может удержаться от применения оружия. Гросвенф старался не думать о Мортоне, понимавшем, что ученые будут сопротивляться разоружению, и придумавшим план, при котором использование атомной энергии станет приемлемым.

—Зачем вы меня вызвали?—жестко осведомился Эллиот.

—Я считаю, что случившееся несчастье может повлиять на выполнение вашего плана. А как вы думаете?

—Эффект неожиданности пропал,—неохотно кивнул Гросвенф.—Он, вероятно, появлялся, не подозревая, что его ждет, но теперь он будет настороже.

Гросвенф мог представить себе картину того, как алое чудовище высовывает голову из стены, осматривает коридор, а потом, мгновенно появляясь за орудием, хватает одного из команды. Единственная возможная предосторожность могла заключаться в том, чтобы поставить второе орудие для прикрытия первого. Но это было невыполнимо—на всем корабле имелось только сорок одно орудие.

—Он забрал еще одного?—спросил он после раздумий.

—Нет,—буркнул капитан Лич.

Гросвенф снова умолк. Подобно всем остальным, он мог лишь догадываться о том, для чего нужны существу живые люди. Одна из этих догадок была основана на теории Кориты о том, что существо находится на крестьянской стадии и ощущает острую потребность в воспроизведении. Если такое предположение верно, то последствия могли быть самыми чудовищными, потому что у существа в этом случае возникала необходимость во все большем и большем количестве людей.

—Насколько я понимаю, он опять наверху,—предположил капитан Лич.—Моя идея заключается в том, что нам следует оставить пушки там, где они находятся, и закончить энергезацию трех этажей. С седьмым покончено, девятый почти готов, так что мы с успехом можем перейти на восьмой. Это даст нам три этажа подряд. Для того, чтобы сделать наш план более эффективным, следует подумать о том, что, кроме Ван Гроссена, существо поймало еще трех человек. В каждом случае его видели хватающим их в таких местах, которые мы называем направленными вниз. Я предлагаю, чтобы, энергезировав все три этажа, мы поднялись бы на десятый и там ждали его. Когда он схватит одного из нас, мы, дождавшись подходящего момента, включаем рубильник и создаем в полах силовое поле. Это сделает мистера Пеннос. Существо ринется к вось-

мому этажу и обнаружит, что он энергезирован. Если чудовище попытается пройти сквозь него, то увидит, что и седьмой этаж тоже энергезирован. Если оно ринется наверх, то найдет девятый этаж в том же состоянии. В любом случае, мы вынудим его войти в контакт с двумя энергезированными этажами.—Командир помолчал, внимательно взглянул на нексиалиста и сказал:—Я знаю, вы считаете, что контакт с одним лишь этажом его не убьет. Относительно двух вы не были так уверены,—он замолчал и вопросительно посмотрел на Гросвенфа.

Гросвенф ответил ему после минутного раздумья.

—Я принимаю ваше предложение. Конечно, мы можем только догадываться о том, как на это отреагирует существо. Может быть, оно будет приятно удивлено.

Сам он в это не верил. Но имелся другой фактор в данной ситуации: убеждения и надежда человека. Лишь действительное событие способно изменить сознание людей. Когда их убеждения переделаны реальностью, тогда и только тогда они будут эмоционально готовы к принятию действенных решений.

Гросвенфу казалось, что он медленно, но уверенно постигает искусство влияния на людей. Недостаточно владеть знаниями и информацией, недостаточно быть правым. Человек должен быть последовательным и уметь убеждать. Иногда такой процесс мог занять больше времени, чем диктуют меры предосторожности. Иногда это не получалось вообще. И тогда гибнут цивилизации, проигрываются битвы и разрушаются корабли, потому что человеку или группе людей, несущим идеи спасения, не удастся пробить давно устоявшуюся убежденность остальных.

Если он только сможет помочь, то здесь такого прозойти не должно.

—Мы можем оставить атомные нагреватели на месте, пока не закончим энергезацию этажей,—заговорил капитан Лич.—Затем нам придется их просто убрать. Энергезация повлечет за собой соответствующую реакцию даже без нажатия кнопки. Они взорвутся.

Таким осторожным образом он исключил план Гросвенфа из борьбы.

ГЛАВА XIV

В течение почти четырех часов, необходимых на оборудование восьмого этажа, Икстль появлялся дважды. У него было еще шесть яиц, и он намеревался использовать все,

кроме двух. Единственное, что его раздражало, так это то, что каждый гуул отнимал очень много времени. Для защиты от него, казалось, принимались все мыслимые и немыслимые меры. А присутствие атомных пушек заставляло его охотиться на людей, которые фактически управляли установками. Даже при крайней ограниченности наблюдений, каждое путешествие отнимало много времени. И все же это не беспокоило его. Следовало прежде всего покончить с размещением яиц, а уж потом он займется людьми.

Когда работы на восьмом этаже были закончены, пушки перенесены, все перебрались на десятый этаж. Гросвенф услышал короткий вопрос капитана Лича:

—Мистер Пеннос, вы готовы к включению рубильника?

—Да, сэр!—голос инженера сухо прозвучал в коммуникаторе. Закончил он более хрипло:—Пятеро исчезли, на очереди шестой. Нам повезло, но еще одному все равно придется исчезнуть.

—Вы слышали, джентльмены? Одному из нас придется исчезнуть. Один из нас будет мишенью, хочет он того или нет,—голос был знакомый.—Это Грегори Кент... И мне очень жаль, что приходится вскачь из убежища аппаратной. Доктор Эгарт утверждает, что мне придется пробить в инвалидах еще неделю. Причина, по которой я сейчас с вами говорю, заключается в том, что капитан Лич передал мне бумаги директора Мортонa, и я бы хотел, чтобы Келли исследовал его заметки, находящиеся у меня. Я пролью свет на весьма важное обстоятельство. Оно даст нам четкое представление о том, перед лицом чего мы стоим. Мы все должны знать даже наихудшее...

—Э-э-э...—завывал в коммуникаторе надгрозный голос социолога.—Вот мои доводы. Мы обнаружили существо, которое плавало в четверти миллиона световых лет от ближайшей солнечной системы, не имея, очевидно, специальных средств передвижения. Вообразите себе это ужасающее расстояние, а потом спросите себя—какова вероятность встретить его по чистой случайности. Лестер дал мне цифры, поэтому я бы хотел, чтобы он сообщил вам то, что уже знаю я.

—Говорит Лестер!—голос астронома звучал на удивление тихо.—Большинство из вас знает, что представляет из себя наиболее распространенная теория о начале существо-

кощей Вселенной. Есть основания предполагать, что возникла она в результате гибели предыдущей Вселенной несколько миллионов миллионов лет назад. В наши дни полагают, что через миллионы миллионов лет наша Вселенная закончит свой цикл и исчезнет от гигантского взрыва. О природе такого взрыва можно только догадываться. Что касается вопроса Келли, то я могу лишь предложить вам свою точку зрения. Давайте предположим, что алое чудовище было выброшено в пространство потрясающим взрывом. Оно оказалось в межгалактическом пространстве, не способное изменить свое положение. При подобных обстоятельствах чудовище могло плавать вечно на расстоянии более четверти миллиона световых лет от ближайшей звезды. Вы это хотели услышать, Келли?

—Да. Большинство из вас помнит мое упоминание о том, что подобно этому существу, чисто симпоидальное развитие не было свойственно всей Вселенной. Логический ответ на это следующий: его раса должна была держать Вселенную под контролем, и она ее держала! Но теперь вы понимаете, что это было с предыдущей Вселенной, а не с нашей теперешней. Естественно, существо намеревается сейчас установить власть над нашей Вселенной. Теорию можно считать, по крайней мере, одной из возможных.

Кент успокаивающе произнес:

—Я уверен в том, что все находящиеся на борту ученые понимают, что мы поставлены перед задачей, для решения которой важны даже мельчайшие детали. Думаю, что предположение о том, что мы столкнулись с наследником высшей расы галактики, вполне разумно. И другие, подобные ему существа, могут находиться в таком же затруднительном положении. Мы можем лишь надеяться на то, что ни один корабль не окажется поблизости от подобного существа. Биологически эта раса может находиться впереди нас на миллиарды лет. Думая об этом, мы должны понимать, что от каждого находящегося на борту можно требовать любых усилий и жертв...

Его речь прервал резкий выкрик:

—Схватил меня!.. Быстро!.. Вытаскивает из костюма!—затем крики перешли в невнятное мычание.

Гросвенф быстро уточнил:

—Это Дак, заместитель начальника отдела геологии.—он теперь узнавал людей по голосам почти моментально.

В коммуникаторе раздался еще один крик:

—Он идет вниз! Я видел, как он спускался!

—Подать энергию!—приказал капитан Лич.

Гросвенф поймал себя на том, что с любопытством смотрит себе под ноги. Там мерцал переливающийся, яркий красивый свет. Маленькие язычки пламени сердито шевелились в нескольких дюймах от его прорезиненного скафандра, как будто невидимая сила, защищающая его скафандр, заставляла их держаться подальше. Нависла тревожная тишина. Почти ничего не соображая, он устоялся в коридор, где «жил» сейчас неземной голубой огонь. Он, как зачарованный, стал наблюдать за голубой свирепостью энергезации, пытавшейся добраться до него сквозь защитный костюм.

Снова заговорил Пеннос, на этот раз почему-то шепотом:

—Если план удался, то теперь мы держим дьявола на седьмом или восьмом этаже.

Капитан Лич отдал следующую команду:

—Всем, чьи фамилии начинаются с букв от «А» до «Л», следовать за мной на седьмой! Группе от «М» до «Ч»—за мистером Пенносом на восьмой! Все орудийные команды остаются на своих местах. Команда, занимающаяся покрытием, продолжает действовать согласно приказу.

Люди, бегущие впереди Гросвенфа, остановились, как вкопанные, за вторым от лифта углом на седьмом этаже. Гросвенф был среди тех, кто пробился и застыл над распростертым на полу телом. Блестящие огненные пальцы как будто прижимали его к металлу. Молчание нарушил капитан Лич:

—Освободите его!

Вперед осторожно вышли два человека и дотронулись до тела. Голубое пламя устремилось к ним, как будто пытаясь напасть. Быстро оттащив тело, они отнесли его в лифт и подняли на неэнергезированный десятый этаж. Гросвенф следовал за ними и в молчании остановился у лежащего на полу тела. Безжизненное, оно дернулось несколько раз, высвобождая разряды энергии, и постепенно застыло в смертельной неподвижности.

—Я жду отчета!—жестко проговорил капитан Лич.

После секундного замешательства заговорил Пеннос:

—Люди были расставлены на трех этажах согласно плану. Они все время снимали флюоритными камерами. Если существо где-то поблизости, то они его увидят. Это займет минут тридцать.

Через двадцать минут последовало последнее сообщение:

—Ничего!—голос Пенноса выдал его разочарование.—Командир, должно быть, чудовище благополучно смоталось.

Где-то в открывшейся на мгновение сети коммуникаторов чей-то голос жалобно произнес:

—Но что же мы теперь будем делать?

Гросвенфу показалось, что эти слова выражают сомнения и беспokoйство каждого члена экипажа на борту «Космической Гончей»...

ГЛАВА XV

Долго длилось молчание. Начальники отделов и служб корабля, обычно такие активные, теперь, казалось, потеряли дар речи.

Гросвенф немного отвлекся от обдумывания нового плана. Вместе со всеми он сейчас посмотрел в лицо реальности. Эллиот молчал—говорить первым должен был не он.

Затянувшуюся паузу прервал Кент.

—Оказывается, наш враг может пройти сквозь энергизированную стенку так же легко, как и через обычную. Мы можем продолжать утверждать, что чудовище не заботится о приобретении опыта, но его регенерация происходит настолько стремительно, что то, что он ощущает на первом этапе, уже не имеет для него значения к тому времени, когда он подходит к следующему.

—Я бы хотел поговорить с мистером Зеллером,—заявил капитан Лич.—Где вы находитесь, сэр?

—Говорит Зеллер,—в коммуникаторе зазвучал голос начальника отдела металлургии.—Я уже закончил работу над защитным скафандром и начал поиски в трюме корабля.

—Сколько времени понадобится для производства таких скафандров для каждого члена экипажа?

Зеллер ответил не сразу.

—Нам удалось кое-что сделать в этом направлении, но придется подготавливать производственный материал,—произнес он, наконец.—Прежде всего необходимо создать оборудование, при помощи которого подобные скафандры можно будет сделать в нужном количестве из любого металла. Одновременно нам следует начать работу с атомным реактором для создания защитного материала. Как вы, возможно, понимаете, он будет оставаться радиоактивным довольно длительное время. Я полагаю, что следующий костюм сойдет с конвейера примерно через двести часов.

Для Гросвенфа это суждение прозвучало как умеренно осторожное. Сложность преодоления механического сопротивления металла едва ли могла быть преувеличена. После слов металлурга капитан Лич погрузился в размышления.

—Тогда это нам не подходит!—неуверенно прозвучал голос биолога Скита.—Поскольку полная энергезация также займет очень много времени, если это вообще можно будет проделать, значит, мы угодили в сложную ситуацию. Мы промахнулись, и у нас не осталось никаких шансов на победу.

Обычно спокойный голос Гурлея, специалиста по коммуникации, прозвучал весьма сердито:

—А я не понимаю, почему следует исключать эти варианты?! Мы еще живы. Я предлагаю серьезно взяться за работу и сделать столько, сколько мы сможем.

—А почему вы думаете,—холодно прозвучал голос Скита,—что существо не способно разбить металл высокой сопротивляемости? Поскольку он—высшее существо, то его знания физики, вероятно, намного превосходят наши. Чудовище может решить проблему довольно просто—создать оборудование, способное уничтожить все, чем мы располагаем. Одному небу известно, какие пригодные для этого материалы и механизмы имеются в наших лабораториях? Не забудьте о том, что кот мог распылять металл высокой сопротивляемости.

—Вы что, предлагаете позорную сдачу?—мрачно проронил Гурлей.

—Нет!—раздался сердитый голос биолога.—Я хочу, чтобы мы рассуждали здраво, а не просто тратили силы на выполнение невыполнимых задач.

Из коммуникатора послышался голос Кориты, который покончил с этой словесной дуэлью.

—Я склонен согласиться со Скитом. Скажу еще, что мы имеем дело с существом, которое наверняка довольно быстро поймет, что нам нельзя предоставлять время для работы над чем-то важным. По этой и по другим причинам существо захочет вмешаться, если мы попытаемся подготовить корабль к полной энергезации.

Капитан Лич все еще размышлял.

Из аппаратной снова донесся голос Кента:

—И что, как вы думаете, оно будет делать, когда поймет, что нельзя позволить нам продолжать действия против него?

—Чудовище начнет убивать. И я не могу придумать ничего другого, как закрыться в аппаратной. Однако я со-

гласен со Скитом, что со временем существо сможет проникнуть и туда.

—У вас есть какие-нибудь соображения?—наконец прервал молчание капитан Лич.

Корита колебался.

—Откровенно говоря, нет. Я бы сказал, что мы не должны забывать о том, что имеем дело с существом, которое, по-видимому, находится на «крестьянской» стадии своего цикла. Для крестьянина его земля и он сам, или, используя более абстрактные понятия, его собственность и кровь—священны. Существо будет слепо бороться против вторжения в эти области. Как всякий аграрий, чудовище привязывает себя к куску собственности и там строит свой дом и вскармливает потомство. Но все это общие рассуждения, джентльмены. В настоящий момент я не представляю, как нам следует использовать его слабости.

—Я тоже не понимаю, как все это может нам помочь,—заявил капитан Лич.—Могут ли главы отделов проконсультироваться со своими помощниками? Если у кого-нибудь возникнут новые соображения, то жду сообщений через пять минут.

Гросвенф, не имеющий в своем отделе никаких помощников, проговорил:

—Нельзя ли мне задать несколько вопросов мистеру Корите, пока будет проходить обсуждение по отделам?

—Если никто не возражает, то я согласен,—кивнул капитан Лич.

Так как возражений не последовало, то Гросвенф спросил:

—Мистер Корита, вы свободны?

—А кто это?

—Гросвенф.

—А-а-а, мистер Гросвенф! Теперь я узнал ваш голос. Прошу вас, задавайте вопросы.

—Вы упомянули о том, что крестьянин с почти бессмысленным упорством цепляется за свой клочок земли. Если это существо находится на крестьянской стадии цивилизации, то может ли оно представить себе иное с нашей стороны отношение к нашей собственности?

—Уверен, что нет.

—Существо будет планировать свои действия, уверенное в том, что мы не можем от него убежать, поскольку привязаны к кораблю?

—Для его образа мышления это совершенно верное ут-

верждение. Мы не можем покинуть корабль и тем спастись.

—Но сами мы находимся на такой стадии,—настаивал Гросвенф,—когда любая собственность означает для нас очень мало? Мы ведь не привязаны к ней так сильно?

—Я думаю,—твердо проговорил капитан Лич,—что начинаю понимать, к чему клонятся ваши рассуждения. Вы собираетесь предложить нам другой план?

—Да...—против желания голос Гросвенфа слегка дрожал.

—Мистер Гросвенф,—сурово заговорил капитан Лич.—Ведь я правильно понял, что за вашим решением стоят смелость и воображение? Я хочу, чтобы вы разъяснили его всем,—он заколебался и взглянул на часы,—до истечения пятиминутного срока.

После короткой паузы снова послышался голос Кориты:

—Мистер Гросвенф, вы совершенно правы. Мы можем принести эту жертву без духовных терзаний. И это—единственное решение!

Минутой позже Гросвенф предоставил свой анализ обстановки всему составу экспедиции. Когда он закончил, Скит проговорил громким шепотом:

—Гросвенф, это грандиозно! Это означает уничтожение Ван Гроссена и остальных. Это означает уничтожение каждого из нас, но вы правы. Собственность для нас не важна. Что же касается Ван Гроссена и еще четверых пленников чудовища,—его голос стал суровым и твердым,—то у меня не было возможности сообщить вам о своем докладе Мортону. Я предполагал возможную параллель с некоторыми аспектами поведения земной осы. Если я прав, то это настолько ужасно, что немедленная смерть станет для этих людей избавлением от мучений.

—Оса!—крикнул кто-то.—Вы правы, Скит, чем скорее они умрут, тем будет лучше для нас и хуже для чудовища.

—В аппаратную!—приказал капитан Лич.—Мы...

Его прервал быстрый взволнованный голос, прозвучавший в аппаратной. Прошла томительная секунда, прежде чем Гросвенф осознал, что он принадлежит металлургу Зеллеру.

—Капитан! Быстро присылайте в трюм людей и газометы! Я обнаружил их в трубе кондиционера. Существо тоже здесь, и я сдерживаю его вибратором. Это не причинит ему особого вреда, так что поторопитесь!

Капитан Лич отдавал приказы со скоростью машины, в то время как люди бросились к лифтам.

—Всем начальникам отделов и их сотрудникам пройти к шлюзу. Военному персоналу занять лифты и следовать за мной. Возможно, мы не сумеем загнать его в угол или прикончить в трюме. Но джентльмены...—голос его стал жестким,—мы должны избавиться от чудовища и сделаем это, чего бы нам это ни стоило. И мы больше не можем считаться с собой!

Когда человек обнаружил его гуулов, Икстль отступил с большой неохотой. Впервые острый страх поражения проник в его сознание, как тьма, сомкнувшаяся за стенами корабля. Первым его побуждением было ринуться в гущу людей и сокрушить их, но воспоминание об уродливых, сверкающих орудиях прогнало это желание. И он отступил с чувством опустошения, потеряв инициативу. Теперь люди обнаружат его яйца и, уничтожив их, лишат его надежды продолжить свой род.

У него оставалась лишь одна цель. С этого момента он должен убивать и только убивать. Сейчас его удивляло то, что он думал прежде всего о воспроизведении, а все остальное оставлял на потом. Он холодно подумал о том, что зря потратил столь ценное время. Но чтобы убивать, ему необходимо было иметь оружие, которое бы разрушало все. После недолгих размышлений он устремился в ближайшую лабораторию.

Когда он работал, склонив высокое туловище над сверкающим оборудованием, его чувствительные ноги ощутили вибрацию, а затем резкий скачок в симфонии колебаний. И тут он понял, в чем дело. Двигатель замолчал. Огромный космический корабль останавливал свой безудержный разбег и вскоре неподвижно застыл в черных глубинах космоса. Икстля обуряло безотчетное чувство тревоги. Его длинные черные проволокообразные пальцы метались подобно молниям, когда он с сумасшедшей быстротой проделывал сложнейшие соединительные операции.

Внезапно он вновь застыл. Сильнее, чем раньше, на него нахлынуло чувство того, что здесь что-то не так. И он тут же понял почему вибрации людей больше не ощущались.

Они покинули корабль!

Икстль отбросил уже почти законченное оружие и нырнул в ближайшую стену. Он был уверен, что знает

свой приговор и что спасение для него—лишь в темноте пространства.

Икстль рвался сквозь пустынные комнаты и коридоры, средоточие ненависти, алое чудовище с древнего Глора. Сверкающие стены, казалось, насмехались над ним. Весь мир огромного корабля, так много обещавший, теперь стал местом, где каждую секунду мог возникнуть энергетический ад. С явным облегчением Икстль заметил впереди шлюз. Он пролетел через первую секцию, вторую, третью—и вот он уже в космосе. Икстль решил, что люди ожидают его появления, и поэтому сразу оттолкнулся от корабля с огромной силой. У него появилось чувство увеличивающейся легкости, когда его тело метнулось во тьму пространства.

Огни иллюминаторов за ним потухли и снова вспыхнули голубым светом. Каждый дюйм обшивки корабля лучился голубизной. Затем медленно, будто неохотно, голубой свет исчез. Зидолго до того, как он исчез полностью, возник мощный энергетический экран, навсегда преграждая ему путь на корабль.

Икстль, уже удалившийся на несколько миль, подобрался ближе, не теряя бдительности. Теперь, когда он находился в пространстве, люди могли испытать на нем действие атомной пушки и уничтожить его без всякой опасности для себя. Встревоженный Икстль приблизился на расстояние приблизительно в полмили от экрана и там остановился. Он увидел, как первая из шлюпок вынырнула из темноты внутри экрана и проскользнула в отверстие, зияющее в боковой стене корабля. За ней последовали другие. Их едва можно было разглядеть в слепящем свете.

Наконец отверстие закрылось, и без всякого предупреждения корабль исчез. Только что он был здесь—огромная темная металлическая сфера. И вот он—уже звездочка, летящая к яркому, неправильной формы пятну—галактике, плывущей в бездне протяженностью в миллионы световых лет.

Икстль неподвижно и обреченно распростерся в крошечной темноте. Он не мог не думать о маленьких икстлях, которые никогда уже не родятся, и о Вселенной, потерянной из-за его ошибки и хитрости этих существ...

Гроссвенф умело настроил установку и теперь наблюдал за ловкими пальцами хирурга, в то время как электрический нож врезался в желудок четвертого человека. Послед-

иое яйцо было опущено на дно высокого чана из высокопрочного металла. Яйца были круглые, сероватые, а одно из них—слегка надтреснутое.

Несколько человек стояли с бластерами наготове и следили за тем, как ширится трещина в яйце. Уродливая круглая головка, алая, с круглыми, как бусинки, глазами, и узенькой хищной полоской рта высунулась наружу. Голова лениво повернулась на короткой шее, и на людей с неопишуемой злобой уставились глаза. С поразившей людей уверенностью существо высвободилось от оболочки и попыталось выкарабкаться из чана, но гладкие стены не позволили ему это сделать. Дьяволенок соскользнул вниз и растворился в лучах бластеров.

—А что, если бы он выбрался и исчез в ближайшей стене?—облизнув губы, осведомился Скит.

Никто ему не ответил. Гросвенф видел, что люди неотрывно смотрят в чан. Яйца неохотно растворялись под действием жара бластеров и, наконец, вскинулись голубым пламенем.

—Э-э-э...—промычал доктор Эгарт, и всеобщее внимание было перенесено на него и на тело Ван Гроссена, над которым он склонился.—Его мышцы начинают расслабляться, а глаза становятся живыми. Я думаю, он понимает, что происходит. Это была некая форма паралича, вызванная присутствием чужеродного тела, а теперь, когда оно извлечено, паралич постепенно проходит. Никаких серьезных повреждений нет. Скоро с ним все будет в порядке. А что с чудовищем?

Ему ответил капитан Лич.

—Люди, находившиеся в двух спасательных шлюпках, утверждают, что заметили красную молнию, вырвавшуюся из главного шлюза как раз тогда, когда мы подвергли корабль бесконтрольной энергизации. Вероятно, это был наш милый друг, поскольку мы не обнаружили его тела. Тем не менее, Пеннос и его помощники собираются обойти корабль с флюоритными камерами. И наверняка мы все узнаем через несколько часов. Вот как раз и инженер. Итак, все в порядке, мистер Пеннос?

Инженер быстро приблизился к столу и положил на него нечто металлическое и бесформенное.

—Пока ничего определенного... но вот что я обнаружил в главной физической лаборатории. Как вы думаете, что это такое?

Главы отделов, подошедшие к столу чтобы посмотреть поближе, расступились, пропуская Гросвенфа. Он осторож-

но склонился над хрупкого вида предметом со сложной системой соединений. Три его трубки могли быть дулами. Они проходили через три маленьких шарика, сияющих серебристым светом. Свет проник в стол, делая его прозрачным, как стекло. И что самое странное, шарики поглощали тепло, как термическая губка. Гросвенф потянулся к ближайшему шарiku и ощутил, как его руку обдало жаром. Он быстро отдернул ее назад.

Пеннос чему-то кивнул, но промолчал.

—Вероятно, существо работало над этим устройством,—предположил Скит,—когда вдруг заподозрило что-то неладное. Скорее всего чудовище поняло, что происходит, потому что быстро покинуло корабль. Это, кажется, не совсем согласуется вашей теорией, Корита? Вы же сказали, что как истинный крестьянин, оно даже представить себе не могло, что мы собираемся делать.

На побледневшем от усталости лице японского археолога появилась улыбка.

—Мистер Скит,—вежливо произнес Корита,—нет ничего удивительного в том, что это существо смогло понять. Возможным ответом на это будет разнообразие видов крестьянской категории. Ко всему прочему, красное чудовище было самым высокоразвитым представителем этой категории, какого нам только доводилось видеть.

—Хотел бы я,—проворчал Пеннос,—чтобы мы пореже сталкивались с такими крестьянами. Вам известно, что после трех минут бесконтрольной энергизации мне понадобится на ремонт двигателей не менее трех месяцев? Я даже боюсь, что...—он замолчал, не решаясь договорить.

Капитан Лич мрачно улыбнулся и продолжил:

—Я закончу за вас, мистер Пеннос. Вы опасались, что корабль будет полностью уничтожен. Думаю, большинство из нас понимало, на какой риск мы шли, соглашаясь на последний план мистера Гросвенфа. Мы знаем, что наши спасательные суденышки могут дать лишь частичную анти-акселерацию. Так что мы могли оказаться беспомощными в четверти миллиона световых лет от дома.

Кто-то из людей добавил:

—Я понял так, что если бы алая тварь действительно захватила корабль, она бы отправилась дальше с очевидным намерением завоевать Галактику. В конце концов, человек достаточно хорошо в ней устроился... И достаточно к ней привязан...

Скит качнул головой.

—Однажды эти дьяволы в ней уже властвовали и

могли бы властвовать опять. Вы слишком твердо уверены в том, что человек является образцом справедливости, забывая, вероятно, о том, что у него была долгая и кровавая история. Он убивал других животных не только ради получения мяса, но и для садистского удовольствия. Он брал в рабство соседей, убивал своих соотечественников и противников, испытывая наслаждение от мучений остальных. И не будет ничего невероятного в том, если мы во время нашего дальнейшего путешествия встретим других существ, куда более достойных управлять Вселенной, чем человек.

— Ради всего святого, — заметил один из техников, — пусть ни одно опасное существо не будет допущено на корабль. Мои нервы на пределе, я уже не тот, каким был, когда впервые вступил на борт «Космической Гончей».

— Вы говорите от имени всех нас! — раздался из коммуникатора голос исполняющего обязанности директора — Кента.

ГЛАВА XVI

Кто-то зашептал Гросвенфу на ухо, но так тихо, что он не смог разобрать ни слова. Шепот последовал за вибрирующим звуком, таким же тихим, как и шепот, и в равной степени непонятным. Он непроизвольно оглянулся. Сейчас он находился в кинозале своего отдела и в поле зрения никого не было. Гросвенф неуверенно подошел к двери, ведущей в аудиторию, но и там никого не оказалось. Он вернулся к работе, хмуро размышляя над тем, не направил ли на него кто-нибудь энцефало-аджустер. Это было единственно возможное объяснение, пришедшее ему на ум. Но через некоторое время он отверг его, как бессмысленное. Аджустеры были эффективными лишь при действии с близкого расстояния. А главное, его отдел был защищен от воздействия вибрации. Кроме того, Эллит был слишком хорошо знаком с процессом, предшествовавшим возникновению иллюзий, чтобы не придавать значения этому инциденту.

Ради предосторожности, Гросвенф тщательно осмотрел все пять комнат и проверил аджустеры в технической комнате. Они находились в том же состоянии, в каком и должны были находиться — тщательно законсервированные. Эллит молча вернулся в кинокабинет и вновь принялся за изучение гипнотическисветовой вибрации, создавать которую он научился после контактов с Риим.

Вдруг волна ужаса захлестнула его сознание, он весь ссыжился от страха. И потом снова шепот, такой же тихий, как и раньше, но теперь уже довольно сердитый и непонятно враждебный. Гросвенф ошеломленно застыл. Вероятно, это все-таки был энцефало-аджустер. Кто-то стимулировал его мозг на расстоянии настолько мощным аппаратом, что защитный экран его отдела оказался бессильным. Эллиот лихорадочно размышлял, кто бы это мог быть и, в конце концов, пришел к выводу, что след ведет в психологический отдел. На вызов ответил сам Сидл, и Гросвенф решительно принялся ему разъяснять, что произошло, но психолог его сразу прервал:

—Я как раз собирался с вами связаться, потому что подумал, что вы можете быть ответственны за эти действия.

—Вы хотите сказать, что кто-то еще был подвергнут такому же воздействию?—недоверчиво осведомился Гросвенф, пытаясь осмыслить происходящее.

—Я удивлен, что ему подверглись и вы в специально оборудованном отделе. Мне жалуются вот уже двадцать минут, а некоторые из моих приборов отреагировали на несколько минут раньше.

—Какие приборы?

—Мозговолновой генератор-детектор, нервнo-импульсный регистратор и самые чувствительные электрические детекторы. Кстати, Кент собирается созвать совещание на контрольном пункте, так что там и увидимся.

Но Гросвенф не отпустил его так быстро.

—Выходит, что какое-то обсуждение уже было?

—Мы... э... мы сделали кое-какие предположения.

—О чем?

—Мы скоро будем проходить огромную галактику М-33. Есть мнение, что это исходит оттуда.

Гросвенф мрачно улыбнулся.

—Это явный гипноз. Я подумаю над этим, а через несколько минут мы увидимся.

—Приготовьтесь к ударной дозе, когда выйдете в коридор. Воздействие осуществляется постоянно. Звуки, световые пятна, образы, эмоционально действующий шум—мы в самом деле получаем большие дозы.

Гросвенф кивнул и прервал связь. К тому моменту, когда он собрался, информация о совещании уже передавалась по корабельному коммуникатору. Через минуту, открыв дверь в коридор, Гросвенф мгновенно понял, что имел в виду Сидл. Он даже остановился, усилив воли

нейтрализуя действие гипноза. Полный тревоги, Эллиот направился к контрольному пункту.

Через некоторое время он уже сидел вместе с остальными. Необъятная космическая пустота что-то шептала, прижавшись к пролетавшему сквозь нее кораблю. Капризная и беспощадная, она заманивала и предупреждала. Она вибрировала в неистовом наслаждении, а потом кипела в диком безумии. Она шептала о страхе и выла от голода. Она, умирая, билась в агонии и снова возрождалась к жизни. И каждую долю секунды в этом шепоте слышалась угроза.

—Есть мнение,—произнес кто-то за спиной Гросвенфа,—что корабль должен возвратиться домой.

Гросвенф, не узнавший голос, оглянулся в поисках говорившего. Кем бы тот ни был, больше он не сказал ничего. Вновь устремив взгляд вперед, Гросвенф обнаружил, что исполняющий обязанности директора Кент все еще не отрывался от объектива телескопа, что-то наблюдая. Он или решил, что на эту реплику отвечать не стоит, или не слышал ее. Никто другой также не отреагировал на это.

Поскольку все продолжали упорно молчать, Гросвенф принялся манипулировать на встроеном в кресло пульте коммуникатора и теперь тоже наблюдал несколько размытое изображение того, на что уставились в телескоп Кент и Гюнли Лестер. Постепенно он забыл о соседях и сконцентрировался на изображении. Они находились на границе галактической системы. И все же ближайшие звезды находились еще настолько далеко, что в телескоп едва различались как отдельные точки конечного витка спирали галактики М-33—туманности Андромеды.

Гросвенф отвел взгляд от экрана одновременно с Лестером.

—Случившееся кажется невероятным,—заявил астроном.—Вибрация, которую мы ощущаем, распространяется от галактики с миллиардами солнц.—Немного помолчав, он прибавил:—Директор, мне кажется, что решение этой проблемы вне компетенции астрономии.

Кент оторвался от объектива телескопа и проговорил:

—Всем, что находится в галактике, занимается астрономия, или же вы можете назвать другую науку, которая этим займется?

Поколебавшись, Лестер медленно ответил:

—Показание шкалы просто фантастическое. Я не думаю, что нам следует пользоваться галактическим телескопом. Это воздействие может передаваться лучом, сфокусированным на нашем корабле.

Кент повернулся к специалистам, расположившимся в креслах перед контрольным пультом, и спросил:

— У кого-нибудь есть предложения или соображения?

Гросвенф оглянулся, надеясь, что говоривший раньше объяснит свою мысль поподробнее, но тот молчал.

Несомненно, люди уже не осмеливались выступать так свободно, как при Мортоне, когда тот вел собрание. Так или иначе, но Кент весьма ясно давал понять, что считает мнение всех, кроме глав отделов, не заслуживающим внимания. Было также очевидно, что он не считает нескizzальный отдел равноправным.

В течение нескольких месяцев Кент и Гросвенф были вежливы друг с другом, но старались видаться как можно реже. За это время исполняющий обязанности директора, желая упрочить свои позиции, под всяческими благовидными предлогами представил на совет несколько предложений, дающих его отделу преимущество перед остальными.

Из глубины контрольной первым отозвался на слова Кента биолог Скит. Он сухо заметил:

— Я вижу, что мистер Гросвенф крутится на своем стуле. Может быть, он вежливо ждет, пока не выскажутся более старшие? Мистер Гросвенф, что у вас на уме?

Гросвенф подождал, пока затихнет слабый смех, к которому Кент не присоединился. Исполняющий обязанности недовольно произнес, уставившись почему-то на Эллиота:

— Мы вас слушаем, мистер Гросвенф...

— Несколько минут назад кто-то предложил нам повернуть обратно домой. Я бы хотел, чтобы этот человек мотивировал свое предложение.

Ответа не последовало. Гросвенф видел, что Кент нахмурился. Действительно, казалось странным, что есть человек, не желающий подтвердить свое мнение, в какой бы форме оно ни было высказано. Все с удивлением переглядывались.

В конце концов, снова заговорил Скит:

— Когда было сделано это предложение? Я не помню, чтобы слышал его.

— И я! — эхом отозвались несколько голосов.

Глаза Кента блеснули. Гросвенфу показалось, что тот собирается уличить его во лжи.

— Позвольте мне прояснить этот вопрос, — нахмурился Кент. — Было такое утверждение или нет? Кто еще его слышал? Прошу поднять руки.

Все руки остались опущенными.

—Мистер Гросвенф, что именно вы слышали?—злбно процедил Кент.

Гросвенф четко произнес:

—Насколько я помню, слова были следующие: «Есть мнение, что корабль должен возвратиться домой»,—он умолк, но поскольку никаких замечаний не последовало, продолжил:—Кажется ясным, что сами слова возникли в результате стимуляции слуховых центров моего мозга. Кто-то чувствует сильнейшее желание отправить нас домой, и я его уловил... Я, конечно, не предлагаю это заключение в качестве единственно верного.

Кент недовольно осведомился:

—Все мы, мистер Гросвенф, все еще пытаемся понять, почему именно вы, а не кто-то другой, услышали это предложение?

И опять Гросвенф оставил без внимания тон, которым это было сказано, и искренне ответил:

—Последние несколько минут я как раз это обдумывал. Я не могу не вспомнить, что в период инцидента с Риим мой мозг был подвергнут стимуляции в течение довольно длительного времени. Вполне возможно, что я стал более чувствительным к подобным воздействиям.—Тут ему пришло в голову, что эта чувствительность могла объяснить то, что он смог услышать шепот в своих изолированных экранами комнатах.

Гросвенф не был удивлен, что Кент безразлично нахмурился. Химик показывал, что предпочитает не вести разговоры о птичьем народе и о том, что они проделали с сознанием членов экспедиции. Кент холодно проговорил:

—Я уже имел удовольствие слышать рассказы о вашем вкладе в этот эпизод. Если я не ошибаюсь, вы утверждали, что причина вашей победы над Риим заключалась в том, что члену одной расы трудно контролировать нервную систему представителя другой формы жизни, совершенно ему незнакомой. Как же вы тогда объясните то, что кто-то проник в ваше сознание и стимулировал с удивительной точностью именно те участки вашего мозга, которые воспроизвели слова, только что повторенные вами.

Гросвенфу показалось, что тон Кента и его самодовольство произвели на всех неприятное впечатление.

—Директор, тот, кто стимулирует мой мозг, может знать о проблеме общения с нервной системой пришельца. Я не стану утверждать, что он говорит на нашем языке. Кроме того, подобное решение проблемы было бы лишь частичным, поскольку я—единственный человек, отозвав-

шийся на стимуляцию. Я считаю, что в настоящий момент нам стоит обсуждать не то, каким путем я ее получил, а почему, и что мы должны с этим делать, — закончил выступление Гросвенф.

Глава отдела геологии Дональд Мак-Кен откашлялся и сказал:

— Гросвенф прав. Я полагаю, джентльмены, что нам следует признать тот факт, что мы вторглись на чью-то территорию.

Кент поджал губы, собираясь заговорить, но заколебался. Немного помолчав, он все же высказался:

— Я думаю, нам следует быть осторожными, так как мы располагаем достаточными для выводов фактами. И я считаю, что нам следует действовать так, как если бы мы столкнулись с более могучим, чем у человека, интеллектом.

В контрольном пункте установилась тишина. Гросвенф заметил, что люди незаметно для себя приободрились. Их губы стали тверже, выражение лиц уверенней. Он видел, что и другие заметили эту реакцию.

Социолог Келли мягко произнес:

— Я рад... э... тому, что никто не высказывает желания повернуть назад. Отлично! Мы служим нашему правительству и нашей расе; наш долг — исследовать возможности новой галактики, особенно сейчас, когда доминирующая здесь форма жизни знает о нашем существовании. Заметьте, пожалуйста, что я одобряю предложение директора Кента и говорю так, как если бы мы были действительно вынуждены вступить в контакт с существами на высшей стадии развития. Их способность непосредственно воздействовать на наш мозг и стимулировать его означает то, что они явно наблюдают за нами и многое о нас знают. Мы не можем позволить себе, чтобы эти знания были односторонними.

Кент уже успокоился, когда заговорил снова:

— Мистер Келли, что вы думаете по поводу галактики, в которую мы направляемся?

Лысый социолог поправил очки.

— Она... э... велика, директор. Но этот шепот мог быть эквивалентен перекрещивающимся радиоволнам, распространяющимся в нашей собственной галактике. Они... э... могут быть просто внешними сигналами, идущими из пустых мест в зону развития, — он умолк, но не слыша ничьих замечаний, продолжил: — Вспомните, ведь человек тоже оставил вечные следы в собственной галактике. Пла-

неты сошли со своих орбит. Мертвые миры покрылись живой зеленью. Океаны появились там, где безжизненные пустыни лежали под солнцем. И наше присутствие здесь, на этом огромном корабле, является проявлением мощи человека, способного проникать дальше, чем все существующие шепоты.

Следующим выступил Гурлей из отдела коммуникации.

— Следы человека едва ли можно назвать постоянными в космическом смысле этого слова. Я не понимаю, как вы можете говорить о них теми же словами, что и об этом явлении. Эти пульсации настолько всепроникающи, что все пространство вокруг нас шепчет. Это—жизнь, такие ее формы, что мы даже представить себе не можем. Это не кот, не алый дьявол, не феллакская раса, ограничивающаяся одной системой. Здесь, по всей вероятности, множество умов, которым нет числа, общающихся между собой через мили и годы их пространства и времени. Это цивилизации всей галактики, и если говорящие от ее имени предупреждают нас...—Гурлей замолчал, задохнувшись и поднял руку, как бы защищаясь.

Он был не единственным, кто сделал это. По всей комнате люди пригибались и прятались за кресла, так как Кент судорожным движением выхватил вибратор и направил его на аудиторию. Лишь инстинктивно согнувшись, Гросвенф обнаружил, что траектория луча проходит гораздо выше его головы. За его спиной раздался дикий вопль, затем звук удара, от которого содрогнулся пол.

Гросвенф обернулся вместе с остальными и с чувством омерзения уставился на тридцатифутовую тварь, целиком бронированную, лежащую на полу и извивающуюся в двадцати футах от последнего ряда. В следующее мгновение в воздухе материализовалась красноглазая копия первого чудовища и с грохотом приземлилась в дюжине футов от первого. Вслед за вторым чудовищем появился третий, дьявольского вида монстр, перевернулся несколько раз и вскочил с ревом.

Через секунду из воздуха их материализовалось не менее дюжины.

Гросвенф также выхватил вибратор и разрядил его. Чудовищный рев мгновенно удвоился. Металлические лапы скребли по металлическим стенам и полам. Стальные когти грохотали, стучали тяжелые лапы. Теперь все люди вокруг Гросвенфа стреляли из вибраторов, но твари продолжали появляться. Вникнув в ситуацию, Эллиот бросился наверх по ярусам контрольного щита. Когда он

добрался до яруса, на котором находился Кент, тот перестал стрелять и злобно зашипел:

—Ты что это делаешь, скотина?!

Его вибратор направился на Гросвенфа, и тот безжалостно выбил его из рук директора. От ярости Кент ничего не мог произнести. Добравшись до следующего яруса, Гросвенф увидел, что Кент тянется за вибратором. Он не сомневался в том, что директор собирается выстрелить в него. Со вздохом облегчения он добрался, наконец, до рубильника, управляющего созданием энергетического экрана корабля, включил его на полную мощность и кинулся на пол как раз вовремя. Светящийся луч вибратора Кента впился в металл контрольной панели как раз над головой Гросвенфа. Потом луч пропал. Кент крикнул:

—Я не понял, что вы собираетесь делать!

Как извинение эта фраза совсем не тронула Гросвенфа. Исполняющий обязанности директора считал, вероятно, что может оправдать свой поступок тем, что Гросвенф бежал с поля боя. Эллиот спускался слишком сердитым, чтобы вступать в разговор. Он уже давно не выносил Кента, но теперь убедился, что поведение этого человека делает его недостойным должности директора. Впереди было сложное время, и личная неприязнь к нему Кента могла сыграть роль бомбы, способной уничтожить корабль.

Спустившись на нижний ярус, Гросвенф добавил энергию своего вибратора к той, что излучали вибраторы других. Уголкем глаза он заметил, что три человека устанавливают огнемёт. Когда он выплюнул струю пламени, все твари уже лежали без сознания, и уничтожить их было делом нетрудным.

Опасность миновала, и у Гросвенфа появилось время поразмыслить над тем, как эти чудовища были живьем перенесены на корабль через световые столетия. Это походило на сон и было слишком фантастично: подобное вообще невозможно было себе представить.

Но запах горящей плоти был достаточно реальным, как и струившаяся по полу голубовато-серая кровь. Последним аргументом была дюжина или около того бронированных чешуйчатых туш, валявшихся по всему помещению.

ГЛАВА XVII

Когда через несколько минут Гросвенф вновь увидел Кента, исполняющий обязанности директора был сдержанным и активно отдавал приказы по коммуникатору. Вплы-

ли подъемники и началась уборка. Коммуникаторы гудели от перекрестных посланий. Картина быстро прояснилась.

Существа объявились лишь в контрольном пункте. Корабельный радар не зарегистрировал ничего похожего на вражеский корабль. Во всех направлениях расстояние до ближайшей звезды равнялось тысяче и более световых лет. После этих сообщений все помещение контрольного пункта наполнилось шумом от интенсивного обмена мнениями.

—Десять световых столетий!—изумился штурман Се-ленски.—Без ретрансляции мы даже сообщения не можем передавать на такие расстояния.

Вперед торопливо вышел капитан Лич. Он коротко переговорил с несколькими учеными и созвал военный совет.

—Мне едва ли следует говорить о риске, которому мы подвергаемся,—начал он свою речь.—На наш корабль, похоже, напала враждебная галактическая цивилизация. Сейчас мы в безопасности за защитным экраном. Мы должны узнать, почему нас предупреждают, и определить природу опасности и уровень разума, стоящий за ней. Я вижу, что наш биолог Скит все еще исследует останки ящеров. Мистер Скит, что они из себя представляют?

Скит отвернулся от поверженного чудовища и сообщил:

—Земля могла произвести нечто подобное во времена динозавров. Судя по размерам того, что должно бы-ть в черепной коробкой, их интеллект вероятно был чрезвычайно низким.

—Мистер Гурлей,—произнес Кент,—мне говорят, что твари проникли сквозь гиперпространство. Прошу вас высказаться по этому поводу.

—Мистер Гурлей, ваша очередь,—подхватил капитал Лич.

Специалист по коммуникациям начал выступление в своей обычной, спокойной манере.

—Это лишь теория, и весьма новая. Согласно ей, Вселенная уподобляется вытянутому шару. Когда вы прокалываете оболочку, шар мгновенно становится плоским и одновременно начинает заживать прокол. Тогда, как ни странно, если предмет проникает под оболочку, ему нет необходимости возвращаться в ту же точку пространства. Предположим только, что некто знает какой-то метод контроля над явлением и может использовать его, как форму телепортации. Да, звучит все это причудливо, но вспомните, что это в равной мере можно сказать и о случившемся.

—Трудно поверить в то, что кто-то может быть более ловким, чем мы,—кисло заметил Кент.—Вероятно, это ка-

кое-то очень простое решение проблемы гиперпространства, которое просмотрели наши ученые. Может быть, нам удастся его понять?—Он помолчал, потом продолжил:—Корита, вы все молчите. Не подскажите ли вы, что противостоит нам?

Археолог встал и в замешательстве развел руками.

—Не могу предложить даже догадки. Нам придется побольше узнать о мотивах, стоящих за нападением, а уж потом можно будет делать сравнения на базе теории цикличности истории. Например, если целью был захват корабля, то нападение на нас в том виде, в каком оно совершено—было ошибкой. Если же они намеревались просто напугать нас, то атака оказалась на редкость успешной.

Когда Корита сел, раздался взрыв смеха, но Гросвенфф отметил, что выражение лица капитана Лича осталось мрачным.

—Если говорить о мотивах,—отчеканил он,—то мне в голову пришла одна неприятная версия, и мы должны быть к ней готовы. Она состоит в следующем. Предположим, что этот одаренный интеллект, или кто он там, захотел узнать, откуда мы прилетели?—он сделал паузу, и судя по установившейся тишине и напряженным позам было ясно, что его слова заделали аудиторию.—Давайте посмотрим на это... с его... точки зрения. Приближается корабль... В том направлении, откуда он летит, в радиусе десяти миллионов световых лет имеется значительное число галактик, звездных скоплений и туманностей. Какая из них наша?

В помещении воцарилась тишина. Лич повернулся к Кенту.

—Директор, если вы согласны, я предлагаю изучить некоторые из планетных систем этой галактики.

—Не возражаю,—буркнул Кент,—но теперь, если кто-нибудь еще...

Гросвенфф поднял руку, но Кент, как бы не замечая ее, сказал:

—Начнем совещание... чуть позже. Это же собрание объявляю...

Гросвенфф встал и громко произнес:

—Мистер Кент!

—... закрытым!—закончил Кент.

Все оставались на своих местах. Кент повернулся к Эллиоту и недовольно заявил:

—Прошу прощения, мистер Гросвенфф, предоставляю вам слово.

—Трудно себе представить,—уверенно проговорил

Гросвенф, что эти существа смогут расшифровать наши замыслы, но я все же предлагаю уничтожить наши звездные карты.

—Я собирался предложить то же самое,—взволнованно заговорил Ван Гроссен.—Продолжайте, Гросвенф.

Под одобрительный шепот присутствующих, он продолжал:

—Все мы убеждены, что наш главный защитный экран может охранять от неприятностей. У нас, естественно, нет иной альтернативы, как вести себя так, как если бы это соответствовало истине. Но когда мы, наконец, опустимся на планету, было бы желательным иметь наготове несколько больших энцефало-аджустеров. Можно было бы создать защитное поле для того, чтобы избежать возможного проникновения в наши мысли.

И снова аудитория одобрительно зашумела.

Кент бесстрастно осведомился:

—Что-нибудь еще, мистер Гросвенф?

—Одно общее замечание. Главам отделов следовало бы просмотреть материалы, находящиеся в их распоряжении, чтобы уничтожить все, что могло бы подвергнуть опасности нашу расу в случае захвата «Гончей».

По мере того, как текло время, становилось ясно, что неизвестный интеллект намеренно воздерживается от дальнейших действий или что работа экрана является достаточно эффективной. Никаких новых инцидентов не произошло.

Звездные системы в этой отдаленной области галактики были очень редкими. Первая звезда вскоре вынырнула из чернильной тьмы. Лестер и его штат определили местонахождение пяти планет по отношению к светилу, так что имело смысл их обследовать. Посетив все пять, они выяснили, что одна была обитаема. Это была планета джунглей и гигантских тварей. Корабль покинул ее, низко пролетев над линией морского берега через огромный континент, заболоченный и заросший. И никаких следов цивилизации, тем более такой сложной цивилизации, существование которой предполагалось.

«Космическая Гончая» пролетела триста световых лет и оказалась у маленького солнца с двумя планетами, жмущимися к теплу красно-вишневого шара. Одна из двух планет была обитаема, и, как сестра, походила на

предыдущую. Они оставили ее неисследованной, пролетев над огромным морем и покрытым буйной растительностью материком.

Теперь звезд стало больше. Они усеивали черную бездну в радиусе ста пятидесяти световых лет. Большая голубая звезда, вокруг которой вращалось не менее пятидесяти планет, привлекла внимание Кента, и корабль быстро устремился к ней. В непосредственной близости к солнцу располагалось семь планет, и они были пылающим адом без всякой надежды на зарождение жизни. Корабль совершил облет трех близко расположенных друг к другу планет, которые были обитаемыми, и устремился в межзвездную пустоту исследовать другие системы. Эти три планеты оказались так же покрыты первобытными джунглями, как и все предыдущие.

Тем временем Кент собрал на борту корабля совещание глав отделов и их заместителей. Обсуждение он начал без обиняков:

—Лично я не вижу смысла в этих поисках определенных свидетельств, но Лестер предложил мне срочно вас созвать,—он пожал плечами.—Возможно, он что-то знает.

Кент сделал паузу. Наблюдавший за ним Гросвенф был удовлетворен своим присутствием на совещании и озадачен уверенностью, излучаемой всей фигурой маленького химика.

«В чем тут дело?»—подумал он.

Казалось странным, что исполняющий обязанности директора Кент побеспокоился наперед отречься от чести получения хороших результатов, которые могло бы дать это совещание.

Вновь заговорил Кент, и тон его был дружелюбным:

—Гюнли, может быть, вы выступите и объясните?

Астроном поднялся на нижний ярус. Он был таким же высоким и худым, как Скит. На его бесстрастном лице блестели ярко-голубые глаза. Когда он заговорил, голос его звучал довольно уверенно.

—Джентльмены, три обитаемые планеты последней системы были совершенно одинаковы, и это не их естественное состояние. Я не в курсе, многие ли из вас знакомы с современной теорией образования планетных систем. Те же из вас, которые с ней не знакомы, возможно, не поймут важность моих слов. Дело в том, что распределение массы в системе, которую мы только что покинули, невозможно динамически. Могу сказать со всей определенностью, что две из трех обитаемых планет этого солнца были переме-

щены в их настоящее положение насильственно. По моему мнению, нам следует вернуться и проверить. Похоже на то, что кто-то намеренно создал первобытные планеты. Для какой цели—такие предположения я высказывать не буду.

Он замолчал и враждебно уставился на Кента. Тот выступил вперед, на его физиономии блуждала слабая улыбка.

—Гюнли пришел ко мне и попросил, чтобы я приказал вернуться на одну из планет-джунглей. Поэтому я созвал совещание и теперь хочу провести голосование.

«Так вот в чем дело!»—Гросвенф вздохнул, не то что бы восторгаясь Кентом, но, по крайней мере, по достоинству оценивая его действия. Исполняющий обязанности директора не предпринял попытки открыто выступить против оппозиции. Было вполне возможным, что он, собственно, и не возражал против плана астронома. Но созывая совещание, когда его собственная точка зрения должна была восторжествовать, он доказывал, что рассматривает себя как объект демократической процедуры. Это был ловкий ход по поддержанию видимости демократии среди членов экспедиции.

И в самом деле, предложение Лестера встретило активные возражения. Трудно было поверить в то, что Кент знал о них, иначе это бы означало, что он намеренно игнорирует возможную опасность. Гросвенф решил оправдать Кента за недостаточностью улик и терпеливо ждал, пока несколько ученых задавали астроному не слишком важные вопросы. Когда ответы на них были получены и казалось, что с обсуждением все, кроме него, покончили, Гросвенф встал и заявил:

—Я бы хотел поддержать точку зрения мистера Кента в этом важном вопросе.

—Однако, мистер Гросвенф,—холодно заметил Кент,—отношение всех, кажется, в достаточной мере ясно, судя по краткости дискуссии, и отнимать ваше ценное время...—тут он внезапно умолк. Вероятно, до него дошел истинный смысл слов Гросвенфа. Лицо его потемнело. Поскольку никто ничего не сказал, он опустил руку и проговорил:—Вам слово, мистер Гросвенф.

—Мистер Кент прав: решение слишком поспешное,—твердо начал Эллиот.—Пока мы посетили лишь три планетные системы, а необходимо посетить не менее тридцати, выбрав их наугад. Это минимальное число, учитывая размеры наших исследований, по которому мы можем прийти к каким-нибудь выводам. Я буду рад обратиться со

своими цифрами в математический отдел для подтверждения. Помимо этого, приземлившись, мы должны были бы выйти из-под защиты экрана. Мы должны были бы подготовиться к отражению самой невероятной атаки со стороны интеллекта, который может мгновенно использовать гиперпространство для доставки своих сил. Я представляю себе картину того, как биллион тонн вещества обрушится на нас в то время, как мы беспомощные будем сидеть на планете. Джентльмены, насколько я понимаю, впереди у нас есть месяц-другой для детального изучения вопроса. В течение этого времени мы, естественно, должны посетить возможно большее количество систем. Если их обитаемые планеты тоже окажутся исключительно—или даже в большинстве своем—примитивными, тогда мы будем иметь весомое подтверждение предположения мистера Лестера об их искусственном происхождении.—Помолчав, Гросвенф закончил:—Мистер Кент, я верно выразил ваши мысли?

Кент уже успел полностью овладеть собой.

—Почти, мистер Гросвенф.—Он оглядел собравшихся.—Если новых предложений больше не будет, я предлагаю проголосовать предложение Гюли Лестера.

—Я отклоняю его,—встал астроном.—Признаюсь, что не продумал некоторые аспекты поспешного приземления.

После некоторых колебаний, Кент произнес:

—Если кто-нибудь желает поддержать предложение Гюли...—поскольку никто не собирался высказываться, Кент уверенно продолжил:—Я бы хотел, чтобы кто-нибудь высказал свое мнение, но если никто из нас не желает сделать это, то я прошу начальников отделов приготовить мне детальный отчет по вопросу о том, какие меры нам следует предпринять для успешного приземления, которое нам неизбежно придется совершить. У меня все, джентльмены.

В коридоре, при выходе из контрольного пункта, Гросвенф почувствовал чью-то руку на своем плече. Обернувшись, он увидел Мак-Кена, который сказал:

—Последние несколько месяцев я был чрезвычайно занят работами, связанными с ремонтом и не имел возможности пригласить вас в свой отдел. Я предчувствую, что когда мы, наконец, приземлимся, оборудование геологического отдела будет использовано не совсем по назначению. Нискиализм мог бы нам очень пригодиться.

Гросвенф обдумал эти слова, после чего кивнул в знак согласия.

—Я буду у вас завтра утром. Хочу приготовить реко-

мендации для импозантного мистера Кента, исполняющего обязанности директора.

Мак-Кен кинул на него быстрый взгляд и нехотя спросил:

— Вы полагаете, что он ими не заинтересуется, не так ли?

Значит, остальные тоже заметили неприязнь к нему Кента.

— Что, по-вашему, является основой популярности Кента, как лидера? — поинтересовался у геолога Эллиот.

После некоторых размышлений Мак-Кен ответил:

— Он человечен. У него есть приятни и неприятни. Он способен волноваться, он вспыльчив... Когда он делает ошибки, то пытается сделать вид, что так и надо. Он жаждет быть директором. После возвращения корабля на Землю директора экспедиции ждет мировая известность. Во всех нас есть что-то от Кента. Он... э... он — человек.

— Насколько я заметил, вы ничего не сказали о его способности к работе.

— Это не является жизненно важным вопросом. Он может получить совет у специалистов по любой проблеме, — Мак-Кен облизал губы. — Трудно выразить словами возможности Кента, но думаю, ученые постоянно опасаются ущемления своих прав и поэтому хотят, чтобы из возглавлял человек эмоциональный, но в то же время такой, чья квалификация не вызывала бы сомнений.

Гросвенф качнул головой.

— Я не согласен с вами относительно того, что работа директора якобы не важна. Все зависит от личности и от ее умения использовать благоприятные ситуации.

Мак-Кен внимательно выслушал Гросвенфа и через некоторое время произнес:

— Побеждает не преданность ученых научным методам. Дело в их прямоте. Человек часто понимает, что тактика, используемая против него, лучше, чем тот, который ее использует, но не может решиться на контрудар, не ощущая себя при этом опороченным.

Мак-Кен нахмурился.

— Громко сказано! А у вас не бывает таких приступов малодушия?

Гросвенф молчал.

Мак-Кен настаивал:

— Предположим, вы решите, что Кента следует оттеснить. Что вы станете делать?

— В настоящий момент мои намерения вполне миролюб-

бивы,—осторожно заметил Гросвенф и с удивлением увидел удовлетворенное выражение на лице Мак-Кена. Он с жаром пожал руку Гросвенфа.

—Рад слышать о том, что ваши намерения легальны,—искренне произнес Мак-Кен.—С тех пор, как я побывал на вашей лекции, я понял то, что никто другой еще не осознал: потенциально—вы самый опасный человек на этом корабле. Совокупность ваших знаний, подкрепленная решительностью и знанием цели, может стать куда большей бедой, чем любое нападение.

Придя в себя после мгновенного удивления, Гросвенф покачал головой.

—Невероятное предположение,—сказал он.—Одного человека слишком легко нейтрализовать.

—Я заметил,—произнес Мак-Кен,—что вы не отрицаете того, что обладаете значительными знаниями.

Гросвенф протянул руку в знак прощания.

—Благодарю за ваше высокое мнение обо мне. Хотя оно значительно преувеличено, но психологически стимулирует.

ГЛАВА XVIII

Тридцать первая по счету звезда, в системе которой они побывали, была размером с Солнце и почти такого же спектрального типа. Три ее планеты были такими же, как все остальные обитаемые миры, которые они видели. Всю поверхность этих планет занимали насыщенные испарениями джунгли и первобытный океан.

«Космическая Гончая» пролетела сквозь атмосферу планеты и заскользила над поверхностью—огромный чужеродный металлический шар, случайно оказавшийся в первобытном мире.

В геологической лаборатории Гросвенф наблюдал за приборами, отмечавшими природу почвы внизу. Это была сложная работа, требовавшая пристального внимания, поскольку оборудование нуждалось в контроле со стороны опытного оператора. Постоянный поток сигналов должен был быть направлен в строго определенную ячейку соответствующего вычислительного устройства в точно определенный отрезок времени для сравнительного анализа. К стандартной, знакомой Мак-Кену технике, Гросвенф добавил некоторые усовершенствования, согласно принципам нексиализма, и в таблицах и диаграммах была отражена удивительно точная картина поверхности планеты.

Гросвенф сидел там уже течение часа, глубоко погрузившись в процесс работы. Факты давали расхождение в деталях, но молекулярная структура и распределение различных элементов указывали на некое геологическое постоянство: ил, песчаник, глина, гранит, органические следи—возможные месторождения угля, силикаты в форме покрывающего скалы песка, вода...

Несколько стрелок на шкалах перед ним резко повернулись и застыли. Их реакция косвенно указывала на присутствие металлической руды в больших количествах, со следами углерода, молибдена...

Сталь! Гросвенф схватился за рычаги, которые ускоряли выдачу серии результатов. Зазвенел звонок и сразу же подбежал Мак-Кен. Корабль остановился. В нескольких футах от Гросвенфа Мак-Кен начал разговор с исполняющим обязанности директора Кентом.

—Да, директор, сталь, а не просто железо,—он не назвал имени Гросвенфа и продолжил:—Мы установили нашу аппаратуру максимум на сто футов. Это может быть город, похороненный или скрытый в джунглях.

—Узнаем точно через несколько дней,—сухо проронил Кент.

Корабль был осторожно посажен на планету и через временный проход в защитном экране были выгружены на поверхность необходимые механизмы. Гигантские экскаваторы, краны, подвижные контейнеры с установленными в них дополнительными устройствами. Все было так тщательно отрепетировано, что уже через полчаса после того, как корабль начал разгружаться, он уже вновь взмыл в пространство.

Все работы по раскопкам проводились с помощью дистанционного управления. Довольно большая площадка была очищена от почвы на глубину в двести пятьдесят футов. Был обнаружен не столько город, сколько невероятные обломки того, что раньше было городом.

Здания выглядели так, как будто были раздавлены огромной тяжестью. Бывшие улицы находились на глубине в двести пятьдесят футов от поверхности и были усыпаны костями. Был отдан приказ прекратить раскопки, и несколько спасательных шлюпок устремились сквозь облачную атмосферу. Гросвенф вместе с Мак-Кеном и другими специалистами находился в одной из них. Через некоторое время Эллиот стоял над тем, что осталось от обитателей города.

—Нехорошие повреждения,—нахмурился Скит.—Но,

думаю, я смогу собрать скелет.—Его умелые пальцы укладывали кости в определенном порядке.—Четыре ноги,—сообщил он. Поднеся к одной конечности флюороскоп, он буркнул:—Похоже на то, что он мертв уже лет двадцать пять.

Гросвенф отошел в сторону. Разложенные повсюду останки могли раскрыть секреты физического облика представителя исчезнувшей расы. Но вряд ли эти скелеты содержат в себе ключ к идентификации безжалостных существ, послуживших причиной исчезновения расы. Они явно принадлежали несчастным жертвам, а не уверенным в себе мрачным разрушителям.

Он направился туда, где Мак-Кен изучал почву. Геолог повернулся к нему и сказал:

—Я думаю, мы удостоверимся, сделав стратиграфический анализ на несколько сот футов вниз.

После его слов в действие вступила буровая команда. В течение нескольких часов, пока машины пробивались сквозь камни и глину, Гросвенф был очень занят. Перед его глазами мелькали твердые комья земли или обломки камня. Иногда он исследовал их. Когда спасательные члзюпки вернулись к кораблю, Мак-Кен решил дать полный отчет Кенту. Пока он докладывал, Гросвенф стоял у экрана коммуникатора.

—Директор, меня просили проверить, могли ли джунгли на этой планете быть созданы искусственным путем. Вполне возможно, что это так. Слои, идущие ниже болота, кажутся принадлежащими более старой и менее примитивной планете. Трудно представить, что такого рода слой почвы мог быть снят с какой-то отдаленной планеты и перенесен сюда, но факты указывают на то, что это вполне возможно.

—А как насчет самого города?—поинтересовался Кент.—Как он был разрушен?

—Мы проделали несколько вычислений и теперь можем утверждать, что причиной катастрофы должны были явиться огромные массы камней, почвы и воды.

—Вы нашли доказательства, свидетельствующие о времени этой катастрофы?

—Мы располагаем небольшими геоморфологическими данными. В нескольких осмотренных нами местах на старой поверхности образовались впадины, указывая на то, что огромные массы деформировали более мягкие участки. Мы получили несколько цифр и намереваемся «загнать» их в компьютер. Компетентный математик,—он имел в ви-

ду Гросвенфа,—подсчитал приблизительно, что прямое давление веса вышележащих пород, относится к периоду не более ста лет назад. Поскольку геология имеет дело с событиями тысяче- и миллионлетней давности, все, что смогут делать машины—это проверить вычисления людей. А это не даст нам более точных результатов.

Наступила короткая пауза, после которой Кент холодно сказал:

—Благодарю вас. Я чувствую, что вы и ваш штат проделали огромную работу. Еще один вопрос: обнаружили ли вы в ваших вычислениях чего-нибудь такое, что могло бы послужить ключом к определению природы интеллекта, который мог произвести подобные катастрофические разрушения?

—Говоря от своего имени, без предварительного обсуждения с помощниками, могу сказать—нет!

«Хорошо,—подумал Гросвенф,—что Мак-Кен так осторожен в своих ответах. Для геолога обследование этой планеты—только начало поисков врага».

Для него самого оно являлось конечным звеном в той цепи событий, открытий и выводов, которые начались, когда он впервые услышал странное бормотание в пространстве. Он знал, кем являются самые чудовишные из существ, которых только можно себе вообразить. Он догадывался об их ужасных целях и тщательно проанализировал, что нужно сделать дальше.

Перед ним больше не стоял вопрос—в чем опасность? Он достиг той стадии, на которой уже нужно было принимать бескомпромиссное решение. К несчастью, люди, областью знаний которых являлись лишь одна или две науки, не могли или даже не желали понять реальности смертельной из опасностей, когда-либо встававших перед всей Вселенной за время ее существования. Поэтому принятие решения всем коллективом могло вызвать жестокие споры.

Согласно рассуждениям Гросвенфа, проблема эта имела как политический, так и научный аспекты. Ясно осознавая природу предстоящей борьбы, он пришел к выводу, что его тактика должна быть тщательно продумана и претворена в жизнь с предельной решительностью.

Пока еще трудно было представить, насколько далеко он вынужден будет зайти. Но ему казалось, что он не имеет права на остановку ни перед чем. Он обязан выполнить свой долг.

Полностью подготовившись к действиям, Гросвенф написал Кенту письмо:

«Исполняющему обязанности директора.

Административный отдел.

Исследовательский корабль.

«Космическая Гончая».

Дорогой мистер Кент! Я должен сделать важное сообщение всем главам отделов. Сообщение касается обитателей этой галактики, о природе которых я добыл сведения большой важности.

Не будете ли Вы так любезны созвать совещание для того, чтобы я мог изложить свои выводы?

Искренне ваш Эллиот Гросвенф».

Он подумал о том, заметит ли Кент, что он предлагает решение по неподтвержденным доказательствам. В ожидании ответа он спокойно перенес остаток личных вещей из своей каюты в нексиальный отдел. Это было последним звеном его плана защиты, который включал в себя возможность осады.

Ответ пришел на следующее утро.

«Дорогой мистер Гросвенф! Я связался с мистером Кентом вчера днем по поводу Вашего меморандума. Он предложил Вам сделать закрытый доклад по форме А-16-4 и выразил удивление по поводу того, что Вы не сделали этого сами. Мы получаем другие доказательства и версии по этому вопросу. Ваша версия будет изучена наряду с другими.

Будьте любезны как можно скорее прислать тщательно заполненный образец формы А-16-4.

Искренне ваш Джон Фонрем за мистера Кента».

Гросвенф мрачно прочел ответ. Он не сомневался в том, что Кент сделал секретарю несколько резких замечаний по поводу единственного на борту корабля нексиалиста. Но даже в этом случае Кент должен был сдерживать свой язык. Источник ненависти, сидящий в этом человеке, все еще не прорвал плотину этических норм и правил. Если Корита прав, то кризис приближается. Это был «зимний» период настоящей человеческой цивилизации, и вся культура могла разбиться вдребезги под действием всплеск эгоизма отдельных личностей.

Хотя он и не намеревался предлагать фактическую информацию, Гросвенф решил заполнить присланную ему

секретную форму. Но он лишь составил перечень фактов. Гросвенф не стал ни рассматривать их, ни предлагать решения. В графе «Рекомендации» он написал:

«Заключение должно сразу стать ясным любому, обладающему необходимой квалификацией человеку».

Вопиющим фактом было то, что каждое из перечисленных доказательств, представленных им, было известно тому или иному из обширных отделов, имеющих на борту «Космической Гончей». Все эти данные должны были лежать на столе Кента уже несколько недель.

Гросвенф сам отнес форму. Он не ожидал немедленного ответа, но все же остался в своем отделе. Даже еду ему присылали туда. Прошло два двадцатичасовых периода, прежде чем он получил ответ от Кента.

«Дорогой мистер Гросвенф! Просмотрев форму А-16-4, которую Вы предоставили на рассмотрение совета, я отметил, что Вы не указали своих рекомендаций... Поскольку мы получили другие рекомендации по этому вопросу и намерены соединить лучшие черты каждой, создав обширный план, мы были бы признательны Вам за передачу детальных рекомендаций».

Будете ли вы так добры уделить этому вопросу решительное внимание?

Грегори Кент. Исполняющий обязанности директора».

Гросвенф понял личную подпись Кента как прямой намек, означающий, что основные действия скоро начнутся.

Он сам напичкал себя наркотиками, которые вызвали симптомы, напоминающие начало гриппа. В ожидании реакции со стороны своего организма, он написал Кенту еще одно послание. В нем говорилось о том, что он слишком болен, чтобы подготовить рекомендации, в которых давно возникла необходимость, поскольку они должны включать в себя значительное количество весомых выводов, базирующихся на знаниях многих наук. И все же было бы разумным немедленно начать предварительную пропаганду среди членов экспедиции о необходимости провести в пространстве пять добавочных лет. Опустив письмо в почтовый желоб, Гросвенф позвонил в офис доктора Эгарта. Все произошло даже быстрее, чем рассчитывал Эллиот. Через десять минут вошел доктор Эгарт и поставил на пол свой чемоданчик. Когда он выпрямился, в коридоре послышались шаги. Несколькими секундами позже появился Кент с двумя крепкими работниками химического отдела.

Доктор Эгарт весело улыбнулся, узнав шефа химического отдела.

—Хэлло, Грег,—произнес он своим глубоким голосом, и переключил свое внимание на Гросвенфа.—Итак, похоже на то, что у вас есть здесь насекомые, друг мой. Забавно! Какое бы внимание вы ни уделяли защите корабля при этих приземлениях, некоторые вирусы и бактерии все же проникают внутрь. Я забираю вас в изолятор.

—Я предпочел бы остаться здесь.

Доктор Эгарт нахмурился и пожал плечами.

—В вашем случае это возможно,—он собрал свои инструменты.—Я пришлю присматривать за вами своего слушающего. С неизвестными микробами нельзя шутить.

Кент хмыкнул. Лицо Гросвенфа, поглядывающего на него с нарочитым смущением, при этих словах выразило недоумение.

—А в чем, собственно, дело, доктор?—раздраженно проговорил Кент.

—Сейчас я не могу этого точно сказать. Посмотрим, что дадут лабораторные исследования,—он нахмурился.—Я взял пробы почти с каждой части его тела. Пока все симптомы указывают на лихорадку и жидкость в легких. Боюсь, что сегодня я не могу позволить вам беседу с ним, Грег. Опасаюсь, что это может быть серьезно.

Кент заявил подчеркнуто строгим тоном:

—Придется рискнуть. Мистер Гросвенф владеет ценной информацией и... я уверен, он еще достаточно силен, чтобы сообщить ее нам.

Доктор Эгарт взглянул на Гросвенфа и осведомился:

—Как вы себя чувствуете?

—Я еще могу говорить,—слабым голосом прошептал Гросвенф.

Его лицо пылало, глаза лихорадочно блестели. Но одной из причин, из-за чего он довел себя до такого состояния, была надежда на приход Кента, и она оправдалась.

Другая причина заключалась в том, что он не хотел лично присутствовать на совещании ученых, которое мог созвать Кент. Здесь, в своем отделе, и только здесь, он мог защитить себя от враждебных действий, которые могли бы последовать после его заявления.

Доктор взглянул на часы.

—Говорю вам,—сказал он Кенту и косвенно Гросвенфу,—что сейчас пришлю санитаров. Разговор должен закончиться ко времени его прихода, договорились?

—Прекрасно!—с фальшивой сердечностью ответил Кент.

Гросвенф молча кивнул.

Уже от двери доктор Эгарт еще раз напомнил:

—Мистер Рондерп будет тут примерно через двадцать минут.

Когда он ушел, Кент медленно опустился в кресло и взглянул на Гросвенфа. После длительной паузы он произнес намеренно холодным тоном, выражая свое отношение к собеседнику:

—Я не понимаю, чего вы добиваетесь. Почему вы не предоставляете нам информацию, которой владеете?

—Мистер Кент, вы действительно удивлены?

Снова воцарилось молчание. Гросвенфу казалось, что Кент очень сердит и лишь с большим трудом сдерживает себя. Наконец, он прервал молчание и проговорил низким, напряженным голосом:

—Я—директор экспедиции. Я требую, чтобы вы немедленно выдали свои рекомендации.

Гросвенф медленно покачал головой. Внезапно он ощутил сильный жар.

—Я, собственно, не знаю, что на это ответить. Ваши действия, мистер Кент, легко рассчитать. Видите ли, я ожидал от вас, что вы обойдетесь с моими письмами именно так, как вы это сделали. Я ожидал от вас, что вы придете сюда с...—он обвел глазами двух помощников Кента,—... парой гарольдов. При создавшихся обстоятельствах я думаю, что имею право настаивать на совещании глав отделов с тем, чтобы лично сообщить им свои рекомендации...

Будь у него время, он бы выставил руку и защитил себя. Слишком поздно он увидел, что Кент разъярен более, чем он это подозревал.

—Ловко, а!—в ярости бросил химик.

Его рука поднялась. Раскрытой ладонью он ударил Гросвенфа по лицу и снова заговорил сквозь сжатые зубы:

—Так вы больны, да? Люди со странными болезнями иногда оказываются не в своем уме и за ними требуется строгий надзор, потому что в состоянии помешательства они способны напасть на любимых друзей.

Гросвенф уставился на него затуманенным взглядом. Он поднес руку к лицу. Из-за лихорадки и слабости он плохо соображал. С некоторым трудом он сунул в рот таблетку противоядия. При этом он делал вид, будто держится за щеку в том месте, по которому его ударил Кент. Проглотив таблетку, он произнес дрожащим голосом:

—Пусть так, моя психика не в порядке, ну и что?

Если Кент и был удивлен его реакцией, то не показал этого. Он только спросил:

—Чего вы, собственно, добиваетесь?

Несколько мгновений Гросвенф боролся с тошнотой. Когда это чувство прошло, он ответил:

—Я хочу, чтобы вы начали работу, направленную на то, чтобы объяснить всем членам экспедиции необходимость принять сознательное решение о продолжении путешествия еще на пять лет из-за того, что был обнаружен враждебный интеллект. Вот пока и все. Когда вы сделаете это, я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Он почувствовал улучшение—противоядие начало действовать. Лихорадка прошла. И он имел в виду именно то, что говорил. Его план оставался в силе. На любой стадии Кент, или позже вся группа, могли принять его предложение, и это было бы концом стратегической стадии.

Кент дважды разжал губы, как будто намереваясь заговорить, и каждый раз снова закрывал рот. Наконец он произнес с глубоким изумлением:

—Это все, что вы хотите предложить?

Палец Гросвенфа все это время лежал на кнопке, вделанной в боковую часть его кровати, готовый нажать на нее в любое мгновение.

—Клянусь, вы получите то, что хотите!

Кент резко возразил:

—Об этом не может быть и речи. Я не могу позволить себе подобного безумия. Люди не вынесут и одного добавочного года.

—Ваше присутствие здесь указывает на то, что вы не считаете мое решение безумным.

Кент сжал кулаки, потом разжал их.

—Это невозможно! Как я мог бы объяснить такое главам отделов и их помощникам?

Наблюдая за этим маленьким человеком, Гросвенф понял, что кризис близок.

—Вам не придется им это объяснять. Все, что вам придется сделать,—это пообещать дать информацию.

Один из его помощников, наблюдавший за выражением лица Кента, заговорил:

—Послушайте, шеф, этот человек кажется не понимает, что разговаривает с директором. Как насчет того, чтобы мы ему это объяснили?

Кент, собиравшийся сказать что-то еще, осекся. Он отступил, облизывая губы и злобно кивнул.

—Вы правы, Бредер. Я не понимаю, зачем вообще я

вязался в этот спор. Подождите минутку, я закрою дверь, а потом...

Гросвенф угрожающе предостерег Кента:

— На вашем месте я бы не стал ее запирать. Я подниму по тревоге весь корабль.

Кент, уже дотянувшийся до двери, остановился и оглянулся. На его физиономии застыла жестокая ухмылка.

— Так, так, так... — злобно ощерил он длинные зубы. — Мы доберемся до вас и при открытых дверях. Начинайте...

Двое служащих шагнули вперед.

— Бредер, вы слышали когда-нибудь о репферальном электростатическом заряде? — спросил Эллиот. Видя их колебания, он продолжил: — Только дотроньтесь до меня, и сразу увидите. Ваши руки покроются волдырями, а лицо...

Оба помощника выпрямились и отшатнулись. Блондин Бредер тревожно взглянул на Кента, который сердито сказал:

— Количество находящегося в человеческом теле электричества не убьет и мухи!

Гросвенф покачал головой.

— Вы, мистер Кент, кажется, немного не в себе. Электричество не в моем теле, но оно не будет в вашем, если вы дотронетесь до меня.

Кент вытащил вибратор и подчеркнуто стал его настраивать.

— Назад! — скомандовал он помощникам. — Я хочу дать ему порцию в одну десятую секунды. От этого он не лишится сознания, но все молекулы его тела придут в движение.

Гросвенф спокойно предупредил, улыбаясь:

— Я ее не получу, Кент, вы ошибаетесь.

Тот либо не слышал, либо был слишком зол, чтобы обращать внимание на предупреждение. В глаза Гросвенфу ударил блеск вспышки. Послышалось шипение, треск, и Кент закричал от боли. Гросвенф увидел, что Кент пытается отбросить оружие, но оно никак не хотело отставать от его руки. В конце концов вибратор упал на пол с металлическим лязгом. В шоке, Кент молча стоял вцепившись в поврежденную руку.

Жалостливым тоном Гросвенф осведомился:

— Почему вы не послушались? Эти странные экраны содержат высокий энергетический потенциал, а поскольку вибратор ионизировал воздух, вы получили электрический удар, который одновременно уничтожил энергию вашего заряда. Надеюсь, вы не слишком обожглись?

Кент уже взял себя в руки. Он был бледен и напряжен, но спокоен.

— Это дорого вам обойдется, — зловеще прошипел он. — Когда все узнают о том, что один человек пытался силой заставить их... — Он оборвал себя и нетерпеливо махнул помощникам. — Идемте, мы и так потеряли здесь много времени.

Через десять минут после их ухода пришел Рондер. Гросвенфу пришлось несколько раз терпеливо объяснять, что он уже не болен. Еще более долгим был разговор с доктором Эгартом, которого вызвал санитар. Гросвенфа не беспокоило возможное разоблачение. Для того, чтобы обнаружить принятый им наркотик, нужно было твердое подозрение плюс тщательное обследование. В конце концов, они оставили его в покое, приказав оставаться в своем отделе не меньше суток. Гросвенф уверил их в том, что будет следовать инструкциям, и он действительно намеревался сидеть на месте. На время предстоящих событий, некий специальный отдел должен был стать его крепостью. Он не знал в точности, что могло быть против него использовано, но был готов ко всему настолько, насколько это было в его силах и возможностях.

Примерно через час после ухода доктора в металлическом почтовом желобе послышалось звяканье. Это было извещение от Кента о созыве совещания согласно просьбе Эллиота Гросвенфа. Оно вытескало из первого письма Кента, игнорируя все последующие события. Печатная форма заканчивалась следующими словами:

«В виду последующих действий мистера Гросвенфа исполняющий обязанности директора считает, что имеет право на детальный разбор дела».

Под замечанием Гросвенфа Кент от руки написал:

«Дорогой мистер Гросвенф, так как Вы больны, я проинструктировал штат мистера Гурлея о том, чтобы он связал Ваш коммуникатор с контрольным пунктом, так что Вы можете решать все вопросы и участвовать в совещании, не поднимаясь с кровати. В других отношениях встреча сохранит все привилегии секретности».

В назначенный час Эллиот настроился на контрольный пункт. Когда появилось изображение, он обнаружил, что все помещение видно как на ладони, а сигнал из его отдела выведен на большой коммуникатор, находящийся над массивным контрольным щитом. В этот момент лицо Эллиота занимало весь десятифутовый экран.

—Да,—пробормотал Гросвенф,—впервые мое присутствие на совете столь заметно.

Беглый осмотр помещения показал, что большая часть глав отделов уже заняла свои места. Как раз под экраном Кент разговаривал о чем-то с капитаном Личем. Вероятно, это был конец разговора, потому что он посмотрел на Гросвенфа, криво улыбнулся и повернулся к небольшой аудитории. Гросвенф заметил повязку на левой руке Кента.

—Джентльмены,—начал совещание Кент.—Без предварительного вступления я хочу сразу передать слово мистеру Гросвенфу.—Он снова взглянул на экран коммуникатора и на его физиономии появилась все та же свирепая улыбка.—Мистер Гросвенф, вам слово.

—Джентльмены, около недели назад я получил достаточно сведений для того, чтобы утверждать, что наш корабль подвергается воздействию со стороны чужого интеллекта, находящегося в этой галактике. Это, может, звучит несколько панически, но это всего лишь горький факт, который я могу предложить вам в своей интерпретации на основе доступных мне сведений. Я не могу доказать никому из присутствующих, что такие существа действительно есть. Некоторые из вас согласятся с разумностью моих доводов, другие, не имеющие знаний в специальных областях, решат, что мое заключение голословно. Я изучил проблему и долго думал о том, как убедить вас, что мое решение является единственно верным. Одним из аргументов в его пользу будет сообщение об экспериментах, которые я проделал.

Он не упомянул о том факте, что уже применил некоторые уловки для того, чтобы его вообще выслушали. Несмотря на все случившееся, он не хотел обострять отношения с Кентом более, чем это было необходимо.

—Теперь я хочу связаться с мистером Гурлеем,—продолжил он.—Я уверен, что вы не будете слишком удивлены, когда я скажу, что речь идет об автоматическом устройстве С-9. Я бы хотел знать, сообщили ли вы о нем своим коллегам?

Начальник отдела связи взглянул на Кента, который небрежно кивнул.

—Невозможно сказать точно, когда С-9 вступит в действие. Тем, кто о нем не слышал, сообщаю, что С-9 является малым экраном, который автоматически вводится в действие, когда пыль в окружающем пространстве достигает плотности опасной для движения корабля. Очевидно, плотность пыли в любом данном объеме выше, конечно,

при высокой скорости, чем при низкой. Тот факт, что количество активной пыли космоса вокруг достаточно, чтобы ввести в действие С-9, был замечен впервые членами моего отдела незадолго до того, как эти ищеры возникли в контрольном пункте.—Гурлей откинулся на спинку кресла и буркнул:—У меня все!

—Мистер Ван Гроссен,—спросил Гросвенф,—что обнаружил ваш отдел, исследуя пыль этой галактики?

Тучный Ван Гроссен выпрямился на стуле и, не вставая, произнес:

—Ничего такого, что мы могли бы рассматривать как удивительное или необычное. Она несколько плотнее, чем в нашей собственной галактике. Мы собрали небольшое количество пыли на ионизированных пластинках и сняли осадок. Вещество оказалось довольно простым: в нем присутствовали несколько элементов в чистом виде и следы многих соединений, которые могли быть образованы в момент конденсации, а также небольшое количество свободного газа, главным образом водорода. Теперь вся трудность состоит в том, что то, что мы получили, возможно, имеет очень небольшое сходство с пылью в том виде, в котором она обычно присутствует в пространстве, но проблема получения ее в истинной форме, по всей вероятности, никогда не будет разрешена удовлетворительно. Процесс формирования структуры пыли был, видимо, очень продолжительным. Мы можем лишь догадываться о том, как она функционирует в пространстве.—Физик беспомощно развел руками.—Это все, что я могу пока сообщить.

Гросвенф не стал упускать инициативу и продолжил:

—Я мог бы и дальше спрашивать глав различных отделов о том, что им удалось узнать. Но я уверен в том, что могу суммировать изложенные и неизложенные открытия, не будучи к кому-либо несправедливым. И отдел мистера Скита, и отдел мистера Кента занимаются почти той же проблемой, что и мистер Ван Гроссен. Я уверен, что мистер Скит различными способами насытил атмосферу клетки пылью. Животные, которых он запускал в клетку, не проявляли никаких признаков беспокойства, так что он, в конце концов, провел испытание на себе. Мистер Скит, можете ли вы к этому что-нибудь добавить?

Скит качнул головой.

—Если это форма жизни, то мне вы этого доказать не сможете. Я допускаю, что в самый тесный контакт с этим веществом все мы вступили в тот момент, когда заходили в спасательную шлюпку, сначала открыв люк в вакууме, а

затем заполнив шлюпку воздухом. В химическом составе воздуха возникли небольшие изменения, но ничего особенного.

—Достаточно для фактических данных. Я тоже проделал эксперимент, вывел спасательную шлюпку и впустил в нее пыль из пространства через открытые двери. Вот чем я интересовался... Если это жизненная форма, то чем она питается? Поэтому, впустив воздух в шлюпку, я проделал его анализ. Затем я убил пару маленьких животных и вновь сделал анализ атмосферы. Я послал образцы, и первый, и второй—мистеру Кенту, мистеру Скиту и мистеру Ван Гроссену. В пробах есть очень незначительные различия. Дело могло заключаться в аналитической ошибке. Но мне бы хотелось попросить мистера Ван Гроссена рассказать, что он обнаружил.

Ван Гроссен мигнул и выпрямился.

—Разве это доказательство?—спросил он с удивлением. Потом он развернулся на сидении и оглядел, нахмурившись, своих коллег.—Я не придаю этому особого значения, но молекулы воздуха в пробе под номером два несут в себе более высокий электрический заряд.

Это был решающий момент. Гросвенф, глядя на повернутые к нему лица, подождал, пока свет непонимания не зажегся, по крайней мере, в паре глаз. Люди сидели неподвижно, с застывшим на лицах озадаченным выражением. Наконец один из них сухо проговорил:

—Я полагаю, от нас ожидают, что мы придем к заключению о том, что имеем дело с туманно-пылевой формой жизни и разума. Для меня это слишком. Подобного мне не переварить.

Гросвенф ничего не сказал. Умственное усилие, которого он от них ожидал, оказалось даже более продолжительным, чем можно было предположить, но ни к чему не привело. Чувство разочарования становилось у него все сильнее. Эллиот начал готовиться к следующему шагу.

—Давайте, давайте, мистер Гросвенф!—резко сказал Кент.—Объяснитесь, может мы и переменим свое мнение.

Гросвенф нсохотно начал:

—Джентльмены, меня чрезвычайно беспокоит ваша неспособность осознать значение этого факта. Я предвижу большие затруднения. Войдите в мое положение. Я сообщил вам конкретные данные, включая описание эксперимента, который привел меня к идентификации нашего врага. Уже ясно, что мои выводы будут рассматриваться как

весьма противоречивые. И все же, если я прав, а я убежден в этом, отказ от продуманных мною действий приведет к гибели человеческой расы и всей остальной жизни во Вселенной. Но вот в чем сложность. Если я рассказываю вам обо всем, то решение ускользает из моих рук. Решать будет большинство, и, насколько я это себе представляю, это решение не даст никакой законной возможности его избежать.

Он замолчал, давая собравшимся возможность обдумать сказанное. Кое-кто озабоченно переглядывался.

— Подождите, — проговорил Кент, — мне уже приходилось стучаться в непробиваемую стену эгоизма этого человека.

Это было первое на совещании враждебное замечание. Гросвенф бросил на Кента быстрый взгляд и, отвернувшись от него, продолжил:

— Мне, джентльмены, выпал несчастный жребий. Я должен проинформировать вас о том, что при сложившихся сверхсложных обстоятельствах рассматриваемая нами проблема перестает быть научной и становится политической. Учитывая это, я должен настаивать на принятии моего решения проблемы. Необходимо провести большую работу, в ходе которой исполняющий обязанности директора Кент и главы отделов разъяснят потребность того, что «Космическая Гончая» должна провести в космос дополнительное время, равное пяти земным годам. Я сообщу вам свои доводы, но я хочу, чтобы каждый из вас уяснил себе, что рискует в этом деле безвозвратно потерять свою репутацию и доброе имя. Опасность, насколько я ее вижу, является такой всеобъемлющей, что любая происшедшая между нами стычка, даже самая мелкая, может стать роковой, если учитывать время, на которое мы отдалимся от решения проблемы. — Он коротко изложил им, в чем заключается опасность. Потом, не обращая внимания на их реакцию, обрисовал свой метод борьбы с опасностью, как он его видел. — Нам придется найти планеты, содержащие железо, и наладить массовое производство автоматических торпед. Как я себе представляю, нам придется затратить около года, пересекая галактику и наугад посылая торпеды. А потом, когда мы сделаем весь этот участок пространства невыносимым для их существования, мы улетим, предоставив им возможность следовать за нами. У них не останется никакого иного выхода, кроме как увязаться за нашим кораблем в надежде на то, что мы приведем их к лучшему источнику еды, чем тот, который они имели

здесь. Большую часть времени мы проведем в полете, уводящем их от нашей Галактики. Итак, джентльмены, теперь вы все знаете. Но выражение ваших лиц, я вижу, показывает, что реакция будет различной, и что вы стоите на пороге одного из тех противоречий, о которых я упоминал.

Эллиот замолчал. Наступила гнетущая тишина, потом один из присутствующих проронил:

—Пять лет...

Это был почти вздох, и он подействовал как сигнал. Всех присутствующих охватила тревога.

Гросвенф напомнил:

—Земных лет!

Он умышленно подчеркивал это обстоятельство. Он намеренно выбрал способ более продолжительной оценки времени с тем, чтобы переведенное в принятую на корабле систему отсчета, оно казалось несколько меньшим. Дело было в том, что звездное время, с его стоминутным часом, двадцатичетырехчасовыми сутками и трехсотшестидесятидневным годом было психологически оправданно. Приспособившись к длинному дню, люди забывали, что по земному календарю проходило гораздо больше времени.

По той же аналогии, он ожидал, что ученые ощутят облегчение, поняв, что дополнительное время укладывается на самом деле в три звездных года.

—У кого будут замечания?—осведомился Кент.

—Я не могу полностью согласиться с анализом мистера Гросвенфа,—с горечью сказал Ван Гроссен.—Я питаю к нему огромное уважение за его прошлые действия, но он просит нас принять на веру то, что, я уверен, мы могли бы понять, если бы у него действительно были неоспоримые доказательства. Я отклоняю положение о том, что незналист играет настолько важную роль в интеграции науки, что лишь индивидуальное обучение его методам может нести в себе надежду на более глубокое проникновение в суть происходящего.

—Неужели вы можете отрицать, и притом весьма категорически, то, что никогда не побеспокоились изучить?!—возмутился Гросвенф.

—Возможно,—пожал плечами Ван Гроссен.

—Насколько я понял,—вступил в дискуссию Зеллер,—суть сказанного состоит в том, чтобы потратить много лет и усилий, чтобы получить лишь косвенные и неопределенные доказательства того, что план срабатывает.

После некоторых колебаний Гросвенф решил, что дру-

того выхода нет и ответил, рискуя навлечь на себя общий гнев. Предмет дискуссии был слишком важным. Он не мог считаться с их чувствами. Эллиот твердо заявил:

—Я узнаю, а если кто-нибудь из вас придет в нескзимальный отдел и выучится кое-чему из нашей технологии, то и он поймет, когда придет время.

—Мистер Гросвенф всегда стоит за подобную возможность,—мрачно сказал Скит.—Он вечно предлагает нам обучение, чтобы мы могли достичь его уровня.

—Есть еще замечания?—это опять был Кент. Его голос звучал резко и напряженно от неумения скрыть свой предстоящий триумф.

Некоторые из собравшихся хотели выступить, но передумали.

Кент торжествующе продолжал:

—Чем зря терять время, нам, я думаю, следовало бы проголосовать по поводу сообщения мистера Гросвенфа. Я думаю, что, в основном, все мы испытываем одинаковые чувства.

Он медленно прошел вперед. Гросвенф не мог видеть его лица, но в том, как держали себя остальные, был вызов.

—Давайте приступим к голосованию,—настаивал Кент.—Прошу поднять руки всех, кто одобряет методы мистера Гросвенфа, которые требую пяти дополнительных лет в космосе.

Ни одной руки не поднялось вверх.

Кто-то проворчал:

—Следовало бы повременить, чтобы обсудить все это.

Кент не стал спешить с ответом, и после некоторых размышлений сказал:

—Нам нужно получить решение сейчас. Для всех важно знать, что думают главы отделов корабля. Теперь поднимите руки те, кто твердо против.

Все, кроме троих, подняли руки. Гросвенф разглядел, что это были Корита, Мак-Кен и Ван Гроссен. И тут же он обнаружил, что капитан Лич, стоявший возле Кориты, тоже воздержался.

Гросвенф быстро проговорил:

—Капитан Лич, сейчас как раз тот момент, когда вы, опираясь на конституционные права, можете требовать контроля над кораблем. Опасность очевидна.

—Мистер Гросвенф,—медленно промолвил капитан Лич,—это было бы правдой, если бы враг был видим. При существующем же положении дел я могу действовать только руководствуясь советом ученых специалистов.

—Такой специалист на корабле только один,—холодно проронил Гросвенф.—Остальные лишь любители, барахтающиеся на поверхности фактов.

Замечание, казалось, ошеломило большинство присутствующих. Несколько человек одновременно заговорили, но сразу осеклись и погрузились в сердитое молчание.

Наконец капитан Лич абсолютно спокойно произнес:

—Мистер Гросвенф, я не могу согласиться с вашим голословным утверждением.

—Что ж, джентльмены, наконец-то мы знаем истинное мнение о нас мистера Гросвенфа,—язвительно заметил Кент.

Самого его, казалось, фраза Гросвенфа ничем не затронула. Все его поведение было проникнуто иронией. Он забыл, что в функции исполняющего обязанности директора входит поддержание атмосферы вежливости и доброжелательности.

Его сердито оборвал Мердер, глава отдела ботаники.

—Мистер Кент, я не понимаю, как вы можете оставлять без внимания подобное наглое заявление?

—Вот это верно,—поддержал ботаника Гросвенф.—Боритесь за свои права. Вся Вселенная подвергается смертельной опасности, но для вас главное—поддержать свое достоинство.

Первый раз с тревогой в голосе заговорил Мак-Кен:

—Корита, если может существовать форма жизни, подобная той, которую описал Гросвенф, то как это согласовывается с цикличностью истории?

Археолог печально покачал головой.

—Боюсь, что очень незначительно. Примитивную жизненную форму мы можем принимать без доказательств. Свидетельства достоверности теории цикличности истории находят гораздо больше доказательств здесь, среди моих друзей. Я вижу их в удовольствии нанести поражение человеку, который заставлял нас чувствовать себя настолько тревожно из-за обширности своих знаний. Я вижу их во внезапно развившейся эгомании этого человека,—он с упорком посмотрел на изображение Гросвенфа.—Мистер Гросвенф, заявление, сделанное вами, глубоко меня разочаровало.

—Мистер Корита,—мрачно заявил Гросвенф.—Если бы я выбрал для себя другую линию поведения, то уверяю вас, я был бы лишен привилегий выступить перед этими высокочтимыми джентльменами, многими из которых я восхищаюсь и сказать им то, что продолжаю утверждать со всей серьезностью.

—А я,—сказал Корита,—уверен в том, что члены экспедиции сделают все необходимое, невзирая на личные жертвы.

—В это трудно поверить,—возразил Гросвенф.—Я чувствую, что многие из них находятся под влиянием того факта, что мой план потребует пяти добавочных лет, проведенных в пространстве. Я настаиваю на том, что это жесткая необходимость, и уверяю вас—выбора нет! По правде говоря, я ожидал подобного результата и готовился к нему.—Теперь он обращался ко всем.—Джентльмены, вы вынудили меня на действия, о которых, уверяю вас, я сожалею больше, чем могу это выразить словами. Выслушайте меня внимательно. Это мой ультиматум!

—Ультиматум?!—это был Кент, удивленный и внезапно побледневший.

Гросвенф не обратил на него никакого внимания.

—Если к десяти часам завтрашнего дня мой план не будет одобрен, я захвачу корабль. Каждый, находящийся на корабле, будет делать то, что я ему прикажу, нравится ему это или нет. Я, естественно, ожидаю, что находящиеся на борту ученые применят все свои знания, чтобы предотвратить мою попытку захвата корабля. Тем не менее, сопротивление будет бесполезно.

Начавшийся вслед за этими словами общий ропот все еще продолжался, когда Гросвенф прервал связь между своим коммуникатором и контрольным пунктом...

ГЛАВА XX

Прошел примерно час после окончания совещания, когда Гросвенф получил вызов по коммуникатору от Мак-Кена.

—Я бы хотел зайти,—сказал геолог.

—Давайте,—весело разрешил Гросвенф.

Лицо Мак-Кена выразило сомнение.

—Я уверен, что у вас в коридоре ловушка.

—Ну, думаю, что можно назвать это так,—согласился Гросвенф,—но вам она вреда не причинит.

—А что, если я ищу способ прикончить вас?

—Здесь, в моих комнатах,—заявил Гросвенф с твердостью, которая, он надеялся, подействует на всех служащих,—вы не смогли бы убить меня даже дубинкой.

Мак-Кен заколебался, но все же произнес:

—Я сейчас приду!—и прервал связь.

Вероятно, он находился очень близко, поскольку прошло меньше минуты, когда спрятанный в коридоре детек-

тор возвестил о его приближении. Голова и плечи Мак-Кена показались на экране коммуникатора и реле переключилось в необходимое положение. Поскольку это была часть процесса автоматической защиты, Гросвенф прервал его действие вручную.

Через несколько секунд в открытую дверь вошел Мак-Кен. Он потоптался у порога и шагнул вперед, качая головой.

—Я все же беспокоился. Несмотря на ваше уверение, у меня было такое чувство, будто на меня направлены батареи орудий,—он впился в лицо Гросвенфа ищущим взглядом.—Вы просто запугиваете?

—Я и сам немного обеспокоен. Док, вы потрясли меня своей прямоотой. Честно говоря, я не ожидал, что вы придете сюда с бомбой.

У Мак-Кена был озадаченный вид.

—Но я не пришел ведь... Если ваши приборы показали что-нибудь подобное...—он замолчал, снял пиджак и стал шарить по одежде. Его лицо побледнело, когда он вытащил тонкий серый предмет двухдюймовой длины.—Что это?—удивленно спросил он.

—Устойчивый сплав плутония.

—Радиоактивный?

—Нет, нет, вовсе не радиоактивный. Но он может быть превращен в радиоактивный газ лучом трансмиттера высокой частоты. От него у нас обоих были бы радиоактивные ожоги.

—Грос, я клянусь, что ничего не знал об этом!

—Вы говорили кому-нибудь о том, что собираетесь ко мне?

—Естественно... Вся эта часть корабля блокирована.

—Иными словами, вам пришлось просить разрешения?

—Да, у Кента.

—Я хочу, чтобы вы как следует подумали о случившемся. Говорил ли вам Кент во время разговора, что в комнате слишком жарко?

—Э... э... да. Теперь я вспомнил. У меня было чувство, что я задыхаюсь.

—Сколько это длилось?

—Секунду или чуть больше.

—Это означает, что вы были без сознания десять минут. Выходит, эта сволочь воздействовала на вас наркотиком. Возможно, я смогу узнать, какую точно дозу вы получили. Нужен анализ крови.

—Я не возражаю, если вы его сделаете. Это докажет...

Гросвенф качнул головой.

— Это докажет только то, что вы подверглись подобному действию, но не докажет того, что вы пошли на него непреднамеренно. Для меня гораздо более убедительным является факт, что ни один человек в здравом уме не позволит, чтобы в его присутствии был распылен сплав Руа-72. Согласно моему автоматическому аннулирователю, они уже целую минуту пытаются это проделать.

Мак-Кен мгновенно побелел.

— Ерос, я кончил с этим хищником. Я признаю, что был в состоянии конфликта с вами и согласился доложить ему о результатах нашего разговора, но я намеревался предупредить вас, что сделаю подобное сообщение.

Гросвенф добродушно улыбнулся.

— Все в порядке, док. Я вам верю. Садитесь.

— А что с этим? — Мак-Кен протянул ему «бомбу».

Гросвенф взял ее и отнес в маленький контейнер для радиоактивных материалов, имеющийся в его отделе. Вернувшись, он сел и сказал:

— Думаю, что на нас будет совершенно нападение. Единственный для Кента путь известить остальных о том, что он сделал, это убедиться предварительно в том, что мы были спасены вовремя для того, чтобы получить лечение от радиоактивных ожогов. Мы можем вести наблюдение с помощью этого экрана.

Прежде всего нападение было отмечено несколькими электронными детекторами и электронным глазом. На приборном щитке заиграли слабые световые сигналы, зазвенел звонок. Потом на большом экране, находящемся над аппаратурой, они увидели изображение нападающих. Около дюжины мужчин в скафандрах появились из-за дальнего угла и двинулись вдоль коридора. Гросвенф узнал Ван Гроссена и двух его помощников из физического отдела, четырех химиков, двое из которых были из биохимического сектора, троих специалистов по коммуникации из отдела Гурлея и двух офицеров. Трое солдат держались позади, толкая передвижной вибратор и тепловую пушку с диспенсер-бомбой.

— Отсюда есть еще один выход? — с тревогой осведомился Мак-Кен.

Гросвенф кивнул.

— Он тоже охраняется.

— Как насчет низа и потолка?

— Наверху цейхгауз, внизу кинозал. Оба помещения находятся под контролем.

Они замолчали. Потом, когда группа людей остановилась в коридоре, Мак-Кен заговорил вновь:

—Я удивлен, что с ними Ван Гроссен. Я считал, что он восхищается вами.

—Я обидел его, назвав его, как и других, любителем. Он хочет сам посмотреть, что я могу сделать.

Нападающие остановились в коридоре посоветоваться, а Гросвенф продолжал.

—А что, собственно, привело вас сюда?

Мак-Кен смотрел на экран.

—Я хотел, чтобы вы знали о том, что вы не один. Несколько человек просили меня передать вам, что они с вами,—он тут же оборвал себя.—Не стоит об этом сейчас, пока все это происходит. Чуть позже...

—Сейчас такое же подходящее время, как любое другое.

Мак-Кен, казалось, не слышал.

—Не понимаю, как вы собираетесь их остановить?—забеспокоился он.—У них достаточно мощное оружие, чтобы уничтожить стены вашего отдела.

Гросвенф ничего не ответил. Мак-Кен посмотрел ему в лицо и сказал:

—Буду с вами откровенен. Мое положение сейчас двойственно. Я чувствую, что вы правы. Но ваши методы для меня не слишком этичны,—он, казалось, забыл о том, что происходит на экране.

—Есть только одна тактика, приемлемая для меня, и она состоит в том, чтобы прокатить на выборах Кента. Сейчас он всего лишь исполняющий обязанности директора и не был выбран законным путем. Я мог бы, может быть, добиться проведения выборов в течение ближайшего месяца.

—Почему же вы не захотели этого сделать?

—Потому что,—ответил Гросвенф, передернув плечами,—я боюсь. То, что находится за пределами нашего корабля, практически истощено до смерти. А это означает следующее: в любой момент оно может попытаться захватить другую галактику, и этой галактикой вполне может оказаться наша. Мы не можем ждать месяц.

—И все же,—нахмурился Мак-Кен,—ваш план состоит в том, чтобы лететь из этой галактики, и это, как вы утверждаете, займет целый год.

—Вы когда-нибудь пытались отобрать еду у хищника? Он ведь будет пытаться удерживать ее при себе, не так ли? Моя идея состоит в том, что поняв, что мы хотим от него

удрать, это существо станет гнаться за нами столько времени, сколько сможет.

—Понимаю,—кивнул Мак-Кен.—Если это так, то ваш шанс одержать победу на выборах практически равен нулю и вы должны с этим согласиться.

Гросвенф энергично покачал головой.

—Я бы победил. Вы можете не поверить мне на слово, но то, что люди, подверженные влиянию желаний, волнений или амбиций, легко поддаются контролю, является непреложным фактом. Я не изобретал используемых мной теорий. Они известны столетиями. Но исторические попытки проанализировать их не имели успеха до недавних пор, пока связь психиатрии с психологией не дала для этого прекрасную теоретическую базу. Некзимальное же обучение привело к разработке определенных технических процессов.

Мак-Кен долго обсасывал в уме услышанное и, наконец, спросил:

—Каким же вы видите будущее человечества? Вы считаете, что оно принадлежит некzialiзму?

—На борту этого корабля это необходимо. Для всей же расы в целом—такое пока невозможно. Тем не менее, если смотреть вперед, то никому не стоит отказываться от возможного получения знаний. Зачем людям от этого отказываться? Зачем стоять под небом своей планеты с умным видом и с позиций суеверия и невежества решать важнейшие жизненные проблемы, повинувшись тем, кто их дурачит? Погибшая цивилизация земной античности—прекрасное свидетельство тому, что случается с человеком, когда он слепо реагирует на ситуацию или полностью зависит от авторитарных доктрин. В настоящий момент возможно достижение менее глобальной цели. Мы должны сделать человека скептиком. Крестьянин с острым, хотя и неразвитым умом, которому показывают конкретные доказательства, является прообразом ученого. На каждом уровне понимания скептик частично возмещает отсутствие специфических знаний требованием: «Покажи мне! Я готов принять новое, но то, что ты говоришь, не может убедить меня само по себе».

Мак-Кен был задумчив.

—Вы, некzialiсты, стараетесь разбить теорию цикличности истории. Ведь это у вас на уме, не так ли?

—Признаюсь, что до встречи с Коритой, я не сознавал ее важности,—поколебавшись, признался Гросвенф.—Она произвела на меня огромное впечатление. Насколько я се-

бе представляю, теория может вынести огромное количество повторений. Такие слова, как «раса» и «кровь», совершенно бессмысленны, но шаблон—как раз то, что для нее подходит.

Мак-Кен вновь перенес свое внимание на нападающих. Он озадаченно заметил:

—Мне кажется, что они довольно долго совещаются, пора бы и начать. Я думал, что они все спланировали перед тем, как зайти так далеко.

Гросвенф ничего не сказал. Мак-Кен бросил на него внимательный взгляд.

—Минуточку,—произнес он,—они ведь не могут пройти сквозь вашу защиту, не так ли?

Хотя Гросвенф опять не ответил, Мак-Кен вскочил на ноги, подошел почти вплотную к экрану и стал наблюдать за происходящим. Он внимательно разглядывал, что делают двое людей, стоявших на коленях.

—Но чем они занимаются?—удивился он.—Ничего не понимаю!

Гросвенф заколебался, но все же объяснил:

—Они пытаются удержаться от того, чтобы не провалиться сквозь пол,—несмотря на все его усилия оставаться спокойным, его голос дрожал от волнения.

Мак-Кен не понимал того, что все происходящее на их глазах было интересным и для самого Гросвенфа. Конечно, Гросвенф уже давно шел к этому. Но сейчас он впервые применил на практике свои новые знания. Он предпринимал действия, которые никогда и никем не предпринимались ранее. Он использовал явления, изучаемые многими науками, приспособив их для своих целей и требований окружения, в котором он находился.

Все шло так, как он и ожидал. Его знания, такие глубокие и имеющие великолепную основу, не оставляли места для ошибки. Но физическая реальность происходящего все же поразила его, несмотря ни на что.

Мак-Кен сделал шаг назад и осведомился:

—Пол рухнет?

—Вы не поняли. Пол остался таким же, но они в него погружаются. Если они углубятся еще, то пройдут его насквозь,—он рассмеялся, внезапно развеселившись.—Хотелось бы мне видеть физиономию Гурлея, когда его помощники сообщат о происшедшем. Чтобы получить такой эффект, были использованы идеи различных областей знаний—телепортация, теория гиперпространства, нефтяная геология и растительная химия.

—Причем тут геология?—воскликнул Мак-Кен и умолк.—Будь я проклят! Вы имеете в виду старый способ получения нефти без бурения. Мы создаем на поверхности условия, при которых вся нефть поднимается на поверхность.—Он нахмурился.—Погодите, ведь имеется фактор...

—Есть дюжина факторов, мой друг,—улыбнулся Гросвенф и спокойно продолжил:—Повторяю, это комбинированный процесс, все составляющие которого действуют в тесной взаимосвязи.

—Почему же вы тогда не использовали этот трюк против кота и алого дьявола?

—Я уже говорил вам, что использовал данную ситуацию. Я потратил массу времени, налаживая оборудование. При борьбе с нашими врагами-пришельцами у меня такого шанса не было. Поверьте, если бы я осуществил контроль над кораблем, мы бы не потеряли столько жизней ни в одном из инцидентов.

—Почему же вы не взяли его под контроль?

—Было слишком поздно, у меня не оставалось времени. Кроме того, корабль был построен за несколько лет до возникновения «Некзимального общества». Нам вообще повезло, что мы получили отдел на этом корабле.

—Но я не понимаю, как вы собираетесь захватить завтра корабль, ведь это потребует вашего выхода из лаборатории.—Он замолчал, взглянул на экран и еле слышно произнес:—Они принесли дегравитатор и собираются поднять ваш пол.

Гросвенф ничего не ответил: он уже заметил это.

ГЛАВА XXI

Дегравитаторы действовали по тому же принципу, что и анти-акселераторы. Реакция, происходящая в предмете, когда побеждалась сила инерции, была признана при исследованиях молекулярным процессом, который, однако, не являлся свойством структуры вещества. Анти-акселерация слегка изменяла орбиты электронов. Это, в свою очередь, создавало молекулярное напряжение, вызывая в результате небольшую, но всеобъемлющую перестройку. Измененная таким образом материя освобождалась от естественных процессов ускорения или торможения. Корабль, подвергнутый действию анти-акселерации, мог моментально остановиться во время полета, даже если скорость его достигала миллионов миль в секунду.

Группа, пытающаяся проникнуть в отдел Гросвенфа,

подняла все оборудование на металлические балки. Нападающие сами забрались туда же и, настроив приборы, двинулись по направлению к открытой двери нексиального отдела, находящейся в двухстах футах.

Таким образом они приблизились на пятьдесят футов, затем их движение замедлилось и совсем прекратилось. Они попятились назад и вновь остановились.

Гросвенф отошел от своих приборов и сел возле озадаченного Мак-Кена.

—Что вы делаете?—поинтересовался геолог.

—Как видите, они используют передвижение с помощью направленных магнитов. Я создал отталкивающее поле, которое само по себе не новость в науке. Но этот его вариант является частью температурного процесса более родственного тому, с помощью которого вы и я поддерживаем постоянную температуру внутри наших тел, или тому, который действует при физическом нагревании. Теперь им придется использовать реактивное движение, обычный винт или даже,—он рассмеялся,—весла.

Мак-Кен, взгляд которого был прикован к экрану, мрачно проронил:

—Похоже, что они не беспокоятся. Они собираются усилить мощность нагревателя. Лучше закройте дверь.

—Подождите!

Мак-Кен не успокаивался:

—Но жар проникнет сюда, и мы сторим.

Гросвенф покачал головой.

—Я не объяснил вам то, что я сделал. Все это является частью процесса поглощения температуры. Получив новую порцию энергии, все металлическое окружение будет стараться удержать свое равновесие на несколько более низком уровне. Вот, смотрите.

Передвижной нагреватель стал таким белым, что Мак-Кен хрипло прошептал:

—Иней... но теперь...

На их глазах стены и полы покрылись льдом. Отблески огня играли на их гладкой поверхности, в дверь пахнуло холодом.

—Температура...—пробормотал Мак-Кен,—более низкий уровень.

Гросвенф поднялся.

—Полагаю, что им пора возвращаться. В конце концов, я не желаю, чтобы с ними что-то случилось.

Он подошел к стоящему у одной из стен аудитории аппарату и сел на стул перед компактной шкалой управле-

ния. На ней были маленькие разноцветные кнопки. В каждом ряду их было двадцать пять, столько же было и рядов.

Мак-Кен подошел ближе и склонился над прибором.

—Что это? Не помню, чтобы мне приходилось видеть его раньше.

Быстрыми, почти незаметными движениями, Гросвенф нажал на семь кнопок, потом повернулся и коснулся главного рубильника. Послышались металлические звуки. Они дрожаги в воздухе несколько часов, потом постепенно исчезли.

Гросвенф поднял голову и спросил:

—Какие ассоциации они у вас вызвали?

На лице Мак-Кена застыло странное выражение.

—Перед моими глазами возникла картина играющего в церкви органа. Потом она резко изменилась, и я очутился на прлитическом митинге, где кандидат использует быструю стимулирующую музыку с тем, чтобы сделать всех счастливыми,—он умолк, затем тихо добавил:—Так вот как вы можете победить на выборах!

—Это лишь один из методов.

Лицо Мак-Кена выдавало его напряжение.

—Боже, какая же сила в ваших руках!

—На меня она не действует.

—Но вы контролируете ее. Вы же можете управлять всей человеческой расой.

—Младенец получает первые навыки контроля, когда учится ходить, двигать руками, разговаривать. Почему же не распространить контроль на гипнотизм, химические реакции, эффекты, даваемые пищеварением? Это было возможным сотни лет назад и предохранило бы от множества болезней, сердечной боли, катастроф, которые возникают из-за неумения использовать в полной мере собственные тело и разум.

Мак-Кен снова повернулся к прибору в форме веретена.

—Как он работает?

—Это набор электропроводящих кристаллов. Вы знаете как может исказить электричество некоторые кристаллы? При возникновении какого-либо изменения, образуется ультразвуковая вибрация, проникающая через органы уха в мозг и стимулирующая его. Я могу играть на этом приборе, как музыкант играет на своем инструменте, создавая определенный эмоциональный настрой, слишком сильный для того, чтобы человек, не получивший специальной подготовки, мог ему сопротивляться.

Мак-Кен повернулся к креслу и сел. Он сильно побледнел.

—Вы меня напугали,—тихо сказал он.—Все это кажется мне не очень этичным, и я ничего не могу с этим поделать.

Гросвенф некоторое время смотрел на него, затем наклонился и нажал на какую-то кнопку. На этот раз звук был печальным и нежным. В нем была какая-то незавершенность, как будто бы воздух продолжал вибрировать, когда сам звук уже давно исчез.

—А что на этот раз?—спросил Эллиот.

—Я думал о своей матери. Мне вдруг страшно захотелось домой. Я захотел...

—Это опасно,—нахмурился Гросвенф.—Если я усилю это внушение, некоторые из людей могут вернуться к первоначальной позиции.—Он еще раз что-то перенастроил.—А если так?

Он вновь нажал на кнопку пуска. Раздался звук, похожий на колокольный звон, и эхо отозвалось ласковым перезвоном.

—Я был ребенком,—сказал Мак-Кен,—и укладывался спать. Да, но я не хочу спать.—Он не заметил, что перешел в разговоре на настоящее время. Затем он произвольно зевнул.

Гросвенф открыл ящик стола и достал два резиновых шлема, один из которых он протянул геологу.

—Наденьте, на всякий случай.

Один шлем он надел на свою голову, в то время как его компаньон с видимой неохотой натягивал другой.

—Думаю, из меня не получится Маккиавелли,—замечтил Мак-Кен.—Я полагаю, что вы попытаетесь доказать мне, что бессмысленные звуки использовались и раньше, чтобы разбудить эмоции и повлиять на людей.

Гросвенф в это время занимался прибором и сразу не ответил. Откинувшись на спинку кресла после окончания настройки аппарата, он высказался более откровенно:

—Люди считают что-либо этичным или неэтичным в зависимости от ассоциаций, возникающих в данный момент в их сознании, или рассматривая проблему в перспективе. Это вовсе не означает, что ни одна из этических систем не имеет ценности. Сам я склоняюсь к тому мнению, что нашим этическим мерилom может быть то, что приносит пользу подавляющему большинству при условии, что это не сопряжено с унижением или с ограничением прав тех индивидов, которые не смогли к этому приспособ-

биться. Общество должно учиться спасать больных и учить невежественных,—теперь в его голосе звучала настойчивость.—Заметьте, пожалуйста, что никогда ранее я не использовал это изобретение. Я никогда не использовал гипноз, не считая того случая, когда Кент захватил мой отдел, но сейчас я намерен его использовать. Со времени старта я мог бы заманивать сюда людей, стимулируя их дюжиной различных способов. Почему я этого не делал? Потому что деятельность «Нскзимального общества» базируется на основе этических норм, обязательных и для его членов и для его учеников, и эти нормы тоже входят в мою систему. Я могу обойти их, но с огромными сложностями.

—Вы и сейчас их обходите?

—Нет.

—Тогда все это мне представляется слишком неопределенным.

—Совершенно верно. Сейчас, как никогда, я твердо убежден в том, что мои действия справедливы и никаких спорных или эмоциональных проблем не возникает.—Так как Мак-Кен молчал, то Гросвенф продолжил:—Думаю, вы создали в своем воображении образ диктатора, силой устанавливающего демократию, то есть мой образ. Но это неверно, потому что управление летящим кораблем можно осуществлять только псевдодемократическими методами. И самой большой трудностью является то, что к концу путешествия меня должны воспринимать всерьез.

—Думаю, вы правы,—вздыхнул Мак-Кен и посмотрел на экран.

Гросвенф проследил направление его взгляда и увидел, что люди в скафандрах пытаются идти вперед, отталкиваясь от стены. Их руки изо всех сил упирались в стену, но нападающие испытывали какое-то сопротивление, и результаты их действий были ничтожны.

—Что вы собираетесь делать?—снова заговорил геолог.

—Собираюсь заставить их спать... вот так,—он чуть тронул рубильник.

Раздавшийся звук, казалось, был не громче прежнего, но люди, находившиеся в коридоре, повалились на пол.

Гросвенф встал.

—Звук будет повторяться через каждые десять минут, а резонаторы, расставленные мною на корабле, подхватят и передадут сигнал. Идемте.

—Куда?

—Я хочу установить рубильник в главной осветительной системе корабля.

Он установил рубильник в кинозале и через минуту направился в коридор. Повсюду на их пути попадались спящие люди. Вначале Мак-Кен удивлялся, потом замолчал и с тревогой стал озираться по сторонам.

—До чего же трудно себе представить, что люди могут быть такими беспомощными!—наконец сказал он.

—Дело обстоит хуже, чем вы думаете,—заметил Эллиот.

Теперь они находились в аппаратной. Он поднялся на нижний ярус системы управления. На установку рубильника ему понадобилось меньше десяти минут. Потом он молча сошел вниз, не объяснив Мак-Кену что сделал или намеревался сделать.

—Ничего им не говорите,—сказал он Мак-Кену,—если они что-нибудь узнают, мне придется пробовать еще один вариант.

—Вы собираетесь их сейчас разбудить?

—Да, как только вернусь к себе. Но вначале я бы хотел, чтобы вы помогли мне перевезти Ван Гроссена и остальных в их спальни. Я хочу вызвать у него состояние возмущения своими действиями, но не знаю, что из этого выйдет.

—Вы думаете, они сдадутся?

—Нет.

—Вы уверены в этом?

—Уверен.

Его утверждение оказалось верным.

В десять часов следующего дня он повернул рубильник у себя в отделе, изменив направление тока, проходящего через установленный им в цепи выключатель.

Постоянно горящие лампы по всему кораблю замерцали слабым светом—некзальный вариант гипнотических изображений Рийм. И мгновенно, даже не догадываясь об этом, все люди на борту корабля были подвергнуты сильному гипнозу.

Гроссвенф начал «играть» на своем аппарате. Он сконцентрировался на мыслях о смелости и самоотверженности, долге перед своей расой, сплоченности перед лицом опасности. Он воздействовал также на те центры мозга, которые управляли восприятием течения времени. Всем членам экспедиции должно было казаться, что время теперь бежит в два, а то и в три раза быстрее.

Подготовив таким образом почву, Эллиот привел в действие «Центральный вызов» коммуникатора корабля и отдал соответствующие команды. Передав главные инст-

рукции, он сказал, что отныне каждый человек будет мгновенно отзываться на пароль, не зная из каких слов он состоит или вспоминая их после произнесения.

Потом Гросвенф заставил их забыть о процессе гипноза. Он спустился в аппаратную и снял установленный там выключатель. Вернувшись в свой отдел, Эллиот разбудил всех и вызвал по коммуникатору Кента:

— Я отказываюсь от своего ультиматума и готов сдать-ся. Я неожиданно понял, что не могу противопоставлять себя воле членов экспедиции. Я бы хотел, чтобы было созвано другое совещание, на котором я буду присутствовать лично. Естественно, что я буду наставить на том, что нам предстоит вынести жесточайшую войну с неизвестной формой жизни в этой галактике.

Гросвенф не был удивлен, когда правление корабля, странно изменившее свои взгляды, согласилось после обсуждения, что очевидность нападения налицо и существует реальная опасность для экспедиции.

Исполняющий обязанности директора Кент отдал распоряжение о безжалостном преследовании врага, не считаясь с мнением членов экспедиции.

Гросвенф, который не изменял индивидуальные черты каждой личности, весело посмеивался, наблюдая с какой неохотой согласился Кент на принятие этих мер.

Великая битва между человеком и чуждым ему разумом вот-вот должна была начаться.

ГЛАВА XXII

Анабис существовало в состоянии бесформенной массы, занимающей огромное пространство всей галактики. Оно слегка колебалось, слабо взаимодействуя биллионами частиц своего тела, автоматически сокращаясь там, где на него действовала разрушающая жара и радиация одного из двухсот биллионов пылающих солнц. Но оно притягивалось к мириадам планет и сжималось вокруг квадриллионов тех мест, где умирали существа, давая ему жизнь.

Но этого не было достаточно. Твердая уверенность в надвигающемся голоде проникла в самые отдаленные уголки его тела. Все бесчисленные мельчайшие его клетки посылали сигналы о недостатке еды, им давно уже приходилось довольствоваться все меньшим.

Анабис медленно приходило к мысли о том, что оно слишком большое или слишком ничтожное. Бесконтрольный рост в период развития был его роковой ошибкой. В те

годы будущее казалось безоблачным. Галактическое пространство, где оно развивалось, казалось бесконечным. Оно развивалось с хвастливым веселым подъемом низшего по происхождению существа, которому судьба подарила такую возможность.

А оно было примитивным по рождению. Вначале оно было лишь газом, возникшем в туманно-болотистой местности. Оно не имело ни запаха, ни вкуса, но обладало удачной динамической комбинацией. И в нем была жизнь.

Тогда оно было туманным облаком. Оно уверенно преодолело теплую темную воду, которая размножила его, непрестанно извиваясь, ныряя и расширяясь и борясь за то, чтобы жить, в то время, как кто угодно или что угодно должно было умереть.

Ибо смерть других давала ему жизнь.

Оно не понимало того, что процесс его создания был одним из самых сложных из когда-либо имевших место в естественной жизни. Им двигало удовольствие и желание жить. Какую оно получало радость, когда могло настеть на двух насекомых, жужжащих в жестокой смертельной борьбе, накрыть их и ждать, дрожа каждой газообразной частицей, пока жизненная сила побежденных перейдет, сопровождаемая приятными ощущениями, в его собственные клетки.

Потом был длительный период, когда смыслом его жизни стало лишь насыщение. Его миром было узкое болото, где оно вело свое почти бездумное существование. Но даже в этом мире оно безудержно росло. Оно нуждалось все в большем и большем количестве еды, которую уже не могли дать ему случайно найденные умирающие насекомые. В нем начали быстро развиваться зачатки знаний, которые можно было применить в обстановке этого сырого болота. Оно узнало, какие насекомые охотились, а какие были добычей. Оно узнало часы охоты каждого насекомого, места, в которых лежали в ожидании крошечные нелетающие монстры (летающие были больше и поймать их было труднее). И они, как открыло Анабис, имели свои привычки в еде. Оно научилось использовать свою парообразную форму как порыв ветра, несущий жертву к гибели. Оно росло и вновь стало испытывать голод. Необходимость дала ему знание того, что жизнь существует и за пределами болота. А однажды, зайдя дальше, чем когда-либо раньше, оно захватило двух гигантских чудовищ в панцирях в последней фазе смертельной борьбы. Сильная дрожь, возникшая, когда в его клетки влилась жизненная сила

умирающего чудовища, значительное количество полученной им при этом энергии вызвало настолько сильный экстаз, какой ему раньше испытывать не приходилось. За те несколько часов, в течение которых не прекращалось его действие, Анабис выросло в десять раз.

За следующие сутки Анабис обволокло окружающие джунгли, затем континент, океан, а потом всю поверхность планеты и потянулось к горячим лучам солнца. Позже оно смогло проанализировать случившееся. Куда бы оно потом не проникало, все увеличиваясь в размерах, оно адсорбировало некоторые газы из окружающей атмосферы. Для осуществления этого процесса были необходимы два условия: еда, которую необходимо было искать, и энергия солнца. До болота доходило лишь ничтожное количество солнечных лучей нужного спектра.

Поднявшись над облаками, оно сразу испытало на себе благотворное воздействие прямых ультрафиолетовых лучей. Начавшийся вслед за этим этап динамического развития уже ничем нельзя было остановить. Оно вышло в космос и на следующий день достигло ближайшей планеты. В короткое время оно достигло границ системы и попыталось дотянуться до других звезд, но было побеждено расстоянием.

Добывая еду, оно приобретало знания, и сначала оно верило в то, что мысли являются его собственными. Постепенно оно осознало, что его нервная система развивается, получая импульсы как от погибающих, так и от торжествующих победу существ после каждой смертельной схватки. Когда это было осознано, то Анабис начало перенимать опыт многих плотоядных охотников и тех, на кого идет охота. Но на других планетах, оно вступало в контакт с совершенно иной формой сознания: существами, которые умели мыслить, развивающими цивилизацию и науку. Оно узнало от них, среди многих прочих вещей, что, сконцентрировав свою энергию, оно может делать дыры в космосе, проходить сквозь них и «выныривать» в любой отдаленной точке. Анабис научилось перемещать таким образом вещество. Оно начало примитивизировать планеты, потому что такие миры давали больше жизненной силы. Оно переносило через гиперпространство огромные части других планет. Оно перемещало холодные планеты поближе к звездам.

Но и этого было недостаточно!

Дни его власти, казалось, были мгновением. Раскармливаясь, оно безудержно росло. Несмотря на постоянное совершенствование своего сознания, оно никогда не

пыталось сбалансировать этот процесс. Оно с диким страхом предвидело, что через незначительный промежуток времени его ждет поражение.

Приближение корабля вселило надежду. Вытягиваясь в одном направлении, оно будет преследовать корабль, куда бы он ни летел. Начнется отчаянная борьба за то, чтобы уцелеть, перемещаясь от галактики к галактике. Все эти годы в нем росла надежда на то, что оно сможет захватывать все новые и новые планеты и что пространство нет конца...

Для людей темнота не имела значения. «Космическая Гонимая» покоилась в огромной долине, насыщенной металлом. Каждый иллюминатор светился. Мощные прожектора освещали ряды машин, вгрызающихся в поверхность планеты. Сначала руда «скармливалась» простейшим машинам, потом переработанный металл превращался производственными машинами в космические торпеды, которые тут же устремлялись в пространство.

На заре следующего дня производственные машины стали промышленными, производящими секции производственных, и роботы загружали материалом каждую новую секцию. Вскоре уже сотни, а потом и тысячи машин производили темные тонкие торпеды. И во все больших количествах они уносились в окружающее пространство, насыщая радиацией каждый кубический дюйм газообразной субстанции. Эти торпеды должны были распространять свое разрушительное воздействие в течение тридцати тысяч лет. Они были предназначены для того, чтобы не выходить за пределы гравитационного поля Галактики, и никогда не падать на звезды.

Когда на следующее утро горизонт окрасился слабым красным светом зари, инженер Пеннос сообщил по «Главному вызову»:

—Теперь мы производим по десять тысяч торпед в секунду, и я думаю, что мы вполне можем возложить завершение работ на плечи машин. Я установил вокруг планеты защитный экран, чтобы избежать проникновения. Еще сотня железных миров надежно блокирована, и скоро нашему громоздкому «другу» станет тесновато в самых привычных для него местах. Нам пора в путь.

Прошел месяц после начала атаки на галактический разум. Специалисты решили, что корабль направится к туманности NGC-60467.

Астроном Гюнли Лестер объяснил причину такого выбора:

—Эта Галактика,—спокойно произнес он,—находится на расстоянии в девятьсот миллионов световых лет. Если этот «газообразный» последует за нами, он потеряет всю свою энергию в необъятности пространства.

Он сел, и слово сразу взял Гросвенф.

—Я уверен, все понимают, что мы вовсе не собираемся в эту отдаленную звездную систему. Этот путь занял бы у нас столетия, а возможно и тысячелетия. Все, что мы хотим—завести эту враждебную форму жизни туда, где она умрет от голода и откуда нет возврата. Мы сможем определить, преследует она нас или нет по воздействию на нас ее мыслей. И мы сразу же определим, что она мертва, когда воздействие прекратится.

Именно так и случилось.

Прошло время.

Гросвенф вошел в аудиторию и обнаружил, что его класс вновь пополнился. Были заняты все стулья, и из соседнего отдела были принесены еще несколько. Немного помолчав, он начал свою обычную вечернюю лекцию.

—Проблемы, перед лицом которых стоит нексиализм, являются всеобщими проблемами. Человек искусственно разделил познание жизни различными отраслями науки. И хотя он иногда произносит слова, которые как будто подтверждают его понимание единства природы, но продолжает вести себя по отношению к ней как варвар. Сегодня мы обсудим некоторые технические приемы...

Он замолчал. Окинув взглядом аудиторию, Гросвенф обратил внимание на знакомое лицо, мелькнувшее в самом дальнем углу комнаты. После секундного замешательства Гросвенф продолжил:

—... Которые помогают преодолеть несоответствие между поведением человека и объективной действительностью.

Он продолжал свою лекцию, а в глубине помещения Грегори Кент делал первые заметки по нексиализму.

«Космическая Гончая», как маленький островок человеческой цивилизации, со все увеличивающейся скоростью пронзала пространство, у которого нет начала и конца ... Конца и начала...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

<i>Вступление</i>	Наемники	5
<i>Глава I.</i>	Мечник, третий класс	6
<i>Глава II.</i>	Первое испытание	15
<i>Глава III.</i>	Марш вперед	26
<i>Глава IV.</i>	Классический ход к гибели	35
<i>Глава V.</i>	На следующее утро	43
<i>Глава VI.</i>	Если вера нарушена	51
<i>Глава VII.</i>	Злые земли	59
<i>Глава VIII.</i>	Смерть в воде—смерть в огне	66
<i>Глава IX.</i>	Показывай зубы и надейся	73
<i>Глава X.</i>	К морю	81
<i>Глава XI.</i>	Перемирие ветра	88
<i>Глава XII.</i>	В Поулт	96
<i>Глава XIII.</i>	Торговля жизнью и смертью	103
<i>Глава XIV.</i>	Спрятанный корабль	112
<i>Глава XV.</i>	Если хоть один из нас выживет...	119
<i>Глава XVI.</i>	Дорога на Прайм	128
<i>Глава XVII.</i>	Пленники	136
<i>Глава XVIII.</i>	Как же они могли	143
<i>Глава XIX.</i>	Не будет звездной стражи	144

ПУТЕШЕСТВИЕ

«КОСМИЧЕСКОЙ ГОНЧЕЙ»

<i>Часть Первая</i>	155
<i>Глава I.</i>	155
<i>Глава II.</i>	162
<i>Глава III.</i>	169
<i>Глава IV.</i>	178

<i>Глава V.</i>	186
<i>Глава VI.</i>	197
Часть Вторая	202
<i>Глава I.</i>	202
<i>Глава II.</i>	209
<i>Глава III.</i>	219
<i>Глава IV.</i>	228
<i>Глава V.</i>	232
<i>Глава VI.</i>	239
<i>Глава VII.</i>	246
<i>Глава VIII.</i>	250
<i>Глава IX.</i>	254
<i>Глава X.</i>	259
<i>Глава XI.</i>	263
<i>Глава XII.</i>	267
<i>Глава XIII.</i>	272
<i>Глава XIV.</i>	287
<i>Глава XV.</i>	291
<i>Глава XVI.</i>	299
<i>Глава XVII.</i>	306
<i>Глава XVIII.</i>	314
<i>Глава XIX.</i>	318
<i>Глава XX.</i>	332
<i>Глава XXI.</i>	338
<i>Глава XXII.</i>	344

Б51 Звездный легион: Сб. научно-фантаст. литер.
Пер. с англ. СПб.; Редакционно-издательское
предприятие "Библиотека "Звезды".
1992.—352 с.

ISBN 5-7183-0041-0

В сборник вошли произведения двух всемирно известных
авторов—Андре Нортон и Ван Вокта: «Звездный легион» и
«Путешествие "Космической гончей"».

Б 4703010100
7183-92 без объявл.

ББК 84.7 США

ЗВЕЗДНЫЙ ЛЕГИОН

Сборник научно-фантастической литературы

Художественный редактор В. Лужин

Технический редактор О. Цветков

Корректоры Н. Суровцева, Н. Гурова

**Оригинал-макет сборника подготовлен на IBM АТ
РТГИЦ «ТОКСИ»**

ИБ №7023

Сдано в набор 11.11.91. Подписано в печать 17.12.91. Формат 60 X 88¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 100000 экз. Заказ № 9. Цена договорная.

Редакционно-издательское предприятие "Библиотека "Звезды": 190031, Санкт-Петербург, ул. Пржевальского, 18/69 к. Б, совместно с АО «ЭГОС».

Отпечатано с оригинал-макета, предоставленного АО «ЭГОС»,
в типографии им. И. Е. Котлякова издательства «Финансы и статистика».
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

